КОЧЕВАЯ ЖИЗНЬ
ВЪ
СИБИРИ

ДЖОРЖА КЕНАНА.

Переводъ АДЕЛАИДЫ КОНДРАТЬЕВОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА С. В. ЗВОНАРЕВА.
1872.

Типографія А. Траншеля, Невскій и Владим. пр., № 15—1.

КОЧЕВАЯ ЖИЗНЬ ВЪ СИБИРИ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СРЕДИ КОРЯКОВЪ

и другихъ племенъ

КАМЧАТКИ И СѢВЕРНОЙ АЗІИ.

ДЖОРДЖА КЕННАНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Попытка, сдѣланная западной компаніей телеграфовъ въ 1865, 1866 и 1867 гг. провести телеграфную проволоку въ Европу черезъ Аляску, Беринговъ проливъ и Сибирь была въ нѣкоторомъ отношеніи самымъ замѣчательнымъ предпріятіемъ нашего столѣтія. Смѣлая по своей идеѣ, важная по своимъ цѣлямъ, попытка эта привлекла вниманіе всего образованнаго міра, и на нее смотрѣли одно время, какъ на величайшее изъ предпріятій, когда либо затѣянныхъ американскими капиталистами. Но подобно всѣмъ неудавшимся проектамъ въ нашемъ прогрессивномъ вѣкѣ, и этотъ проектъ былъ скоро забытъ, и блестящій успѣхъ атлантическаго каната совершенно изгладилъ его изъ общественной памяти. Многіе читатели знакомы съ главными фактами теоріи этого предпріятія, но немногіе, даже изъ первоначальныхъ основателей его знаютъ что-нибудь о работахъ, произведенныхъ по этому случаю въ Британской Колумбіи, Аляскѣ и Сибири; о препятствіяхъ, которыя были преодолѣваемы рабочими и изслѣдователями, и о пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ для науки въ этихъ не извѣстныхъ,

никѣмъ не посѣщаемыхъ дотолѣ, странахъ. Люди, которымъ поручено веденіе этого дѣла, изслѣдовали въ теченіе двухъ лѣтъ почти 6,000 миль дѣвственной почвы отъ острова Ванкувера у американскаго берега до Берингова пролива, и отъ Берингова пролива до границы Китая въ Азіи. Слѣды ихъ покинутыхъ лагерей можно найдти посреди самыхъ дикихъ горныхъ крѣпостей Камчатки, на пустынныхъ равнинахъ сѣверо-восточной Сибири, среди мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ Аляски и Британской Колумбіи. Люди эти проѣзжали на оленяхъ черезъ самые дикіе горные проходы сѣверной Сибири; они спускались на лодкахъ изъ тюленьей шкуры внизъ по теченію огромныхъ сѣверныхъ рѣкъ, спали въ дымныхъ палаткахъ чукчей, и располагались лагеремъ среди пустынныхъ сибирскихъ равнинъ при температурѣ въ 50 и 60 градусовъ ниже нуля. Вѣхи и бѣдныя жилища, воздвигнутыя ими, стоятъ теперь одиноко среди окружающей ихъ пустыни и служатъ единственными памятниками трехлѣтнихъ трудовъ и страданій и послѣднимъ воспоминаніемъ о покинутомъ предпріятіи.

Я не имѣю намѣренія излагать подробно исторію російско-американскаго телеграфа. Успѣхъ его соперника, атлантическаго каната, затмилъ совершенно его прежнюю важность, и неудача эта лишила его всякаго интереса для читателя. Но помимо исторіи собственно предпріятія, изслѣдованія и открытія, сдѣланныя по этому поводу, имѣютъ свой исключительный интересъ и важность, не зависящіе отъ главной цѣли. Территорія, по которой предполагалось провести телеграфную линію, была мало извѣстна читающему міру, и образованные люди рѣдко посѣщали ея кочующихъ обитателей. Только немногіе предпріимчивые промышленники и охотники проникали въ эти пустыни, и едва ли цивилизованные люди пойдутъ по ихъ слѣдамъ. Страна не представляетъ обыкновенному путешественнику достаточно интереса для того, чтобы превозмочь всѣ трудности и опасности, которыя сопряжены съ изслѣдованіемъ ея.

Двое изъ служащихъ въ компаніи россійско-американскаго телеграфа, гг. Вимперъ и Долль напечатали уже отчеты о своихъ путешествіяхъ въ разныхъ частяхъ Британской Колумбіи и Аляски;

предполагая, что исторія изслѣдованій по ту сторону Берингова пролива не лишена также своего интереса, я рѣшился въ свою очередь описать мое двухлѣтнее пребываніе въ сѣверо-восточной Сибири. Описаніе это не имѣетъ притязаній на полноту научныхъ свѣдѣній и вообще ни на какія спеціальныя изслѣдованія. Цѣль его единственно представить по возможности ясную и вѣрную картину обитателей, мѣстностей, нравовъ и обычаевъ этой почти неизвѣстной страны. Авторъ преимущественно описываетъ свою собственную жизнь въ Сибири и Камчаткѣ, и главный интересъ разсказа заключается скорѣе въ свѣжести и новости предмета, чѣмъ въ спеціальной обработкѣ какой-либо отрасли науки или въ искусствѣ изложенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Россійско-Американскій телеграфъ.—Бригъ «Ольга» отправляется изъ С. Франциско въ Камчатку и на Амуръ.

Компанія Россійско-Американскаго Телеграфа, или какъ ее чаще называли «Western Union Extension», была основана въ Нью-Іоркѣ лѣтомъ 1864 г. Мысль о телеграфной линіи изъ Америки въ Европу черезъ Беринговъ проливъ существовала уже давно въ головѣ многихъ, свѣдующихъ въ этомъ дѣлѣ людей, и была предложена Перри Коллинсомъ, Эсквайромъ, еще въ 1857 г., вслѣдствіе его путешествія по Сѣверной Азіи. Но на нее обратили вниманіе только послѣ неудачи, постигшей первый атлантическій канатъ, когда почувствовалась серьезная необходимость въ сухопутной линіи между обоими материками. Планъ М. Коллинса, представленный Западной Нью-Іоркской компаніи Телеграфовъ еще въ 1863 г. казался самымъ удобоисполнимымъ изъ всѣхъ проэктовъ, составленныхъ по этому случаю. Въ немъ предлагалось соединить телеграфныя системы Америки и Россіи линіей черезъ Британскую Колумбію, Россійско-Американскія владѣнія и Сѣверо-Восточную Сибирь, которая соединялась бы съ русскими линіями у устьевъ Амура на азіатскомъ берегу и представила бы одинъ непрерывный проволочный поясъ вокругъ всего почти земнаго шара. Этотъ планъ имѣлъ много очевидныхъ преимуществъ: онъ не требовалъ длинныхъ канатовъ; въ немъ предлагалась линія, которая проходила бы вездѣ сухимъ путемъ, кромѣ Берингова пролива, и которую легко было бы исправить въ случаѣ повреж-

денія бурей или другаго несчастія. Имѣлось также въ виду продолжить эту линію вдоль азіатскаго берега къ Пекину, и такимъ образомъ возбудить и развить выгодныя сношенія съ Китаемъ. Всѣ эти соображенія расположили въ пользу этого плана капиталистовъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, и онъ былъ окончательно принятъ Западной компаніей телеграфовъ въ 1863 г. Нѣкоторые говорили, что второй атлантическій канатъ можетъ удасться, и что эта удача будетъ имѣть вредное и даже гибельное вліяніе на существованіе предполагаемой сухопутной линіи; но событіе это казалось столь невѣроятнымъ, что общество рѣшилось на этотъ неизбѣжный рискъ и приступило къ дѣлу.

Съ русскимъ правительствомъ былъ заключенъ контрактъ, о проведеніи телеграфной линіи черезъ Сибирь къ устьямъ Амура, предоставлявшій компаніи нѣкоторыя исключительныя привиллегіи на русской территоріи. Подобныя же гарантіи были испрошены и у британскаго правительства въ 1864 г. Конгрессъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ также обѣщалъ свое содѣйствіе и «Western Union Extension Company» была немедленно организована съ номинальнымъ капиталомъ въ 10,000,000 фунтовъ. Капиталъ былъ быстро разобранъ преимущественно акціонерами главнаго общества, и немедленно былъ сдѣланъ дополнительный взносъ по 5 процентовъ съ цѣлью образовать фондъ для успѣшнаго продолженія дѣла. Такъ велика была въ то время вѣра въ совершенный успѣхъ этого предпріятія, что акціи его продавались черезъ два мѣсяца по 75 долларовъ за пай, тогда какъ первоначальный взносъ на каждый пай составлялъ только 5 долларовъ.

Въ августѣ 1864 г. полковникъ С. Бёлкли, бывшій начальникъ военныхъ телеграфовъ въ округѣ залива, былъ назначенъ главнымъ инженеромъ предполагаемой линіи, и въ декабрѣ отправился изъ Нью-Іорка въ С. Франциско, чтобы организовать нѣсколько партій охотниковъ для предстоящихъ изслѣдованій и для начатія дѣятельной работы.

Руководимый желаніемъ принять участіе въ такомъ новомъ и важномъ предпріятіи, равно какъ и по врожденной склонности къ путешествіямъ и приключеніямъ, которую до сихъ поръ мнѣ не

удавалось удовлетворить, я предложилъ мои услуги компаніи, вскорѣ послѣ проектированія этой линіи. Мое предложеніе было охотно принято и 13 декабря я отправился изъ Нью-Іорка вмѣстѣ съ главнымъ инженеромъ въ С. Франциско, гдѣ должно было находиться управленіе общества. Немедленно послѣ своего пріѣзда, полковникъ Бѣлькли открылъ контору въ Монгомери-Стритѣ и началъ организовать партіи изслѣдователей для предварительнаго развѣдыванья пути, по которому должна была проходить наша линія. Лишь только узнали въ городѣ, что требовались люди для развѣдыванія мѣстностей Британской Колумбіи, Русской Америки и Сибири, какъ контора компаніи переполнилась ревностными искателями всевозможныхъ должностей. Отважные землекопы, давно уже ждавшіе чего нибудь подобнаго, чтобы пристроиться къ дѣлу, разоренные искатели золота, надѣявшіеся поправить свое состояніе на новыхъ золотыхъ розсыпяхъ, которыя они предполагали открыть на сѣверѣ, бывшіе солдаты, жаждавшіе новыхъ впечатлѣній всѣ спѣшили предложить свои услуги, какъ піонеры великаго дѣла. Былъ большой запросъ на опытныхъ и искусныхъ инженеровъ, но вмѣстѣ съ ними являлось неограниченное число людей, у которыхъ недостатокъ опытности замѣнялся избыткомъ рвенія.

Мѣсяцы за мѣсяцами проходили незамѣтно въ хлопотахъ по организаціи и снаряженію различныхъ партій, пока наконецъ не было объявлено въ іюлѣ 1865 г., что суда компаніи готовы къ отплытію. Первоначальный планъ дѣйствій былъ слѣдующій: одна партія должна была высадиться въ Британской Колумбіи, у устьевъ рѣки Фрэзера, другая въ Россійско-Американскихъ владѣніяхъ, у пролива Нортонова, и третья на Азіатскомъ берегѣ Берингова пролива, у устья Анадыри. Эти партіи, подъ начальствомъ гг. Попа, Кенникотта и Макри, должны были углубиться внутрь материка, слѣдуя насколько возможно теченію рѣкъ, у устьевъ которыхъ они были высажены, собрать возможныя свѣденія относительно климата, почвы, произведеній и обитателей посѣщаемыхъ ими странъ, и намѣтить въ общихъ чертахъ линію предполагаемаго телеграфа.

Обѣ американскія партіи имѣли сравнительно болѣе удобствъ для своихъ операцій, такъ какъ онѣ могли найдти поддержку въ Викторіи и фортѣ св. Михаила, но сибирская партія, посланная на азіатскій берегъ, должна была высадиться возлѣ Берингова пролива, на границѣ безплодной, пустынной страны, на разстояніи почти тысячи верстъ отъ европейскихъ поселеній. Безопасность этой партіи, предоставленной самой себѣ, въ невѣдомой странѣ, среди кочующихъ племенъ враждебныхъ туземцевъ, безъ всякихъ средствъ къ внутреннему сообщенію, кромѣ лодокъ, не была ничѣмъ обезпечена. Многіе сторонники этого предпріятія утверждали, что оставить людей въ такомъ положеніи и при подобныхъ обстоятельствахъ, значило обрекать ихъ почти на вѣрную смертъ, и русскій консулъ въ С. Франциско написалъ письмо полковнику Бѣлькли, совѣтуя ему не высаживать партіи на азіатскомъ берегу сѣверной части Тихаго океана, а послать ее въ одинъ изъ русскихъ портовъ Охотскаго моря, гдѣ она могла бы найдти поддержку, собрать свѣденія о внутренности страны и достать лошадей или сани, запряженныя собаками, для сухопутныхъ изслѣдованій въ какомъ угодно направленіи.

Благоразуміе этого совѣта было очевидно для всѣхъ, но къ несчастью у главнаго инженера не было судна для доставленія партіи въ Охотское море, и если въ это лѣто партія и могла быть отправлена на азіатскій берегъ, то именно только къ Берингову проливу.

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ іюня, полковникъ Бѣлькли узналъ, что небольшое русское купеческое судно «Ольга» готовилось къ отплытію изъ С. Франциско въ Камчатку, на юго-западный берегъ Охотскаго моря, и ему удалось уговорить владѣльцевъ его взять четырехъ человѣкъ изъ его команды и высадить ихъ въ Николаевскѣ, у устья Амура. Хотя на сѣверномъ берегу моря находились болѣе удобные пункты для начатія нашихъ операцій, но во всякомъ случаѣ, Николаевскъ былъ несравненно лучше какихъ бы то ни было поселеній у Берингова пролива, и въ скоромъ времени организовалась партія къ отплытію на «Ольгѣ» къ устью Амура. Эта партія состояла изъ русскаго маіора Абазы, ко-

торый былъ назначенъ начальникомъ работъ; Джемса Мэгуда, частнаго инженера, пользующагося большой извѣстностью въ Калифорніи; Р. Дж. Бёша, только что возвратившагося послѣ трехлѣтнихъ дѣятельныхъ экскурсій въ обѣихъ Каролинахъ; и меня, не очень богатаго опытностью, но полнаго надежды, довѣрія къ собственнымъ силамъ и энтузіазма.

28-го іюня намъ объявили, что бригъ «Ольга» окончательно нагруженъ и готовъ къ *немедленному отплытію.*

Эта морская метафора, какъ мы узнали впослѣдствіи, означала только, что бригъ отправится въ море впродолженіи лѣта; но мы съ нашей довѣрчивой неопытностью вообразили, что онъ дѣйствительно готовъ сняться съ якоря, и извѣстіе это повергло насъ всѣхъ въ большое волненіе, и мы поспѣшно стали приготовляться къ отъѣзду. Верхнее платье, полотняныя рубашки и щегольскіе сапоги, были безжалостно розданы и уничтожены; одѣяла, толстая, тяжелая обувь и фланелевыя рубашки были закуплены въ огромномъ количествѣ; карабины, револьверы и ножи огромныхъ размѣровъ придавали нашей комнатѣ видъ безпорядочнаго арсенала, склянки съ мышьякомъ, кувшины съ алкоголемъ, сѣтки для бабочекъ, сачки для ловли улитокъ, коробочки съ разными снадобьями и дюжина другихъ ученыхъ снарядовъ, о которыхъ мы не имѣли ни малѣйшаго понятія, были вручены намъ нашими восторженными натуралистами и уложены въ большіе ящики; Путешествія Врангеля, ботаника Грея и нѣсколько другихъ научныхъ сочиненій увеличили нашу маленькую библіотеку, и къ вечеру мы были совершенно вооружены и снаряжены, готовые на всякое предпріятіе, начиная съ отыскиванія новаго вида клоповъ и до покоренія Камчатки.

Не желая отстать отъ общаго обычая, осматривать корабль прежде отъѣзда, мы отправились съ Бёшомъ на пристань. Капитанъ, толстый, американскій нѣмецъ, встрѣтилъ насъ на штафутѣ и провелъ по всему маленькому бригу, съ носа на корму. Наша ограниченная опытность въ морскомъ дѣлѣ не позволяла намъ судить о качествахъ какого бы то ни было судна, но Бёшъ съ удивленіемъ, безстыдствомъ и замѣчательнымъ искусствомъ вступилъ въ ученыя разсужденія съ капитаномъ, насчетъ красоты какихъ-то «линей» на его кораблѣ, объ объемѣ его парусовъ и его постройкѣ,—оспаривалъ сравнительныя преимущества одиночныхъ и двойныхъ марселей, говорилъ о нок-таляхъ и рифъ-таляхъ, однимъ словомъ, выказалъ такое количество познаній, что совершенно поразилъ меня и даже изумилъ капитана.

Я имѣлъ сильное подозрѣніе, что Бёшъ пріобрѣлъ большую часть своихъ навигаторскихъ познаній изъ предварительнаго изученія книги Баудитча, «Мореплаватель», которую я видѣлъ на его письменномъ столѣ, и внутренно рѣшилъ достать полное собраніе морскихъ романовъ Марріэта и, при первой же возможности, поразить его такимъ количествомъ морскихъ терминовъ, что онъ въ смущеніи долженъ будетъ замолчать. Я смутно помнилъ, что читалъ гдѣ-то въ романахъ Купера о какихъ-то гаферсахъ и кранбалкахъ, и не желая прослыть совершеннымъ невѣждой, я началъ равнодушно осматривать снасти, и сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній насчетъ юферсовъ и лисель-спиртовъ. Но капитанъ тотчасъ-же озадачилъ меня категорическимъ вопросомъ о какомъ-то отношеніи лисель-спирта и фокъ-мачты во время вѣтра. Я отвѣтилъ кратко, что кажется никогда не наблюдалъ подобной катастрофы, и когда онъ обратился къ Бёшу съ улыбкой состраданія къ моему невѣжеству, я стиснулъ зубы и сошелъ внизъ осматривать кладовую. Здѣсь почувствовалъ я себя гораздо свободнѣе. Большія груды разной провизіи, запасы говядины, молока, пироги съ фруктами и маленькій боченокъ съ заманчивой надписью вскорѣ успокоили мой взволнованный духъ и убѣдили меня совершенно, что «Ольга» была вполнѣ удобна, отлично приспособлена для далекаго плаванія, и построена по самому усовершенствованному способу.

Я снова поднялся на палубу и объявилъ Бёшу, что подробно осмотрѣлъ нижнюю часть корабля, и нашелъ судно вполнѣ для насъ удобнымъ. Я умолчалъ о причинахъ, на которыхъ было основано мое заключеніе, но онъ не потревожилъ меня дальнѣйшими разспросами, и мы вернулись въ нашу контору съ самымъ лест

нымъ отзывомъ на счетъ устройства, прочности и удобствъ корабля.

1-го іюля, въ субботу, послѣдній грузъ былъ принятъ на «Ольгу», и она вышла въ открытое море.

Прощальныя письма были поспѣшно написаны, послѣдніе сборы окончены, и въ понедѣльникъ, въ 9 часовъ утра, мы всѣ собрались на пристань, гдѣ находился буксирный пароходъ, долженствовавшій доставить насъ на бригъ.

Большое общество друзей собралось провожать насъ; пристань, пестрѣвшая туалетами дамъ и синими мундирами мужчинъ, освѣщенная солнечными лучами теплаго Калифорнскаго утра, имѣла праздничный видъ.

Полковникъ Бёлькли снабдилъ насъ послѣдними инструкціями, съ сердечнымъ пожеланіемъ намъ успѣха. Смѣясь, мы звали къ себѣ въ гости тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые оставались на берегу. Просьбы о доставленіи свѣдѣній о полярной природѣ и сѣверныхъ сіяніяхъ, вмѣстѣ съ указаніями, какъ сберегать птицъ и собирать насѣкомыхъ, сыпались со всѣхъ сторонъ; и среди всего этого хаоса поздравленій, пожеланій, предостереженій, шутокъ и трогательныхъ прощаній раздался послѣдній свистъ на пароходѣ. Долль, вѣчно вѣрный своей любимой наукѣ, пожалъ мнѣ дружески руку, сказавъ: «Прощайте, Джорджъ! Да хранитъ васъ Богъ! Не забудьте обратить вниманіе на сухопутныхъ улитокъ и на черепа дикихъ животныхъ!» Миссъ Б. сказала умоляющимъ голосомъ: «Берегите моего милаго брата!» И когда я обѣщалъ заботиться о немъ, какъ о собственномъ братѣ, я вспомнилъ о далекой сестрѣ, которая, еслибъ была здѣсь, также вѣроятно повторила бы ту же просьбу и обо мнѣ. Махая платками, мы медленно оставили пристань и, описавъ полукругъ, подошли къ «Ольгѣ» и были высажены на маленькій бригъ, который долженъ былъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ служить намъ жилищемъ.

Бригъ стоялъ на якорѣ у входа въ Гольденъ-Гэтъ и пароходъ, обогнувъ его на возвратномъ пути, еще разъ прошелъ мимо насъ; друзья наши стояли тѣсной группой на палубѣ, съ полковникомъ Бёлькли во главѣ, и простились съ нами троекратнымъ ура! въ честь «Первой Сибирской партіи изслѣдователей». Мы отвѣчали имъ тѣмъ же,—это было наше послѣднее прости цивилизаціи,—и молча слѣдили глазами за уменьшающимися очертаніями парохода, пока не исчезъ совершенно бѣлый платокъ, привязанный Арнольдомъ къ бакштагу, а мы одиноко понеслись по волнамъ Тихаго океана.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Плаваніе по Тихому океану.

«Онъ находилъ необыкновенное удовольствіе и наслажденіе въ своихъ путешествіяхъ, и кто не испыталъ этого, тотъ долженъ попробовать самъ».

Бёртонъ.

На морѣ, 700 миль на С.-З. отъ С. Франциско.

Среда, 12-го іюля, 1865 года.

Десять дней тому назадъ, въ самый вечеръ нашего отъѣзда изъ Америки, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и въ ожиданіи будущихъ наслажденій, я написалъ красивымъ почеркомъ вышеприведенное изреченіе Бертона на первой страницѣ моего дневника, нисколько не сомнѣваясь въ осуществленіи этихъ «будущихъ наслажденій», которыя рисуются «умственнымъ очамъ» въ такой «лучезарной неизвѣстности», и убѣжденный, что «жизнь на волнахъ океана» есть блаженнѣйшее состояніе, достижимое на землѣ. Изреченіе это казалось мнѣ удивительно остроумнымъ, и я мысленно благословлялъ добраго, стараго анатома меланхоліи *) за то, что онъ снабдилъ меня такимъ простымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрнымъ изреченіемъ. Безъ сомнѣнія, «онъ находилъ необыкновенное удовольствіе и наслажденіе въ своихъ путешествіяхъ»; и

*) Сочиненіе Бёртона «Anatomy of Melancholy» — причудливое созданіе англійскаго юмора, и схоластической учености — вышло въ свѣтъ въ 1621 г. *Прим. П—цы.*

ничѣмъ неоправданная увѣренность, что всякій *долженъ* былъ находить тоже, потому только, что онъ находилъ, не казалось мнѣ нелѣпой.

Напротивъ, я находилъ доказательство это вполнѣ логичнымъ и съ презрѣніемъ отнесся бы къ малѣйшему намеку на возможность разочарованія. Мои понятія о жизни на морѣ были преимущественно почерпнуты изъ краснорѣчивыхъ описаній живописныхъ закатовъ солнца, «цвѣтущихъ острововъ, купающихся въ темно-пурпоровыхъ волнахъ океана», и этихъ «лунныхъ ночей среди пустынныхъ водъ», которыми поэты съ незапамятныхъ временъ увлекали неопытныхъ обитателей твердой земли въ морскія путешествія. Туманы, бури, морскія болѣзни нисколько не входили въ мои представленія о морскихъ феноменахъ; если даже я допускалъ возможность бури, то только въ видѣ величественной живописной борьбы вѣтра и волнъ, безъ всякихъ непріятныхъ проявленій, свойственныхъ этимъ стихіямъ при болѣе прозаическихъ обстоятельствахъ. Правда, я испыталъ маленькую непогоду во время моей поѣздки въ Калифорнію, но воображеніе мое давно уже превратило ее во что-то полное величія и поэзіи, и я ожидалъ бури на Тихомъ океанѣ не только съ удовольствіемъ, но даже съ нетерпѣніемъ. Заблужденіе было весьма пріятное, пока оставалось въ области заблужденій; но теперь — оно миновало. Десять дней дѣйствительной жизни на морѣ превратили «свѣтлое ожиданіе будущихъ наслажденій» въ мрачную увѣренность будущихъ бѣдствій, и мнѣ оставалось только скорбѣть о несовмѣстимости поэзіи съ дѣйствительностью. Бёртонъ—хвастунъ, Теннисонъ—обманщикъ, я—жертва, Байронъ и Прокторъ—соучастники въ обманѣ. Никогда болѣе я не довѣрюсь поэтамъ. Они могутъ выражаться достаточно вѣрно для стиховъ, но ихъ здравый смыслъ безнадежно развращенъ и ихъ фантазія слишкомъ жива для положительно вѣрнаго описанія морской жизни. «Лондонскій Пакетботъ» Байрона составляетъ единственное блестящее исключеніе, и другаго я не помню въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ произведеній.

Наша жизнь съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили портъ С. Фран-

циско, не имѣла и тѣни поэзіи. Впродолженіе почти недѣли мы испытали всѣ невыразимыя бѣдствія морской болѣзни, безъ всякихъ облегчающихъ обстоятельствъ. День за день мы лежали на нашихъ узкихъ койкахъ, слишкомъ слабые, чтобы читать, неспособные говорить, наблюдая за лампой въ нашей каютѣ, которая безпокойно покачивалась въ своемъ кольцѣ, прислушиваясь къ правильному скрипу блоковъ, при покачиваніи тяжелаго лисельспирта изъ стороны въ сторону.

Мы всѣ были ревностными проповѣдниками философіи Тэпля— не унывать, ни при какихъ обстоятельствахъ; но теперь у насъ оказался самый плачевный разладъ между словомъ и дѣломъ. Никто не нашелъ бы и тѣни бодрости въ этихъ жалкихъ четырехъ фигурахъ, неподвижно растянутыхъ вдоль стѣны. Морская болѣзнь восторжествовала надъ философіей. Прошлыя воспоминанія и представленія о будущемъ, самаго мрачнаго свойства были нашимъ единственнымъ занятіемъ. Я помню, что размышлялъ очень серьезно о вѣроятности морской болѣзни у Ноя, стараясь сравнить устройство ковчега съ нашимъ бригомъ и рѣшить: подвергался-ли первый, подобно «Ольгѣ», такой же безпокойной качкѣ во время сильнаго волненія.

Если да, — я почти улыбался при этой мысли, — что за тяжелое испытаніе должно было это быть для бѣдныхъ тварей!

Я спрашивалъ себя также, родились ли Язонъ и Одиссей съ привычкою къ морской качкѣ или они также испытали то печальное положеніе, въ которомъ мы находились теперь.

Я рѣшилъ, наконецъ, что морская болѣзнь, подобно нѣкоторымъ недугамъ, была дьявольскимъ изобрѣтеніемъ новѣйшаго времени, и что древніе обходились какъ нибудь безъ нее. Потомъ, разглядывая пятна, оставленныя мухами на крашеной панели на разстояніи десяти дюймовъ отъ моихъ глазъ, я вспомнилъ тѣ свѣтлыя надежды, съ которыми я отправлялся изъ С. Франциско и оборачивался съ отчаяннымъ стономъ лицомъ къ стѣнѣ.

Не знаю, излагалъ ли кто нибудь на бумагѣ свои мечты во

время морской болѣзни. Есть «Вечернія мечты», «Мечты холостяка», «Мечты на берегу моря»; но насколько я знаю, никто не пробовалъ оказать ту же справедливость «Мечтамъ во время морской болѣзни». Это странный пробѣлъ, и я указалъ бы какому нибудь начинающему писателю, обладающему способностью мечтать, на эту обширную нетронутую почву. Одна только поѣздка по Тихому океану на маленькомъ бригѣ могла бы доставить ему неисчерпаемый запасъ матеріала.

Наша жизнь до сихъ поръ была настолько однообразна, что не представляла ни одного замѣчательнаго событія. Погода стояла холодная, туманная, сырая, съ небольшимъ вѣтромъ и сильнымъ морскимъ волненіемъ; мы были заключены въ заднюю каюту въ которой могло помѣститься отъ семи до десяти человѣкъ, и ея спертая атмосфера, пропитанная запахомъ вонючей воды, ламповаго масла и табачнаго дыма, имѣла самое пагубное вліяніе на наше расположеніе духа. Впрочемъ сегодня, по счастью, всѣ мы на ногахъ, и въ насъ возбужденъ, хоть и въ слабой степени, интересъ къ ожидаемому обѣду; но даже воодушевляющіе звуки марша изъ Фауста, наигрываемаго капитаномъ на старомъ, разстроенномъ аккордіонѣ, не въ состояніи оживить унылыя лица, сидящія у стола въ каютѣ.

Мэгудъ увѣряетъ, что онъ совершенно здоровъ и играетъ съ капитаномъ съ видомъ наружнаго спокойствія, близкаго къ героизму, но мы замѣчаемъ, что онъ по временамъ неожиданно и внезапно убѣгаетъ на палубу и возвращается каждый разъ съ болѣе истощеннымъ и плачевнымъ видомъ. Когда его спрашиваютъ о причинѣ этихъ періодическихъ путешествій на квартеръдекъ, онъ отвѣчаетъ съ напускной веселостью, что ходитъ только «поглядѣть на компасъ и справиться въ какомъ онъ положеніи». Я недоумѣваю, почему это «наблюденіе за компасомъ» сопровождается такимъ болѣзненнымъ и печальнымъ измѣненіемъ въ лицѣ Мэгуда при его возвращеніи, но онъ исполняетъ положенную на себя обязанность съ непоколебимой твердостью и избавляетъ насъ, такимъ образомъ, отъ нѣкоторыхъ заботъ на счетъ безопасности корабля. Капитанъ, кажется, нѣсколько пренебрегаетъ этимъ, и

иногда въ продолженіе цѣлаго дня не справляется съ компасомъ; но Мэгудъ наблюдаетъ за нимъ съ неусыпной бдительностью.

Бригъ «Ольга» 800 миль на С-З. отъ С. Франциско

воскресенье, 16 іюля 1865.

Однообразіе нашей жизни было нарушено въ предпослѣднюю ночь, и болѣзненное состояніе наше усилилось вслѣдствіе сильнаго С-З. вѣтра, заставившаго насъ въ продолженіе двадцати часовъ пролежать въ дрейфѣ, подъ однимъ только гротъ-марсомъ. Буря началась послѣ полудня, и въ девять часовъ вечера вѣтеръ достигъ высочайшей степени. Море все болѣе и болѣе волновалось; валы ударялись о бока корабля, подобно гигантскому молоту; вѣтеръ бушевалъ въ снастяхъ, равномѣрный скрипъ насосовъ и протяжное, меланхолическое завыванье бури между блоками наполняли нашу душу какимъ-то зловѣщимъ предчувствіемъ и уничтожали малѣйшее желаніе забыться сномъ. Утро забрезжилось наконецъ, но какъ-то пасмурно и неохотно, и его первые сѣроватые лучи, борясь съ темнотою нашей каюты, освѣтили комическую сцену смятенія и безпорядка. Корабль тяжело покачивался, и сундукъ Мэгуда, сорвавшись какимъ-то образомъ съ того мѣста, гдѣ былъ укрѣпленъ, катался взадъ и впередъ по полу каюты. Толстая пеньковая трубка Бёша, въ обществѣ огромной губки заняла временную квартиру въ тульѣ моей лучшей шляпы, а ящикъ съ сигарами маіора переселялся періодически изъ угла въ уголъ, таща за собой чью-то грязную рубашку. Книги, бумаги, сигары, щетки, грязные воротнички, чулки, пустыя бутылки, туфли, платья, старые сапоги катались по ковру во всѣхъ направленіяхъ, и огромный ящикъ съ телеграфными принадлежностями угрожалъ ежеминутно сорваться съ крючковъ и раздавить насъ всѣхъ при своемъ паденіи. Маіоръ, проявившій первые признаки жизни, приподнялся на локтяхъ въ своей постели, пристально посмотрѣлъ на двигающіеся и катающіеся предметы и, покачавъ

въ недоумѣніи головой, проговорилъ: «Странное дѣло, очень странное дѣло!» какъ будто переселеніе коробокъ и сигаръ представляли какія-то новыя и удивительныя явленія, необъясненныя никакими до сихъ поръ извѣстными физическими законами. Внезапный толчекъ, потрясшій корабль въ эту минуту, придалъ особенную выразительность этому восклицанію; и еще болѣе убѣжденный, вѣроятно, въ глубокой и прирожденной испорченности матеріи вообще, и Тихаго океана въ особенности, онъ упалъ снова головой на подушку.

Нужна была необыкновенная рѣшимость, чтобъ подняться съ постели при такихъ непривлекательныхъ обстоятельствахъ, но Бёшъ, покряхтѣвъ и зѣвнувъ раза три, попытался встать и одѣться. Воспользовавшись минутой, когда корабль покачнулся по вѣтру, онъ поспѣшно спрыгнулъ внизъ, схватилъ одной рукой сапоги, а другой панталоны, и началъ скакать по каютѣ съ изумительной легкостью, спотыкаясь и перепрыгивая черезъ сундукъ и катающіяся бутылки, и дѣлая неистовыя усилія всунуть поочередно обѣ ноги въ сапогъ. Застигнутый посреди этихъ ревностныхъ усилій неожиданнымъ наклоненіемъ корабля въ противную сторону, онъ стремительно полетѣлъ на неповинный ни въ чемъ умывальникъ, споткнулся на блуждающую бутылку и, наконецъ, грохнулся головой о полъ. Судорожно смѣясь, маіоръ могъ только произнести безсвязно: «Я говорю вамъ—это удивительно, какая качка!» «Да», вскричалъ яростно Бёшъ, потирая колѣнку, «я тоже полагаю, что удивительно! не хотите ли попробовать?»

Но маіоръ былъ вполнѣ удовлетворенъ опытами Бёша и самъ едва былъ въ состояніи смѣяться надъ его несчастіями. Этому послѣднему удалось наконецъ одѣться и послѣ нѣкоторыхъ колебаній, я рѣшился послѣдовать его примѣру. Споткнувшись раза два на сундукъ, упавъ на колѣна, и послѣ нѣсколькихъ другихъ подобныхъ подвиговъ, я успѣлъ надѣть мою куртку на изнанку и правый сапогъ на лѣвую ногу, а лѣвый на правую, и поплелся на палубу. Вѣтеръ все еще не унимался и на кораблѣ не видно было никакого другаго паруса, кромѣ гротъ-марса. Огромныя, синеватыя массы воды набѣгали другъ на друга, почти соединяясь съ навис-

шими дождевыми тучами. Бѣлые гребни пѣнящихся валовъ поднимались на десять футовъ выше квартеръ дека и разсыпались облакомъ ослѣпительнѣйшихъ брызгъ надъ форъ-кастелемъ и кухней. Хотя все это не совсѣмъ соотвѣтствовало моимъ предвзятымъ понятіямъ о бурѣ, но я все-таки долженъ былъ сознаться, что во многомъ мои представленія были сходны съ дѣйствительностью. Классическій вой вѣтра въ снастяхъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, волненіе на морѣ было ужасное и корабль такъ подбрасывало и качало изъ стороны въ сторону, что самый строгій критикъ долженъ былъ бы удовлетвориться. Но величественное впечатлѣніе, о которомъ я мечталъ, уступило почти совершенно мѣсто ощущенію личныхъ непріятностей.

Человѣкъ только что подброшенный до люка однимъ изъ внезапныхъ колебаній корабля или промоченный до костей облакомъ брызгъ, не въ состояніи созерцать величіе природы; и послѣ такихъ разнообразныхъ и утомительныхъ испытаній, всѣ его романическія мечты о красотѣ и величіи океана значительно измѣнятся и съ корнемъ вырвутся изъ его головы. Дурная погода имѣетъ мало общаго съ поэзіей. «Влажное покрывало» и «безпредѣльное море» поэта лишаются всякой поэзіи, когда мы находимъ «влажную простыню» на нашей собственной постели и «безпредѣльное море» на полу каюты, и на опытѣ испытываемъ не столько величіе моря, сколько непріятностей и неудобства морскихъ путешествій.

Бригъ Ольга, на морѣ, 27 іюля, 1865.

Я часто недоумѣвалъ, живя въ С. Франциско, откуда берутся эти холодные туманы, которые съ приближеніемъ ночи собираются вокругъ Уединенной горы и Гольбенъ-Гета. Теперь я открылъ ихъ лабораторію. Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль плаванія, мы находились все время въ густомъ, сѣромъ облакѣ тумана, по временамъ достигавшаго такой плотности, что брамстенга скрывалась изъ нашихъ глазъ, и такого пронизывающаго свойства, что онъ проникалъ даже въ нашу маленькую заднюю каюту и осаждался крупными каплями на нашей одеждѣ. Онъ происходитъ, вѣроятно,

отъ теплаго теченія Великаго Океана, гольфъ-строма, черезъ который мы теперь проходимъ и испаренія котораго сгущаются въ туманы холодными с.-в. вѣтрами Сибири. Это самая непріятная принадлежность нашего плаванія. Наша жизнь сложилась наконецъ въ спокойное, однообразное препровожденіе времени, состоящее изъ ѣды, куренья, наблюденія за барометромъ и двѣнадцатичасоваго сна въ сутки. Буря, низпосланная намъ двѣ недѣли тому назадъ, на время возбудила насъ пріятнымъ образомъ и дала обильный матеріалъ для разговора, но мы всѣ согласились наконецъ съ маіоромъ, что это была «странная вещь» и напряженно ожидали какого-нибудь другаго происшествія. Одинъ холодный, дождливый, туманный день смѣняется другимъ, съ единственной разницей, что сильный вѣтеръ иногда замѣняется легкимъ вѣтеркомъ и снѣгомъ. Время тянется убійственно долго. Всякое утро насъ будитъ въ половинѣ седьмаго младшій помощникъ капитана, забавный, флегматическій голландецъ и каждый разъ торопилъ насъ вставать и посмотрѣть воображаемаго кита, который ему аккуратно представляется передъ завтракомъ и который, подобно таинственному призраку, также постоянно исчезаетъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ добраться до палубы. Китъ впрочемъ исчезаетъ только на время и превращается вскорѣ въ такого же таинственнаго морскаго змѣя, удивительную наружность котораго онъ описываетъ ломанымъ англійскимъ языкомъ, въ тщетной надеждѣ, что мы выйдемъ посмотрѣть на него, несмотря на сырую, туманную погоду. Мы никогда не оправдываемъ его ожиданій. Бёшъ открываетъ глаза, зѣваетъ и бросаетъ заспанный взглядъ на чайный столъ, находящійся въ передней каютѣ капитана. Съ моей койки этотъ столъ не виденъ, и потому я наблюдаю за движеніями Бёша. Мы слышимъ прихрамывающую походку баталера на палубѣ надъ нашими головами и вслѣдъ затѣмъ съ полдюжины горячихъ картофелинъ скатываются, постукивая, по лѣсенкѣ въ каюту. Это предвѣстники завтрака. Бёшъ наблюдаетъ за столомъ, я все внимательнѣе наблюдаю за Бёшомъ, пока баталеръ вноситъ кушанья и, по выраженію лица Бёша, я рѣшаю, стоитъ ли вставать или нѣтъ. Если онъ вздыхаетъ и отворачивается лицомъ къ стѣнкѣ, я знаю, что завтракъ состоитъ только

изъ рубленаго мяса, и я вторю его вздоху и слѣдую его примѣру; но если онъ улыбается и начинаетъ вставать, я дѣлаю тоже самое въ полной увѣренности, что насъ ожидаютъ котлеты изъ свѣжей баранины или цыплята съ рисомъ. Послѣ завтрака маіоръ куритъ сигару и задумчиво смотритъ на барометръ; капитанъ беретъ свой старый аккордіонъ и наигрываетъ русскій національный гимнъ, а мы съ Бёшомъ идемъ на палубу подышать свѣжимъ утреннимъ туманомъ и потрунить надъ младшимъ помощникомъ съ его морскимъ змѣемъ. День проходитъ въ чтеніи, игрѣ въ шашки, фехтованьѣ и лазаньѣ по мачтамъ, если погода довольно сносная; такъ прошли до сихъ поръ двадцать дней и пройдутъ еще можетъ быть столько же прежде, чѣмъ мы позволимъ себѣ надѣяться увидать твердую землю.

На морѣ, близъ Алеутскихъ острововъ.

6-го августа, 1865 г.

Я отдалъ бы теперь тысячу миль моря, за одинъ акръ безплодной земли, поросшей верескомъ, дрокомъ, терновникомъ; какой бы ни былъ клочекъ земли—все равно, лишь бы только не это скучное, однообразное пространство воды! Какая бы ни была Камчатка, мы привѣтствуемъ ее съ такой же радостью, съ какою Колумбъ увидалъ впервые цвѣтущіе берега Санъ-Сальвадора. Я готовъ взглянуть съ удовольствіемъ на песчаную полосу, съ скудной зеленой травой, и даже отказался бы отъ травы, лишь бы увидать песчаную полосу. Мы уже тридцать четыре дня на морѣ и не встрѣтили ни одного паруса, не видали ни одного клочка земли.

Наше главное развлеченіе въ послѣднее время состояло въ спорахъ, по поводу разныхъ ученыхъ вопросовъ, и эти пренія развили въ насъ удивительныя парламентскія способности. Для насъ эти пренія становились положительно интересны; но, къ сожалѣнію, они никогда не приводили къ удовлетворительному рѣшенію вопроса. Вотъ уже шестнадцать дней, какъ мы споримъ объ отправленіяхъ дыхательныхъ органовъ у кита; и я твердо увѣренъ,

что еслибъ наше путешествіе продолжалось, подобно путешествію «Странствующаго Голландца», до скончанія міра, мы никогда бы не рѣшили этого вопроса къ общему удовлетворенію всѣхъ спорящихъ. У капитана есть старая «Исторія Міра», на голландскомъ языкѣ, въ двадцати шести фоліантахъ, къ которой онъ прибѣгаетъ, какъ къ неопровержимому авторитету, относительно всѣхъ вопросовъ на свѣтѣ,—касаются ли они любви, науки, войны, искусства, политики или религіи; и онъ не иначе вступаетъ въ споръ, какъ подъ защитой своихъ тяжеловѣсныхъ фоліантовъ, изъ-за которыхъ онъ осыпаетъ насъ градомъ голландскихъ словъ до тѣхъ поръ, пока мы не сдаемся безусловно. Если мы осмѣливаемся возбудить сомнѣніе насчетъ взаимныхъ отношеній, существующихъ между дыханіемъ кита и Исторіей Міра, онъ кидаетъ въ насъ эпитетомъ упрямыхъ скептиковъ, которые не вѣрятъ тому, что напечатано—даже въ исторіи на голландскомъ языкѣ. Но такъ какъ капитанъ надѣляетъ насъ за обѣдомъ порціями пирога, то я нашелъ болѣе удобнымъ подчинить мои убѣжденія изреченіямъ его Тевтонскаго историка и, вмѣстѣ съ нимъ, обличать вреднаго еретика Бёша, который хочетъ быть умнѣе печатной книги. Результатъ тотъ, что Бёшъ получаетъ только одинъ маленькій кусокъ пирога, а я получаю два, что конечно очень пріятно для моего желудка, и полезно для торжества здравой исторической науки.

Примѣръ мой подѣйствовалъ. Съ нѣкотораго времени, я начинаю замѣчать за обѣдомъ постоянно возрастающее уваженіе со стороны Бёша къ голландской исторіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Продолженіе путешествія.—Петропавловскъ.

Бригъ «Ольга», на морѣ, 200 миль отъ Камчатки.

17 августа, 1865 г.

Наше путешествіе приближается къ концу. Послѣ семи долгихъ недѣль плаванія, въ холодную, дождливую погоду, мы снова увидимъ землю и видъ ея никогда еще такъ не радовалъ утомленныхъ моряковъ, какъ обрадуетъ насъ. Даже въ ту минуту, какъ я пишу, слышны чистка и скобленіе на палубѣ, что предвѣщаетъ наше приближеніе къ твердой землѣ. Наряжаютъ корабль, приготовляя его явиться снова въ общество. Въ эту ночь мы находимся только въ 255 миляхъ отъ Петропавловскаго порта, на берегу Камчатки, и если попутный вѣтеръ будетъ намъ благопріятствовать, мы надѣемся достигнуть его завтра въ полдень. Сегодня утромъ, впрочемъ, наступилъ почти полный штиль, такъ что мы едва-ли прійдемъ ранѣе субботы.

На морѣ, близъ берега Камчатки.

Пятница, 18 августа, 1865 г.

Все утро дуетъ попутный вѣтерокъ, и бригъ подается впередъ среди густаго тумана, сквозь который даже брамсель можно различить съ трудомъ. Если вѣтеръ не утихнетъ и туманъ разсѣется, мы можемъ надѣяться увидать землю сегодня вечеромъ.

11 часовъ утра.

Только что слѣзъ съ брамстенги, гдѣ я, впродолженіе трехъ часовъ, находился въ самомъ неловкомъ положеніи, уцѣпившись за бакштагъ, въ надеждѣ увидать землю, раскачиваясь взадъ и впередъ и описывая полукругъ, въ туманѣ, при каждомъ покачиваніи корабля на волнахъ. Нельзя ясно различить предметы на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, хотя небо совершенно безоблочно. Чайки, олуши, морскія ласточки стаями вьются вокругъ корабля, а море кишитъ медузами.

Полдень.

Полчаса тому назадъ, туманъ сталъ подниматься, и въ 11 ч. 40 м. капитанъ, не спускавшій подзорной трубы съ горизонта, закричалъ весело: «Земля! Земля! Ура!» и крикъ этотъ повторился, какъ эхо по всему кораблю, съ носа на корму и отъ кухни до брамстенги. Бёшъ, Мэгудъ и маіоръ бросились на форъ-кастель; маленькій, храмой баталеръ, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ кухни съ руками, выпачканными въ тѣстѣ, и вскарабкался на какой-то ящикъ; матросы побѣжали къ снастямъ, и только стоящій у колеса боцманъ сохранилъ свое самообладаніе. Впереди насъ обрисовывались на горизонтѣ, въ блѣдномъ свѣтѣ, двѣ высокія коническія вершины, на такомъ разстояніи, что виднѣлся только бѣлый снѣгъ въ ихъ глубокихъ оврагахъ, и очертанія ихъ были такъ неясны, что ихъ едва можно было отличить отъ голубаго неба. Это были Велесинскія горы и Авача на Камчатскомъ берегу, на разстояніи болѣе сотни миль отъ насъ. Маіоръ долго и пристально смотрѣлъ на нихъ въ зрительную трубу и, гордо протянувъ руку въ ихъ направленіи, обратился къ намъ и сказалъ съ взрывомъ національнаго восторга: «Вы видите передъ собой мое отечество—великую Россійскую Имперію!» и когда корабль снова погрузился въ туманъ, онъ разомъ прервалъ свою витіеватую рѣчь, и вскричалъ съ недовольнымъ видомъ: «Чортъ знаетъ, что это такое — странная вещь! туманъ, туманъ и только одинъ туманъ!»

Черезъ пять минутъ исчезли послѣдніе слѣды «великой Россійской Имперіи», и мы сошли обѣдать въ такомъ веселомъ, воз-

бужденномъ состоянiи, которое легко можетъ представить себѣ тотъ, который провелъ сорокъ шесть дней на сѣверѣ Тихаго океана.

4 часа по полудни.

Сейчасъ мы опять наслаждались зрѣлищемъ приближающейся земли. Полчаса тому назадъ, я былъ на брамстенгѣ и видѣлъ оттуда, какъ туманъ началъ разсѣяваться и подниматься, подобно огромной сѣрой занавѣси, открывая море и темно-голубое небо, окрашенное розовыми лучами заходящаго солнца, и представляя нашимъ взорамъ картину удивительной красоты. Передъ нами, на протяженiи 150 миль отъ сѣвера къ югу, тянулась береговая линiя Камчатки, поднимавшаяся крутыми уступами надъ голубой, блестящей поверхностью моря; уступы эти казались окрашенными въ пурпуръ и были испещрены бѣлыми облаками и клочьями тумана, принимавшими мѣстами нѣжно-голубой оттѣнокъ и сливавшимися съ блестящими, снѣговыми вершинами болѣе высокихъ горъ. Два дѣйствующiе вулкана, 10,000 и 16,000 футовъ вышины, поднимались надъ многочисленными, зубчатыми рядами низшихъ горъ, и ясно рисовались на голубомъ небѣ своими остроконечными, вѣчно снѣговыми вершинами, бросая вокругъ себя красноватыя вечернiя тѣни. Высокiй берегъ кажется намъ, при этой прозрачности воздуха, на разстоянiи не болѣе, какъ пятнадцати миль, и намъ чудится, будто онъ внезапно всталъ передъ нами изъ глубины океана, подобно прекрасному миражу. Минутъ черезъ пять, сѣрая, туманная занавѣсь снова медленно опустилась надъ этой чудной картиной и она постепенно скрылась изъ нашихъ глазъ, оставляя насъ въ недоумѣнiи, была-ли это дѣйствительность, или только лучезарный оптическiй обманъ? Черезъ минуту мы снова погрузились въ плотный, густой туманъ.

Петропавловскiй портъ, Камчатка.

19 августа 1865 г.

Вчера, при наступленiи ночи, мы полагали, что находимся въ пятнадцати миляхъ отъ мыса Поворотнаго, но по случаю густаго тумана, капитанъ не отважился идти впередъ. Мы простояли всю

ночь на мѣстѣ, ожидая восхода солнца и болѣе прозрачной атмосферы, чтобъ можно было безопасно подойдти къ берегу. Въ пять часовъ, я былъ уже на палубѣ. Погода была туманнѣе и холоднѣе, чѣмъ когда либо, и бѣлыя верхушки волнъ разбивались о корабль, погоняемыя свѣжимъ ю.-в. вѣтромъ. Около шести часовъ начало свѣтать, бригъ былъ снаряженъ окончательно и началъ бодро подвигаться впередъ. Капитанъ, съ зрительной трубой въ рукѣ, озабоченно шагалъ по квартеръ-деку, отъ времени до времени посматривая на горизонтъ, и взглядывая на повѣтренную сторону, въ ожиданiи болѣе благопрiятной погоды. Нѣсколько разъ онъ хотѣлъ обернуть корабль, боясь, среди непроницаемаго тумана, набѣжать на подвѣтренный берегъ, но наконецъ стало свѣтлѣе; туманъ разсѣялся и линiя горизонта ясно очертилась передъ нами. Къ нашему крайнему изумленiю, нигдѣ вокругъ не видно было ни фута земли! Длинный рядъ голубыхъ горъ, которыя казались на одинъ часъ разстоянiя отъ насъ вчера вечеромъ, высокiя, снѣговыя вершины, глубокiе овраги и крутые мысы—все исчезло въ прозрачномъ воздухѣ, не оставя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда.

Ничто не указывало на близость земли, кромѣ множества разнообразныхъ птицъ, которыя съ любопытствомъ вились около нашего брига и съ шумомъ отлетали отъ корабельнаго носа. Много высказывалось предположенiй для объясненiя внезапнаго исчезновенiя земли. Капитанъ старался объяснить это тѣмъ, что сильное теченiе съ берега унесло насъ ночью къ юго-востоку. Бѣшъ обвинялъ помощника капитана въ томъ, что онъ заснулъ на часахъ и корабль пронесся мимо земли, между тѣмъ какъ помощникъ торжественно заявлялъ, что земля вовсе и не была видна, что это былъ только миражъ. Маiоръ повторялъ, что это «странная и очень странная вещь», но не представлялъ другого рѣшенiя задачи. На томъ мы всѣ и остановились.

Дулъ попутный вѣтеръ съ Ю. В. и мы дѣлали по семи узловъ въ часъ. Восемъ часовъ, девять часовъ, десять часовъ, а земли все еще не видно, хотя мы уже сдѣлали болѣе тридцати миль съ наступленiя дня. Въ одиннадцать часовъ, впрочемъ, на горизонтѣ стало дѣлаться все темнѣе и вдругъ высокiй берегъ, оканчивающiйся кру-

тымъ утесомъ, выступилъ передъ нами изъ прозрачнаго тумана, въ четырехъ только миляхъ отъ насъ. Настало всеобщее волненіе. Брамсели были взяты на гитовы, чтобъ замедлить ходъ корабля и онъ былъ направленъ такъ, чтобъ описать кривую линію на разстояніи почти трехъ миль у берега. Вершины горъ, по которымъ мы могли бы опредѣлить наше положеніе, были скрыты отъ насъ облаками и туманомъ, и не легко было опредѣлитъ, гдѣ именно мы находились.

Налѣво, въ туманѣ, неясно виднѣлись два или три высокіе, голубоватые мыса, но что это было и гдѣ могъ находиться Петропавловскій портъ—на это никто не могъ отвѣтить. Капитанъ принесъ свои морскія карты, компасы и разныя инструменты на палубу, разложилъ ихъ ближе къ свѣту и началъ измѣрять разстояніе различныхъ мысовъ, между тѣмъ, какъ мы внимательно разсматривали берегъ въ зрительныя трубы и давали волю различнымъ мнѣніямъ относительно нашего положенія. Русская карта этого берега, которую имѣлъ капитанъ, была по счастью изъ хорошихъ, и онъ скоро опредѣлилъ наше положеніе и названіе мысовъ, видимыхъ нами. Мы находились на сѣверѣ мыса Поворотнаго, около девяти миль южнѣе входа въ Авачинскую губу. Реи были наставлены поперекъ корабля, и мы поворотили на другой галсъ передъ сильнымъ Ю.В. вѣтромъ.

Меньше чѣмъ черезъ часъ мы увидали высокіе, уединенные утесы, извѣстные подъ именемъ «Трехъ Братьевъ», миновали утесистый островъ, надъ которымъ вились стаи крикливыхъ чаекъ и дикихъ утокъ, и около двухъ часовъ достигли берега Авачинской губы, на которомъ расположено селеніе Петропавловскъ. Видъ, представившійся намъ при входѣ въ губу, превзошелъ всѣ наши ожиданія. Зеленѣющія долины, поросшія сочной травой, начинались у самаго берега и терялись въ отдаленныхъ горахъ; возвышенности были покрыты желтыми березами; группы темнозеленыхъ кустовъ, долины, усѣянныя цвѣтами, виднѣлись на защищенныхъ склонахъ холмовъ; и когда мы проходили мимо маяка, Бёшъ вскричалъ радостно «Ура! здѣсь есть клеверъ». «Клеверъ?» замѣтилъ капитанъ недовѣрчиво, «въ сѣверныхъ странахъ вовсе нѣтъ клевера!» «Почему вы это знаете, если вы никогда здѣсь не были?» возразилъ Бёшъ насмѣшливо; «Это похоже на клеверъ», и—глядя въ зрительную трубу крикнулъ—«Это дѣйствительно клеверъ!» и лицо его просіяло, какъ будто открытіе клевера облегчило его умъ отъ большей части опасеній насчетъ суровости Камчатскаго климата. Это былъ какъ бы растительный указатель температуры, и изъ маленькаго стебелька клевера воображеніе Бёша развило цѣлую роскошную флору умѣренныхъ поясовъ. Съ именемъ Камчатки соединялось въ нашемъ умѣ понятіе о чемъ-то пустынномъ и негостепріимномъ, и мы не подозрѣвали даже, что страна эта можетъ представить разнообразіе животныхъ породъ и роскошную растительность. Дѣйствительно, мы до сихъ поръ постоянно старались рѣшить вопросъ, можетъ ли что нибудь, кромѣ мховъ, лишаевъ и скудной травы поддерживать неравную борьбу за существованіе въ этомъ ледяномъ климатѣ? Можно представить себѣ съ какимъ удивленіемъ и восторгомъ мы глядѣли на зеленые холмы, покрытые деревьями и кустарниками; на долины, бѣлѣющія клеверомъ и усѣянныя маленькими рощами березъ съ серебристыми стволами; и даже на утесы, украшенные шиповникомъ и акаціями, которые пустили корни въ ихъ трещинахъ, какъ будто природа старалась скрыть подъ цвѣточнымъ покровомъ слѣды своихъ прошедшихъ потрясеній.

Ровно въ три часа мы увидали селеніе Петропавловское; небольшая группа бревенчатыхъ домовъ съ красными тесовыми или соломенными крышами; православная церковь странной архитектуры, съ зеленымъ куполомъ; узкая набережная, полуразрушенная верфь, два китоловныя суда и обнаженный оставъ до половины потопленнаго корабля—вотъ все, что представилось нашимъ глазамъ.

Высокіе холмы окружали зеленымъ полукругомъ это небольшое селеніе и почти скрывали маленькую бухту, образованную Авачинской губой, на которой оно расположено. Подъ фокъ-зейлемъ и гротъ-марсомъ мы тихо взошли подъ сѣнь окружающихъ холмовъ въ защищенную почти со всѣхъ сторонъ бухту, и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ ближайшаго дома паруса были быстро взяты на гитовы, корабль содрогнулся, цѣпь загремѣла и якорь вонзился въ почву Азіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Петропавловскъ.

Ирвингъ справедливо замѣтилъ, что для человѣка, готовящагося посѣтить новыя страны, долгое морское путешествіе служитъ отличной подготовкой. Привожу собственныя его слова: «Временное отсутствіе житейскихъ сценъ и занятій дѣлаетъ умъ особенно способнымъ въ воспринятію новыхъ и живыхъ впечатлѣній». И онъ долженъ былъ бы прибавить—благопріятныхъ впечатлѣній. Утомительное однообразіе жизни на кораблѣ предрасполагаетъ путешественника смотрѣть благосклонно на все, что оживитъ его заснувшія способности и представитъ новый матеріалъ для мышленія, и самыя обыкновенныя сцены и обстоятельства доставляютъ ему удовольствіе и наслажденіе. Поэтому, когда человѣкъ пріѣзжаетъ послѣ долгаго путешествія въ чужую землю, онъ готовъ составить болѣе благопріятное мнѣніе о ея жителяхъ и произведеніяхъ, чѣмъ то, которое останется у него послѣ ближайшаго знакомства съ нею. Къ счастію, наши первыя впечатлѣнія въ новой странѣ, которыя всегда живѣе и долѣе остаются въ памяти, бываютъ также самыми пріятными, такъ что въ послѣдующіе годы жизни наши прошедшія странствованія представляются намъ въ самыхъ увлекательныхъ и радужныхъ краскахъ. Я увѣренъ, что воспоминаніе о первомъ взглядѣ на камчатскія наслажденія, съ которымъ я впивался глазами въ «свѣтлыя, воздушныя очертанія» ея горъ, и поэзія, которою пополняла ихъ моя восторженная фантазія, надолго переживутъ въ моей памяти невзгоды, перенесенныя мною среди ихъ вьюги, которыя я испыталъ на ихъ вершинахъ и дожди, пронизывавшіе меня до костей въ ихъ долинахъ. Это странно можетъ быть, но за то вѣрно.

Потребность увидать землю, пробывши пять или шесть недѣль на морѣ, такъ велика, что превращается почти въ страсть. Мнѣ дѣйствительно кажется, что еслибъ первая земля, которую мы увидали, была бы одной изъ этихъ пустынныхъ степей, поросшихъ мхомъ, которыя въ послѣдствіи я такъ возненавидѣлъ, я принялъ бы ее за первообразъ земнаго рая. Всѣ прелести, которыми природа такъ щедро наградила тропическую Америку, не доставили бы мнѣ больше наслажденій, чѣмъ эта маленькая, зеленѣющая долина, въ которой пріютились бревенчатые домики Петропавловска. Прибытіе корабля въ этихъ отдаленныхъ и рѣдко посѣщаемыхъ мѣстностяхъ составляетъ немаловажное событіе; и громъ нашей якорной цѣпи въ клюзахъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ мирномъ селеніи. Дѣти выбѣгали безъ шапокъ на улицу, смотрѣли на насъ съ минуту и убѣгали поспѣшно домой созвать остальную семью; черноволосые туземцы и русскіе крестьяне въ синихъ рубашкахъ и кожаныхъ панталонахъ собрались кучкой на берегу; и около сотни полудикихъ собакъ привѣтствовали наше прибытіе неожиданнымъ ужаснымъ воемъ.

Хотя было довольно поздно, но мы не могли превозмочь нашего нетерпѣнія ступить еще разъ на твердую землю; и только что капитанская шлюпка была спущена, Бёшъ, Мэгудъ и я отправились на берегъ осматривать городъ.

Петропавловскъ построенъ очень неправильно и совсѣмъ не живописно. Мысль объ улицѣ никогда кажется и не представлялась уму ни первыхъ основателей, ни ихъ потомковъ, и вмѣсто улицъ тропинки пролегаютъ, по видимому безцѣльно между разсыпанными домиками. Невозможно пройдти ста аршинъ по прямой линіи, чтобъ не наткнуться на стѣну какого нибудь дома или не зайдти на чей нибудь дворъ, и ночью вы рискуете встрѣтить сонную корову, среднимъ числомъ черезъ каждые пятьдесятъ шаговъ.

Въ другихъ отношеніяхъ это хорошенькое селеніе, окруженное высокими, зелеными холмами и представляющее живописный видъ на прекрасную, снѣговую вершину Авачи, которая поднимается на высоту 11,000 футовъ, сейчасъ же за городомъ.

Г. Флюгеръ, нѣмецкій купецъ въ Петропавловскѣ, который перевезъ насъ въ маленькой лодочкѣ на ту сторону бухты, взялся быть нашимъ проводникомъ, и послѣ небольшой прогулки по селенію пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ мы просидѣли довольно долго, наслаждаясь прекрасными сигарами и разговаривая о послѣднихъ событіяхъ американской войны и о разныхъ происшествіяхъ, интересующихъ камчатское общество, пока наконецъ не смерклось совершенно. Я замѣтилъ, между другими книгами, лежащими на столѣ г. Флюгера, «Мысли о жизни Бичера» и «Семейство Шёнбергъ-Котта» и удивился, что эти книги успѣли проникнуть на отдаленный берегъ Камчатки.

Наша первая обязанность, какъ вновь прибывшихъ, была представиться русскимъ властямъ; и въ сопровожденіи г. Флюгера и г. Бальмана мы явились къ капитану Сутковому, начальнику порта. Его домъ, съ красной желѣзной крышей, скрывался почти совершенно за большой дубовой рощей, черезъ которую стремился, образуя маленькіе водопады, быстрый горный ручеекъ. Мы взошли въ ворота, пошли по широкой, убитой камнемъ дорожкѣ, подъ тѣнью сплетшихся вѣтвей, и, не стуча взошли въ домъ. Капитанъ Сутковой встрѣтилъ насъ очень радушно, и не смотря на нашу неспособность говорить на какомъ бы то ни было языкѣ, кромѣ нашего собственнаго, мы скоро почувствовали себя совершенно какъ дома. Бесѣда наша впрочемъ скоро прервалась, такъ какъ каждое слово должно было быть переведено на два языка, прежде чѣмъ быть понято тѣмъ, кому оно адресовалось; и хотя разговоръ съ полчаса полился очень живо, но вскорѣ онъ утратилъ всю свою свѣжесть, прошедши черезъ русскій, нѣмецкій и англійскій языки, прежде чѣмъ дойдти до насъ.

Я былъ удивленъ, встрѣтивъ слѣды изящнаго вкуса и культуры въ этомъ отдаленномъ уголкѣ міра, гдѣ я ожидалъ найдти только предметы первой потребности или, по крайней мѣрѣ самаго

необходимаго комфорта. Хорошее фортепіано русскаго издѣлія занимало одинъ уголъ комнаты и большой выборъ нотъ русскихъ, нѣмецкихъ и американскихъ композиторовъ свидѣтельствовалъ о музыкальномъ вкусѣ ихъ владѣльца. Нѣсколько избранныхъ картинъ и литографій украшали стѣны, и на столѣ стоялъ прекрасный стереоскопъ, съ большой коллекціей фотографическихъ видовъ, и тутъ же находилась неоконченная партія въ шахматы, за которой капитанъ Сутковой сидѣлъ съ женою, когда мы взошли. Мы не замѣтили, какъ прошелъ цѣлый часъ, и при прощаніи насъ пригласили прійдти обѣдать на слѣдующій день.

Не было еще рѣшено, будемъ ли мы продолжать наше путешествіе вверхъ по Амуру или останемся въ Петропавловскѣ и оттуда уже отправимся прямо на сѣверъ, такъ что бригъ служилъ намъ пока все еще жилищемъ, и мы каждый вечеръ возвращались въ нашу маленькую каюту. Первая ночь, проведенная въ портѣ, поразила насъ своей тишиной и спокойствіемъ, такъ какъ мы были пріучены къ скрипу и качкѣ корабля, къ плеску воды и завыванію вѣтра. Было совершенно тихо, и поверхность маленькой бухты походила на темное зеркало, въ которомъ мрачно отражались окружающіе ее высокіе холмы. Рѣдкіе огоньки изъ селенія бросали длинныя, дрожащія полосы свѣта на темную воду, а съ праваго берега раздавался по временамъ слабый, одинокій звукъ колокольчика или протяжный, унылый вой собаки. Я напрасно старался уснуть; новость всего окружающаго, мысль, что мы наконецъ въ Азіи и тысячу плановъ и предположеній насчетъ нашихъ дальнѣйшихъ предпріятій долго не давали мнѣ заснуть.

Петропавлоскъ, хоть и не самое обширное, но самое важное изъ поселеній на Камчатскомъ полуостровѣ, имѣетъ отъ 200—300 жителей, состоящихъ изъ туземцевъ, русскихъ и немногихъ нѣмецкихъ и американскихъ купцовъ, привлеченныхъ сюда торговлею соболями. Петропавлоскъ нельзя считать типическимъ представителемъ камчатскихъ городовъ, такъ какъ онъ подвергся въ значительной степени цивилизующему вліянію сношеній съ иностранцами, и въ образѣ жизни и понятіяхъ его жителей проглядываютъ слѣды новѣйшей культуры. Поселеніе это существуетъ съ начала

восемнадцатаго столѣтія, и имѣло достаточно времени, чтобъ выработать собственную цивилизацію; но годы для Сибирскихъ городовъ, не могутъ служить мѣриломъ развитія и Петропавлоскъ, либо не достигъ еще зрѣлости, или вступилъ въ періодъ втораго дѣтства, но, во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ еще не можетъ быть названъ цивилизаціоннымъ городомъ. Почему онъ названъ Петропавловскъ, т. е. селеніемъ св. Петра и Павла, я не могъ узнать. Святые апостолы не писали посланій къ камчадаламъ, хотя эти послѣдніе и очень въ нихъ нуждались, и также ничѣмъ не доказано, что почва, на которой стоитъ селеніе, была когда либо посѣщаема святыми просвѣтителями, имя которыхъ оно носитъ. Единственное заключеніе, къ которому мы пришли это то, что жители не отличаясь апостольскими добродѣтелями, и чувствуя необходимость въ ихъ святомъ заступничествѣ, назвали свое селеніе въ честь св. Петра и Павла, надѣясь, что апостолы изъ благодарности почувствуютъ особенное расположеніе къ этому мѣсту и помогутъ ихъ спасенію, не принимая слишкомъ строго во вниманіе ихъ личныя заслуги. Была ли дѣйствительно мысль первыхъ основателей, не знаю, но подобный планъ дѣйствій былъ бы весьма естественъ для многихъ сибирскихъ поселенцевъ, у которыхъ вѣра можетъ быть тверда, но добрыя дѣла подвержены сомнѣнію.

Выражаясь языкомъ туристовъ, Петропавловскъ не богатъ живописными видами. Въ городѣ существуютъ два монумента, воздвигнутые въ память знаменитыхъ мореплавателей Беринга и Лаперуза, и на холмахъ видны слѣды укрѣпленій, построенныхъ во время Крымской войны для отраженія нападеній соединенныхъ эскадръ французской и англійской; за исключеніемъ этого, городъ не можетъ похвалиться предметами или мѣстностями, обладающими историческимъ интересомъ. Но для насъ, заключенныхъ впродолженіе почти двухъ мѣсяцевъ въ тѣсной, темной каютѣ, селеніе само по себѣ было достаточно привлекательно и на другой же день, рано утромъ, мы отправились на берегъ, съ намѣреніемъ побродить по лѣсистому полуострову, отдѣляющему маленькую бухту отъ Авачинской губы. Небо было безоблачно, но густой туманъ лежалъ на верхушкахъ холмовъ и скрывалъ отъ взоровъ сосѣднія горы. Вся мѣстность кругомъ зеленѣла, какъ изумрудъ, и блестѣла каплями росы; лучъ солнца, случайно пробившійся черезъ сѣрое облако тумана, разсыпалъ потоки свѣта по влажнымъ склонамъ холмовъ, подобно ясной улыбкѣ, озарившей глаза полные слезъ. Земля всюду была усѣянацвѣтами. Въ травѣ синѣли здѣсь и тамъ болотныя фіалки; красные колокольчики вились по сѣрому мху утесовъ; дикія розы алѣли всюду въ чащѣ кустовъ и усыпали землю вокругъ себя своими нѣжно-розовыми лепестками.

Карабкаясь по склону крутаго холма, между портомъ и бухтой, стряхивая капли росы съ каждаго куста по дорогѣ, и топча ногами сотни влажныхъ цвѣтовъ, мы внезапно очутились передъ памятникомъ Лаперуза. Надѣюсь, что его соотечественники, французы, почтили бы его память болѣе изящнымъ и прочнымъ знакомъ своего уваженія къ нему. Это просто деревянный столбъ, обшитый желѣзомъ и выкрашенный въ черную краску. На немъ нѣтъ ни числа, ни надписи, и онъ скорѣе похожъ на надгробный памятникъ преступника, чѣмъ на монументъ, воздвигнутый въ честь великаго мореплавателя. Бёшъ усѣлся на маленькомъ бугоркѣ и началъ срисовывать видъ окружающей мѣстности, а я отправился съ Мэгудомъ на верхъ холма, къ бывшимъ русскимъ баттареямъ. Онѣ довольно многочисленны, расположены вдоль горнаго хребта, отдѣляющаго внутреннюю часть залива отъ внѣшней, и защищаютъ городъ съ западной стороны. Онѣ теперь совсѣмъ почти поросли травой и цвѣтами, и только слѣды бойницъ отличаютъ ихъ отъ безформенныхъ земляныхъ массъ. Можно было бы полагать, что отдаленность и негостепріимный климатъ Камчатки избавятъ ея жителей отъ опустошительныхъ бѣдствій войны. Но даже и эта страна имѣетъ свои разрушенные форты и поросшія травою поля битвъ; и въ ея безмолвныхъ горахъ недавно еще раздавался громъ пушекъ. Предоставляя Мэгуду осматривать укрѣпленія, — занятіе болѣе подходящее къ его наклонностямъ, чѣмъ къ моимъ, — я поднялся выше, на край утеса, съ котораго шедшія на приступъ войска союзниковъ были поражены русскими стрѣлками. Теперь не осталось и слѣдовъ той кровавой борьбы, которая происходила на

краю этого обрыва. Мохъ покрываетъ зеленымъ ковромъ землю, изрытую въ предсмертныхъ судорогахъ умирающими, и колокольчики, наклоняясь отъ свѣжаго морскаго вѣтерка, не разскажутъ о послѣднихъ, отчаянныхъ усиліяхъ, о рукопашномъ боѣ, о воплях побѣжденныхъ, когда они сброшены были русскими штыками съ утеса внизъ, съ вышины ста футовъ.

Мнѣ кажется, что со стороны союзниковъ было напрасной жестокостью бомбардировать этотъ незначительный и уединенный пунктъ, удаленный на столько тысячъ верстъ отъ настоящаго центра борьбы. Еслибъ взятіе его могло уменьшить могущество или средства русскаго правительства, или отвлечь его вниманіе отъ Крыма, то поступокъ этотъ еще могъ бы найдти оправданіе, но онъ никакимъ образомъ не могъ имѣть ни прямаго, ни даже косвеннаго вліянія на результатъ войны, и принесъ только горе нѣсколькимъ безвреднымъ камчадаламъ, которые и не слыхали никогда о Турціи и восточномъ вопросѣ, и вѣроятно получили первое извѣстіе о войнѣ, услыша громъ непріятельскихъ пушекъ и встрѣтя градъ пуль у своихъ дверей. Нападеніе союзнаго флота было впрочемъ отражено на всѣхъ пунктахъ, и адмиралъ, пораженный тѣмъ, что усилія его были уничтожены горстью казаковъ и крестьянъ, лишилъ себя жизни. Въ годовщину этой битвы жители со всѣмъ духовенствомъ во главѣ, при пѣніи благодарственныхъ молитвъ, совершаютъ крестный ходъ вокругъ города и на холмъ, съ котораго былъ отраженъ непріятельскій приступъ.

Занявшись немного ботанизированіемъ на полѣ битвы, я возвратился къ Бёшу, который кончилъ свой рисунокъ, и мы всѣ вмѣстѣ возвратились въ селеніе, усталые и промокшие. Наше появленіе на берегу всегда производило нѣкоторое волненіе между жителями: русскіе крестьяне и туземцы, встрѣчающіеся по дорогѣ, снимали шляпы и держали ихъ почтительно въ рукѣ, пока мы проходили мимо, окна въ домахъ наполнялись лицами, желающими взглянуть на «американскихъ чиновниковъ»; и даже собаки начинали неистово лаять и выть, при нашемъ приближеніи. Бёшъ заявилъ, что никогда еще впродолженіе своей жизни, онъ не былъ такимъ важнымъ лицомъ и не привлекалъ такого общаго вниманія, какъ теперь, и приписывалъ это разборчивости и смышлености Камчатскаго общества. Онъ увѣрялъ, что быстрое и инстинктивное признаніе генія, составляетъ характеристическую особенность этого народа и глубоко сожалѣлъ, что не можетъ сказать того же о нѣкоторыхъ другихъ націяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Русскій языкъ.—Отплытіе партіи на Амуръ.

Одинъ изъ первыхъ предметовъ, на которые путешественникъ обращаетъ вниманіе въ чужой землѣ, это — языкъ, и этотъ послѣдній особенно замѣчателенъ въ Камчаткѣ, Сибири, и вообще повсюду въ великой Россійской Имперіи. Рѣшительно не понимаю, за какой проступокъ, во время Вавилонскаго столпотворенія, русскіе были наказаны такимъ сложнымъ, спутаннымъ, совершенно непонятнымъ языкомъ. Мнѣ иногда приходило въ голову, что они вѣроятно выстроили свою часть башни выше другихъ племенъ и были наказаны за свое грѣховное трудолюбіе этой массой непонятныхъ звуковъ, которыхъ ни одинъ человѣкъ не могъ бы надѣяться изучить до тѣхъ поръ, пока не состарѣется и не ослабнетъ на столько, что уже не будетъ въ состояніи приняться за сооруженіе другой башни. Какъ бы то ни было, но языкъ этотъ есть настоящій камень преткновенія для всѣхъ путешествующихъ по Россійской Имперіи. За нѣсколько недѣль до пріѣзда въ Камчатку, я рѣшился заучить хоть нѣсколько обыкновенныхъ выраженій, необходимыхъ для первоначальнаго сношенія съ туземцами, и между прочимъ простѣйшую фразу: «Дайте мнѣ ѣсть». Я полагалъ, что это будетъ первая потребность, за которой мнѣ придется обратиться къ жителямъ, и я рѣшился заучить ее такъ твердо, чтобъ не подвергнуться никогда опасности умереть съ голода, вслѣдствіе моего незнанія. Однажды я попросилъ маіора сказать мнѣ соотвѣтствующее выраженіе по русски. Онъ мнѣ отвѣтилъ очень равнодушно, что если я захочу спросить ѣсть, то долженъ только сказать: «Ваше высокоблагородіе, высокопревосходительство, и т. д.» Мнѣ кажется, я никогда не испытывалъ такого почтительнаго удивленія къ талантамъ человѣка, какое я почувствовалъ къ маіору, услыша, какъ онъ бѣгло и легко произнесъ эту безконечную и странную фразу. Мое воображеніе напрасно старалось представить себѣ много лѣтъ терпѣливыхъ усилій, которыя предшествовали его первой просьбѣ о ѣдѣ, и я изумлялся той неутомимой настойчивости, которая помогла ему усвоить подобную тарабарщину. Если простая просьба о ѣдѣ представляла такія непреодолимыя трудности въ выговорѣ, то что же должно было быть, когда рѣчь заходила объ отвлеченныхъ вопросахъ теологическихъ и метафизическихъ наукъ? Я терялся въ догадкахъ!

Я откровенно попросилъ маіора велѣть напечатать это ужасное изреченіе на бумагѣ и повѣсить ко мнѣ на шею; но выучить его я не былъ въ состояніи. Я узналъ впослѣдствіи, что онъ воспользовался моей неопытностью и сказалъ мнѣ самыя трудныя и длинныя слова своего варварскаго языка, увѣряя, что они означали просьбу о ѣдѣ. Напрасно онъ старался выбирать для этого особенно мудреныя слова, такъ какъ и настоящій переводъ этой фразы былъ бы для меня достаточно затруднителенъ.

Во все время нашего пребыванія въ Петропавловскѣ, мы научились только говорить по русски «да», «нѣтъ» и «какъ ваше здоровье?» и очень были довольны нашими успѣхами въ этой трудной наукѣ.

Пріемъ, сдѣланный намъ въ Петропавловскѣ русскими и американцами, былъ самый радушный и восторженный, и первые три-четыре дня послѣ нашего пріѣзда прошли въ постоянныхъ визитахъ и обѣдахъ.

Въ четвергъ мы отправились верхомъ въ маленькое селеніе, по имени Авача, въ 10 или 15 верстахъ отъ берега, и возвратились въ полномъ восхищеніи отъ мѣстности, климата и растительности этого прекраснаго полуострова. Дорога шла между зелеными холмами, поросшими деревьями и травой, надъ зеркальной поверхностью залива, открывая видъ на крутыя, остроконечныя скалы,

служащiя воротами для выхода въ море; взору нашему представлялся, по временамъ, между рощами серебристыхъ березъ, длинный рядъ живописныхъ горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, которыя тянулись по западному берегу до одинокой вершины Вилючинской, на разстоянiи 30 или 40 миль. Растительность всюду можно было бы назвать почти тропической по ея роскоши. Мы могли срывать цѣлые пучки цвѣтовъ, едва наклонясь, съ сѣдла и высокая трава, по которой мы ѣхали, доставала намъ въ иныхъ мѣстахъ до пояса. Обрадованные встрѣтить климатъ Италiи тамъ, гдѣ ожидали найдти суровое ненастье Лабрадора и вдохновленные прекраснымъ видомъ мѣстности, мы огласили холмы американскими пѣснями, кричали, аукались и перегонялись на нашихъ маленькихъ казацкихъ лошадкахъ до тѣхъ поръ, пока заходящее солнце не напомнило намъ о возвращенiи домой.

Собравъ нѣкоторыя свѣденiя въ Петропавловскѣ, маiоръ Абаза составилъ слѣдующiй планъ дѣйствiй на зиму:

Мэгудъ и Бёшъ должны были отправиться на «Ольгѣ» къ устьямъ Амура, на Китайскую границу и основавъ здѣсь свою главную квартиру, изслѣдовать дикую, гористую мѣстность, лежащую на западѣ отъ Охотскаго моря и на югъ отъ русскаго порта Охотска. Въ это время маiоръ и я должны были отправиться на сѣверъ съ партiей туземцевъ, вдоль Камчатскаго полуострова, и помѣтить предполагаемую телеграфную линiю до половины пути между Охотскомъ и Беринговымъ проливомъ. Разставшись здѣсь снова, одинъ изъ насъ долженъ былъ идти на западъ, чтобъ соединиться въ Охотскѣ съ Бёшомъ и Мэгудомъ, а другой на сѣверъ къ Анадырску, русскому промышленному поселенiю, находящемуся около 400 миль на западъ отъ пролива. Такимъ образомъ мы могли изслѣдовать всю мѣстность для предполагаемой линiи, исключая пустыннаго пространства между Анадырскимъ и Беринговымъ проливомъ, которое нашъ начальникъ предполагалъ оставить пока неизслѣдованнымъ. Принимая въ соображенiе наши маленькiя средства, этотъ планъ былъ конечно лучшимъ, который можно было придумать, но маiору и мнѣ приходилось такимъ образомъ путешествовать всю зиму однимъ, безъ другихъ спутниковъ, кромѣ

извощиковъ туземцевъ. Такъ какъ я не говорилъ по русски, и мнѣ необходимъ былъ переводчикъ, то маiоръ пригласилъ для этой цѣли молодого американскаго пушнаго торговца, по имени Доддъ, который провелъ семь лѣтъ въ Петропавловскѣ и былъ знакомъ съ русскимъ языкомъ, обычаями и образомъ жизни туземцевъ. Силы наши состояли такимъ образомъ изъ пяти человѣкъ и должны были раздѣлиться на три партiи; одна, назначавшаяся на западный берегъ Охотскаго моря, другая на сѣверный и третья для изслѣдованiя мѣстности между этимъ моремъ и полярнымъ кругомъ. Всѣ второстепенныя подробности, какъ-то средства продовольствiя и перевозки, предоставлялись на усмотрѣнiе самихъ партiй. Мы должны были жить на открытомъ воздухѣ, путешествовать съ туземцами и довольствоваться тѣми средствами перевозки и продовольствiя, которыя предоставляла намъ страна. Мы предпринимали не прогулку для удовольствiя. Русскiя власти въ Петропавловскѣ снабдили насъ всевозможными справками и пособiями, но не колеблясь объявили намъ, что пять человѣкъ никогда не будутъ въ состоянiи изслѣдовать 1800 миль безплоднаго, почти необитаемаго пространства между Амуромъ и Беринговымъ проливомъ. Всѣ считали мало вѣроятнымъ, чтобъ маiоръ могъ пройдти Камчатскiй полуостровъ тѣмъ путемъ, какимъ онъ предполагалъ, но если бы даже это ему удалось, то далѣе онъ конечно не могъ бы проникнуть въ обширныя, пустынныя степи, обитаемыя только кочующими племенами Чукчей и Коряковъ. Маiоръ отвѣчалъ на это, что онъ покажетъ имъ, что мы можемъ сдѣлать, и продолжалъ свои приготовленiя.

Въ субботу утромъ, 26-го августа, «Ольга» отправилась съ Мэгудомъ и Бёшомъ на Амуръ, оставивъ маiора, Додда и меня въ Петропавловскѣ готовиться къ путешествiю на сѣверъ Камчатки.

Утро было ясное и солнечное, и я нанялъ лодку и туземную команду, чтобъ проводить Бёша и Мэгуда на корабль.

Наконецъ подулъ съ берега свѣжiй, попутный вѣтерокъ, я налилъ себѣ стаканъ вина и выпилъ на прощанье за успѣхъ «Амурской партiи изслѣдователей», пожалъ руку капитану, похваливъ при этомъ его голландскую исторiю и простился съ его помощни-

ками и всей командой. Младшій помощникъ былъ въ страшномъ волненіи при мысли объ опасностяхъ, которымъ я подвергнусь въ этой варварской странѣ и вскричалъ на своемъ ломанномъ языкѣ: «О! мистеръ Киней! (онъ не могъ никогда выговорить Кеннанъ), кто будетъ вамъ готовить кушанья? гдѣ вы достанете картофелю?» какъ будто бы отсутствіе повара и картофеля было верхомъ земныхъ лишеній. Я увѣрялъ его, смѣясь, что мы будемъ сами готовить кушанья и питаться кореньями; но онъ печально покачалъ головой, какъ будто предвидѣлъ до какого жалкаго положенія доведутъ насъ сибирскіе коренья и наше собственное поваренное искусство. Бёшъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что во время плаванія, онъ часто замѣчалъ, какъ младшій помощникъ стоялъ въ глубокомъ и печальномъ раздумьѣ, и когда онъ спрашивалъ его о предметѣ его размышленій, онъ отвѣчалъ всегда, качая грустно и торжественно головой: «Бѣдный мистеръ Киней! Бѣдный мистеръ Киней!» Не смотря на недовѣріе, съ которымъ я относился къ его морскому змѣю, я получилъ мѣстечко въ его чорствомъ сердцѣ, рядомъ съ «Томми», его любимымъ котомъ и его свиньями.

Когда «Ольга» натянула свой брамсель, повернула болѣе на востокъ и медленно скользила между утесами, я послѣдній разъ взглянулъ на Бёша, стоявшаго на квартеръ-декѣ возлѣ колеса и дѣлавшаго мнѣ какіе-то непонятные знаки рукой. Я махнулъ ему шляпой въ отвѣтъ и обернувшись лицомъ къ берегу, съ судорогой въ горлѣ, велѣлъ моей командѣ ѣхать назадъ. «Ольга» исчезла изъ виду и мнѣ казалось, что послѣдняя нить, связывающая насъ съ образованнымъ міромъ, порвалась въ эту минуту.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Камчатская свадьба.—Отъѣздъ на Сѣверъ.

Послѣ ухода «Ольги», все наше время въ Петропавловскѣ было занято приготовленіями къ путешествію на сѣверъ Камчатки. Во вторникъ, впрочемъ, Доддъ сказалъ мнѣ, что въ церкви будетъ свадьба, и предложилъ мнѣ пойдти посмотрѣть на церемонію. Служба только что кончилась, когда мы пришли въ церковь. Мнѣ не трудно было отличить между народомъ счастливую чету, судьба которой должна была соединиться священными узами брака. Ихъ наружное равнодушіе и безсознательность изобличали ихъ тайну.

Счастливый, или скорѣе несчастный, женихъ былъ молодой, круглолицый казакъ лѣтъ двадцати, одѣтый въ темный кафтанъ, вышитый краснымъ и туго перетянутымъ поясомъ вокругъ его безконечно-длинной таліи. Онъ украсилъ себя, ради торжественнаго случая, высокимъ, бѣлымъ, стоячимъ воротникомъ, который доходилъ у него до ушей. По несчастному недоразумѣнію между его башмаками и нанковыми панталонами, послѣдніе, по крайней мѣрѣ на шесть дюймовъ, не доходили до первыхъ, и никто не позаботился скрыть этого недостатка. Невѣста была сравнительно старуха — на двадцать лѣтъ по крайней мѣрѣ старѣе жениха, и къ тому же вдова.

Я со вздохомъ вспомнилъ о послѣднемъ наставленіи м. Уеллера своему сыну: «Берегись вдовъ, Самми — берегись вдовъ!» и недоумѣвалъ, что бы сказалъ этотъ почтенный старецъ при видѣ этой «безсознательной жертвы», идущей на закланіе, и увѣренной въ благоразуміи своего поступка. На невѣстѣ было одѣто ситцевое платье съ яркими узорами и безъ всякихъ украшеній. О покроѣ его я, къ несчастію, не могу судить, такъ какъ ремесло портнихи

было для меня всегда такой же темной наукой, какъ и магія. Голова ея была покрыта краснымъ, шелковымъ платкомъ, приколотымъ спереди маленькой вызолоченной булавкой. По окончаніи службы, налой былъ выдвинутъ на средину, и священникъ, въ черномъ, шелковомъ одѣяніи, которое представляло странную противуположность съ его высокими опойковыми сапогами, пригласилъ чету подойдти поближе.

Вручивъ каждому по зажженной свѣчѣ, обвязанныя голубой лентой, онъ началъ читать звонкимъ голосомъ молитвы, приличныя этому обряду. Брачная чета стояла молча, но дьячекъ, смотрѣвшій разсѣянно въ окно у противуположной стѣны, прерывалъ его по временамъ протяжными возгласами нараспѣвъ.

По окончаніи чтенія, всѣ набожно перекрестились нѣсколько разъ сряду, и священникъ, спросивъ чету о ея взаимномъ согласіи на бракъ, далъ каждому по серебряному кольцу. Потомъ опять началось чтеніе, послѣ котораго онъ далъ имъ выпить вина изъ ковшика. Чтеніе и пѣніе начались снова и продолжались довольно долго, женихъ и невѣста безпрестанно крестились и кланялись, а дьячекъ заканчивалъ возгласы, повторяя съ поразительною быстротой пятнадцать разъ въ пять секундъ «Господи помилуй»! Послѣ этого онъ принесъ два вызолоченые вѣнца, украшенные образами, и священникъ надѣлъ ихъ на головы жениха и невѣсты.

Вѣнецъ былъ слишкомъ широкъ для молодаго казака и падалъ ему на глаза, поддерживаемый только ушами. Прическа же невѣсты не позволяла вѣнцу держаться плотно на ея головѣ и потому одному изъ присутствующихъ было поручено держать его надъ ней. Священникъ соединилъ тогда руки четы, самъ взялъ жениха за руки, и всѣ начали быстро ходить вокругъ налоя —священникъ впереди, ведя за собою казака, который безпрестанно спотыкался, такъ какъ вѣнецъ мѣшалъ ему ясно видѣть, невѣста слѣдовала за женихомъ, заботясь о томъ, чтобъ вѣнецъ не смялъ ея прически и, наконецъ, сверхкомплектный участникъ церемоніи (шаферъ), путающійся въ платьѣ невѣсты и поддерживающій золоченый символъ царскаго достоинства надъ ея головой. Они три раза обошли вокругъ налоя, и затѣмъ церемонія была окончена. Женихъ и невѣста почтительно поцѣловали вѣнцы, снятые съ ихъ головы, и пошли по церкви, крестясь и кланяясь до земли, и прикладываясь последовательно ко всѣмъ образамъ, которыми украшены были стѣны и наконецъ начали принимать поздравленія отъ своихъ знакомыхъ.

Всѣ ожидали, конечно, что «знаменитые американцы», объ учтивости и изяществѣ которыхъ было столько говорено, подойдутъ поздравить невѣсту по случаю этого счастливаго событія, но одинъ изъ этихъ знаменитыхъ, но злополучныхъ американцевъ, не зналъ, какъ исполнить это. Мои познанія въ Русскомъ языкѣ ограничивались словами «да», «нѣтъ» и «какъ ваше здоровье?» и ни одно изъ этихъ выраженій не было вполнѣ прилично данному случаю. Желая впрочемъ поддержать національную славу американцевъ, и въ то же время оказать вниманіе невѣстѣ, я избралъ послѣднюю фразу какъ самую удобную при этихъ обстоятельствахъ, подошелъ торжественно, и, кажется довольно неуклюже къ новобрачной, и спросилъ ее съ низкимъ поклономъ и очень дурнымъ русскимъ выговоромъ о состояніи ея здоровья; она отвѣтила очень любезно «чрезвычайно хорошо, покорнѣйше благодарю», и знаменитый американецъ удалился съ гордымъ сознаніемъ, что исполнилъ свой долгъ. Я, признаюсь, не получилъ большихъ свѣденій о здоровьѣ молодой; но, судя по легкости, съ которой она произнесла свой трудный отвѣтъ, мы заключили, что оно должно быть удовлетворительно. Мы поспѣшили съ Доддомъ удалиться изъ церкви и возвратились на наши квартиры. Маіоръ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, что обрядъ вѣнчанія въ православной церкви, совершенный въ надлежащей обстановкѣ, очень торжественъ.

Съ той самой минуты, какъ маіоръ рѣшился на сухопутное путешествіе по Камчаткѣ, онъ посвятилъ все свое время и всю свою энергію на приготовленія къ отъѣзду. Вьючныя сѣдла, обтянутыя тюленьей шкурой, были заготовлены для перевозки съѣстныхъ припасовъ; палатки, медвѣжьи шкуры и дорожное платье были упакованы въ искусно придуманные тюки; однимъ словомъ все, что только могла изобрѣсть туземная опытность для уменьшенія неудобствъ жизни въ сибирскомъ климатѣ, было сдѣлано въ достаточномъ количествѣ для двухъмѣсячнаго путешествія. Ло-

шади были заготовлены въ ближайшихъ селеніяхъ, и нарочный былъ посланъ впередъ по дорогѣ, по которой мы должны были ѣхать, чтобъ предупредить жителей о нашемъ прибытіи и приказать имъ оставаться дома со всѣми своими лошадьми до проѣзда нашей партіи. Когда всѣ эти распоряженія были сдѣланы, мы отправились въ путь 4-го сентября.

Камчатка, съ которой намъ предстояло познакомиться, есть полуостровъ неправильныхъ очертаній, лежащій на востокъ отъ Охотскаго моря, между 51° и 62° сѣверной широты, и имѣющій около 700 миль въ длину Онъ весь почти вулканическаго происхожденія и рядъ горъ, проходящій вдоль его, заключаетъ до сихъ поръ еще пять или шесть вулкановъ, находящихся въ постоянной дѣятельности. Этотъ огромный горный хребетъ, не имѣющій еще никакого названія, тянется отъ 51° до 60° сѣверной широты одной, почти нигдѣ не прерывающейся цѣпью, и круто обрывается у Охотскаго моря, оставляя на сѣверѣ высокую плоскую возвышенность, извѣстную подъ именемъ «дола» или пустыни, обитаемой кочующими коряками. Средняя и южная части полуострова перерѣзываются отрогами главной горной цѣпи, образуютъ глубокія долины дикаго и живописнаго характера, и представляютъ такіе виды, которымъ по величественной красотѣ нѣтъ подобныхъ во всей сѣверной Азіи. Климатъ вездѣ, исключая далекаго сѣвера, сравнительно умѣренный, и растительность отличается почти тропическою свѣжестью и роскошью, которыя совершенно противорѣчатъ общимъ понятіямъ о Камчаткѣ.

Населеніе Камчатки, послѣ тщательнаго изслѣдованія, я могу опредѣлить въ 5,000 человѣкъ, которые рѣзко дѣлятся на три племени: на русскихъ, камчадаловъ или туземцевъ и кочующихъ коряковъ. Камчадалы, составляющіе самое многочисленное племя, живутъ въ маленькихъ селеніяхъ, въ бревенчатыхъ избахъ, по всему полуострову, преимущественно у устьевъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ центральной цѣпи горъ и впадающихъ въ Охотское море или Тихій океанъ. Ихъ главныя занятія состоятъ изъ рыбной ловли, пушнаго промысла и воздѣлыванія рѣпы, капусты и картофеля, которые произрастаютъ до 58° сѣверной широты. Ихъ главныя

поселенія находятся въ плодородной долинѣ рѣки Камчатки, между Петропавловскомъ и Ключевкой. Русскіе, сравнительно малочисленные, разсѣяны между селеніями камчадаловъ и занимаются преимущественно мѣхами, которые они скупаютъ у туземцевъ и сѣверныхъ племенъ. Кочующіе коряки самые дикіе, самые могущественные и самые независимые изъ инородцевъ, рѣдко спускаются южнѣе 58° с. ш., развѣ только для вышеупомянутой торговли. Ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ служатъ обширныя, пустынныя степи на востокѣ отъ Пенжинскаго залива, гдѣ они постоянно перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто одинокими семьями, живя въ просторныхъ палаткахъ изъ звѣриныхъ кожъ; все ихъ богатство состоитъ изъ многочисленныхъ стадъ прирученныхъ сѣверныхъ оленей. Всѣ жители Камчатки находятся подъ вѣденіемъ исправника или мѣстнаго губернатора, назначаемаго русскимъ правительствомъ, который рѣшаетъ всѣ недоразумѣнія, возникающія между отдѣльными личностями или цѣлыми племенами и собираетъ ежегодный «яссакъ», или дань мѣхами, которой подлежитъ каждый житель мужскаго пола въ подвластномъ ему округѣ. Онъ живетъ въ Петропавловскѣ, и вслѣдствіе обширности управляемой имъ страны и неудобства сообщенія, онъ рѣдко выѣзжаетъ изъ города, въ которомъ находится его главная квартира. Единственныя средства къ сообщенію между разбросанными селеніями Камчатки служатъ вьючныя лошади, лодки и сани, запряженныя собаками, и на всемъ полуостровѣ вы не найдете ничего похожаго на дорогу. Если я когда нибудь впослѣдствіи и употреблю слово «дорога» то оно просто будетъ означать путь, по которому мы должны ѣхать, путь, не обладающій никакими признаками, свойственными этому названію. Мы рѣшились путешествовать по этимъ дикимъ, скудно населеннымъ мѣстностямъ, нанимая туземцевъ по пути, чтобъ они перевозили насъ на своихъ лошадяхъ изъ одного селенія въ другое, до тѣхъ поръ, пока мы не достигнемъ территоріи, занятой кочующими коряками. Далѣе къ сѣверу, мы не могли разсчитывать на правильный способъ переѣздовъ, и должны были положиться на удачу и на великодушіе туземныхъ кочевниковъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Путешествіе верхомъ по Камчаткѣ.—Горы.—Растительность.—Селенія.—Жители.

Впродолженіи всей моей жизни, не было поѣздки, которая доставила бы мнѣ столько удовольствія, или о которой я сохранилъ болѣе пріятное воспоминаніе, чѣмъ о нашемъ путешествіи верхомъ по цвѣтущимъ холмамъ и зеленымъ долинамъ Южной Камчатки; мы находились въ самой дикой и живописной мѣстности всей Сѣверной Азіи и испытывали въ первый разъ новизну и возбужденіе кочевой жизни; наслаждаясь неизвѣстнымъ для насъ ощущеніемъ свободы и совершенной независимости, мы безъ сожалѣнія отвернулись отъ цивилизаціи и весело привѣтствовали дикую пустыню, оглашая холмы нашими пѣснями и криками.

Наша партія, за исключеніемъ извозчиковъ и проводниковъ, состояла изъ четырехъ человѣкъ: маіора, главнокомандующаго нашихъ силъ и начальника азіатской экспедиціи, Додда — молодаго американца, котораго мы захватили съ собой въ Петропавловскѣ, Вьюшина и меня. Язвительная насмѣшка, обращенная Митридатомъ къ арміи Лукулла — что, какъ пословъ ихъ слишкомъ много, а какъ солдатъ ихъ слишкомъ мало—могла бы также вѣрно относиться и къ намъ; но сила не всегда зависитъ отъ численности, и мы нисколько не сомнѣвались, что будемъ въ состояніи превозмочь всѣ препятствія на нашемъ пути. Мы думали, что не пропадемъ и тамъ, гдѣ болѣе многочисленная партія могла бы погибнуть. Воскресенье, 3-го сентября, наши лошади были навьючены и высланы въ маленькое селеніе, на противуположный берегъ бухты, черезъ которую мы намѣревались переправиться на китоловномъ суднѣ. Въ понедѣльникъ, 4-го, мы сдѣлали прощальные визиты русскимъ властямъ, выпили невѣроятное количество шампанскаго за наше собственное здоровье и за успѣхъ нашего предпріятія и отправились на двухъ китоловныхъ лодкахъ въ Авачу, въ сопровожденіи всего американскаго населенія Петропавловска. Мы переѣхали бухту при рѣзкомъ юго-восточномъ вѣтрѣ, взошли въ устье рѣки Авачи и высадились на берегъ, чтобъ подкрѣпить наши силы уже кажется въ пятнадцатый разъ и проститься съ нашими американскими друзьями Пирсомъ, Гентеномъ и Фронфильдомъ. Здѣсь снова начались обильныя возліянія въ честь камчатскихъ изслѣдователей, и послѣ троекратнаго, задушевнаго ура, мы отчалили отъ берега и медленно поплыли вверхъ по рѣкѣ, съ помощью багровъ и веселъ, къ камчатскому поселенію Окутѣ.

Наша туземная команда, принявшая также участіе въ общей попойкѣ, сопровождавшей нашъ отъѣздъ, и непривыкшая къ такому безмѣрному пьянству, представляла самое смѣшное зрѣлище: съ безсмысленнымъ выраженіемъ удовольствія на лицахъ, люди эти пѣли свои горловыя, камчатскія пѣсни, благословляли американцевъ и одинъ за другимъ падали за бортъ, ничѣмъ неспособствуя, повидимому, успѣшному движенію нашего тяжелаго китоловнаго судна. Вьюшинъ, впрочемъ, со свойственной ему энергіей, вытаскивалъ несчастныхъ утопающихъ за волосы, колотилъ ихъ весломъ по головѣ, чтобы привести въ чувство, искусно велъ лодку между песчаными мелями, работалъ баграми и веслами, прыгалъ въ воду, кричалъ, божился и не терялся ни при какой случайности.

Мы оставили Петропавловскъ гораздо позднѣе полдня и, благодаря несостоятельности нашей команды и множеству песчаныхъ мелей, ночь застигла насъ посреди рѣки, нѣсколько ниже Окуты. Избравъ мѣсто, гдѣ берегъ былъ суше и удобнѣе для причала, мы пристали къ нему и приготовились къ нашему первому бивaку подъ открытымъ небомъ. Утоптавъ высокую, сырую траву, Вьюшинъ раскинулъ нашу маленькую палатку изъ бумажной ма-

теріи, устлалъ ее теплыми, сухими медвѣжьими шкурами, импровизировалъ столъ и скатерть изъ пустаго ящика отъ свѣчъ и чистаго полотенца, развелъ огонь, заварилъ чаю, и чрезъ двадцать минутъ передъ ними стоялъ горячій ужинъ, который сдѣлалъ бы честь любому повару.

Послѣ ужина мы сѣли у огня, куря, не разговаривая до тѣхъ поръ, пока послѣдняя полоса свѣта не исчезла на западѣ; потомъ, завернувшись въ толстыя одѣяла, мы улеглись на медвѣжьихъ шкурахъ, прислушиваясь къ слабому кряканью полупроснувшейся утки въ осокѣ и одинокому крику ночныхъ птицъ на рѣкѣ, пока наконецъ, не заснули крѣпкимъ сномъ.

День только что занимался, когда я проснулся. Туманъ, висѣвшій сѣрымъ покрываломъ впродолженіи недѣли надъ горами, исчезъ, и первый предметъ представившій моимъ глазамъ въ отворенную дверь палатки былъ громадный бѣлый Вилегимскій конусъ, сіявшій всѣми цвѣтами радуги, въ сѣроватомъ свѣтѣ утра. Зарево востока становилось все ярче и ярче и вся природа, казалось, начала просыпаться. Утки и гуси гоготали всюду въ осокѣ; стройный, похожій на стонъ, крикъ морской чайки, слышался съ сосѣдняго берега, и изъ прозрачной синевы неба долѣталъ на землю мелодическій голосъ дикихъ лебедей, лѣтевшихъ вглубь материка за кормомъ. Я умылся свѣжей, холодной рѣчной водой и разбудилъ Додда, чтобы онъ посмотрѣлъ на горы. Прямо за нашей палаткой въ своемъ снѣговомъ покровѣ возвышалась на 10,500 футовъ надъ поверхностью моря, колоссальная вершина Корякской горы; ея бѣлая остроконечная верхушка алѣла въ лугахъ восходящаго солнца, между тѣмъ какъ утренняя звѣзда все еще мерцала дрожащимъ свѣтомъ надъ ея восточнымъ склономъ. Немного правѣе возвышалась Авачинская сопка съ золотистымъ облакомъ дыма надъ ея вершиной и Розельская сопка, изъ трехъ кратеровъ которой выходили темные пары. Гораздо далѣе, на разстояніи тридцати миль, виднѣлась остроконечная Вилегинская гора, освѣщенная утреннимъ блескомъ и за нею туманныя, синеватыя очертанія береговой линіи. Туманъ лежалъ клочьями на склонахъ горъ и изчезалъ подобно лучезарнымъ призракамъ, возносившимся съ земли на небо. Розоватый свѣтъ восходящаго солнца мало по малу освѣщалъ снѣжные склоны горъ, и наконецъ въ одно мгновеніе яркій потокъ свѣта разлился по долинѣ, окрашивая нашу маленькую бѣлую палатку нѣжно розовымъ цвѣтомъ, преобразивъ каждую каплю росы въ сверкающій алмазъ и освѣщая постепенно дремлющія воды рѣки, пока они не превратились, наконецъ, въ блестящую расплавленную массу серебра.

Восторженнымъ голосомъ я началъ декламировать какіе-то стихи, когда Доддъ, котораго всѣ красоты природы никогда не могли заставить забыть о благосостояніи его желудка, вышелъ изъ палатки, и съ насмѣшливой торжественностью извинясь передо мной въ томъ, что дерзаетъ прервать мой монологъ, спросилъ меня, не удостою-ли я снизойдти до созерцанія матеріальныхъ предметовъ; сказавши мнѣ, что завтракъ готовъ, онъ при этомъ замѣтилъ, что поэтическое настроеніе моей души можетъ быть отложено въ сторону безъ особаго ущерба, между тѣмъ какъ завтракъ сильно пострадаетъ отъ промедленія. Сила этого довода, вмѣстѣ съ соблазнительнымъ запахомъ, доносившимся изнутри палатки, окончательно убѣдилъ меня. Я послѣдовалъ за нимъ, но между глотками горячаго супа все еще продолжалъ «грезить» о природѣ, по выраженію Додда. Послѣ завтрака палатка была снята, походныя вещи уложены, и занявъ наши мѣста на китоловномъ суднѣ, мы отчалили и снова стали медленно подниматься вверхъ по рѣкѣ. Растительность, не тронутая еще осенними морозами, имѣла почти тропическую роскошь. Высокая трава, испещренная цвѣтами, покрывала все пространство вплоть до самой рѣки; альпійскія розы и пятилистникъ росли частыми кустами вдоль берега, и роняли свои розовые и желтые листки на зеркальную поверхность водъ; желтые акилеи низко наклонялись надъ рѣкою и отражали въ ней свое прелестное изображеніе рядомъ съ грознымъ вулканомъ, и необыкновенныя камчатскія черныя лиліи, поникнувъ головками, росли тамъ и здѣсь въ печальномъ одиночествѣ, будто выражая своей траурной одеждой скорбь о какой-то утратѣ въ царствѣ цвѣтовъ.

Около полдня, лай собакъ извѣстилъ насъ о близости жилья, и

послѣ крутаго изгиба рѣки мы очутились передъ камчатскимъ поселеніемъ Окутой.

Камчатское селеніе на столько отличается отъ американскихъ пограничныхъ поселеній, что стоитъ краткаго описанія. Оно бываетъ расположено, обыкновенно, на небольшомъ возвышеніи у берега рѣки или потока, окружено группами тополей и березъ, и защищено высокими холмами отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Дома, скученныя въ безпорядкѣ у самаго берега, очень низки, построены изъ бревенъ, отесанныхъ и зазубренныхъ на концахъ, и проконопачены сухимъ мхомъ. Крыши покрыты сухой осокой или лубочными полосами, которыя свѣшиваются по сторонамъ и образуютъ большіе навѣсы. Вмѣсто стеколъ въ оконныхъ рамахъ часто бываютъ натянуты прозрачные рыбьи пузыри, сшитые, вмѣсто нитокъ, сухими жилами сѣвернаго оленя. Двери почти квадратныя, а трубы состоятъ изъ нѣсколькихъ прямыхъ жердей, составленныхъ такъ, что образуютъ высокую длинную трубку, обмазанную толстымъ слоемъ глины. Между домами вы встрѣтите съ полдюжины строеній необыкновенной архитектуры, называемыхъ «балаганами», которые служатъ кладовыми для запасовъ рыбы. Это простыя коническія постройки изъ бревенъ, на четырехъ столбахъ, не доходящія земли, для охраненія находящихся въ нихъ запасовъ отъ собакъ. Возлѣ каждаго дома, на горизонтально расположенныхъ жердяхъ, висятъ тысячи сушеныхъ лососей и весьма знакомый рыбный запахъ, наполняющій атмосферу, свидѣтельствуетъ о занятіи камчадаловъ и о ихъ пищѣ. Съ полдюжины лодокъ лежатъ опрокинутыя на песчаномъ берегѣ, покрытыя большими, искусно связанными, неводами, двое или трое длинныхъ узкихъ саней прислонены къ каждому дому и сотня или больше волкоподобныхъ собакъ, съ торчащими ушами, привязанныхъ на нѣкоторое разстояніе къ длиннымъ тяжелымъ шестамъ, лежатъ грѣясь на солнцѣ, и злобно ловятъ мухъ и комаровъ, которые нарушаютъ ихъ покой. Въ центрѣ селенія возвышается во всемъ величіи камчатско-византійской архитектуры православная церковь, выкрашенная красной краской, съ блестящими куполами, и составляетъ странную противуположность съ грубыми бревенчатыми домами и коническими «балаганами», ко-

торые она осѣняетъ своимъ сіяющимъ золотымъ крестомъ. Она построена обыкновенно изъ старательно отесанныхъ бревенъ, выкрашенныхъ густой красной краской и покрыта желѣзной крышей зеленаго цвѣта; надъ нею возвышаются два купола изъ жести, выкрашенные иногда въ небесно-голубой цвѣтъ, и усѣянные золотыми звѣздами.

Жители этихъ туземныхъ поселеній въ Южной Камчаткѣ имѣютъ смуглый цвѣтъ кожи; они значительно ниже ростомъ другихъ сибирскихъ народовъ, а характеромъ совершенно отличаются отъ кочующихъ племенъ коряковъ и чукчей, живущихъ далѣе на сѣверѣ. Вслѣдствіе того, что они вели жизнь осѣдлую, а не кочевую, они гораздо легче подпали подъ русское владычество, чѣмъ ихъ кочующіе сосѣди, и потому на нихъ отразилось въ болѣе значительной степени цивилизующее вліяніе сношеній съ русскими. Они всѣ почти приняли вѣру, нравы и обычаи своихъ завоевателей, и ихъ собственный, въ высшей степени странный языкъ, почти совсѣмъ выходитъ изъ употребленія. Я нигдѣ не встрѣчалъ такого великодушія, гостепріимства и добродушія во всѣхъ отношеніяхъ, какъ между ними. Какъ племя, они, безъ сомнѣнія, вырождаются. Съ 1780 г. ихъ убавилось болѣе чѣмъ на половину, а частыя эпидеміи и голодъ скоро сдѣлаютъ изъ нихъ сравнительно слабое и незначительное племя, которое наконецъ будетъ поглощено возрастающимъ русскимъ населеніемъ полуострова. Они утратили уже большую часть своихъ обычаевъ и повѣрій, и только случайное приношеніе собаки въ жертву какому нибудь злому духу бури или болѣзни даетъ современному путешественнику маленькое понятіе о ихъ первобытныхъ языческихъ обрядахъ. Они питаются преимущественно лососью, которая каждое лѣто, въ огромномъ количествѣ, заходитъ въ эти сѣверныя рѣки метать икру; ее ловятъ цѣлыми тысячами съ помощью багровъ, неводовъ и разными другими способами. Эта рыба, высушенная на открытомъ воздухѣ безъ соли, составляетъ почти единственную пищу камчадаловъ и ихъ собакъ во время долгихъ, холодныхъ сѣверныхъ зимъ. Впродолженіе лѣта, впрочемъ, ихъ пища болѣе разнообразна. Климатъ и почва рѣчныхъ низменно-

стей въ Южной Камчаткѣ позволяетъ воздѣлывать рожь; картофель и рѣпу, и весь полуостровъ изобилуетъ животной жизнью. Сѣверные олени и черные и бѣлые медвѣди всюду бродятъ по поросшимъ мхомъ равнинамъ, въ горахъ нерѣдко встрѣчаются дикіе бараны, и милліоны утокъ, гусей и лебедей всевозможныхъ разновидностей кишатъ на каждой рѣчкѣ, озерѣ и болотѣ по всей странѣ. Эти водяныя птицы ловятся въ огромномъ количествѣ, во время ихъ линянья, нарочно организованными партіями отъ пятидесяти до семидесяти пяти человѣкъ, которые на лодкахъ загоняютъ птицъ большой стаей въ какой нибудь узкій ручей, на концѣ котораго поставлена огромная сѣть, куда они всѣ и попадаются; тамъ ихъ убиваютъ дубинами, ощипываютъ и солятъ на зиму. Чай и сахаръ были введены въ употребленіе русскими и приняты очень охотно; на одномъ камчатскомъ полуостровѣ употребляется ежегодно того и другаго болѣе чѣмъ 90,000 фунтовъ. Хлѣбъ пекутъ теперь изъ ржи, которую камчадалы сѣютъ и мелютъ для собственнаго потребленія; но прежде занятія этой земли русскими, единственный туземный обращикъ хлѣба былъ родъ печенаго тѣста, состоящаго исключительно изъ превращенныхъ въ муку шишекъ красной камчатской лиліи. Единственные плоды, свойственные этой странѣ суть ягоды и одинъ родъ дикихъ вишенъ. Изъ ягодъ, которыхъ, впрочемъ, родится отъ пятнадцати до двадцати различныхъ сортовъ, самые употребительные черника, морошка и брусника. Эту послѣднюю туземцы собираютъ поздно осенью и замораживаютъ для зимы. Коровъ держатъ почти во всѣхъ камчатскихъ селеніяхъ и молока можно всегда найдти въ изобиліи. Оригинальное туземное кушанье, состоящее изъ кислаго молока, творога и сливокъ, посыпанное мелкимъ сахаромъ и корицей могло бы съ честью быть подано на самомъ изящномъ обѣдѣ.

Изъ всего этого видно, что жизнь въ камчатскихъ поселеніяхъ, разсматриваемая съ гастрономической точки зрѣнія, вовсе не такъ непріятна, какъ мы предполагали. Я видѣлъ туземцевъ, живущихъ въ долинѣ Камчатки также удобно и пользующихся такимъ же комфортомъ и почти такою же роскошью, какъ девять десятыхъ поселенцевъ на границѣ Западныхъ Штатовъ Америки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

«Іерусалимъ». — Жилища. — Камчатскій ужинъ. — Молитва. — Утомительная ѣзда.

Въ Окутѣ мы нашли обѣдъ, ожидавшій нашего прибытія, и поѣвъ наскоро хлѣба, молока и брусники въ маленькомъ туземномъ домикѣ, мы бодро вскочили на лошадей и потянулись неправильной вереницей черезъ лѣсъ; Доддъ и я ѣхали впереди и пѣли «Bonnie Dundee».

Мы держались все время около горной цѣпи, которая утромъ представляла такой живописный видъ, но, благодаря березовымъ и рябиновымъ рощамъ, которыми покрыты холмы у ихъ подножія, намъ только изрѣдка удавалось видѣть ихъ снѣжныя вершины между верхушками деревьевъ.

Передъ самымъ солнечнымъ закатомъ мы пріѣхали въ другую туземную деревеньку, мудро придуманное названіе которой я не въ состояніи былъ ни выговорить, ни написать; Доддъ былъ настолько добръ, что повторилъ мнѣ его пятнадцать или шестнадцать разъ, но съ каждымъ разомъ оно казалось мнѣ все труднѣе и неразборчивѣе, и я кончилъ тѣмъ, что назвалъ ее Іерусалимомъ. Для географической точности, я ее и намѣтилъ подъ этимъ именемъ на моей картѣ; но пусть будущіе комментаторы не принимаютъ этого съ торжествомъ за доказательство того, что разсѣянныя колѣна Израиля выселились въ Камчатку; это несправедливо, ибо я хорошо знаю, что это несчастное селеніе, прежде чѣмъ я сжалился надъ нимъ и назвалъ его Іерусалимомъ, было

извѣстно подъ такимъ варварскимъ именемъ, что ни еврейская азбука, ни какая другая изъ извѣстныхъ древнихъ не могла бы выразить его.

Утомленный непривычной верховой ѣздой, я взошелъ пѣшкомъ въ Іерусалимъ и, бросивъ уздечку одному камчадалу въ голубой нанковой рубашкѣ и въ панталонахъ изъ оленьей кожи, который привѣтствовалъ меня почтительнымъ поклономъ, я взошелъ усталый въ домъ, указанной мнѣ Вьюшинымъ, въ которомъ мы должны были остановиться.

Лучшее помѣщеніе, приготовленное для нашего пріема, состояло изъ низкой комнаты, стѣны, потолокъ и полъ которой изъ некрашеныхъ березовыхъ досокъ были такъ вычищены, что сдѣлали бы честь чистоплотнымъ хозяйкамъ извѣстнаго голландскаго города Брука. Огромная глиняная печь, выкрашенная старательно въ красный цвѣтъ, занимала одну сторону комнаты; скамья, три или четыре стула грубой работы и столъ были разставлены въ строгомъ порядкѣ съ другой стороны. Окна со стеклами, украшенныя пестрыми ситцевыми занавѣсками, пропускали теплые лучи солнца; нѣсколько грубыхъ американскихъ литографій висѣли тамъ и здѣсь на стѣнахъ; при видѣ этой безъукоризненной чистоты, царствующей повсюду, намъ стало вдругъ совѣстно за наши грязные сапоги и неизящный нарядъ. Для постройки этого дома и всѣхъ его принадлежностей не было употреблено другихъ орудій, кромѣ топора и ножа; но эти некрашенныя доски были до того тщательно вымыты водой и пескомъ, что бѣлизна ихъ вполнѣ вознаграждала за грубость работы.

Не было доски на полу, съ которой самый прихотливый человѣкъ не согласился бы ѣсть. Главное неудобство этого, какъ и всѣхъ домовъ въ южной Камчаткѣ, заключается въ черезчуръ низкихъ дверяхъ. Надобно пріобрѣсть долгой практикой необыкновенную гибкость спиннаго хребта, чтобъ не чувствовать особеннаго утомленія при входахъ и выходахъ изъ такихъ дверей. Вьюшинъ и Доддъ, уже прежде путешествовавшіе по Камчаткѣ, принаравливались безъ труда къ этой особенности туземной архитектуры, но у маіора и у меня, впродолженіе первыхъ двухъ не-

дѣль путешествія, постоянно были шишки на лбу, необыкновенный размѣръ которыхъ привелъ бы въ недоумѣніе самаго Шпурцгейма или Галля. Если-бъ ненормальный объемъ шишекъ сопровождался соотвѣтствующимъ развитіемъ способностей, то это вознаградило бы насъ нѣсколько за изуродованіе нашихъ головъ, но къ несчастію шишка предусмотрительности выростала нерѣдко до величины гусинаго яйца, а мы все-таки не дѣлались предусмотрительнѣе, и только тогда замѣчали перекладину, когда ударялись о нее головами.

Казакъ, посланный впередъ, чтобы предупредить туземцевъ о нашемъ прибытіи, такъ преувеличилъ нашу власть и значеніе, что іерусалимляне сдѣлали самыя тщательныя приготовленія для нашего пріема. Дома, предназначенныя для нашего пребыванія, были старательно выскоблены, вымыты и украшены; женщины одѣлись въ самыя пестрыя ситцевыя платья и повязались самыми яркими шелковыми платками; большая часть дѣтскихъ личиковъ была заботливо вымыта мыльной водой и мочалками; со всей деревни собрано было необходимое количество тарелокъ, чашекъ и ложекъ для нашего ужина, и добровольныя приношенія, въ видѣ утокъ, оленьихъ языковъ, брусники и топленыхъ сливокъ, сыпались на насъ въ изобиліи, которое свидѣтельствовало равно о готовности и гостепріимствѣ жителей, какъ и объ ихъ сочувствіи къ нуждамъ усталыхъ путешественниковъ. Аппетитъ нашъ былъ возбужденъ свѣжимъ горнымъ воздухомъ, и черезъ часъ мы сидѣли за великолѣпнымъ ужиномъ, состоящимъ изъ холодной жареной утки, вареннаго оленьяго языка, чернаго хлѣба и свѣжаго масла, брусники и сливокъ, и превосходнаго варенья изъ лепестковъ дикой розы перетертыхъ съ сахаромъ. Мы ѣхали въ Камчатку, напередъ героически приготовясь къ постоянной діэтѣ, ограничивающейся ворванью, свѣчнымъ саломъ и тресковымъ жиромъ; представьте же себѣ наше изумленіе и радость, когда вмѣсто этого насъ угощали такою роскошью, какъ брусника, сливки и варенье. Ѣлъ ли когда нибудь Лукуллъ розовые лепестки въ сахарѣ въ своихъ прославленныхъ Тускулунскихъ садахъ? Никогда! Первоначальный рецептъ для приготовленія небесной амброзіи былъ по-

терянъ ранѣе «Ужиновъ Лукулла», но онъ былъ снова открытъ пренебрегаемыми жителями Камчатки, и предлагается теперь міру, какъ первое приношеніе Гипербореевъ въ сокровищницу гастрономической науки. Возьмите равное количество сахару рафинаду и лепестковъ альпійской розы, прибавьте немного брусничнаго сока, превратите все это въ густую розовую массу, подайте ее на крашеныхъ блюдечкахъ изъ жимолости и вообразите, что вы пируете съ богами на вершинѣ Олимпа.

Сейчасъ же послѣ ужина, я растянулся на полу подъ столомъ, который замѣнялъ мнѣ балдахинъ надъ кроватью, поправилъ свою маленькую резиновую подушку, завернулся, подобно муміи, въ одѣяло и заснулъ.

Маіоръ, встававшій всегда рано, проснулся на слѣдующее утро съ разсвѣтомъ. Доддъ и я придерживались, по счастью, противуположнаго мнѣнія и смотрѣли на раннее вставанье, какъ на остатокъ варварства, котораго не можетъ придерживаться американецъ девятнадцатаго столѣтія, не унижая себя. Поэтому мы согласились съ нимъ спокойно спать до тѣхъ поръ, пока «караванъ», по непочтительному выраженію Додда, не будетъ готовъ двинуться въ путь, или по крайней мѣрѣ покуда насъ не позовутъ завтракать. Но вскорѣ послѣ разсвѣта меня разбудилъ страшный шумъ, и смутно вообразивъ, что я присутствую при особенно оживленномъ митингѣ, я вскочилъ, ударился сильно головой о ножку стола, открылъ въ удивленіи глаза и дико посмотрѣлъ вокругъ себя. Маіоръ, полуодѣтый, яростно кричалъ и проклиналъ нашихъ испуганныхъ извощиковъ классическими «русскими словами» за то, что всѣ лошади ночью сорвались и ушли, чертъ только зналъ куда, какъ онъ объяснялъ съ выразительной простотой. Это было несчастное начало для нашей компаніи; но впродолженіе двухъ часовъ всѣ почти изъ нашихъ заблудившихся лошадей были найдены, навьючены, и послѣ ни къ чему не ведущей перебранки извощиковъ, мы повернулись спинами къ Іерусалиму и медленно двинулись въ путь.

День былъ прекрасный, теплый лѣтній; необыкновенная тишина и какое-то праздничное спокойствіе царствовало во всей

природѣ. Листья березъ и ольхи, разсѣянныхъ по обѣимъ сторонамъ тропинки, не шевелились подъ теплыми лучами солнца, сонливое карканье вороны на далекой лиственницѣ долетало до нашихъ ушей съ поразительной ясностью, и намъ казалось, что мы различали правильный прибой волнъ на отдаленномъ берегѣ. Въ воздухѣ слышалось слабое жужжанье пчелъ, и красные кисти брусники, которую наши лошади топтали на каждомъ шагу, распространяли вокругъ себя благоуханіе. Все кажется манило усталаго путника растянуться на душистой, согрѣтой солнцемъ, травѣ и пролежать такъ цѣлый день въ сладкомъ бездѣйствіи, прислушиваясь къ жужанью пчелъ, вдыхая нѣжный запахъ раздавленной брусники и глядя на кольца дыма, которыя медленно поднимались надъ кратеромъ высокаго, бѣлѣющагося вулкана. Я замѣтилъ смѣясь Додду, что вмѣсто Сибири, этой холодной страны изгнанія, мы были перенесены вѣроятно какимъ нибудь волшебствомъ, какъ въ Тысячѣ и одной ночи, на родину «поклонниковъ лотоса». «Будь онъ проклятъ, этотъ климатъ поклонниковъ лотоса, прервалъ онъ меня, рѣзко ударяя себя яростно по лицу; поэты не говорятъ о томъ, что поклонники лотоса пожираются такими проклятыми комарами, какъ эти, и они-то служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что мы въ Камчаткѣ—ни въ какой другой странѣ они не достигаютъ величины шмелей».

Максимовъ, глава нашихъ извощиковъ, воображая вѣроятно по окружающей его темнотѣ и спокойствію, что это должно быть воскресенье, медленно ѣхалъ между разсѣянными группами серебристыхъ березъ, которыя осѣняли тропинку, и пѣлъ громкимъ звучнымъ голосомъ молитву изъ православнаго богослуженія; онъ прерывалъ иногда это благочестивое занятіе такими выразительными ругательствами, обращенными къ своей лошади, что они возбудили бы изумленіе и зависть въ самомъ нечестивомъ солдатѣ фландрской арміи.

Онъ, повидимому, не сознавалъ несовмѣстности пѣнія молитвы съ нечестивыми восклицаніями, которыми онъ сопровождалъ ее; но еслибъ даже онъ и сознавалъ это вполнѣ, то, по всей вѣроятности, счелъ бы пѣніе искупленіемъ за свою нечестивость и про-

должалъ бы съ невозмутимымъ равнодушіемъ, вполнѣ увѣренный, что если онъ будетъ сопровождать каждое проклятіе пѣніемъ священнаго стиха, то это зачтется ему на небесахъ.

Дорога, или лучше сказать тропинка, изъ Іерусалима шла на западъ, и вилась у подножія низкаго обнаженнаго ряда горъ, черезъ густой лѣсъ березъ и тополей. Изрѣдка намъ попадалась поляна, поросшая брусникой, и тогда мы внимательно озирались, ожидая увидѣть медвѣдя; но все вокругъ было тихо и спокойно, даже кузнечики чирикали какъ-то сонно и лѣниво, какъ будто и они готовы были поддаться тому усыпляющему вліянію, которое, казалось, овладѣло всей природой.

Чтобы избавиться отъ комаровъ, преслѣдованія которыхъ становились почти невыносимы, мы быстро поѣхали по широкой, плоской долинѣ, густо поросшей высокими, зонтичными растеніями, рысью поднялись на маленькой холмъ, и ускореннымъ галопомъ прискакали въ селеніе Коракъ, посреди воя и лая полудикихъ собакъ, ржанія лошадей, бѣготни людей и всеобщаго смятенія.

Въ Коракѣ мы перемѣнили большую часть нашихъ лошадей и людей, позавтракали наскоро подъ навѣсомъ мшистаго камчатскаго дома и въ два часа отправились въ Малкву, другое селеніе, на разстояніи пятидесяти миль за рѣкою Камчаткой. Около вечера, послѣ пятнадцати или шестнадцати миль быстрой ѣзды, мы внезапно выѣхали изъ густой рощи тополей, березъ и рябины, и очутились на маленькой полянѣ, имѣющей около полдесятины протяженія, которая нарочно, казалось, была создана для лагерной стоянки. Она была окружена съ трехъ сторонъ лѣсомъ, а четвертая оканчивалась дикимъ ущельемъ, загроможденнымъ утесами, бревнами, частымъ кустарникомъ и колючими растеніями. Свѣтлый, холодный ручей выбѣгалъ рядомъ пѣнящихся водопадовъ изъ рытвины и мчался далѣе по песчаному руслу между цвѣтущими берегами, пока не исчезалъ между деревьями. Напрасно было бы искать лучшаго мѣста для ночлега, и мы рѣшились остановиться здѣсь до разсвѣта. Привязать нашихъ лошадей къ приколу, набрать сушнику для костра, повѣсить надъ нимъ чайникъ и разбить маленькую палатку — было дѣломъ нѣсколькихъ ми-

нутъ и скоро мы всѣ уже лежали, растянувшись на нашихъ теплыхъ медвѣжьихъ шкурахъ, вокругъ свѣчнаго ящика, покрытаго полотномъ, пили чай, разсуждали о Камчаткѣ и слѣдили за розовымъ блескомъ вечерней зари, которая медленно исчезала за западной цѣпью горъ.

Такъ какъ въ эту ночь я былъ убаюканъ плескомъ и журчаньемъ воды и звономъ колокольчиковъ нашихъ лошадей, долетавшимъ до меня изъ-за деревьевъ, то и пришелъ къ убѣжденію, что ничего не можетъ быть пріятнѣе кочевой жизни въ Камчаткѣ.

Мы добрались до Малквы на слѣдующій день, усталые и измученные. Дорога, изрытая ухабами, вела черезъ узкія ущелья, заваленныя обломками утесовъ и вырванными съ корнями деревьями, черезъ болота, поросшія мхомъ и черезъ крутые обрывы, на которые мы не отваживались взбираться верхомъ. Лошади нѣсколько разъ сбивали насъ съ сѣдла, наши ящики съ провизіей нѣсколько разъ разбивались о деревья и погружались въ трясины; подпруги лопались, извощики бранились, лошади падали и со всѣми нами безпрестанно случались разныя несчастія. Маіоръ, хотя и не привыкшій къ этимъ непріятностямъ путешествія по Камчаткѣ, переносилъ ихъ съ спартанской стойкостью, но я замѣтилъ, что на послѣднихъ десяти миляхъ онъ подложилъ подъ себя подушку и отъ времени до времени кричалъ Додду, который съ стоическимъ хладнокровіемъ ѣхалъ впереди «Доддъ! о Доддъ! не доѣхали мы еще до этой проклятой Малквы?» Доддъ ударялъ свою лошадь ивовымъ хлыстомъ, повертывался въ полуоборотъ на сѣдлѣ и отвѣчалъ съ насмѣшливой улыбкой, что «мы еще не доѣхали, но скоро доѣдемъ». Но это двусмысленное утѣшеніе не придавало намъ большой бодрости. Наконецъ, когда уже начало смеркаться, мы увидали, въ нѣкоторомъ разстояніи, высокій столбъ бѣлыхъ испареній, происхожденіе которыхъ Доддъ и Вьюшинъ объяснили намъ горячими родниками Малквы; и черезъ четверть часа, дѣйствительно, мы въѣхали усталые, промокшіе и голодные въ селеніе. Ужинъ былъ для меня уже второстепеннымъ предметомъ въ этотъ вечеръ. Я желалъ только одного: забраться подъ столъ, гдѣ бы никто меня не потревожилъ и остаться одному. Никогда еще я не

ощущалъ такъ живо присутствіе своей мускульной и костной системы; каждая отдѣльная косточка, каждая жилка моего тѣла громко заявляли о своемъ существованіи острой болью, и мой хребетъ черезъ двадцать минутъ сдѣлался такъ же не гибокъ, какъ желѣзный шомполъ.

Я печально сознавалъ, что никогда уже не буду пяти футовъ и десяти дюймовъ роста, какъ бывало прежде, развѣ только на какомъ нибудь Прокрустовомъ ложѣ меня вытянутъ до первоначальной длины. Я полагалъ, что многочисленныя сотрясенія привели мои позвонки въ ненормальное положеніе, которое никакая операція не въ состояніи уже будетъ исправить. Перебирая въ умѣ эти мрачныя мысли, я заснулъ подъ столомъ, не снявъ даже сапоговъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Малква.—Прекрасная мѣстность.—Генуль.—Охота за медвѣдемъ.—Луцинъ.

На слѣдующее утро намъ очень трудно было снова влѣзать на сѣдла, но маіоръ оставался нечувствительнымъ ко всѣмъ просьбамъ дать маленькій отдыхъ. Суровый и непоколебимый, какъ Радамантъ, онъ влѣзъ на свою пуховую подушку и далъ сигналъ къ отъѣзду. Съ помощью двухъ сострадательныхъ камчадаловъ, которые, можетъ быть, испытали когда нибудь все неудобство окоченѣлаго спиннаго хребта, мнѣ удалось сѣсть верхомъ на новую лошадь и мы двинулись въ Генульскую долину, въ этотъ садъ Южной Камчатки.

Селеніе Малква расположено на сѣверной покатости бассейна рѣки Камчатки, окружено невысокими, голыми гранитными утесами и напомнило мнѣ немного своимъ мѣстоположеніемъ Виргинскій городъ Неводу.

Оно особенно замѣчательно своими горячими минеральными источниками, но такъ какъ мы не имѣли времени сами посѣтить ихъ, то и должны были ограничиться отзывами туземцевъ о ихъ температурѣ и цѣлительныхъ свойствахъ, и довольствоваться только видомъ испареній, которыя въ формѣ столба поднимаются надъ ними и указываютъ на мѣсто ихъ нахожденія. Съ сѣверной стороны деревни начинается длинная, узкая долина Генульская, лучшая и плодороднѣйшая на всемъ камчатскомъ полуостровѣ. Она

имѣетъ около тридцати миль въ длину и трехъ въ ширину, и ограничена съ обѣихъ сторонъ высокой снѣжной цѣпью горъ, простирающейся отъ Макввы длиннымъ рядомъ изрытыхъ вершинъ и остроконечныхъ утесовъ почти до самыхъ источниковъ рѣки Камчатки. Небольшая рѣчка, извиваясь, течетъ по долинѣ посреди высокой травы, достигающей отъ четырехъ до пяти футовъ, и по берегамъ ея мѣстами ростутъ березы, ивы и ольха. Листва деревьевъ начинаетъ уже принимать яркіе цвѣта осени и широкія, красныя, желтыя и зеленыя полосы горизонтально тянутся вдоль горныхъ склоновъ, свидѣтельствуя о постепенной правильной послѣдовательности растительныхъ поясовъ, отъ самаго уровня долины и до сіяющихъ снѣговъ высочайшихъ вершинъ.

Мы достигли середины долины около полдня, и потому картина окружающей насъ природы предстала передъ нами во всемъ своемъ блескѣ и величіи; видъ ея невольно вырвалъ восторженныя восклицанія у всей нашей маленькой партіи. На двадцать миль вокругъ простиралась освѣщенная солнцемъ долина, по которой мчалась рѣчка Генуль, соединяя какъ бы серебряной лентой разсѣянныя группы березъ и ольхъ, которыя мѣстами разнообразили ея берега. Подобно Счастливой Долинѣ Расселаса, она казалась отдѣленною отъ остальнаго міра неприступными горами, снѣжныя вершины которыхъ соперничали между собою своей живописной красотой и разнообразіемъ и причудливостью своихъ очертаній, съ которыми могли сравниться только самыя несбыточныя фантазіи восточной архитектуры. Средняя часть ихъ покатости была опоясана широкой, горизонтальной полоской темнозеленыхъ сосенъ, составляющихъ рѣзкую и прекрасную противоположность съ бѣлизною снѣговыхъ вершинъ и яркимъ пурпуромъ рябины у ихъ подножія. Какой-то титаническій молотъ, казалось, раскололь мѣстами эти горы, оставляя глубокія, тѣсныя ущелья и рытвины, куда съ трудомъ могъ проникнуть солнечный лучъ, и глазъ терялся въ ихъ мракѣ. Представьте себѣ вмѣстѣ съ этимъ теплый, благоухающій воздухъ и синее небо, усѣянное такими прозрачными облачками, что они не могли даже бросать тѣни на землю, и вы можетъ быть получите слабое понятіе объ одной изъ прекраснѣйшихъ мѣстностей

всей Камчатки. Въ Сіеррѣ Невадѣ вы найдете болѣе дикіе и суровые виды, но ни въ Калифорніи, ни въ Невадѣ я не видалъ, чтобъ такія отличительныя черты зимы и лѣта, какъ снѣгъ и розы, голый гранитъ и ярко окрашенная листва, представляли такое гармоническое соединеніе, какъ въ Генульской долинѣ, въ солнечный день ранней осенью.

Доддъ и я посвятили бо́льшую часть послѣобѣденнаго времени на собираніе ягодъ и на уничтоженіе ихъ. Мы ускакали впередъ, оставивъ караванъ на нѣсколько миль позади насъ, улеглись подъ тѣнью особенно роскошной рощи на берегу рѣчки, привязали лошадей у нашихъ ногъ и, грѣясь на солнцѣ, наслаждались желтой, душистой морошкой и великолѣпной темно-красной брусникой, пока все наше платье не покрылось малиновыми пятнами, а наши лица и руки походили на руки и лица двухъ Каманчей, собирающихся на войну.

Солнце еще не садилось, когда мы приблизились къ селенію Гекуль. Мы проѣхали поле, гдѣ мужчины и женщины жали траву грубыми серпами, отвѣтили на ихъ удивленный взглядъ невозмутимымъ спокойствіемъ и поѣхали дальше, пока дорога не оборвалась внезапно у рѣки, за которой лежала деревня. Ставъ на колѣна на сѣдлахъ, намъ удалось переѣхать въ бродъ неглубокій потокъ, не замочивъ платье, но черезъ минуту мы очутились у другой подобной же рѣчки. Переѣхавъ эту такимъ же способомъ, мы подъѣхали къ третьей. Мы терпѣливо перебрались и черезъ нее, но при видѣ четвертой рѣки, маіоръ съ отчаяніемъ закричалъ Додду:

— Эй! Доддъ! Сколько поганыхъ рѣченокъ должны мы переѣхать, чтобъ добраться до этой скверной деревни?

— Только одну, — отвѣчалъ Доддъ серьезно. — Одну!

— Такъ сколько же разъ эта одна рѣка протекаетъ вокругъ этого одного селенія?

— Пять разъ, — былъ спокойный отвѣтъ.

— Вы видите, — продолжалъ онъ сдержанно, у этихъ бѣдныхъ Камчадаловъ только и есть одна рѣка, въ которой они могутъ ловить рыбу, и то не широкая, они и провели ее пять разъ вокругъ своего селенія, и этимъ остроумнымъ способомъ ловятъ въ пять разъ больше лососей, чѣмъ еслибъ она протекала только одинъ разъ!

Маіоръ молчалъ и соображалъ, кажется, непонятную задачу. Наконецъ, онъ поднялъ глаза съ сѣдельной шишки, перенесъ ихъ на провинившагося Додда съ видомъ строгаго порицанія и спросилъ торжественно:

— Сколько разъ данная рыба должна проплыть мимо даннаго селенія, чтобъ снабдить пищей все населеніе, предполагая, что рыбу ловятъ каждый разъ, какъ она проходитъ мимо?

— Это *reductio ad absurdum* было уже слишкомъ для напускной серьезности Додда,—онъ разразился громкимъ смѣхомъ и, пришпоривъ свою лошадь, съ шумомъ и плескомъ бросился въ четвертый рукавъ или изгибъ рѣки, и пріѣхалъ на противуположный берегъ, въ селеніе Гекуль.

Мы остановились въ домѣ «старосты» или начальника селенія, разстелили наши медвѣжьи шкуры на чистомъ, бѣломъ полу низенькой комнаты, оклеенной самымъ забавнымъ образомъ старыми экземплярами «Лондонской Иллюстраціи». Раскрашенная американская литографія, изображающая примирительный поцѣлуй двухъ поссорившихся любовниковъ, висѣла на стѣнѣ и составляла по видимому гордость своего обладателя, свидѣтельствуя о его образованіи, утонченномъ вкусѣ и его знакомствѣ съ изящными искусствами, образомъ жизни и обычаями американскаго общества.

Доддъ и я, не смотря на нашу усталость, посвятили вечеръ на исключительно литературныя занятія, старательно разыскивая, съ помощью сальной свѣчки, послѣдовательныя нумера «Иллюстраціи» по стѣнамъ и потолку; мы находили придворныя извѣстія на березовой доскѣ и некрологи знаменитыхъ англичанъ на дверяхъ. Посредствомъ трудолюбія и устойчивости, мы прочли въ этотъ вечеръ цѣлую стѣну и пріобрѣли значительное количество полезныхъ свѣденій относительно войны въ Новой Зеландіи, что насъ поощрило продолжать наши изслѣдованія остальныхъ трехъ стѣнъ и потолка на слѣдующее утро. Но къ величайшему сожалѣнію, мы должны были продолжать наше путешествіе, не успѣвъ узнать, чѣмъ кончилась эта война, и до сего дня не могли добрать свѣденій на этотъ счетъ!

Не было еще шести часовъ, какъ мы уже ѣхали на свѣжихъ лошадяхъ въ Пущинъ, до котораго считалось девяносто верстъ.

Одежда нашей маленькой партіи имѣла теперь самый странный, почти разбойничій видъ, такъ какъ каждый изъ насъ отъ времени до времени разставался съ нѣкоторыми принадлежностями европейскаго костюма, которыя оказывались неудобными, и замѣнялъ ихъ разнообразными и живописными нарядами, болѣе соотвѣтствующими требованьямъ варварской жизни. Доддъ снялъ свою шапку и повязалъ голову краснымъ платкомъ съ желтыми узорами. Вьюшинъ украсилъ свою шляпу длинной пунцовой лентой, которая весело развѣвалась по вѣтру. Голубая охотничья рубашка и красная турецкая феска, замѣнили мой мундиръ и шапку. У насъ у всѣхъ были карабины за плечами и револьверы у пояса, и вообще по наружности мы походили на самыхъ фантастическихъ разбойниковъ, когда либо дѣлавшихъ набѣги изъ Аппенинскихъ ущелій, чтобъ сбирать разбойничью дань съ беззащитныхъ путешественниковъ. Робкій туристъ, встрѣтивъ насъ, несшихся во весь духъ по равнинѣ въ Пущинъ, вѣроятно, упалъ бы передъ нами на колѣна и вынулъ бы свой кошелекъ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Имѣя свѣжихъ и бойкихъ лошадей, Маіоръ, Доддъ, Вьюшинъ и я—мы ѣхали весь день далеко впереди остальной нашей партіи.

Поздно за полдень, когда мы крупной рысью ѣхали черезъ равнину, извѣстную подъ именемъ Камчатской Тундры, Маіоръ вдругъ осадилъ свою лошадь, сдѣлалъ полуоборотъ и закричалъ: «Медвѣдь! медвѣдь!» и огромный, черный медвѣдь молча поднялся изъ высокой травы, у самыхъ его ногъ.

Смятеніе, надобно сознаться, произошло чрезвычайное. Вьюшинъ снялъ съ плеча свое двухствольное ружье и началъ насыпать въ него крупную дробь; Доддъ схватилъ свой револьверъ съ бѣшеной энергіей, между тѣмъ какъ лошадь уносила его по равнинѣ.

Маіоръ бросилъ поводья и умолялъ меня всѣми святыми не выстрѣлить въ *него*, такъ какъ лошади прыгали, лягались и фыркали самымъ немилосерднымъ образомъ. Единственное спокойное, владѣющее собой существо во время этой сцены, былъ медвѣдь.

Онъ холодно оглядывалъ всѣхъ окружающихъ впродолженьи нѣсколькихъ секундъ и потомъ, неуклюжимъ галопомъ, побѣжалъ къ лѣсу. Къ намъ тотчасъ же вернулось все наше присутствіе духа и мы начали преслѣдовать бѣглеца съ истиннымъ геройствомъ, крича бѣшено, «остановите его», стрѣляя съ самымъ рѣшительнымъ и неустрашимымъ видомъ изъ четырехъ револьверовъ и ружья и показывая чудеса храбрости въ нашихъ попыткахъ, изловить кровожаднаго звѣря, но не подъѣзжая, впрочемъ, къ нему ближе, чѣмъ на сто аршинъ. Все было напрасно. Медвѣдь исчезъ въ лѣсу, подобно легкой тѣни и, предполагая, что вслѣдствіе извѣстной своей кровожадности и мстительности, онъ могъ намъ приготовить въ лѣсу западню, мы сочли за лучшее доказательство храбрости, отказаться отъ его преслѣдованья. Провѣривъ наши впечатлѣнія, мы нашли, что всѣ были одинаково поражены его величиной, косматой шерстью и его дикой наружностью вообще, и что всѣми нами тотчасъ-же овладѣло непреодолимое желанье, взять его за горло и распороть ему животъ складнымъ ножомъ, какъ это такъ хорошо изображали въ старыхъ географіяхъ. Ничто иное какъ неповиновенье нашихъ лошадей и быстрота его бѣгства, помѣшали намъ достигнуть желанной цѣли. Маіоръ утверждалъ даже, что видѣлъ медвѣдя еще ранѣе, и наѣхалъ на него вплоть только для того, чтобъ «спугнуть его», и что если мы не отдадимъ ему этой должной справедливости, то можемъ наѣзжать на слѣдующаго медвѣдя сами. Разобравъ впослѣдствіи это дѣло спокойно и безпристрастно, я счелъ за самое вѣроятное, что если другой медвѣдь самъ не попадется маіору, этотъ послѣдній никогда не свернетъ съ дороги, чтобъ спугнуть его. Мы сочли, впрочемъ, нашимъ долгомъ предостеречь его, чтобъ онъ не подвергалъ опасности успѣхъ нашей экспедиціи такими безразсудными подвигами, какъ преслѣдованье дикихъ звѣрей.

Смерклось гораздо прежде, чѣмъ мы успѣли доѣхать до Пущина; но прохладный вечерній воздухъ освѣжилъ немного нашихъ усталыхъ лошадей, и около восьми часовъ, мы услыхали отдаленный вой собакъ, который мы привыкли уже въ нашемъ воображеніи соединять съ понятіями о горячемъ чаѣ, отдыхѣ и снѣ.

Черезъ двадцать минутъ, мы покойно лежали на нашихъ медвѣжьихъ шкурахъ въ Камчатскомъ домикѣ.

Мы сдѣлали шестьдесятъ миль сегодня съ разсвѣта; но дорога была хороша, мы начинали привыкать къ верховой ѣздѣ и не чувствовали уже такой усталости, какъ въ Маиквѣ. Только тридцать верстъ отдѣляли насъ отъ верховья рѣки Камчатки, гдѣ мы должны были оставить нашихъ лошадей и 250 миль плыть внизъ по рѣкѣ на паромахъ или туземныхъ лодкахъ.

Послѣ четырехчасовой ѣзды, крупной рысью, по плоской равнинѣ, мы на слѣдующее утро прибыли въ Шеромъ, гдѣ для насъ были уже приготовлены паромы.

Съ немалымъ сожалѣньемъ простился я на время съ путешествіемъ верхомъ.

Такая жизнь нравилась мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ и я не помню поѣздки, доставившей мнѣ болѣе чистыхъ, здоровыхъ наслажденій, чѣмъ это восхитительное путешествіе. Впрочемъ, вся Сибирь лежала передъ нами, и наши сожалѣнія, при разставаньи съ мѣстностями, которыхъ мы больше не должны увидать, смягчались ожиданьемъ будущихъ приключеній и новыхъ мѣстъ, еще болѣе величественныхъ, чѣмъ тѣ, которыя мы посѣтили до сихъ поръ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Шеромъ.—Плаваніе.—Милькова.—Восторженный пріемъ.

Для человѣка, склоннаго къ лѣни, путешествіе на лодкѣ, внизъ по рѣкѣ, имѣетъ какую-то особенную прелесть. Грей, кажется, въ одной изъ своихъ элегій сказалъ, что его представленіе о раѣ было «лежать на диванѣ и вѣчно читать новые романы Мориво и Кребильона.»

Еслибъ знаменитому автору элегіи пришлось бы когда нибудь растянуться на открытой палубѣ камчатской лодки, устланной на шесть дюймовъ душистыми цвѣтами и свѣжимъ сѣномъ, плыть медленно внизъ по широкой, тихой рѣкѣ, между рядами покрытыхъ снѣгомъ горъ, мимо рощей въ ихъ желтой и пурпуровой одеждѣ и обширныхъ степей съ волнующеюся высокой травой; слѣдить за полнымъ мѣсяцомъ, когда онъ восходитъ надъ одинокой снѣжной вершиной Клюивской сопки, отражаясь въ рѣкѣ узкой полосой дрожащаго свѣта, и прислушиваться къ плеску веселъ и тихой, меланхолической пѣснѣ гребцовъ,—онъ бросилъ бы Мариво и Кребильона за бортъ, и вообразилъ бы себѣ лучшую картину райскихъ наслажденій.

Я знаю, что подвергаюсь упреку въ преувеличеньи, восхваляя такъ камчатскую мѣстность, и что мой восторгъ вызоветъ, можетъ быть, насмѣшливую улыбку у болѣе опытнаго путешественника, видѣвшаго Италію и Альпы; но я описываю предметы такими, какими они казались мнѣ, и не требую, чтобъ сила впечатлѣнья, которое они произвели на меня, была одинакова для людей болѣе меня видѣвшихъ и испытавшихъ. Еслибъ я когда нибудь ѣхалъ по Рейну, или видѣлъ восходъ луны надъ Неаполитанскимъ заливомъ, я, можетъ быть, не приходилъ бы въ такой восторгъ отъ Камчатскихъ видовъ; но въ сравненьи съ тѣмъ, что я видѣлъ до сихъ поръ, горныя мѣстности Южной и Средней Камчатки казались мнѣ восхитительными. Въ Шеромѣ, благодаря передовому курьеру, мы нашли судно, или Камчатскій паромъ, приготовленный для нашего пріема. Онъ состоялъ изъ трехъ широкихъ выдолбленныхъ лодокъ, поставленныхъ параллельно на разстояньи трехъ футовъ одна отъ другой и связанныхъ ремнями изъ тюленьей кожи, для укрѣпленья поперечныхъ шестовъ. На нихъ постланъ былъ полъ, или платформа, около двѣнадцати футовъ длины и десяти ширины, оставляя на каждой лодкѣ мѣсто на кормѣ и на носу для гребцовъ, которые должны были вести и гнать впередъ неуклюжее судно, какимъ то неизвѣстнымъ, но безъ сомнѣнья, цѣлесообразнымъ способомъ. На платформѣ, покрытой на шесть дюймовъ только-что скошенной травой, мы разбили нашу маленькую палатку и превратили ее съ помощью медвѣжьихъ шкуръ, одѣялъ и подушекъ въ очень уютную комнатку. Карабины и револьверы были сняты съ нашего усталаго тѣла и повѣшены на шесты въ палаткѣ; тяжелые охотничьи сапоги были скинуты безъ церемоніи и замѣнены мягкими лосиными торбасами; сѣдла были убраны въ надлежащемъ порядкѣ до будущей въ нихъ надобности и всѣ наши вещи разставлены такъ, чтобъ доставить намъ возможныя въ нашемъ положеніи роскошь и удобство.

После двухчасоваго отдыха, впродолженьи котораго нашъ тяжелый багажъ былъ перенесенъ на другой подобный паромъ, мы сошли на песчаный берегъ, простились съ толпой, собравшейся смотрѣть на нашъ отъѣздъ, помѣстились на наше судно и поплыли тихо по теченію, между тѣмъ какъ камчадалы съ берега махали намъ шляпами и платками, пока изгибъ рѣки не скрылъ насъ отъ ихъ глазъ. Мѣстность у верховьевъ Камчатки, впродолженьи первыхъ двадцати миль, была сравнительно неинтересна и однообразна, такъ какъ горы были совершенно скрыты отъ глазъ густымъ лѣсомъ сосенъ,

березъ и лиственницъ, который доходилъ до самаго берега. Для насъ, впрочемъ, сначала было довольно того, что мы лежали, растянувшись въ палаткѣ, на мягкихъ медвѣжьихъ шкурахъ, любуясь на ярко окрашенную и разнообразную листву деревьевъ, и мчались молча по гладкой поверхности воды, слѣдуя за ея крутыми изгибами, вспугивая огромнаго камчатскаго орла, одиноко сторожившаго на какомъ нибудь выдающемся утесѣ, или стаю крикливыхъ водяныхъ птицъ, которыя улетали длинной вереницей, пока совсѣмъ не исчезали изъ вида. Плаванье по верховью Камчатки нѣсколько опасно ночью, по случаю быстроты теченія и множеству сучьевъ, загромождающихъ рѣку; такъ что съ наступленьемъ темноты, наши туземные гребцы не отважились идти далѣе, вслѣдствіе чего мы причалили наши паромы и сошли на берегъ ожидать восхожденья луны.

Маленькій полукругъ былъ расчищенъ въ частомъ кустарникѣ у берега, огни разведены, котлы съ картофелемъ и рыбой повѣшены надъ кострами, и всѣ мы, собравшись вокругъ веселаго пламени, начали курить, разговаривать и пѣть американскія пѣсни въ ожиданіи ужина. Вся эта сцена для цивилизованнаго глаза показалась бы очень странной и живописной. Темная, пустынная рѣка, плескавшаяся печально о сломанныя деревья, загромоздившія ея русло; густой, дѣвственный лѣсъ, тихо шептавшій мимолетному вѣтру о своемъ удивленьи при видѣ этого вторженія въ его завѣтныя тайны; яркій, бивуачный огонь, бросающій красный отблескъ на гладкую поверхность рѣки, и освѣщающій какимъ-то зловѣщимъ свѣтомъ окружающій лѣсъ; группа странно одѣтыхъ людей, полулежащихъ беззаботно вокругъ костровъ на мохнатыхъ медвѣжьихъ шкурахъ,—все это вмѣстѣ представляло картину, достойную кисти Рембрандта.

Послѣ ужина, мы придумали себѣ новую забаву: соорудили огромный костеръ изъ сушника на берегу и начали бросать горячія головни въ лососей, когда они метались въ рѣкѣ, и въ испуганныхъ утокъ, сонъ которыхъ былъ нарушенъ непривычнымъ шумомъ и свѣтомъ. Когда ничего не осталось послѣ нашего костра, кромѣ кучи горячей золы, мы разостлали наши медвѣжьи шкуры

на мягкомъ пескѣ у рѣчнаго берега и улеглись, глядя на мерцающія звѣзды до тѣхъ поръ, пока сознаніе не перешло понемногу въ дремоту, а дремота въ полное забытье.

Около полуночи, меня разбудили потоки дождя, падающіе на мое лицо, и завыванье подпимающагося вѣтра въ верхушкахъ деревьевъ; стащивъ мои промокшія одѣяла, я увидалъ, что Маіоръ и Доддъ перенесли палатку на берегъ, укрѣпили ее между деревьями и скрылись въ нее, оставивъ меня измѣннически подъ проливнымъ дождемъ, какъ будто это было совершенно все равно, сплю-ли я подъ палаткой или въ грязной лужѣ! Обсудивъ внутренно вопросъ, какъ мнѣ лучше поступить, взойти-ли въ палатку или отмстить имъ, сокрушивъ ее надъ ихъ головами, я рѣшился, наконецъ, укрыться сначала отъ дождя, а мщенье отложить до болѣе удобнаго случая.

Лишь только я успѣлъ заснуть, какъ вдругъ мокрое полотно обрушилось на мое лицо и вмѣстѣ съ тѣмъ, раздался крикъ: «Вставайте! пора отправляться!» Выбравшись изъ подъ упавшей палатки, я мрачно сошелъ на паромъ, перебирая въ головѣ разные, остроумные планы, чтобъ отплатить Маіору и Додду за то, что сначала они оставили меня на дождѣ, а потомъ разбудили среди ночи, обрушивъ мокрую палатку надъ моей головой. Былъ часъ ночи—на дворѣ было темно и пасмурно—но всѣ увѣряли, что мѣсяцъ уже взошелъ и наши камчадалы говорили, что стало довольно свѣтло для продолженья путешествія. Я не былъ согласенъ съ ними, но мое сонно-выраженное мнѣніе не имѣло никакого вліянія на Маіора, и на мои возраженія не обратили ни малѣйшаго вниманья. Раздосадованный и въ тайной надеждѣ, что мы наткнемся на какое нибудь бревно, я мрачно улегся подъ дождикъ на мокрое сѣно на нашемъ паромѣ и старался забыть во снѣ всѣ мои несчастія. По случаю противнаго вѣтра, мы не могли разбить палатку и должны были укрыться по возможности подъ пропитанными жиромъ одѣялами и дрожать отъ холода всю остальную ночь.

Черезъ часъ послѣ разсвѣта, мы подъѣхали къ камчатскому поселенью «Мильковѣ», самому большому изъ туземныхъ селеній на всемъ полуостровѣ. Дождь пересталъ, тучи начинали разсѣ-

ваться, но воздухъ все еще былъ холоденъ и сыръ. Курьеръ, посланный въ лодкѣ изъ Шерома еще накапунѣ, предупредилъ жителей о нашемъ прибытіи, и нашъ сигнальный выстрѣлъ изъ ружья, когда мы обогнули послѣдній изгибъ рѣки, привлекъ на берегъ почти все населеніе. Пріемъ, сдѣланный намъ, былъ настоящей оваціей. «Отцы города», какъ ихъ назвалъ Доддъ, въ числѣ двадцати, собрались кучкой у того мѣста, гдѣ мы должны были высадиться, и, снявъ шапки, начали кланяться и кричать: «здравствуйте». Когда мы были въ пятидесяти шагахъ отъ берега, намъ салютовали выстрѣлами изъ дюжины заржавленныхъ ружей съ кремневыми замками, подвергая тѣмъ самымъ опасности нашу жизнь, и человѣкъ двѣнадцать туземцевъ взошли въ воду, чтобъ помочь намъ выйти благополучно на берегъ. Селеніе находилось не въ далекомъ разстояньи отъ рѣки, и жители приготовили, для отправленія насъ туда, самыхъ плохихъ лошадей, какихъ я когда либо видѣлъ въ Камчаткѣ. Ихъ сбруя состояла изъ деревянныхъ сѣделъ, стремянъ около двѣнадцати дюймовъ длины, обтянутыхъ ненужными остатками ремней изъ тюленьей кожи, пахвей изъ медвѣжьей шкуры и недоуздковъ изъ кожи моржа, закрученныхъ у морды животныхъ. Волненье, происшедшее въ то время, когда мы начали садиться на лошадей, не имѣло, кажется, ничего подобнаго до сихъ поръ въ лѣтописяхъ этого мирнаго селенія. Я не знаю, какъ удалось Маіору попасть на лошадь, но я знаю, что нѣсколько длинноволосыхъ камчадаловъ схватили Додда и меня, не смотря на наши возраженія, и начали теребить наши грѣшныя тѣла во всѣ стороны, напоминая этимъ борьбу за мертвое тѣло Патрокла, пока, наконецъ, не посадили насъ торжественно, задыхающихся и истощенныхъ, на сѣдла. Еще одинъ такой радушный пріемъ сдѣлалъ бы насъ совсѣмъ неспособными для службы компаніи российско-американскаго телеграфа! Я имѣлъ только время бросить бѣглый взглядъ на Маіора. Вся фигура его представляла смѣсь удивленья и полумучительныхъ, полузабавныхъ ощущеній, не улегшихся еще на его лицѣ. Я не имѣлъ возможности выразить мое участіе къ его страданьямъ, потому что какой-то восторженный туземецъ схватилъ поводья моей лошади, три другихъ съ непокрытыми голова-

ми бросились ему помогать съ каждой стороны, и меня повели съ тріумфомъ къ какой-то невѣдомой цѣли! Невыразимая нелѣпость нашего положенія поразила меня тогда только во всей своей силѣ, когда я обернулся назадъ передъ самымъ въѣздомъ въ деревню. За мной ѣхали Маіоръ, Вьюшинъ и Доддъ, возсѣдающіе на тощихъ камчатскихъ лошадяхъ, при чемъ колѣна ихъ были почти на одномъ уровнѣ съ подбородками; полдюжины туземцевъ, въ необыкновенныхъ костюмахъ, бѣжали возлѣ нихъ собачьей рысью, и цѣлая процессія мужчинъ и мальчиковъ, съ обнаженными головами, замыкали торжественно шествіе, поощряя лошадей остроконечными палками, чтобъ возбудить въ нихъ нѣкоторую жизнь и рвеніе. Все это мнѣ отчасти напомнило римскій тріумфъ — Маіоръ, Доддъ и я, мы изображали героевъ побѣдителей, а камчадалы — плѣнныхъ, на которыхъ мы положили ярмо рабства и которые теперь украшали наше торжественное вступленіе въ вѣчный городъ. Я сообщилъ мое сравненье Додду, но онъ отвѣтилъ, что нужно очень насиловать свое воображеніе, чтобъ сдѣлать изъ насъ въ данную минуту «торжествующихъ героевъ», и замѣтилъ, что названіе «героическихъ жертвъ» болѣе согласовалось бы съ нашимъ положеніемъ. Его строго практическій умъ не допускалъ такой прихотливой идеализаціи нашихъ несчастій. Общее волненье не только не стихло, но еще возрастало при нашемъ въѣздѣ въ селеніе. Наша пестрая свита жестикулировала, бѣгала взадъ и впередъ и отдавала непонятныя приказанія самымъ неистовымъ образомъ; головы появлялись и исчезали въ окошкахъ домовъ съ калейдоскопической быстротой, и три сотни собакъ увеличивали общее смятенье, выражая свой восторгъ такимъ адскимъ концертомъ, что воздухъ дрожалъ отъ этихъ смѣшанныхъ звуковъ. Наконецъ, мы остановились у большаго одноэтажнаго бревенчатаго дома, и двѣнадцать или пятнадцать туземцевъ помогли намъ слѣзть съ лошадей и взойти. Только что Доддъ успѣлъ собраться съ мыслями, какъ спросилъ: «Скажите, ради всѣхъ святыхъ, что такое случилось съ этимъ селеніемъ? — съ ума они всѣ сошли или нѣтъ?» Вьюшину приказали послать за старостой и черезъ нѣ-

сколько минутъ, этотъ послѣдній явился съ поклонами и привѣтствіями, напоминающими китайскаго мандарина.

Тутъ начался длинный разговоръ по русски между маіоромъ и старостой, перерываемый иногда дополнительными объясненьями на камчатскомъ языкѣ, которыя, впрочемъ, мало способствовали къ разъясненію предмета. Очевидное и возрастающее желанье улыбнуться по немногу смягчало суровое лицо маіора, пока наконецъ онъ не разразился такимъ громкимъ и заразительнымъ смѣхомъ, что я, не смотря на мое непониманье причинъ его веселости, послѣдовалъ его примѣру и захохоталъ отъ всей души. Только что онъ пришелъ немного въ себя, какъ вскричалъ: «Туземцы приняли васъ за Императора», и снова имъ овладѣлъ припадокъ смѣха, который грозилъ окончиться удушьемъ или ударомъ.

Совершенно растерявшись, я могъ только слабо улыбаться, пока онъ не пришелъ достаточно въ себя, чтобъ объяснить мнѣ эту шутку. Оказалось, что курьеръ посланный изъ Петропавловска по всему полуострову для извѣщенья жителей о нашемъ проѣздѣ, имѣлъ при себѣ письмо отъ русскаго губернатора, въ которомъ были обозначены имена и званія членовъ нашей партіи, и что я былъ въ немъ названъ «Егоръ Кеннанъ, телеграфистъ и *операторъ*». Случилось, что мильковскій староста обладалъ рѣдкимъ умѣньемъ читать по русски, и письмо было передано ему для сообщенья всѣмъ жителямъ селенія. Его поразило непонятное слово «телеграфистъ», но и послѣ тщетныхъ усилій ума, онъ даже приблизительно не могъ объяснить его значенія. «Операторъ», показалось ему болѣе знакомымъ, хоть оно и не звучало именно такъ, какъ онъ привыкъ слышать, но оно, по всей вѣроятности, должно было означать «Императоръ». Сердце его сильно забилось при этомъ поразительномъ открытіи, волосы поднялись на головѣ отъ чрезмѣрныхъ усилій ума, и онъ поспѣшно отправился распространять извѣстіе, что русскій Царь посѣтилъ Камчатку и черезъ три дня будетъ проѣздомъ въ Мильковѣ. Нѣтъ словъ описать волненье, овладѣвшее всѣми при этомъ неожиданномъ извѣстіи. Единственнымъ предметомъ обсужденія было, какимъ образомъ Милькова можетъ лучше выказать свою преданность и уваженіе къ

Главѣ императорской фамиліи, къ могущественному повелителю семидесяти милліоновъ подданныхъ. Изобрѣтательность камчадаловъ не могла ничего придумать!.. Что могло сдѣлать бѣдное камчатское населеніе, для развлеченья своего Августѣйшаго монарха?

Когда первое волненіе прошло, маіоръ объяснилъ старостѣ наше настоящее званіе и занятія, но это ни мало не повліяло на гостепріимство жителей. Насъ снабдили всѣмъ, что только было лучшаго въ деревнѣ, и смотрѣли на насъ съ такимъ любопытствомъ, которое ясно доказывало, что Милькова не была избалована посѣщеньями путешественниковъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ, необыкновенно приготовленныхъ, туземныхъ кушаній, и поѣвъ более существенной оленины съ хлѣбомъ, мы возвратились къ нашимъ паромамъ, снова въ сопровожденіи толпы народа, и продолжали наше путешествіе внизъ по рѣкѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Продолженіе рѣки.—Ключевская сопка.—Черная баня.

Долина этой рѣки есть, безъ сомнѣнія, самая плодородная часть всего камчатскаго полуострова. Всѣ почти деревни, мимо которыхъ мы проѣзжали, окружены засѣянными рожью полями и садами; берега вездѣ покрыты строевымъ лѣсомъ или травою въ пять футовъ вышины; мѣстами роскошные цвѣты и другія растенія свидѣтельствуютъ о богатствѣ почвы и благорастворенности климата. Скороспѣлки, бѣлыя буквицы, болотныя фіалки, шиповникъ, касатики и кавалерскія шпоры растутъ въ изобиліи по всей долинѣ, а особенный видъ зонтичныхъ, съ полыми, коленчатыми стеблями достигаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шести футовъ вышины и растетъ такъ густо, что за огромными зазубренными листьями растенія вы не увидите человѣка на разстояніи нѣсколькихъ аршинъ. И все это выростаетъ впродолженьи одного лѣта.

Между верховьемъ рѣки и Ключевской сопкой находятся двѣнадцать туземныхъ поселеній и почти всѣ изъ нихъ расположены въ живописныхъ мѣстностяхъ и окружены садами и ржаными полями. Нигдѣ путешественникъ не увидитъ даже слѣда той безплодности и запустенья, которыя всегда соединялись съ именемъ Камчатки.

Разставшись въ понедѣльникъ утромъ съ нашими радушными туземными друзьями, въ Мильковѣ, мы, впродолженьи трехъ дней, плыли медленно внизъ по рѣкѣ, мелькомъ только любуясь на рядъ снѣжныхъ горъ, замыкающихъ долину, и бродя по лѣсамъ въ поискахъ за медвѣдями и дикими вишнями; ночью мы разбивали палатку на берегу, среди деревьевъ и вообще жили беззаботно, свободной восхитительной жизнью кочевниковъ. Мы проѣхали туземныя поселенія: Киргáникъ, Мáршуру, Щáпино и Тóлбачикъ, и вездѣ были приняты съ безграничнымъ гостепріимствомъ. Въ среду, 13 сентября, мы расположились лагеремъ въ лѣсахъ, на Югѣ отъ Козеревскаго, всего въ ста двадцати верстахъ отъ селенія Ключей. Всю среду почти шелъ дождь, мы разбили палатку между влажными деревьями и заснули съ сильнымъ опасеніемъ, что приближающаяся буря скроетъ отъ насъ великолѣпную картину низовьевъ Камчатки, по которой намъ предстояло ѣхать. Около полночи, впрочемъ, стало свѣтлѣе, а рано утромъ меня разбудилъ громкій голосъ Додда, звавшій выйти посмотрѣть на горы. Тишина была необыкновенная, и воздухъ имѣлъ ту особенную кристальную прозрачность, которую вы встрѣтите иногда въ Калифорніи. Сильный морозъ лежалъ бѣлымъ покровомъ на лодкахъ и на травѣ, и нѣсколько завядшихъ листьевъ, колеблясь въ свѣжемъ воздухѣ, спадали медленно съ желтыхъ березъ, осѣнявшихъ нашу палатку. Ни одинъ звукъ не нарушалъ этого молчанія, и только слѣды сѣверныхъ оленей и волковъ на влажномъ пескѣ свидѣтельствовали о присутствіи жизни въ этой дикой мѣстности. Солнце еще не всходило, но все небо на востокѣ было залито золотистымъ свѣтомъ, а утренняя звѣзда стояла еще какъ лучезарный стражъ между борющимися силами ночи и дня. Далеко на сѣверо-востокѣ, надъ желтой рощей, возвышались окрашенныя нѣжнымъ пурпуромъ остроконечныя ключевскія вершины, сгруппированныя вокругъ центральнаго клинообразнаго конуса великолѣпной Ключевской сопки. Мѣсяцъ тому назадъ, я видѣлъ эти величественныя горы съ палубы маленькаго брига, въ семидесяти пяти миляхъ отъ твердой земли, и не воображалъ тогда, что я ихъ увижу опять. Съ полчаса мы сидѣли съ Доддомъ на берегу, машинально бросая камешки въ воду, наблюдая, какъ восходящее солнце постепенно освѣщало далекія горы, и разговаривая о приключеньяхъ, которыя мы испытали со времени отъѣзда изъ Петропавловска. Какъ измѣнился мой взглядъ на сибирскую

жизнь съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ увидалъ крутой, обрывистый берегъ Камчатки, вставшій передъ нами изъ голубыхъ волнъ Тихаго Океана.

Тогда это была для меня неизвѣстная, таинственная страна ледниковъ и снѣжныхъ горъ, гдѣ меня ожидали разныя приключенія среди одинокой, необитаемой пустыни. Теперь она не казалась мнѣ болѣе пустынной и непривѣтливой. Каждая горная вершина напоминала о какомъ нибудь гостепріимномъ селеніи, гнѣздящимся у ея подножья, каждый маленькій ручей былъ связанъ съ цѣлымъ міромъ человѣческихъ интересовъ, какимъ нибудь пріятнымъ воспоминаньемъ изъ кочевой жизни. Мысль о возможности приключеній продолжала существовать во мнѣ, но воображаемое одиночество и запустенье исчезли послѣ недѣльнаго опыта. Я пытался сравнить тѣ неопредѣленныя представленія, которыя я составилъ въ Америкѣ объ этой прекрасной странѣ, съ своими недавними впечатлѣньями, но напрасно. Я не могъ перенестись опять въ ту покинутую цивилизованную среду и согласить мои тогдашнія ожиданія съ тѣмъ, что узналъ изъ собственнаго опыта. Сумасбродныя фантазіи, казавшіяся мнѣ такими правдоподобными, всего три мѣсяца тому назадъ, походили теперь на какой-то полузабытый сонъ, въ дѣйствительности существовала только спокойная рѣка у моихъ ногъ, да березы, отряхающія свои желтые листья надъ моей головой, да далекія, алѣющія горы. Думы мои были прерваны яростными ударами въ оловянный артельный котелъ, что служило сигналомъ къ завтраку. Черезъ полчаса завтракъ былъ уничтоженъ, палатка убрана, походныя вещи уложены и мы продолжали нашъ путь. Мы спускались впродолженьи цѣлаго дня внизъ по рѣкѣ къ селенію Ключамъ и любовались на горы, которыя представлялись намъ въ различныхъ живописныхъ положеніяхъ, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Сѣверу. Уже было совсѣмъ темно, когда мы достигли Козыревскаго выселка и, смѣнивъ команду, продолжали всю ночь наше путешествіе. Въ пятницу, на разсвѣтѣ, мы миновали Кристи и въ два часа по полудни прибыли въ Ключи, ровно черезъ одиннадцать дней, послѣ выѣзда изъ Петропавловска.

Селеніе ключи расположено среди открытой равнины на правомъ берегу рѣки Камчатки, у самаго подножья великолѣпной Ключевской сопки, и ничѣмъ не отличается отъ другихъ камчатскихъ поселеній, развѣ только живописной красотой своего мѣстоположенія. Оно именно лежитъ по серединѣ группы величественныхъ одинокихъ вершинъ, которыя стерегутъ входъ въ рѣку и надъ нимъ часто висятъ облака густаго, чернаго дыма, извергаемаго двумя вулканами. Оно было основано въ половинѣ XVIII в. нѣсколькими русскими крестьянами высланными изъ внутреннихъ губерній Россіи, и снабженныхъ сѣменами и земледѣльческими орудіями, для основанія колоніи внутри Камчатки. Имъ предстояло сдѣлать 6,000 миль до мѣста своего назначенья; послѣ долгаго, утомительнаго путешествія по Азіи черезъ Тобольскъ, Иркутскъ, Якутскъ и Калыму, маленькая партія невольныхъ переселенцевъ достигла, наконецъ, полуострова и прямо поселилась у рѣки Камчатки, подъ сѣнью огромнаго вулкана. Здѣсь они и ихъ потомки живутъ болѣе сотни лѣтъ и почти забыли уже какимъ образомъ сюда попали и кѣмъ были выгнаны. Не смотря на частыя изверженія двухъ вулкановъ, находящихся за селеніемъ, его никогда не пытались перенести на другое мѣсто, и жители его привыкли равнодушно относиться къ случайному предупредительному гулу, исходящему изъ глубины раскаленныхъ кратеровъ, и къ массамъ пепла, которыми нерѣдко засыпаются ихъ жилища и поля. Не слыхавши никогда о Геркуланумѣ и Помпеѣ, они и не подозрѣваютъ возможности какой нибудь опасности отъ густаго облака дыма, висящаго въ ясную погоду надъ тупой вершиной Ключевской сопки, или отъ подземнаго грома, которымъ его меньшій, но одинаково опасный сосѣдъ, заявляетъ о своей бдительности въ долгія зимнія ночи.

Можетъ быть, пройдетъ еще столѣтіе и никакое несчастье не обрушится надъ маленькимъ селеніемъ; но слыша подземный гулъ Ключевской сопки на разстояньи шестидесяти миль, и видя густыя массы чернаго дыма, которыя она выбрасываетъ, по временамъ, я удивлялся дерзости камчадаловъ, при выборѣ такого мѣста для своего поселенія.

Ключевская сопка есть одинъ изъ самыхъ высокихъ и самыхъ дѣятельныхъ вулкановъ изъ всей огромной вулканической цѣпи, проходящей по сѣверной части Тихаго океана. Съ XVII столѣтія, рѣдкій годъ проходитъ безъ извѣрженій болѣе или менѣе значительныхъ, и даже теперь, въ неправильныя промежутки изъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она выбрасываетъ пламя и засыпаетъ пепломъ все пространство полуострова и оба моря. Зимою снѣгъ часто бываетъ такъ засыпанъ пепломъ на двадцать пять миль вокругъ Ключей, что ѣзда на саняхъ дѣлается почти невозможною. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по словамъ жителей, было необыкновенно величественное изверженье. Оно началось среди темной зимней ночи громкими подземными ударами и колебаньемъ почвы, которые разбудили ключевскихъ жителей и заставили ихъ выбѣжать въ испугѣ изъ домовъ. Высоко на темномъ зимнемъ небѣ, 16,000 футовъ надъ ихъ головами, подпимался надъ кратеромъ огненный столбъ, увѣнчанный громаднымъ облакомъ блестящаго красноватаго дыма. Среди страшнаго грома и тусклаго свѣта изнутри жерла, растопленная лава текла широкими огненными потоками по бокамъ покрытой снѣгомъ горы, пока не соединилась въ одну пылающую массу, которая, подобно солнцу, освѣщала селенія *Кристи*, *Козыревское* и *Ключи* и озаряла всю равнину на двадцать миль въ окружности. Говорятъ, что это изверженье покрыло полуостровъ на протяженьи трехъ сотъ верстъ слоемъ пепла въ полтора дюйма толщины! До сихъ поръ лава не спускалась никогда ниже снѣговой линіи, но я не вижу причины, почему она когда нибудь не зальетъ селеніе Ключи и русло Камчатки своимъ огненнымъ потокомъ.

Насколько мнѣ извѣстно, никто до сихъ поръ не взбирался еще на вершину вулкана; вышина его опредѣлена въ 16,500 футовъ, вѣроятно, только приблизительно какимъ нибудь русскимъ офицеромъ. Но во всякомъ случаѣ, это, безъ сомнѣнія, высочайшая точка камчатскаго полуострова и скорѣе имѣетъ болѣе 16,000 футовъ высоты, чѣмъ менѣе. Намъ очень хотѣлось попробовать взобраться по ея снѣжному склону и заглянуть въ дымящійся кратеръ; но для этого нужно было бы употребить двѣ или три

недѣли, а у насъ не было лишняго времени. Гора эта имѣетъ форму почти правильнаго конуса, и изъ Ключей видъ ея такъ обманчивъ, что послѣднія 3.000 ф. кажутся совершенно отвѣсными. На небольшомъ разстояніи отъ ключевской сопки, на юго-востокъ есть еще другой вулканъ, названіе котораго я не могъ хорошенько узнать, и который соединяется съ первой неправильно-прерывающимся кряжемъ. Онъ не достигаетъ вышины ключевской, но вѣроятно получаетъ раскаленныя вещества для своего изверженія изъ того же источника, и выбрасываетъ постоянно клубы черпаго угольнаго дыма, который на востокѣ застилаетъ густыми облаками Ключевскую сопку, такъ что иногда совершенно скрываетъ ее изъ вида.

Намъ отвели квартиру въ Ключахъ въ большомъ, удобномъ домѣ старосты. Стѣны нашей комнаты были обиты ситцемъ съ рисунками, потолокъ оклеенъ бѣлымъ нитянымъ тикомъ, и простая сосновая мебель, вычищенная мыломъ и пескомъ, была доведена до возможной степени чистоты. Картина грубой работы, которую я принялъ за изображеніе Моисея, висѣла въ углу въ вызолоченной рамкѣ. Скатерти американской фабрикаціи были разостланы на столахъ, горшки съ цвѣтами стояли за занавѣсками на окнахъ, маленькое зеркало висѣло на противуположной двери стѣнѣ, и вся утварь и грубыя украшенія комнаты были расположены съ такимъ вкусомъ и такимъ очевиднымъ намѣреніемъ произвести эффектъ, что оставалось только удивляться, а подражать этому было невозможно. Американское искусство также принесло свою дань на украшеніе этого домика въ пустынѣ,—одна изъ дверей была увѣшана картинками изъ виргинской жизни. Я вспомнилъ при этомъ извѣстныя строки Попа: «Предметы, которые мы видимъ, не богаты и не рѣдки, но чудо! какъ они сюда попали?»

Въ такомъ удобномъ, чтобъ не сказать роскошномъ, помѣщеніи, мы провели довольно пріятно остатокъ дня.

Въ Ключахъ мы должны были рѣшить по какой дорогѣ продолжать наше путешествіе на сѣверъ. Самая короткая, и во многихъ отношеніяхъ самая удобная дорога была та, по которой обыкновенно ѣздатъ русскіе купцы — черезъ центральную горную цѣпь

къ Тигилю, черезъ проходъ Іоловку, и потомъ слѣдуя по западному берегу полуострова, до сѣверной части Охотскаго моря. Единственное неудобство этого плана состояло въ позднемъ времени года и въ вѣроятности встрѣтить глубокіе снѣга въ горныхъ переходахъ. Намъ предстояло выбрать или этотъ путь, или продолжать изъ Ключей наше путешествіе по восточному берегу до поселенія, называемаго Дранка, гдѣ горы понижались до размѣровъ незначительныхъ холмовъ, и переѣхать тогда въ камчатское селеніе Лѣсное, на Охотскомъ морѣ. Этотъ путь былъ длиннѣе, чѣмъ черезъ Уоловскій проходъ, но за то менѣе рискованный.

Послѣ долгихъ совѣщаній съ разными туземцами, которые хотя и казались опытнѣе другихъ въ знакомствѣ съ страною, но старательно избѣгали подробныхъ разговоровъ, чтобъ не брать на себя лишней отвѣтственности, маіоръ рѣшился избрать Уоловскій проходъ и приказалъ приготовить лодки къ субботѣ, чтобъ провести насъ по рѣкѣ Уоловкѣ.

Самое худшее, что могло съ нами случиться, это невозможность перебраться черезъ горы, но тогда мы успѣли бы еще возвратиться въ Ключи и попробовать другой путь до начала зимы.

Только что этотъ важный вопросъ былъ рѣшенъ, какъ мы поспѣшили воспользоваться тѣми немногими удовольствіями, которыя могли найдти въ Ключахъ. Особеннаго мѣста для послѣ обѣденной прогулки, гдѣ мы могли, по русскому выраженію, «себя показать и людей посмотрѣть», здѣсь не было; къ тому же наше поношенное и полинявшее платье не особенно годилось для публичнаго гулянья, даже еслибъ оно и существовало.

Единственныя замѣчательныя мѣста въ селеніи, о которыхъ мы могли узнать, были баня и церковь; и маіоръ и я отправились послѣ обѣда осматривать оба эти пункта, какъ приличествуетъ настоящимъ современнымъ туристамъ. По довольно понятной причинѣ мы пошли сперва въ баню. Паровая баня была для насъ очень пріятнымъ развлеченіемъ; и если правда, что «опрятность ближе всего къ благочестію», то конечно баня должна всегда предшествовать церкви. Я часто слышалъ, какъ Доддъ упоминалъ о «черныхъ баняхъ» камчадаловъ; но не зная хорошенько, что онъ хотѣлъ этимъ сказать, я какъ то смутно воображалъ, что «черная баня» означала купанье въ какой нибудь чернильной жидкости камчатскаго изобрѣтенія, которая обладала особенными, уничтожающими нечистоту, свойствами. Я не думалъ, что существуютъ какія нибудь другія причины называть баню «черною». Взойдя, впрочемъ, въ такую «черную баню» въ Ключахъ, я увидалъ мою ошибку и тотчасъ же понялъ настоящій смыслъ этого прилагательнаго. Оставивъ наши одежды въ предбанникѣ, который долженъ былъ изображать уборную, но не имѣлъ никакихъ удобствъ этой послѣдней, мы отворили обитую мѣхомъ дверь и взошли въ настоящую баню, которая конечно была довольно мрачна и черна, чтобъ оправдать свое названіе. При свѣтѣ сальной свѣчи, тускло горѣвшей на полу, можно было только разглядѣть очертанія низкой пустой комнаты, имѣющей въ квадратѣ десять футовъ, прочно выстроенной изъ неотесанныхъ бревенъ безъ всякаго отверстія для свѣта или воздуха. Стѣны и потолокъ были совершенно черны и покрыты копотью отъ дыма, которымъ комната наполнялась во время топки. Большая груда камней, съ пустотою внутри для разведенія огня, стояла на одномъ концѣ комнаты, а на другомъ находился рядъ широкихъ ступеней, никуда по видимому не ведущихъ. Только что огонь въ печи погасъ, какъ труба была закрыта и герметически замазана, а груда раскаленныхъ камней распространяла сильный, сухой жаръ, который затруднялъ дыханіе и возбуждалъ сильную испарину.

Домашній духъ этого мрачнаго, адскаго мѣста мученій, явился вскорѣ въ лицѣ длинно-волосаго, голаго камчадала, который началъ плескать воду на раскаленные до красна камни, пока тѣ не зашипѣли подобно локомотиву и свѣча замерцала голубымъ свѣтомъ посреди кольца изъ пара. Мнѣ и сначала показалось жарко въ банѣ, но тогда это была сибирская зима въ сравненіи съ той температурой, которая произошла отъ этой операціи. Мои кости кажется таяли въ этомъ жару. Доведя температуру комнаты приблизительно до 212 градусовъ, туземецъ схватилъ меня за руку, растянулъ на первой ступени, облилъ меня съ ногъ до головы горячимъ щелокомъ и началъ тереть такъ безцеремонно и старательно, какъ будто хотѣлъ превратить мое тѣло въ его первоначальныя составныя части. Я

не стану описывать количество, разнообразіе и дьявольскую изобрѣтательность мученій, которымъ я подвергся въ продолженіе слѣдующихъ двадцати минутъ. Меня растирали, мяли, скоблили, окачивали холодной водой и обварива... горячей, сѣкли березовыми вѣниками и терли мочалами, которыя царапали, какъ обломки кирпичей, и наконецъ оставили перевести духъ на самой верхней и, слѣдственно, самой жаркой ступени всей лѣстницы. Холодный душъ закончилъ всю эту процедуру и всѣ мои мученія; я съ трудомъ добрался до двери, зубы мои сильно стучали и я началъ одѣваться. Черезъ минуту пришелъ и маіоръ, и мы продолжали нашъ путь подобно двумъ тѣнямъ. Было уже поздно и мы должны были отложить на неопредѣленное время осматриванье церкви; мы имѣли уже достаточно развлеченій въ этотъ день и вернулись домой довольные, если не восхищенные нашей камчатской черной баней.

Вечеръ прошелъ въ распрашиваньи жителей селенія о сѣверной части полуострова и объ удобствахъ странствованій между кочующими коряками, а въ девять часовъ мы уже улеглись спать для того, чтобъ раньше встать на слѣдующее утро.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Плаваніе по Іоловкѣ.—Разговоръ вулкановъ.—«О, Сюзанна!»—«Американскій» языкъ.—Трудное путешествіе.

Впродолженіе нашего путешествія по Камчаткѣ, намъ пришлось испытать много разнообразныхъ способовъ переѣзда, и этой постоянной новизнѣ и свѣжести впечатлѣній мы обязаны можетъ быть тѣмъ, что наше трехмѣсячное путешествіе по Камчаткѣ никогда не казалось намъ очень утомительнымъ. Мы испытали по очереди удовольствіе и неудобство китоловныхъ судовъ, верховой ѣзды, паромовъ, лодокъ, саней, запряженныхъ собаками и оленями, и лыжей; едва только одинъ родъ путешествія начиналъ утомлять насъ, какъ мы уже замѣняли его другимъ.

Въ Ключахъ мы оставили наши паромы и взяли камчатскія лодки, выдолбленныя изъ бревна и лучше приспособленныя къ плаванію по рѣкѣ Іоловкѣ, противъ быстраго теченія которой намъ приходилось теперь идти. Замѣчательнѣйшая, и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная особенность этихъ лодокъ состоитъ въ томъ, что онѣ имѣютъ хроническое стремленіе перевертываться вверхъ дномъ безъ малѣйшей видимой причины. Я слышалъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что одна лодка опрокинулась на Камчаткѣ передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ единственно вслѣдствіе неосторожности одного камчадала, который оставилъ въ своемъ правомъ карманѣ ножъ, не

позаботившись въ тоже время положить и въ лѣвый одинаковую тяжесть.—Говорятъ, что камчатская мода раздѣлять волосы проборомъ по срединѣ головы первоначально произошла отъ ихъ стремленія сохранить равновѣсіе тѣла во время плаванія. Я бы усомнился въ этихъ фактахъ, еслибъ не услышалъ ихъ отъ М. Додда, въ безупречную правдивость котораго я не смѣю не вѣрить. Важность предмета служитъ достаточной гарантіей въ неумѣстности подобной шутки съ его стороны.

Въ субботу мы позволили себѣ проспать гораздо долѣе, чѣмъ слѣдовало, и только въ восемь часовъ сошли на берегъ.

При первомъ взглядѣ на маленькія лодки, которымъ ввѣрялась наша судьба и интересы россійско-американскаго телеграфа, мы почувствовали нѣкоторое изумленіе и недовольство. Одинъ изъ насъ, который отличался всегда быстрыми апріористическими заключеніями, сейчасъ же рѣшилъ, что смерть отъ утопленія будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ путешествія на такомъ суднѣ, и видимо не рѣшался отважиться на него. Разсказываютъ объ одномъ великомъ полководцѣ, комментаріи котораго были мученіемъ моей юности, что во время бурнаго переѣзда черезъ Іоническое море, онъ воодушевилъ своихъ матросовъ самолюбивымъ увѣреніемъ, что они везутъ «Цезаря и его судьбу», и что, слѣдовательно, съ ними не можетъ случиться никакого несчастія. Камчатскій же цезарь, казалось, не очень довѣрялъ своей судьбѣ, и утѣшеніе пришло съ противной стороны. Его лодочникъ не сказалъ ему: «Успокойся, цезарь! Камчадалъ и его судьба везутъ тебя», но онъ увѣрилъ его, что впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ уже ѣздитъ по этой рѣкѣ и ни разу еще не тонулъ. Чего же оставалось еще желать цезарю! Потолковавъ немного, мы всѣ размѣстились на медвѣжьихъ шкурахъ на днѣ лодокъ и отчалили отъ берега.

Всѣ особенности природы въ окрестностяхъ Ключей исчезаютъ передъ величественной, центральной фигурой Ключевой сопки, этого царя Сибирскихъ горъ, остроконечная вершина которой, съ своимъ неподвижнымъ облакомъ золотистаго дыма, видна со всѣхъ сторонъ на сто миль въ окружности. Всѣ ближайшіе живописные виды находятся въ зависимости отъ нее и имѣютъ цѣны на столько, н

сколько выставляютъ красоту этой величественной вершины, колоссальныя формы которой возвышаются въ снѣжномъ одѣяніи надъ зелеными долинами Камчатки и Іоловки, которыя растилаются у ея подножія. «Наслѣдникъ послѣднихъ лучей заката и вѣстникъ утра», высокій кратеръ вулкана принимаетъ розоватый оттѣнокъ гораздо ранѣе, чѣмъ мракъ и утренній полусвѣтъ разсѣевается въ долинахъ, и сохраняетъ его гораздо долѣе послѣ того, какъ солнце скроется за Тигильскими горами. Во всякое время и при всѣхъ обстоятельствахъ это самая великолѣпная гора, которую я когда либо видѣлъ. То она стоитъ залитая теплыми лучами осенняго солнца, то облекается въ густыя массы чернаго вулканическаго дыма и глухимъ гуломъ предостерегаетъ деревни, лежащія у ея подножія; то наконецъ къ вечеру собираетъ вокругъ своей вершины облако сѣраго тумана и, развертывая его по своимъ склонамъ, представляетъ среди прозрачной атмосферы колоссальный, туманный столбъ въ 16,000 футовъ вышины, который стоитъ надъ сосновымъ лѣсомъ, занимающимъ пространство въ пятьдесятъ квадратныхъ миль.

Вамъ кажется, что ничего не можетъ быть прекраснѣе этого нѣжно-розоваго цвѣта, напоминающаго лепестки шиповника, которымъ окрашены ея снѣга, въ то время, когда солнце исчезаетъ въ красномъ заревѣ на западѣ; но взгляните на нее при блѣдномъ свѣтѣ луны, когда ея туманный покровъ будто окаймленъ серебромъ, когда черныя тѣни лежатъ въ ея оврагахъ и верхушки ея блестятъ бѣловатымъ свѣтомъ, когда куча созвѣздій опоясываетъ ея высокій кратеръ и серебряная цѣпь плеядъ мерцаетъ надъ ея вершиной, — и тогда скажите, если можете, что она лучше при свѣтѣ дня.

Мы взошли въ воды Іоловки около полудня. Рѣка эта вливается въ Камчатку съ сѣвера, двадцать верстъ ниже Ключей. Ея берега низменны и болотисты и густо поросли ситникомъ и осокой, которая служитъ убѣжищемъ для нѣсколькихъ тысячъ утокъ, гусей и дикихъ лебедей. Мы достигли до ночи туземное селеніе, по имени Харчина, и тотчасъ же послали за знаменитымъ русскимъ проводникомъ Нико-

лаемъ Брагинымъ, котораго мы надѣялись уговорить провести насъ черезъ горы.

Отъ Брагина мы узнали, что на прошлой недѣли въ горахъ выпалъ сильный снѣгъ; но онъ полагалъ, что бóльшая часть его должна была растаять вслѣдствіе послѣднихъ трехъ-четырехъ теплыхъ дней, и что проходъ черезъ нихъ будетъ возможенъ. Во всякомъ случаѣ онъ готовъ былъ попробовать провести насъ. Успокоенные въ этомъ отношеніи, мы оставили Харчину 17-го рано утромъ, и продолжали наше плаваніе вверхъ по рѣкѣ. Вслѣдствіе слишкомъ быстраго теченія главной рѣки, мы свернули въ одинъ изъ множества протоковъ или рукавовъ, на которые она дѣлится, и медленно подвигались впродолженіе четырехъ часовъ. Русло было очень извилисто и узко, такъ что веслами можно было доставать съ обѣихъ сторонъ до береговъ, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ березы и ивы сплетались надъ рѣкою, роняя желтые листья на наши головы, когда мы проѣзжали подъ ними. — Тамъ и здѣсь длинные, сухіе стволы свѣшивались съ берега въ воду, бревна, покрытыя мхомъ, торчали изъ глубины потока, и нѣсколько разъ казалось, что непроходимое болото преградитъ нашъ путь. Нашъ проводникъ, ѣхавшій на лодкѣ впереди насъ, пѣлъ для нашего развлеченія какія-то однообразныя камчатскія пѣсни, а мы съ Доддомъ, напротивъ, оглашали воздухъ веселыми звуками нашихъ родныхъ напѣвовъ. Когда музыкальныя упражненія намъ надоѣли, мы дружелюбно размѣстили наши ноги въ узенькой лодкѣ, легли на спины на наши медвѣжьи шкуры и заснули крѣпкимъ сномъ, не тревожась плескомъ воды и скрипомъ веселъ у самыхъ нашихъ ушей. Мы провели эту ночь на высокомъ песчаномъ берегу, въ десяти или двѣнадцати миляхъ на югъ отъ Іоловки.

Вечеръ былъ теплый и тихій, и когда мы всѣ сидѣли на медвѣжьихъ шкурахъ вокругъ костра, куря и перебирая дневныя приключенія, наше вниманіе было вдругъ привлечено глухимъ гуломъ, подобнымъ отдаленному грому и сопровождаемымъ иногда взрывами. «Что это?» спросилъ маіоръ. «Это», сказалъ Брагинъ, медленно выпуская струйку дыма, «Ключевая сопка разговариваетъ съ Сувайлической вершиной». «Полагаю, что у нихъ нѣтъ особенныхъ

секретовъ», замѣтилъ Доддъ, «такъ какъ онѣ говорятъ довольно громко». Гулъ продолжался еще нѣсколько минутъ, но Сувайлическая вершина ничего не отвѣчала на него. Эта несчастная гора необдуманно истратила всю свою вулканическую энергію въ ранней молодости и лишена теперь голоса, чтобъ отвѣчать громовымъ призывамъ своего могущественнаго товарища. Было время, когда вулканы въ Камчаткѣ были также многочисленны, какъ рыцари круглаго стола короля Артура, и полуостровъ содрагался отъ ихъ грохота, когда они разыгрывались среди полночи; но одинъ за другимъ они истощили огненный потокъ своего собственнаго краснорѣчія, пока не осталась одна Ключевская, которая взываетъ къ своимъ прежнимъ товарищамъ среди безмолвія длинныхъ зимнихъ ночей, но не получаетъ другаго отвѣта, кромѣ слабаго, далекаго отклика своего собственнаго могучаго голоса.

Меня рано разбудилъ на слѣдующее утро веселый напѣвъ «О, Сюзанна! не плачь обо мнѣ», и выбравшись изъ палатки, я былъ удивленъ, увидя, что одинъ изъ нашихъ туземныхъ лодочниковъ барабанилъ на сковородѣ, припѣвая весело:

«Сюзанна не плачь!»

Мнѣ невозможно было сохранить мою серьезность при видѣ смѣшнаго, одѣтаго въ звѣриныя шкуры туземца, въ самомъ сердцѣ Камчатки, который наигрывалъ на сковородѣ и пѣлъ «О, Сюзанна!», подобно арктическому трубадуру, и я разразился громкимъ смѣхомъ, который вскорѣ вызвалъ Додда изъ палатки. Музыкантъ, воображая, что никто не слышитъ его музыкальныхъ упражненій, вдругъ остановился и робко оглянулся, какъ бы сознавая, что возбудилъ смѣхъ, но не понимая чѣмъ именно.

— Какъ, Андрей! сказалъ Доддъ, я не зналъ, что ты умѣешь пѣть по англійски.

— Я не умѣю, баринъ, по англійски, отвѣчалъ онъ; я только могу немного пѣть по американски.

Доддъ и я снова захохотали, что еще больше смутило бѣднаго Андрея.

— Гдѣ же ты научился этому? спросилъ Доддъ.

— Матросы китоловнаго судна выучили меня, когда я былъ два года тому назадъ въ Петропавловскѣ; развѣ это не хорошая пѣсня? спросилъ онъ, очевидно опасаясь, чтобъ въ ней не было чего-нибудь неприличнаго.

— Это прекрасная пѣсня, отвѣчалъ Доддъ успокоительно:—знаешь ли еще какія нибудь американскія слова?

— О, какже, ваше благородіе! но я только не понимаю, что они значатъ.

И онъ самодовольно произнесъ нѣсколько такихъ словъ, которыя вполнѣ убѣдили насъ, что онъ не понималъ ихъ значенія! Его американское образованіе было очень ограничено и польза отъ него была сомнительна; но не смотря на это, самъ кардиналъ Меццофанти не могъ болѣе гордиться своими сорока языками, чѣмъ бѣдный Андрей своими «Dam yerize» и «goaty hell».

Пока мы разговаривали съ Андреемъ, Вьюшинъ развелъ огонь и приготовилъ завтракъ, и лишь только солнце освѣтило долину, какъ мы усѣлись вокругъ нашего маленькаго свѣчнаго ящика и принялись за какую-то селянку, которой Вьюшинъ особенно гордился, и начали глотать горячій чай стаканъ за стаканомъ; селянка, черствый хлѣбъ и чай, изрѣдка утка, изжаренная надъ огнемъ на острой палкѣ, вотъ все, что мы ѣли во время нашихъ приваловъ подъ открытымъ небомъ. Только въ селеніяхъ мы наслаждались такой роскошью, какъ молоко, масло, мягкій хлѣбъ, варенье изъ лепестковъ розъ и пирогами съ рыбой. Позавтракавъ, мы снова заняли наши мѣста въ лодкахъ и поплыли противъ теченія, спугивая по временамъ утокъ и лебедей, и срывая мимоѣздомъ длинныя вѣтки, усыпанныя дикими вишнями, которыя низко наклонялись надъ водой. Около полудня мы вышли на берегъ и съ туземнымъ проводникомъ пошли пѣшкомъ по Іоловкѣ, между тѣмъ какъ лодкамъ нашимъ предстояло еще обогнуть большой извивъ рѣки. Трава возлѣ берега и по равнинѣ была выше пояса и идти по ней было довольно утомительно. Но намъ все-таки удалось прійти въ деревню около часа, гораздо прежде, чѣмъ наши лодки показались на рѣкѣ.

Іоловка, маленькое камчатское селеніе, состоящее всего изъ

полдюжины домиковъ, расположена между холмами большаго центральнаго камчатскаго хребта, возлѣ горнаго прохода, который носитъ ея имя, и на прямой дорогѣ къ Тигилю и западному берегу. Выше ея нельзя уже плыть по рѣкѣ Іоловкѣ и она служитъ также сборнымъ мѣстомъ всѣхъ партій, отправляющихся черезъ горы. Предвидя затрудненія въ лошадяхъ въ этой маленькой деревнѣ, маіоръ выслалъ сюда изъ Ключей восемь или десять лошадей сухимъ путемъ, и онѣ ждали уже здѣсь нашего прибытія.

Все почти послѣобѣденное время прошло въ навьючиваньи лошадей и приготовленіяхъ къ отъѣзду, такъ что мы успѣли отъѣхать всего нѣсколько верстъ отъ деревни и расположились на ночь у свѣжаго горнаго ключа. Погода до сихъ поръ стояла ясная и теплая, но ночью стало пасмурно, и во вторникъ 19-го, мы начали подниматься на горы при холодномъ, сильномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ и дождѣ. Дорога, если только можно назвать дорогой плохую тропинку въ десять дюймовъ ширины, была отвратительна. Она вилась возлѣ горнаго потока, который бралъ начало изъ таящихъ снѣговъ на вершинахъ и ниспадалъ по утесамъ ревущими каскадами въ узкое темное ущелье. Тропинка шла по берегу потока сначала съ одной стороны, потомъ съ другой, наконецъ въ самой водѣ; между огромными глыбами вулканическихъ утесовъ и крутыми скатами изъ лавы, гдѣ вода бѣжала, какъ въ мельничномъ водоводѣ, среди непроходимой чащи сосенъ, между грудами сломленныхъ деревьевъ и вдоль узкихъ выступовъ утесовъ, гдѣ бы даже горный баранъ могъ съ трудомъ пройти. Я ручаюсь, что съ двадцатью человѣками въ этомъ ущельи можно продержаться противъ всѣхъ соединенныхъ армій Европы. Наши вьючныя лошади скатывались по крутымъ берегамъ въ потокъ, задѣвали за древесные стволы, спотыкались, обрѣзывали себѣ ноги объ обломки вулканическихъ утесовъ, перескакивали черезъ узкіе ревущіе ручьи и совершали такіе подвиги, которые были бы рѣшительно не подъ силу другимъ лошадямъ, кромѣ камчатскихъ.

Наконецъ, пытаясь сдѣлать прыжокъ въ восемь или десять футовъ черезъ потокъ, я былъ сброшенъ съ сѣдла, и моя лѣвая нога у самаго подъема зацѣпилась за маленькое желѣзное стремя. Лошадь выбралась на противуположный берегъ и, испуганная, по-

неслась вдоль оврага, влача мое тѣло по землѣ за одну ногу. Я помню, что сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобъ защитить мою голову, приподнявшись на локтяхъ, но лошадь лягнула меня въ эту минуту въ бокъ; съ этихъ поръ я уже ничего не сознавалъ болѣе, и только опомнившись, увидалъ, что лежу на землѣ, нога моя все еще запутана въ стремя, а лошадь продолжала нестись по оврагу. Еслибъ не оборвался ремень у стремени, мой черепъ разбился бы, подобно яичной скорлупѣ, о выдающіеся утесы. Я былъ совсѣмъ разбитъ и очень слабъ, но кости кажется были всѣ цѣлы, и я поднялся безъ посторонней помощи. До сихъ поръ маіоръ сдерживалъ свой горячій нравъ; но это было уже слишкомъ, и онъ осыпалъ самой яростной бранью бѣднаго Николая, за то, что тотъ повелъ насъ черезъ горы по такому ужасному проходу, и угрожалъ ему самымъ строгимъ наказаніемъ, когда мы пріѣдемъ въ Тигиль. Напрасно Николай оправдывался, увѣряя, что другаго прохода не было; онъ долженъ былъ *найдти* другой проходъ и не подвергать опасности жизнь людей, ведя ихъ по этому проклятому оврагу, заваленному сломанными деревьями, лавой и глыбами вулканическихъ утесовъ! Если что нибудь случится съ однимъ изъ членовъ нашей партіи въ этомъ ущельи, маіоръ поклялся, что застрѣлитъ Николая на мѣстѣ. Блѣдный и дрожащій отъ страха, бѣдный проводникъ поймалъ мою лошадь, починилъ ремень у стремени и отправился впередъ, чтобъ показать намъ, что онъ не боится идти самъ по тому пути, по которому приглашаетъ насъ за собою слѣдовать.

Намъ, вѣрно, пришлось пятьдесятъ разъ перескочить на нашихъ лошадяхъ горный потокъ на протяженіи 2.000 футовъ, чтобъ избѣжать утесовъ и скользкихъ кремней, которые являлись то на одномъ, то на другомъ берегу. Одна изъ нашихъ вьючныхъ лошадей совсѣмъ отказалась идти далѣе и другія тоже едва двигали ноги, когда наконецъ, поздно, послѣ полудня, мы достигли вершины горы, возвышавшейся на 4.000 ф. надъ уровнемъ моря.

Передъ нами, полускрытое сѣрыми тучами и туманомъ, лежало большое плоское пространство, покрытое слоемъ мягкаго, густаго арктическаго мха въ восемнадцать дюймовъ толщины, и пропитанное водой, подобно огромной губкѣ. Кругомъ не видно было ни одного деревца, ни одной межи — ничего кромѣ моха. Холодный, пронизывающій вѣтеръ гналъ съ сѣвера грозныя тучи черезъ пустынную вершину горы и полузамерзшія капли дождя били насъ въ лицо. Промоченные до костей восьми-часовымъ дождемъ, усталые и ослабѣвшіе отъ долгаго лазанья, съ окоченѣвшими отъ холода руками и сапогами полными ледяной воды, мы остановились, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ и рѣшить, куда ѣхать. Всѣмъ нашимъ людямъ была роздана въ изобиліи водка въ крышкѣ жестянаго ведра, но ея возбуждающее дѣйствіе было до того парализовано холодомъ, что едва его можно было ощутить. Бѣдный Іоловскій староста, въ мокромъ платьѣ, съ посинѣлыми губами, дрожалъ отъ холода, зубы его стучали, черные волосы мокрыми прядями висѣли по его блѣднымъ щекамъ; онъ едва волочилъ ноги. Съ жадностью онъ ухватилъ жестяную крышку, которую подалъ ему маіоръ, но все его тѣло тряслось, какъ въ лихорадкѣ, и онъ расплескалъ большую часть водки.

Опасаясь, чтобъ темнота не застала насъ прежде, чѣмъ мы найдемъ себѣ убѣжище, мы направились къ заброшенной полуразвалившейся «юртѣ», которая, по словамъ Николая, находилась на западной окраинѣ этой терассы, на разстояніи восьми верстъ; наши лошади тонули на каждомъ шагу по колѣна въ этой мягкой трясинѣ, такъ что мы подвигались только самымъ медленнымъ шагомъ, и коротенькое пространство въ восемь верстъ казалось намъ безконечнымъ. Наконецъ, послѣ четырехъ утомительныхъ часовъ, впродолженіе которыхъ мы странствовали среди шума и облаковъ, при рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ и 32 градусовъ мороза, мы добрались наконецъ полузамерзшіе до юрты. Это была низенькая пустая хижина, почти четырехъ-угольная, выстроенная изъ бревенъ разнаго объема и покрытая мхомъ и дерномъ, такъ что походила наружностью на подвалъ. Часть одной стѣны была употреблена застигнутыми бурей путешественниками на костеръ; ея земляной полъ былъ влаженъ отъ дождя, капающаго черезъ дырявую крышу; вѣтеръ и дождь тоскливо завывали въ трубѣ; дверей не было вовсе, и вся она представляла печальную картину разрушенія. Вьюшинъ

оборвалъ еще часть отъ обломанной стѣны, развелъ огонь, повѣсилъ надъ нимъ кошелекъ съ чаемъ и внесъ нашъ ящикъ съ извѣстными припасами подъ кровлю жалкой хижины. Я ни какъ не могъ добиться, откуда Вьюшинъ досталъ въ этотъ вечеръ воды для чаю, такъ какъ не было годнаго ручья на десять миль въ окружности, а вода, сочившаяся черезъ крышу, была смѣшана съ грязью. Я сильно подозрѣваю, что онъ выжалъ ее изъ мокраго мха, вырваннаго изъ тундры. Доддъ и я сняли наши сапоги, выплеснули изъ каждаго по ведру воды, просушили ноги, между тѣмъ какъ паръ распространялся клубами отъ нашей мокрой одежды, и мы начали ощущать даже нѣкотораго рода удовольствіе.

Вьюшинъ былъ въ отличномъ расположеніи духа. Онъ добровольно раздѣлялъ впродолженіе цѣлаго дня труды нашихъ проводниковъ, отличался самыми неутомимыми усиліяли, поднимая упавшихъ лошадей, проводя ихъ по опаснымъ мѣстамъ и воодушевляя упавшихъ духомъ камчадаловъ, и теперь стряхивалъ воду съ своей рубашки и выжималъ разсѣянно свои мокрые волосы надъ котломъ, гдѣ варился супъ, съ такимъ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ и такимъ сердечнымъ смѣхомъ, что никому не приходило въ голову сердиться или жаловаться на усталость, холодъ и голодъ. Видя это веселое лицо среди дымной атмосферы разрушенной юрты и слыша этотъ звонкій смѣхъ, мы сами начали невольно смѣяться надъ нашими несчастіями и надѣяться на лучшее будущее. Послѣ скуднаго ужина, состоящаго изъ селянки, сушеной рыбы, черстваго хлѣба и чая, мы растянулись въ самой мелкой лужѣ, какую могли только найти, покрылись одѣялами, плащами, пропитанными жиромъ, простынями и медвѣжьими шкурами, и намъ удалось наконецъ, не смотря на мокрое платье и еще болѣе на мокрыя постели, заснуть крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Холодное помѣщеніе.—Величественный видъ.—Вторичная охота за медвѣдемъ.—Скачка съ препятствіями.—Прибытіе въ Тигиль.

Я проснулся около полуночи съ окоченѣвшими ногами и весь дрожа отъ холода. Отъ костра, разведеннаго на грязномъ полу, осталось только нѣсколько тлѣющихся головней, которыя бросали красный отблескъ на черныя, закоптѣлыя бревна и, вспыхивая по временамъ, освѣщали дрожащимъ свѣтомъ темные углы юрты. Вѣтеръ печально завывалъ вокругъ хижины, дождь стучалъ въ стѣны и капалъ черезъ сотню отверстій въ крыши на мои, уже безъ того мокрыя, одѣяла. Я поднялся на одномъ локтѣ и посмотрѣлъ вокругъ себя. Въ хижинѣ никого, кромѣ меня, не было. Въ первую минуту я не могъ сообразить, гдѣ я и какъ я попалъ въ это странное и печальное положеніе; но по немногу я припомнилъ наше вчерашнее путешествіе и направился къ дверямъ, чтобъ посмотрѣть, куда дѣлась вся наша партія. Я увидалъ, что маіоръ и Доддъ со всѣми камчадалами раскинули палатки на влажномъ мхѣ и улеглись въ нихъ, вмѣсто того, чтобъ оставаться въ юртѣ и подвергать свои одѣяла и одежду грязнымъ каплямъ воды, падающимъ на нихъ черезъ крышу. Въ палаткахъ едва ли было суше; но я согласился съ ними, что чистая вода лучше грязной и, собравъ свою постель, улегся возлѣ Додда. Одинъ разъ, впродолженіе ночи, вѣтеръ сдулъ палатку и подвергъ насъ всѣмъ непріятностямъ бури;

но ее возстановили, не смотря на вѣтеръ, подставили бревна, взятыя изъ стѣнъ юрты для поддержки ея, и мы постарались какъ нибудь проспать въ ней до утра.

Наружность наша была весьма плачевная, когда мы на другой день на разсвѣтѣ вышли изъ палатки; Доддъ печально смотрѣлъ на свои сырыя одѣяла и мокрое платье, и всѣ мы горячо сочувствовали и раздѣляли его грусть.

Наши промокшія, унылыя лошади были осѣдланы на разсвѣтѣ; и такъ какъ буря, по всѣмъ признакамъ, должна была скоро утихнуть, то мы сейчасъ же послѣ завтрака продолжали нашъ путь къ западному краю плоской возвышенности, образуемой вершинами горной цѣпи. Видъ съ этого мѣста долженъ быть великолѣпный въ ясную погоду, такъ какъ съ одной стороны видны Тигильская долина и Охотское море, а съ другой—Тихій океанъ, долины Іоловки и Камчатки и вершина Ключевской сопки. Мѣстами туманъ рѣдѣлъ, и намъ удавалось случайно увидать на нѣсколько тысячъ футовъ подъ нами рѣку Іоловку и дымящуюся верхушку далекаго вулкана, среди синеватыхъ облаковъ; но ежеминутно новыя массы испареній поднимались съ Охотскаго моря на вершины горъ прямо намъ на встрѣчу и скрывали отъ нашихъ глазъ все, исключая мокраго мха, по которому съ трудомъ тащились наши усталыя, видимо упавшія духомъ, лошади.

Съ перваго разу, кажется, невѣроятнымъ, чтобъ какія-либо человѣческія существа могли жить въ этой пустынной плоскости, на 4,000 ф. надъ уровнемъ моря, поросшей мхомъ, застилаемой большую часть времени облаками и туманами и подвергнутой частымъ дождямъ и метѣлямъ. Но кочующіе коряки даже сюда пригоняютъ свои стада сѣверныхъ оленей, воздвигаютъ и здѣсь свое закоптѣлое шатерное древко и презираютъ стихіи. Три или четыре раза впродолженіе дня, мы встрѣчали на дорогѣ груды оленьихъ роговъ и кучки золы среди большихъ круговъ изъ вѣтвей молодилъ, указывающихъ на мѣста, гдѣ были расположены палатки коряковъ; но толпы дикихъ номадовъ, оставившихъ эти слѣды, давно уже, по видимому, покинули эти мѣста и теперь, можетъ быть, пасутъ свои стада на пустынныхъ берегахъ Ледовитаго океана.

По причинѣ плотности тумана, которымъ мы были все время окружены, мы не могли составить вѣрнаго понятія о геологическомъ составѣ горной цѣпи, по которой мы проѣзжали, ни объ обширности и характерѣ этой громадной, мшистой равнины, лежавшей такъ высоко между погасшими вулканическими вершинами. Я знаю только одно, что передъ самымъ полднемъ мы оставили тундру, какъ здѣсь называютъ эти степи, поросшія мхомъ, и начали спускаться постепенно по дикой, утесистой мѣстности, гдѣ не видно было другой растительности, кромѣ немногихъ тощихъ, малорослыхъ сосенъ. На протяженіи десяти миль, по крайней мѣрѣ, почва была завалена каменными плитами вулканическаго происхожденія разнообразной величины отъ пяти кубическихъ футовъ и до пяти сотъ, и нагроможденныхъ другъ на другѣ въ величайшемъ безпорядкѣ. Кажется, будто небо въ какой нибудь неизвѣстный геологическій періодъ низвергло на землю эти громадныя каменныя массы, пока земля не покрылась на пятьдесятъ футовъ толщины ихъ обломками. Почти всѣ эти массы имѣли двѣ гладкія, плоскія стороны и походили на ломти какого то окаменѣлаго, чернаго плутоническаго пудинга.

Въ полдень мы напились чаю на западной сторонѣ этихъ безплодныхъ утесовъ и до ночи выѣхали на дорогу, по которой снова показались кусты, трава и ягоды. Мы разбили нашу палатку на ночь опять подъ бурей и дождемъ, и на разсвѣтѣ 21-го продолжали спускаться по западному склону горъ. Рано утромъ, мы съ радостью увидали свѣжихъ лошадей и людей, высланныхъ намъ на встрѣчу изъ туземной деревни по имени «Седойка», и смѣнивъ, нашихъ усталыхъ и хромающихъ лошадей на новыхъ и добрыхъ, мы быстро поѣхали далѣе. Погода прояснилась, стало гораздо теплѣе, тропинка вилась у подножія холмовъ, среди пожелтѣлыхъ березовыхъ рощъ и красной рябины, и, когда солнце высушило наши промокшія платья и пріятно оживило и согрѣло наши окоченѣвшіе члены, мы забыли дождь и наше печальное положеніе на горной вершинѣ, и веселое расположеніе духа снова возвратилось къ намъ.

Я уже разсказывалъ, кажется, о нашей охотѣ за медвѣдемъ

въ Камчатской тундрѣ; но такъ какъ тогда это была простая стычка, въ которой даже характеры дѣйствовавшихъ въ ней личностей не успѣли обрисоваться особенно ярко, то я хочу разсказать теперь еще одно и послѣднее приключеніе съ медвѣдемъ въ Тигильскихъ горахъ.

Вы, которые довѣрчиво слушаете разсказы охотниковъ и пламенно желаете напасть на слѣдъ медвѣдей; вы, полагающіе, что мужество возрастаетъ съ опасностью, и что недостатокъ смѣлости замѣняется находчивостью, обратите вниманіе на разсказъ неопытнаго охотника. Около полудня, когда мы ѣхали вдоль края узкой долины, поросшей травой и окаймленной густой рощей березъ, ольхъ и сосенъ, одинъ изъ нашихъ извощиковъ вдругъ закричалъ «медвѣдь» и указалъ рукой на большаго чернаго медвѣдя, беззаботно бродившаго по высокой травѣ въ поискахъ за брусникой, и постепенно приближающагося къ тому краю оврага, возлѣ котораго мы находились. Онъ насъ еще не замѣтилъ и мы тотчасъ же организовали отрядъ, состоящій изъ двухъ камчадаловъ, маіора и меня, для нападенія на него; мы всѣ были вооружены съ головы до ногъ винтовками, топорами, револьверами и ножами. Пробираясь тихонько по рощѣ, намъ удалось занять благопріятную позицію на краю лѣса и, помѣстившись лицомъ къ лицу съ медвѣдемъ, ожидать спокойно его приближенія. Занятый своей брусникой и нисколько не подозрѣвая ожидающей его опасности, онъ медленно и неуклюже переваливался на разстояніи пятидесяти аршинъ отъ насъ. Камчадалы стали на колѣна, сняли съ плеча свои длинныя тяжелыя винтовки, воткнули въ землю упоры своихъ копій, набожно перекрестились три раза, глубоко вздохнули, прицѣлились, закрыли глаза и выстрѣлили. Сначала раздалось продолжительное шипѣніе, впродолженіи котораго камчадалы добросовѣстно не открывали глазъ, и наконецъ громъ выстрѣловъ извѣстилъ о катастрофѣ, за которой немедленно послѣдовали еще два выстрѣла изъ карабиновъ, маіора и моего. Когда дымъ рѣзсѣялся, я поспѣшилъ посмотрѣть поближе на предсмертныя судороги животнаго; но каково же было мое удивленіе, когда вмѣсто послѣдней агоніи, въ которой каждый порядочный звѣрь долженъ былъ находиться послѣ

столькихъ выстрѣловъ, злое животное прямо неслось на насъ галопомъ!

Это былъ сюрпризъ, не предвидѣнный въ нашей программѣ! Мы не разсчитывали на контръ аттаку, а ярость, съ какою медвѣдь продирался сквозь кусты, не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ серіозности его намѣреній. Я старался вспомнить какой-нибудь историческій фактъ, который оправдалъ бы мое спасеніе на деревѣ; но мозгъ мой былъ въ такомъ возбужденномъ состояніи, что всѣ мои историческія познанія исчезли въ одну минуту. «Человѣкъ можетъ знать наизустъ весь коранъ, но въ минуту, когда его преслѣдуетъ медвѣдь, онъ не будетъ въ состояніи вспомнить даже азбуку!» Что бы мы сдѣлали при послѣдней крайности, неизвѣстно. Выстрѣлъ изъ револьвера маіора измѣнилъ, кажется, первоначальный планъ дѣйствій медвѣдя, и повернувъ внезапно въ сторону, онъ пробѣжалъ въ кусты, въ десяти шагахъ отъ дулъ нашихъ незаряженныхъ винтовокъ и исчезъ въ рощѣ. Тщательно осмотрѣвъ листья и траву, мы не нашли на нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ крови и должны были сознаться, что медвѣдь ушелъ невредимо.

Охота за медвѣдемъ съ русской винтовкой представляетъ самое забавное и самое безвредное развлеченіе. Прежде чѣмъ раздается выстрѣлъ, вы слышите еще какое-то шипѣніе, впродолженіи котораго звѣрь успѣетъ отлично пообѣдать, пробѣжать пятнадцать миль по горамъ, скрыться въ сосѣдней области и покойно уснуть въ своемъ логовищѣ!

На ночь мы расположились подъ вѣтвями большой березы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста, бывшаго ареной нашихъ подвиговъ, и въ пятницу, рано утромъ, были на пути въ «Седойку». Верстъ за пятнадцать до деревни, Доддъ предложилъ поѣхать въ галопъ, чтобъ испытать ретивость нашихъ коней и разгорячить немного собственную нашу кровь. Такъ какъ у насъ обоихъ были порядочныя лошади, то я предложилъ ему перегоняться до селенія. Изо всѣхъ нашихъ скачекъ съ препятствіями въ Камчаткѣ, эта была самая замѣчательная. Лошади скоро разгорячились на равнѣ съ сѣдоками и понеслись черезъ кусты, овраги, бревна, утесы и

болота какъ бѣшенныя. Разъ я упалъ съ сѣдла, задѣвъ карабиномъ за сучекъ, и нѣсколько разъ мы оба едва не разшибли себѣ лбы о деревья. Подъѣзжая къ селенію, мы увидали трехъ или четырехъ камчадаловъ, которые рубили дрова въ недалекомъ разстояніи отъ насъ. Доддъ испустилъ страшный крикъ, подобный бранному кличу индійскаго племени Сіу, пришпорилъ свою лошадь и мы, какъ молнія, пронеслись мимо нихъ. При видѣ двухъ загорѣлыхъ иностранцевъ въ синихъ рубашкахъ, высокихъ сапогахъ и красныхъ шапкахъ, съ пистолетами и ножами за поясомъ, которые неслись на нихъ, подобно мамелюкамъ, во время битвы у пирамидъ, бѣдные камчадалы бросили свои топоры и убѣжали въ лѣсъ. Исключая того случая, когда я упалъ съ сѣдла, мы ни разу не останавливались до самой деревни, куда лошади наши прискакали всѣ въ мылѣ и тяжело дыша. Если вы хотите искру оживленія въ глазахъ Додда, то напомните ему нашу скачку возлѣ «Седопки».

Всю слѣдующую ночь мы плыли внизъ по рѣкѣ Тигилѣ въ Тигиль, куда мы прибыли, когда еще было совсѣмъ темно, совершивъ такимъ образомъ, въ продолженіи шестнадцати дней, путешествіе въ 1130 верстъ.

Мои воспоминанія о Тигилѣ очень смутны и неопредѣленны. Я помню только, что былъ пораженъ необыкновеннымъ количествомъ шампанскаго, хереса, бѣлаго рома и водки, которое русскіе жители въ состояніи выпить, и что Тигиль немного лучше остальныхъ селеній и городовъ Камчатки. Послѣ Петрозаводска, это самое значительное поселеніе полуострова и торговый центръ всего западнаго берега. Одинъ русскій пароходъ и одно американское торговое судно приходятъ каждое лѣто къ устью рѣки Тигиля съ грузомъ ржаной муки, чая, сахара, платья, мѣдныхъ котловъ, табака и крѣпкой русской водки, которые и разсылаются потомъ по всему полуострову. Здѣсь главная квартира «Брашныхъ», «Воробьевыхъ» и двухъ-трехъ другихъ торговыхъ фирмъ и сборное мѣсто многихъ чукчей и коряковъ. Такъ какъ намъ не пришлось бы встрѣтить на пути другаго торговаго пункта, до самой Чижили на сѣверѣ Охотскаго моря, то мы и рѣшились остаться нѣсколько дней въ Тигилѣ, чтобъ отдохнуть и пополнить наши запасы.

Теперь намъ предстояла самая трудная часть нашего путешествія и по неудобству самой мѣстности и вслѣдствіе поздняго времени года. Между нами и степями кочующихъ коряковъ, лежали только семь камчатскихъ поселеній, а мы до сихъ поръ еще не могли придумать удобнаго способа для проѣзда по этимъ негостепріимнымъ пространствомъ до наступленія зимы, когда можно будетъ ѣхать на оленяхъ. Никакое описаніе не въ состояніи дать вѣрнаго понятія о сибирскихъ степяхъ, поросшихъ мхомъ, тому, кто самъ не знакомъ съ жизнью на сѣверѣ, и не испытавши, нельзя представить себѣ всѣ препятствія, которымъ подвергаются въ этихъ степяхъ путешественники въ лѣтнее время.

. Зимою, когда земля замерзла и покрыта снѣгомъ, путешествіе по нимъ довольно удобно, но лѣтомъ они рѣшительно непроходимы. На протяженіи трехъ или четырехъ сотъ квадратныхъ миль никогда не оттаявающая почва покрыта на два фута глубины густымъ роскошнымъ ковромъ мягкаго, губчатаго арктическаго моха, напитаннаго водой и усѣяннаго изрѣдка малорослыми кустарниками брусники и лабрадорскаго чая. Она никогда не высыхаетъ совершенно, никогда не дѣлается настолько твердой, чтобъ нога могла ступать по ней. Съ іюня до сентября, все это пространство представляетъ ничто иное, какъ огромную трясину; нога вязнетъ въ ней по колѣна, но лишь только вы вытаскиваете ее, какъ почва снова поднимается съ эластичностью губки и не остается никакого слѣда вашихъ шаговъ. Идти по ней все равно, что идти по огромной губкѣ. Причины, производящія этотъ необыкновенный и по видимому не нормальный ростъ моха, тѣ же, которыя имѣютъ такое могущественное вліяніе на развитіе растительности вездѣ, а именно: теплота, свѣтъ и влажность,—и эти три дѣятеля въ сѣверномъ климатѣ такъ сильны впродолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, что придаютъ каждому растенію почти тропическую роскошь. Земля оттаяваетъ весною на два фута глубины, а подъ ними находится вѣчно мерзлая почва. Этотъ слой мерзлой земли мѣшаетъ водѣ, происшедшей отъ таянія зимнихъ снѣговъ, уходить глубже въ почву, и вода не имѣетъ другаго исхода, какъ медленное испареніе. Вслѣдствіе этого, слой моха на поверхности всегда насыщенъ водой, и

согрѣваемый непрерывно солнцемъ, въ іюнѣ и іюлѣ достигаетъ такого необыкновенно-быстраго и роскошнаго роста.

Легко себѣ представить, что путешествіе лѣтомъ по этому огромному пространству, покрытому мягкимъ, напитаннымъ водою мхомъ, очень затруднительно, если не совсѣмъ невозможно. Лошадь на каждомъ шагу погружается по колѣно въ эту губко-образную трясину и очень скоро выбивается изъ силъ. Мы имѣли уже примѣръ подобнаго происшествія на вершинѣ Іоловскаго прихода и не удивительно, что мы съ ужасомъ помышляли о ожидающихъ насъ огромныхъ тундрахъ коряковъ въ сѣверной части полуострова. Съ нашей стороны было бы, можетъ быть, благоразумнѣе ожидать въ Тигилѣ зимняго пути, но маіоръ полагалъ, что по распоряженію главнаго инженера, партія изслѣдователей могла высадиться въ опасной мѣстности у Берингова пролива, и ему хотѣлось какъ можно скорѣе удостовѣриться въ этомъ. Поэтому онъ рѣшился какъ бы то ни было достигнуть границъ корякской тундры и, если возможно, переѣхать ее верхомъ.

Въ Тигилѣ была куплена китоловная лодка и отправлена съ туземной командой въ Лѣсное, такъ-что, въ случаѣ еслибъ намъ не удалось пробраться черезъ тундры коряковъ, мы могли бы проѣхать водой по сѣверной части Охотскаго моря къ Гижигу до наступленія зимы. Съѣстные припасы и мѣховая одежда всевозможныхъ сортовъ были закуплены и упакованы въ ящики, обшитые кожей и все, что только мы могли придумать, для предохраненія насъ отъ дурной погоды и неудобствъ путешествія, было запасено въ изобиліи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Берегъ Охотскаго моря.—Лѣсное.—Китоловная лодка и сухопутная партія.—«Чертовъ проходъ».—Саманкскія горы.—Вьюга.—Дикая мѣстность.

Въ среду 27-го сентября, мы снова отправились въ путь, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, переводчика, знающаго корякскій языкъ, осьми или десяти людей и четырнадцати лошадей. Наканунѣ нашего отъѣзда шелъ небольшой снѣгъ, но онъ не могъ въ сущности испортить дороги, а напомнилъ намъ только, что зима близка и что намъ нечего расчитывать на лучшую погоду. Мы быстро поѣхали по берегу Охотскаго моря, то слѣдуя по дорогѣ у самаго взморья, то по лѣсистымъ холмамъ и долинамъ, которые тянутся отъ центральнаго горнаго хребта къ берегу. Мы проѣхали селенія: «Аминіану», «Выомпелку», «Хуктана́» и «Поляну», перемѣняя лошадей и людей въ каждомъ изъ нихъ, и, наконецъ, 3-го октября, добрались до Лѣснаго, послѣдняго камчатскаго поселенія на полуостровѣ.—Лѣсное лежитъ, насколько мы могли приблизительно опредѣлить, подъ 59° 20′ широты и 160° 25′ долготы, около 150 верстъ на югъ отъ степей Коряковъ и около 200 миль по прямой линіи отъ Гижиги, которая въ настоящую минуту была цѣлью нашего путешествія.

До сихъ поръ мы не встрѣчали еще во все время нашего путешествія по Камчаткѣ особенныхъ затрудненій, такъ какъ погода стояла хорошая и никакія препятствія не останавливали насъ на

пути. Теперь же мы должны были вступить въ пустыню совершенно необитаемую и мало знакомую даже нашимъ камчатскимъ проводникамъ. На сѣверъ отъ Лѣсного, большой центральный хребетъ Камчатскихъ горъ круто обрывался у Охотскаго моря длиннымъ рядомъ уступовъ и возвышался утесистой стѣной между нами и степями кочующихъ коряковъ. Даже среди лѣта трудно переѣхать на лошадяхъ черезъ эту горную цѣпь, а теперь было еще гораздо хуже, такъ какъ горныя ручьи превратились отъ дождей въ ревущіе потоки, и каждую минуту надо было ждать мятелей. Въ Лѣсномъ, камчадалы объявили намъ положительно, что напрасно было бы пытаться переѣхать эти горы, пока рѣки не замерзли и снѣгъ не выпалъ на столько, чтобы можно было ѣхать на саняхъ, и что они не намѣрены рисковать жизнью пятнадцати или двадцати лошадей, не говоря уже о ихъ собственныхъ особахъ, для подобнаго предпріятія. Маіоръ объяснилъ имъ очень выразительно, если и не совсѣмъ учтиво, что онъ не вѣритъ ни одному слову изъ всего этого вранья, что горы надо переѣхать во что бы то ни стало, и что они должны ѣхать и поѣдутъ. Имъ до сихъ поръ вѣроятно, никогда не случалось имѣть дѣло съ такимъ рѣшительнымъ и настойчивымъ человѣкомъ, какъ маіоръ, и послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній они согласились сопровождать насъ съ восемью ненавьюченными лошадьми, съ условіемъ оставить всѣ наши вещи и тяжелыя походныя принадлежности въ Лѣсномъ. Сначала маіоръ не хотѣлъ и слушать объ этомъ, но сообразивъ наше положеніе, рѣшился раздѣлить наши маленькія силы на двѣ партіи — отправивъ одну водой на китоловной лодкѣ съ тяжелой кладью, а другую черезъ горы съ двадцатью ненавьюченными лошадьми. Предполагалось, что дорога черезъ горы пойдетъ возлѣ самаго морскаго берега, такъ что сухопутная партія будетъ имѣть почти все время въ виду китоловную лодку и, въ случаѣ, если одна изъ партій встрѣтитъ какое нибудь затрудненіе или препятствіе на пути, другая будетъ всегда въ состояніи оказать ей помощь. Почти на половинѣ горной дороги на западъ отъ главнаго кряжа, по словамъ жителей, должна была находиться маленькая рѣчка, по имени «Саманка» и устье этой рѣчки назначалось сборнымъ мѣстомъ для

обѣихъ партій, въ случаѣ, если они потеряютъ другъ друга изъ вида во время вьюгъ или тумановъ. Маіоръ рѣшился ѣхать съ Доддомъ на китоловной лодкѣ и вручилъ мнѣ начальство надъ сухопутной партіей, состоящей изъ нашего лучшаго казака, Вьюшина, шести камчадаловъ и двадцати лошадей безъ всякой поклажи. Сдѣланы были флаги, придуманы условные знаки, вся тяжелая кладь была перенесена на китоловное судно и на большую лодку, обитую тюленьей шкурой, и 4-го октября, рано утромъ я простился съ маіоромъ и Доддомъ, и они отчалили отъ берега. Когда лодка скрылась за выдающейся скалой, мы сѣли на лошадей и бодро поѣхали черезъ долину къ горному проходу, за которымъ начиналась степь. Дорога, впродолженіи первыхъ десяти или пятнадцати верстъ была очень хороша, но я былъ очень удивленъ, замѣтивъ что она прямо углублялась въ горы, въ противоположномъ направленіи отъ моря, вмѣсто того, чтобъ идти вдоль морскаго берега, и я началъ опасаться, что наши планы о содѣйствіи другъ другу не могутъ осуществиться. Сообразивъ, что китоловная лодка не далеко уйдетъ въ первый день, съ помощью однихъ веселъ безъ малѣйшаго вѣтра, мы рано остановились для ночлега въ узкой долинѣ между двумя параллельными горными кряжами. Взобравшись на небольшую гору позади нашей палатки, я началъ искать глазами море; но мы были на разстояніи пятнадцати верстъ по крайней мѣрѣ отъ берега и видъ его былъ заслоненъ отъ насъ рядомъ промежуточныхъ остроконечныхъ вершинъ, изъ которыхъ многія достигали высоты вѣчныхъ снѣговъ. Въ эту ночь я почувствовалъ себя одинокимъ, не видя веселаго лица Додда у нашего очага, не слыша его живыхъ остротъ, смѣшныхъ разсказовъ и добродушныхъ шутокъ, которые до сихъ поръ оживляли длинные, скучные часы нашей кочевой жизни. Еслибъ Доддъ могъ прочесть мои мысли въ этотъ вечеръ, когда я сидѣлъ въ величественномъ одиночествѣ у огня, онъ порадовался бы, увидавъ, что его общество было достойно оцѣнено, и его отсутствіе такъ ощутительно. Вьюшинъ особенно хлопоталъ за приготовленіемъ моего ужина; добрый малый дѣлалъ все, что могъ, чтобъ оживить одинокую трапезу разсказами и забавными воспоминаніями о путешествіи по Камчаткѣ; но не затѣй-

ливыя котлеты изъ дичины, казалось, утратили свой обычный вкусъ, а русскія исторіи и остроты оставались для меня непонятными.— Послѣ ужина, я легъ на мою медвѣжью шкуру и заснулъ, глядя какъ полная луна всходила надъ изрытой вершиной вулкана на восточной сторонѣ долины.

На другой день мы должны были ѣхать по узкой, извилистой долинѣ между горами, по мшистому болоту и черезъ глубокій, узкій заливецъ, пока не добрались до развалившейся хижины, выстроенной въ землѣ, почти на полъ дороги между Лѣснымъ и рѣкой Саманкой. Здѣсь мы позавтракали сушеной рыбой съ черствымъ хлѣбомъ, и подъ проливнымъ дождемъ, продолжали нашъ путь вверхъ по долинѣ, окруженные со всѣхъ сторонъ утесами, снѣжными вершинами горъ и потухшими вулканами. Дорога ухудшалась съ каждой минутой. Долина постепенно съуживалась и превращалась въ дикое утесистое ущелье, на днѣ котораго бѣжалъ бурливый горный потокъ, разбиваясь бѣлой пѣной объ острые черные утесы и падая великолѣпными каскадами съ уступовъ, образованныхъ лавой. Казалось, что даже сернѣ негдѣ было бы ступить на черномъ краю этого «Чертова прохода», но нашъ проводникъ сказалъ, что уже и прежде нѣсколько разъ проходилъ по этому мѣсту и, слѣзши съ лошадей, осторожно повелъ ее по узкому каменистому выступу противъ самаго утеса, котораго я сначала и не замѣтилъ. Мы послѣдовали за нимъ, то спускаясь почти до берега ручья, то поднимаясь снова пока ревущій потокъ не очутился наконецъ на пятьдесятъ футовъ ниже насъ, и мы, протянувъ руку, могли бросать камни прямо въ пѣнящуюся воду. Понадѣясь слишкомъ на ловкость моей лошади, я, не слѣзая съ нее, беззаботно пустился вдоль ущелья и едва не поплатился жизнью за мою неосторожность. На половинѣ дороги, гдѣ тропинка поднималась всего на восемь или десять футовъ надъ потокомъ, часть выступа обрушилась подъ ногами лошади и мы вмѣстѣ съ ней полетѣли черезъ утесы въ русло потока. Изъ предосторожности я еще прежде освободилъ мою ногу изъ коварнаго стремени и при паденіи, сдѣлалъ усиліе отлетѣть въ сторону, чтобъ не быть раздавленнымъ моей лошадью. Я первый упалъ въ потокъ и едва спасъ мою голову

отъ копытъ животнаго, когда оно пыталось стать на ноги. Лошадь моя отдѣлалась нѣсколькими ранами и ушибами, но серьезныхъ поврежденій не было и, подтянувъ подпругу, я пошелъ по водѣ и повелъ за собой моего коня, пока не выбрался опять на тропинку. Тогда, влѣзши снова на сѣдло весь мокрый и съ немного разстроенными нервами, я поѣхалъ далѣе.

Передъ самыми сумерками мы достигли такого мѣста, гдѣ путь нашъ казался совершенно отрѣзаннымъ рядомъ высокихъ горъ, которыя пересѣкали долину. Это былъ центральный кряжъ Саманкскихъ горъ. Я съ удивленіемъ оглянулся на проводника, который показывая прямо на горы, объявилъ, что дорога шла именно здѣсь. Березовая роща покрывала до половины горный склонъ, а за нею тянулись низенькіе кусты молодилъ, малорослыя сосны и, наконецъ, выше голые, черные утесы, на которыхъ даже оленій мохъ не могъ пустить своихъ корней. Я не удивлялся болѣе рѣшительному отказу камчадаловъ идти по этому пути съ навьюченными лошадьми, я начиналъ уже сомнѣваться въ возможности перейти это мѣсто теперь безъ всякой клажи, хотя я уже и успѣлъ привыкнуть къ горнымъ дорогамъ. Я рѣшился остановиться здѣсь на ночь, чтобъ дать отдохнуть хорошенько и людямъ и лошадямъ и запастись новыми силами для предстоящаго намъ труднаго пути. Скоро совсѣмъ стемнѣло, дождь продолжалъ лить потоками, такъ что мы не могли даже просушить наше промокшее платье. Мнѣ сильно хотѣлось выпить водки, чтобъ согрѣть мою застывшую кровь, но я забылъ въ торопяхъ фляжку съ водкой въ Лѣсномъ, и долженъ былъ довольствоваться горячимъ чаемъ. Моя постель, обернутая въ одѣяло, пропитанное масломъ, была по счастію, совершенно суха и, завернувъ сначала ноги въ медвѣжью шкуру, я покрылся нѣсколькими теплыми, тяжелыми одѣялами и улегся покойно и удобно, на сколько это было возможно въ моемъ положеніи.

На слѣдующее утро Вьюшинъ рано разбудилъ меня, объявивъ, что идетъ снѣгъ. Я быстро вскочилъ и приподнявъ полотно палатки, выглянулъ наружу. Случилось именно то, чего я опасался. Была сильная снѣжная вьюга и природа внезапно облеклась въ свои печальныя зимнія одежды. Снѣгъ въ долинѣ выпалъ на три фута глубины и на

горахъ также его нанесло вѣроятно, не мало. Я колебался съ минуту ѣхать-ли черезъ горы въ такую погоду, но наконецъ, приказалъ двинуться въ путь, чтобъ добраться, по крайней мѣрѣ, до рѣки Саманки, такъ какъ неудача могла бы испортить всю нашу экспедицію. По предшествующему опыту, я зналъ, что вьюга не помѣшала бы маіору въ исполненіи его намѣреній, и если ему удалось достигнуть рѣки Саманки, раньше меня, то я никогда не былъ бы въ состояніи поправиться послѣ этого пораженія, не убѣдить его, что англо-саксонская кровь стоитъ славянской. Вслѣдствіе этого я велѣлъ готовиться къ походу и лишь только лошади были собраны, какъ мы двинулись къ подошвѣ горной цѣпи. Выѣхавъ изъ долины, мы не успѣли сдѣлать и двухъ сотъ шаговъ, какъ были встрѣчены настоящимъ ураганомъ съ С. В., который несъ ослѣпляющія массы снѣга съ горныхъ скатовъ прямо намъ въ лицо, покуда земля и небо не смѣшались и не исчезли въ огромномъ бѣломъ вихрѣ снѣга. Подъемъ сдѣлался вскорѣ такимъ крутымъ и утесистымъ, что нельзя было ѣхать далѣе; мы должны были слѣзть съ лошадей и, пробираясь осторожно черезъ глубокіе рыхлые сугробы и карабкаясь съ трудомъ по острымъ выдающимся скаламъ, которыя прорѣзывали наши сапоги изъ тюленьей кожи, медленно тащили за собой нашихъ лошадей. Такимъ образомъ мы прошли около тысячи футовъ, но наконецъ, я такъ усталъ что долженъ былъ остановиться и сѣсть. Снѣгъ во многихъ мѣстахъ былъ до пояса и надобно было безпрестанно понуждать мою лошадь, чтобъ заставить ее идти впередъ. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, мы пошли далѣе и черезъ часъ намъ удалось добраться наконецъ, до вершины кряжа на высотѣ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря. Здѣсь почти невозможно было противустоять ярости вѣтра. Густыя массы снѣга не позволяли различать предметы на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и намъ казалось, что мы стояли на какомъ-то обломкѣ міра въ бурномъ вихрѣ снѣжныхъ хлопьевъ, которые рѣзали лицо. По временамъ черный вулканическій утесь, неприступный какъ вершина Маттергорна, показывался въ бѣломъ туманѣ надъ нашими головами какъ бы повиснувъ на воздухѣ, и придавалъ на мгновеніе поразительно дикій видъ окружающей мѣстности, потомъ онъ снова исчезалъ въ вихрѣ снѣга и мы напрасно старались разглядѣть его въ

пространствѣ. Длинная бахрома ледяныхъ сосулекъ украшала козырекъ моей шапки и платье мое, намоченное вчерашнимъ дождемъ. замерзло и превратилось въ твердую ледяную броню. Ослѣпленный снѣгомъ, съ окоченѣлыми членами и стуча зубами, я сѣлъ на лошадь и далъ ей волю идти, куда ей вздумается, умоляя только проводника не медлить и поскорѣе увести насъ изъ этой ужасной мѣстности. Но напрасно онъ старался заставить свою лошадь идти на встрѣчу вьюгѣ. Ни крики, ни удары не могли принудить ее обернуться и онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить и поѣхать вдоль кряжа въ восточномъ направленіи. Мы спустились въ сравнительно защищенную долину, поднялись на другой хребетъ еще выше перваго, обогнули коническую вершину, на которой дулъ сильнѣйшій вѣтеръ, спустились въ другое глубокое ущелье, опять взобрались на горный кряжъ, пока наконецъ я рѣшительно не потерялъ путеводной нити, не зналъ въ какомъ направленіи мы шли, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о мѣстности, въ которой мы находились. Я сознавалъ только то, что мы полузамерзли отъ холода.

Впродолженіе послѣдняго получаса, я замѣтилъ, что нашъ проводникъ часто и тревожно совѣтовался съ другими камчадалами на счетъ дороги, и что онъ самъ не зналъ навѣрное, куда намъ идти. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ, съ мрачнымъ лицомъ, и сознался, что онъ сбился съ пути. Я не могъ укорять бѣднаго малаго за то, что онъ потерялъ дорогу въ такую вьюгу, я сказалъ ему только, чтобъ онъ постарался идти по направленію къ рѣкѣ Саманкѣ, и что если намъ удастся найти защищенную долину, то мы остановимся въ ней, въ ожиданіи лучшей погоды. Мнѣ хотѣлось также предостеречь его, чтобъ онъ не велъ насъ слишкомъ близко къ краямъ обрывовъ, но я недостаточно зналъ по русски, чтобъ выразить это.

Впродолженіе двухъ часовъ мы бродили безцѣльно, то поднимаясь на вершины, то спускаясь въ небольшія долины, по видимому, все больше и больше углубляясь въ горы, но все-таки не находя нигдѣ убѣжища отъ вьюги. Надобно было принять какое нибудь рѣшеніе, потому что иначе мы всѣ замерзли бы на дорогѣ. Я позвалъ, наконецъ проводника, сказалъ ему, что самъ буду указывать дорогу, и, от-

крывъ мой маленькій карманный компасъ, объяснилъ ему въ какомъ направленіи находился морской берегъ. Онъ посмотрѣлъ съ тупымъ удивленіемъ на маленькій мѣдный ящичекъ съ дрожащей въ немъ стрѣлкой и вскричалъ, съ отчаяніемъ: «Ахъ баринъ! какъ можетъ компасъ знать что нибудь объ этихъ проклятыхъ горахъ? Вѣдь компасъ никогда еще не былъ здѣсь. Я всю мою жизнь брожу по этимъ горамъ и, прости мнѣ Господи, не знаю гдѣ теперь море». Не смотря но голодъ, страхъ и холодъ я не могъ не улыбнуться услыша мнѣніе проводника, что компасъ, никогда не путешествовавшій по Камчаткѣ не можетъ знать и дороги по ней. Я увѣрялъ его, что компасъ молодецъ своего дѣла и всегда найдетъ дорогу къ морю во время бури, но онъ мрачно покачалъ головой, какъ будто мало вѣрилъ въ его искуство, и отказался идти по тому направленію, которое, указывалъ. Не имѣя возможности заставить мою лошадь идти противъ вѣтра, я слѣзъ съ нее, и съ компасомъ въ рукѣ повелъ ее по направленію къ морю, за мной слѣдовалъ Вьюшинъ, который, закутанный съ головой въ медвѣжью шкуру, походилъ на какого-то дикаго звѣря. Проводникъ, видя наше рѣшительное довѣріе къ компасу, согласился слѣдовать наконецъ, за нами. Мы подвигались очень медленно, такъ какъ снѣгъ былъ глубокъ, члепы наши окоченѣли и сильный вѣтеръ дулъ прямо намъ въ лицо. Наконецъ, около полудня мы очутились на самомъ краю занесеннаго снѣгомъ обрыва, въ полтораста футовъ глубины; у его подножія бушевало море и разъяренныя волны ревомъ своимъ заглушали ревъ вѣтра. Я никогда бы не могъ себѣ представить такого дикаго пустыннаго ландшафта. Позади и вокругъ насъ виднѣлись бѣлыя вершины, надъ которыми повисло сѣрое, безжалостное небо; мѣстами торчали сосновые сучья и черные обломки трановыхъ скалъ представляли рѣзкую противуположность съ мертвенной бѣлизной снѣжныхъ горъ. Передъ нами внизу волновалось и пѣнилось море и волны разбивались съ глухимъ плескомъ о черный утесъ.

Снѣгъ, вода, горы, и на переднемъ планѣ маленькая группа обледенѣлыхъ людей и косматыхъ лошадей, устремившихъ взоры на море съ высоты могущественнаго утеса,—эта была не затѣйливая, но мрачная картина. Проводникъ нашъ, глядя пристально на темный, обрывистый берегъ, въ надеждѣ найти какой нибудь знакомый предметъ, обратился, наконецъ, ко мнѣ, съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и попросилъ показать ему компасъ. Я развинтилъ крышку и показалъ ему синюю, дрожащую стрѣлку, обращенную къ сѣверу. Онъ осмотрѣлъ ее съ любопытствомъ и съ очевиднымъ уваженіемъ къ ея таинственной силѣ и сказалъ наконецъ, что это дѣйствительно, «своего дѣла мастеръ», и пожелалъ узнать, всегда ли онъ указываетъ море! Я старался объяснить ему свойство и употребленіе этого снаряда, но это было выше его разумѣнія и онъ отошелъ съ твердой увѣренностью, что въ маленькомъ мѣдномъ ящичкѣ заключается что-то сверхъестественное, почему стрѣлка всегда можетъ указывать путь къ морю даже въ странѣ, гдѣ онъ никогда не бывалъ до сихъ поръ.

Послѣ полудня, мы поѣхали по направленію къ сѣверу, стараясь не удаляться отъ морскаго берега, огибая отдѣльныя вершины и перейдя черезъ девять не высокихъ горныхъ кряжей.

Впродолженіи всего этого дня я имѣлъ случай наблюдать странное явленіе, о которомъ читалъ въ «Альпійскихъ ледникахъ», Тиндалля: это тотъ голубоватый свѣтъ, который, кажется, наполняетъ каждое маленькое углубленіе въ снѣгѣ. Углубленіе сдѣланное длинной, тонкой палкой, такъ свѣтилось, какъ будто было наполнено темно-голубымъ паромъ. Впродолженіи моего трехлѣтняго путешествія на сѣверѣ, никогда это явленіе не было такъ замѣтно, какъ этотъ разъ.

Когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы спустились въ глубокую, пустынную долину, которая, по словамъ нашего проводника, выходила къ морю возлѣ устья рѣки Саманки. Здѣсь не было снѣга, но шелъ проливной дождь. Нельзя было предполагать, чтобъ маіоръ и Доддъ могли достигнуть назначеннаго сборнаго мѣста, въ такую бурю; но приказавъ людямъ разбить палатку, я, все-таки поѣхалъ съ Вьюшинымъ, къ устью рѣки, чтобъ удостовѣриться тамъ ли китоловная лодка или нѣтъ. Было слишкомъ темно для того, чтобъ можно было ясно различать предметы, но мы не нашли никакихъ слѣдовъ человѣческихъ существъ на берегу и возвратились назадъ. Никогда

еще мы не садились въ палаткѣ за ужинъ и не завертывались въ наши медвѣжьи шкуры съ такимъ удовольствіемъ какъ послѣ этого утомительнаго дня. Впродолженіе сорока восьми часовъ, мы пробыли въ мокрыхъ и обледенѣлыхъ платьяхъ и четырнадцать часовъ были на сѣдлѣ безъ горячей пищи и отдыха.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе бури.—Голодъ.—Извѣстія о маіорѣ.—Возвращеніе.

Въ субботу, рано по утру, мы направились ко входу въ долину и разбили палатку такъ, что намъ видно было устье Саманки.

Буря продолжалась и свирѣпые валы, разбивавшіеся о берегъ цѣлый день, убѣдили меня, что нечего поджидать китоловнаго судна. Я надѣялся, что оно успѣло укрыться гдѣ нибудь въ бухтѣ. Если же не успѣло, то оно должно было всенепремѣнно или пойдти ко дну со всѣмъ экипажемъ, или разбиться объ утесы.

Ввечеру Вьюшинъ и изумилъ, и привелъ меня въ отчаяніе объявивъ, что наши запасы совершенно истощились, говядина вся вышла, а отъ хлѣба остались только корки. Вьюшинъ и всѣ камчадалы твердо надѣялись застать китоловное судно уже въ устьѣ Саманки, а потому захватили съ собой продовольствія всего на три дня.

Мы были въ трехъ дняхъ пути отъ ближайшаго селенія. А какъ воротиться въ Лѣсной? Теперь, вѣроятно, горы были непроходимы, потому что постоянно шелъ снѣгъ. Но какъ ни опасенъ этотъ переходъ черезъ горы, все-таки необходимо было попытать счастья, не теряя ни минуты. Правда, мнѣ приказано было ждать китоловнаго судна два дня, но я полагалъ, что обстоятельства совершенно оправдывали мое ослушаніе и приказалъ камчадаламъ приготовиться къ отъѣзду на слѣдующее же утро. Затѣмъ, я

написалъ маіору записку и положилъ ее въ жестяную фляжку, которую намѣревался оставить на мѣстѣ нашего лагеря. Покончивъ эти дѣла, я залѣзъ въ свой мѣховой мѣшокъ и заснулъ.

Слѣдующее утро было холодное и бурное, снѣгъ валилъ въ горахъ, а дождь лилъ въ долинахъ. На разсвѣтѣ мы сняли палатку, раздѣлили между собой багажъ какъ могли добросовѣстнѣе, и приняли всѣ мѣры, необходимыя для борьбы съ снѣгомъ и непроходимыми дорогами по горамъ.

Нашъ проводникъ, посовѣтовавшись съ товарищами, предложилъ намъ отказаться отъ перехода черезъ горы, а вмѣсто того попытаться проѣхать тридцать миль во время отлива по узкому берегу, откуда всякое отступленіе было отрѣзано скалистой стѣной въ сто или двѣсти футовъ вышины. Если мы во время достигнемъ ущелья, все пойдетъ хорошо, если же нѣтъ, вода зальетъ берегъ на десять футовъ глубины и лошади наши, если не мы сами, будутъ унесены въ море, какъ легкія пробки. Дерзкая смѣлость этого предложенія дѣлала его гораздо привлекательнѣе труднаго странствованія по снѣжнымъ сугробамъ, въ замерзшихъ платьяхъ, безъ всякой пищи, и я съ удовольствіемъ согласился на него и приписалъ нашему проводнику болѣе смысла и находчивости, чѣмъ до сихъ поръ встрѣчалъ между камчадалами. Отливъ только что начинался, и намъ нужно было еще подождать три или четыре часа пока вода сбудетъ на столько, что можно будетъ проѣхать по берегу. Время это не пропало даромъ у камчадаловъ: они поймали одну изъ собакъ, которыя провожали насъ изъ Лѣснаго, зарѣзали ее самымъ хладнокровнымъ образомъ своими длинными ножами и принесли ея тощее тѣло въ жертву Злому Духу въ вѣдѣніи котораго, по ихъ понятіямъ, находились эти проклятыя горы. Бѣдному животному вскрыли животъ, вынули внутренности и бросили ихъ на всѣ четыре стороны, а тѣло его повѣсили за заднія ноги на вершину высокаго шеста, воткнутаго отвѣсно въ землю. Но гнѣвъ Злаго Духа казался неукротимымъ, потому что буря еще усилась послѣ этихъ умилостивительныхъ обрядовъ, что впрочемъ не поколебало вѣру камчадаловъ въ дѣйствительность ихъ примирительныхъ жертвъ. Если буря не утихала, то единственной

причиной тому былъ невѣрующій американецъ, который съ своимъ дьявольскимъ мѣднымъ ящичкомъ, называемымъ «компасъ», настоялъ на томъ чтобъ перейдти черезъ горы, не смотря на «мѣстнаго духа» и его грозныя предостереженія. Одна умерщвленная собака не могла служить достаточнымъ возмездіемъ за такое святотатственное нарушеніе воли злаго духа! Впрочемъ, жертвоприношеніе уменьшило, кажется, опасенія туземцевъ на счетъ ихъ собственной безопасности, и хоть мнѣ было очень жаль бѣдную собаку, заколотую такъ безжалостно, но я съ удовольствіемъ увидалъ, что это подѣйствовало благотворно на упавшій духъ моихъ суевѣрныхъ спутниковъ.

Около десяти часовъ, насколько я могъ судить, не имѣя часовъ, нашъ проводникъ осмотрѣлъ берегъ и объявилъ, что пора идти въ путь; намъ оставалось четыре или пять часовъ, чтобъ доѣхать до ущелья. Мы поспѣшно вскочили на лошадей, и быстрымъ галопомъ пустились вдоль берега, подъ сѣнью грозныхъ, черныхъ утесовъ съ одной стороны, и орошаемые солеными брызгами съ другой. Огромныя массы зеленой тины, водорослей и раковинъ, тысячи медузъ и обломки деревъ, выброшенные буруномъ, лежали грудами вдоль берега; но мы неслись черезъ все это въ бѣшеномъ галопѣ, останавливая нашихъ лошадей только тогда, когда нужно было пробираться между огромными каменными глыбами, скатившимися съ вершины скалъ, которыя мѣстами загромождали берегъ сѣрыми, покрытыми уткородками, обломками, въ семь и болѣе футовъ вышины.

Первыя восьмнадцать миль мы проѣхали великолѣпнѣйшимъ образомъ, когда Вьюшинъ, ѣхавшій впереди, остановился такъ внезапно, что едва не упалъ съ лошади, и мы услыхали знакомый крикъ: «медвѣдь! медвѣдь! два!» Дѣйствительно, два медвѣдя, казалось, пробирались по берегу на четверть мили впереди насъ, но какъ попали медвѣди въ это отчаянное положеніе, гдѣ они должны были неизбѣжно потонуть черезъ два или три часа, этого мы не могли понять. Впрочемъ, для насъ это не дѣлало никакой разницы; ясно было, что медвѣди здѣсь, и мы должны проѣхать мимо нихъ. Очевидно, одна изъ двухъ партій должна была попасть на

завтракъ другой. Разойтись было невозможно, такъ какъ между скалами и моремъ была только узенькая полоска земли. Я всыпалъ новый зарядъ въ мой карабинъ, и положилъ дюжину запасныхъ зарядовъ въ карманъ; Вьюшинъ вложилъ двѣ пули въ свою двухствольную винтовку, и мы стали осторожно пробираться вдоль скалъ, желая выстрѣлить въ медвѣдей прежде, чѣмъ они насъ увидятъ. Мы подъѣхали уже довольно близко, какъ вдругъ Вьюшинъ разразился громкимъ смѣхомъ и закричалъ «это люди!» Когда они вышли изъ-за утеса, я тоже убѣдился, что это были люди. Но какъ они пришли сюда? Два туземца, одѣтыя въ звѣриныя шкуры, приближались къ намъ, сильно размахивая руками, крича намъ по русски, чтобъ мы не стрѣляли и показывая намъ что то бѣлое, подобное парламентскому флагу.

Когда они подошли поближе, одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ съ низкимъ поклономъ сырой, грязный клочекъ бумаги, и я узналъ въ немъ одного изъ знакомыхъ мнѣ камчадаловъ изъ Лѣснаго. Они были посланы маіоромъ! Слава Богу, партія ихъ не погибла! я развернулъ бумагу и прочелъ поспѣшно.

«Морской берегъ, 15 верстъ отъ Лѣснаго, 4-го октября. Выброшены сюда на берегъ бурею. Поѣзжайте назадъ какъ можно скорѣе».

«С. Абаза».

Камчатскіе посланные выѣхали изъ Лѣснаго только днемъ послѣ насъ, но были задержаны вьюгой и дурными дорогами, и только въ прошлую ночь добрались до нашего втораго лагеря. Не видя возможности переѣхать горы по причинѣ глубокаго снѣга, они оставили своихъ лошадей и пытались дойти пѣшкомъ до рѣки Саманки по морскому берегу. Они не надѣялись исполнить это впродолженіи одного отлива, но думали пріютиться на высокихъ скалахъ во время прилива и продолжать свое путешествіе лишь только вода начнетъ снова убывать. Нечего было тратить время на дальнѣйшія объясненія. Вода быстро прибывала, и мы должны были сдѣлать двѣнадцать миль менѣе, чѣмъ въ часъ времени, или лишиться нашихъ лошадей. Мы посадили усталыхъ, промокшихъ камчадаловъ на двухъ свободныхъ коней и снова отправились въ путь крупной рысью. По мѣрѣ приближенія къ ущелью, положеніе наше дѣлалось все болѣе и болѣе критическимъ. У каждой выдающейся скалы вода была все выше, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она уже покрывала брызгами и пѣной подножіе утесовъ. Наши лошади шли бодро впередъ, и одна только выдающаяся скала отдѣляла насъ отъ ущелья. Море бурлило возлѣ нее такъ, что мы проскакали нѣсколько футовъ по водѣ, и черезъ пять минутъ бросили поводья у входа въ ущелье. Путешествіе было трудное, но мы пріѣхали десять минутъ ранѣе, чѣмъ ожидали, и находились на южной сторонѣ снѣжнаго горнаго кряжа, менѣе чѣмъ въ шестидесяти миляхъ отъ Лѣснаго. Безъ смѣтливости и смѣлости нашего проводника, мы бы теперь еще вязли въ снѣгу и блуждали между дикими вершинами горъ, десять миль южнѣе Саманки. Ущелье, по которому пролегалъ нашъ путь, было завалено каменными глыбами, и покрыто непроходимой чащей сосенъ и ольхъ, и мы впродолженіи двухъ часовъ должны были прорубать себѣ топорами дорогу съ страшнымъ трудомъ.

До сумерекъ, впрочемъ, мы достигли того мѣста, гдѣ останавливались на второй день нашего отъѣзда изъ Лѣснаго, и около полуночи пріѣхали въ юрту, въ которой завтракали пять дней тому назадъ. Утомленные четырнадцатичасовой ѣздой безъ отдыха и пищи, мы не могли идти далѣе. Я надѣялся найдти что нибудь съѣстное у камчадаловъ, посланныхъ изъ Лѣснаго, но оказалось, что ихъ запасы были уничтожены совершенно, еще наканунѣ. Вьюшинъ собралъ горсть грязныхъ хлѣбныхъ крошекъ изъ нашего пустаго мѣшка съ хлѣбомъ, обжарилъ ихъ въ ворвани, которую употреблялъ, кажется, для смазки своего ружья, и предложилъ мнѣ это кушанье, но не смотря на голодъ, я не рѣшился отвѣдать этой черной, жирной массы, и онъ раздѣлилъ ее между Камчадалами.

Второй день уже я ничего не ѣлъ, что не замедлило оказать на меня свое дѣйствіе, и я почувствовалъ сильную, жгучую боль въ моемъ желудкѣ. Я старался успокоить мой голодъ семѣнами сосновыхъ шишекъ и огромнымъ количествомъ воды, но ничто не помогало, и я такъ ослабѣлъ къ вечеру, что не могъ держаться на сѣдлѣ.

Около двухъ часовъ послѣ того, какъ смерклось, мы услыхали вой собакъ въ Лѣсномъ, и черезъ двадцать минутъ въѣхали въ селеніе, явились къ маленькому бревенчатому домику старосты, и предстали передъ Маіоромъ и Доддомъ въ то время, какъ они сидѣли за ужиномъ. Такъ окончилась наша неудачная экспедиція въ Саманскія горы—самое трудное путешествіе, которое я когда либо испыталъ въ Камчаткѣ.

Два дня спустя, тревоги и страданія, которыя Маіоръ перенесъ во время своей пятидневной стоянки на морскомъ берегу во время бури, имѣли слѣдствіемъ сильный ревматизмъ и лихорадку, и всякая мысль о дальнѣйшемъ путешествіи была покуда невозможна. Всѣ почти лошади въ селеніи были неспособны къ продолженію пути, нашъ саманскій горный проводникъ почти ослѣпъ отъ воспалительной рожи, сдѣлавшейся у него отъ сильнаго вѣтра которому онъ подвергался цѣлыхъ пять дней, и половина нашей партіи никуда не годилась. При такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать о переходѣ черезъ горы до наступленія зимы. Доддъ и казакъ Мироновъ были посланы обратно въ Тагиль за докторомъ и новыми съѣстными припасами, а Вьюшинъ остался со мной въ Лѣсномъ, чтобъ ухаживать за Маіоромъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Камчатскія вечернія развлеченія.—Народъ.—Рыба.—Соболи.—Языкъ. — Музыка. — Пѣсни. — Сани, запряженные собаками.—Одежда.

Послѣ неудачной попытки перебраться черезъ Саманскія горы, намъ ничего болѣе не оставалось, какъ терпѣливо ждать въ Лѣсномъ, пока рѣки замерзнутъ и снѣгъ выпадетъ на столько, что намъ можно будетъ отправиться въ Гижигу на собакахъ. Это была долгая скучная остановка, и я въ первый разъ почувствовалъ во всей силѣ одиночество и тоску по родинѣ, по дому и по цивилизаціи. Маіоръ все еще былъ очень боленъ и въ бреду говорилъ все время о успѣхѣ нашей экспедиціи, о переѣздѣ черезъ горы, о путешествіи въ Гижигу на китоловномъ суднѣ, и давалъ несообразныя приказанія Вьюшину, Додду и мнѣ на счетъ лошадей, саней, лодокъ и съѣстныхъ запасовъ. Мысль пріѣхать въ Гижигу до зимы исключительно наполняла его мозгъ. Впродолженіи его болѣзни, время до возвращенія Додда казалось мнѣ очень долгимъ и скучнымъ, мнѣ рѣшительно нечего было дѣлать, какъ только сидѣть въ бревенчатой комнаткѣ, въ окнахъ которой вмѣсто стеколъ натянута была непрозрачная рыбья кожа, и углубляться въ Шекспира и Библію, пока я не выучилъ ихъ наизусть. Въ хорошую погоду съ ружьемъ за плечами, я проводилъ цѣлые дни въ горахъ, преслѣдуя сѣверныхъ оленей и лисицъ; но охота моя рѣдко была удачна. Моими единственными трофеями во

все время были: одинъ олень, и нѣсколько арктическихъ песцовъ.

По вечерамъ, я сидѣлъ на обрубкѣ бревна въ нашей маленькой кухнѣ, при свѣтѣ грубаго камчатскаго ночника, состоящаго изъ кусочка моха и жестяной чашечки съ тюленьимъ жиромъ, и слушалъ, впродолженіи цѣлыхъ часовъ, пѣсню и игру на гитарѣ камчадаловъ, и простые разсказы объ опасныхъ приключеніяхъ въ горахъ, которые они такъ любили передавать. Впродолженіи этихъ вечернихъ бесѣдъ съ камчадалами, я узналъ много интересныхъ подробностей объ ихъ жизни, обычаяхъ и нравахъ, о которыхъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и такъ какъ впослѣдствіи мнѣ не придется говорить объ этомъ любопытномъ и мало извѣстномъ народѣ, я разскажу теперь, что узналъ о ихъ языкѣ, музыкѣ, удовольствіяхъ, предразсудкахъ и образѣ жизни.

Я уже говорилъ о камчадалахъ, какъ о мирномъ, безобидномъ, гостепріимномъ, полу-дикомъ племени, отличающимся честностью, всеобщей привѣтливостью, и доходящимъ до смѣшнаго почитаніемъ закономъ установленныхъ властей. Даже мысль о возмущеніи, или сопротивленіи притѣснительнымъ мѣрамъ совершенно чужда характеру камчадала *теперь*, хотя я и не знаю, что было прежде, во времена ихъ независимости. Они переносятъ всякое злоупотребленіе и дурное обращеніе безъ видимаго желанія отмщенія, и притомъ съ величайшимъ добродушіемъ и покорностью. Они не злопамятны и вѣрны, какъ собаки. Если вы съ ними обращаетесь хорошо, то ваше малѣйшее желаніе будетъ для нихъ закономъ, и они употребятъ всѣ усилія, чтобы доказать по своему свою признательность за вашу доброту, предупреждая даже не высказанныя вами желанія. Во время нашего пребыванія въ Лѣсномъ, маіору случалось однажды спросить молока. Староста не сказалъ ему, что въ селеніи нѣтъ ни одной коровы, но отвѣтилъ, что постарается достать желаемое. Онъ сейчасъ же послалъ человѣка верхомъ въ сосѣднее селеніе Кликилъ, и къ вечеру этотъ послѣдній возвратился съ шампанской бутылкой въ рукахъ, и у маіора было молоко къ чаю. Съ этого времени, и до отъѣзда нашего въ Гижигу, болѣе мѣсяца, посланный каждый день дѣлалъ по двадцати

миль, чтобъ доставить намъ бутылку свѣжаго молока. Это дѣлалось просто, изъ сердечной доброты, безъ желанія и безъ надежды на будущее вознагражденіе, и можетъ служить образчикомъ того, какъ съ нами вообще обращались въ Камчаткѣ.

Осѣдлые жители сѣверной части полуострова имѣютъ обыкновенно два мѣста жительства, смотря по временамъ года. Одни называются зимними поселеніями, другія лѣтними, рыболовными стоянками, и находятся одни отъ другихъ на разстояніи отъ одной до пяти миль. Въ первомъ, расположенномъ обыкновенно подъ защитою лѣсистыхъ холмовъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ морскаго берега, они живутъ отъ сентября до іюня. Лѣтнее построено всегда у устья ближайшей рѣки или потока и состоитъ изъ нѣсколькихъ «юртъ» или покрытыхъ землею хижинъ, изъ восьми или десяти коническихъ «балагановъ», построенныхъ на сваяхъ и изъ множества деревянныхъ срубовъ, куда вѣшаютъ рыбу для сушенья. Всѣ жители перебираются въ эти рыболовныя стоянки въ началѣ іюня, оставляя свои зимнія жилища въ совершенномъ запустѣніи. Даже собаки и вороны покидаютъ ихъ для болѣе привлекательной и богатой добычи, которую находятъ возлѣ лѣтнихъ «балагановъ». Въ началѣ іюня, семга приходитъ въ рѣки изъ моря въ огромномъ количествѣ, и туземцы ловятъ ее въ сѣти, въ корзины, въ невода, въ верши, и посредствомъ десятка другихъ хитрыхъ изобрѣтеній; женщины разрѣзываютъ ее, потрошатъ и очищаютъ отъ костей съ изумительною ловкостью и быстротой и развѣшиваютъ длинными рядами на горизонтальныхъ шестахъ для сушенья. Рыба, довѣрчивая и неопытная, приходитъ въ рѣки, какъ морякъ на берегъ, чтобъ отдохнуть отъ тревожной морской жизни, но она не успѣваетъ еще опомниться какъ попадаетъ уже въ неводъ, ее вытаскиваютъ на берегъ съ сотней такихъ же неразсудительныхъ и несчастныхъ страдальцевъ, разрѣзываютъ большимъ ножемъ, вынимаютъ спинной хребетъ, отрѣзываютъ голову, очищаютъ ее отъ внутренностей, и вѣшаютъ ея обезображенные остатки на шестъ, чтобы засушить ихъ на жаркомъ іюльскомъ солнцѣ.

Удивительно въ какомъ огромномъ количествѣ, и какъ далеко

заходятъ въ сибирскія рѣки эти рыбы. Всѣ маленькія рѣчки, которыя мы переѣзжали во внутренней Камчаткѣ, на разстояніи семидесяти миль отъ морскаго берега, были переполнены тысячами околѣвающихъ, мертвыхъ и разлагающихся рыбъ, такъ что вода дѣлалась совершенно негодною къ употребленію. Даже въ маленькихъ горныхъ ручьяхъ, до того узкихъ, что ребенокъ могъ бы перешагнуть черезъ нихъ, мы видѣли лососей въ восьмнадцать или двадцать дюймовъ длины, которые съ трудомъ плыли вверхъ по теченію, такъ какъ вода едва могла покрывать ихъ тѣло. Мы часто входили въ ручей, и руками ловили ихъ цѣлыми дюжинами. Внѣшній видъ лососей мѣняется по мѣрѣ того, какъ они углубляются внутрь материка. Когда они только что приходятъ изъ моря, ихъ чешуя бываетъ блестящая и твердая, а мясо жирное и красное, по мѣрѣ того, какъ они заходятъ вверхъ по рѣкѣ, чешуя ихъ теряетъ свой блескъ и спадаетъ, мясо блѣднѣетъ и принимаетъ наконецъ совершенно бѣлый цвѣтъ, и они дѣлаются тощи, сухи и безвкусны. Поэтому всѣ рыбныя стоянки въ Камчаткѣ находятся по возможности близь устьевъ рѣкъ. Всѣ поселенія сѣверовосточной Сибири обязаны своимъ возникновеніемъ инстинкту, заставляющему семгу заходить въ рѣки для метанія икры. Безъ этого изобилія рыбы, вся страна не имѣла бы другаго населенія, кромѣ Оленьихъ Коряковъ. Какъ только кончится время рыбной ловли, камчадалы прячутъ свою сушеную рыбу въ «Балаганы», возвращаются на зимнія квартиры и готовятся къ охотѣ за соболями. Впродолженіи цѣлаго почти мѣсяца они проводятъ все время въ лѣсахъ и горахъ въ приготовленіи и постановкѣ западней. Чтобъ сдѣлать западню для соболя, вырѣзываютъ въ стволѣ большаго дерева узкую, отвѣсную щель въ четырнадцать дюймовъ длины, четыре дюйма ширины и пять дюймовъ глубины, такъ что нижняя часть щели находится на вышинѣ головы соболя, когда онъ стоитъ на заднихъ лапахъ. Тогда срубаютъ другое, небольшое дерево, одинъ изъ концовъ его поднимаютъ на три фута вышины, и подпираютъ рогатиной, воткнутой въ землю, а другой обтачиваютъ такъ, что онъ можетъ свободно скользить по щели, вырубленной для него въ большомъ деревѣ. Конецъ этотъ поднимаютъ до верхней части щели

и поддерживаютъ его тамъ простой защелкой, оставляя почти четырехугольное отверстіе внизу для головы соболя. Къ защелкѣ привѣшиваютъ приманку, и западня готова. Соболь поднимается на заднія лапы, кладетъ голову въ отверстіе, дергаетъ приманку вмѣстѣ съ защелкой и тяжелое бревно падаетъ и раздробляетъ черепъ животнаго, нисколько не портя цѣнныхъ частей его шкуры. Случается, что одинъ туземецъ поставитъ до сотни такихъ западней и въ продолженіи зимы часто ходитъ наблюдать за ними. Не довольствуясь впрочемъ этой обширной, и хорошо организованной системой ловли соболей, туземцы охотятся за ними на лыжахъ съ дрессированными собаками, загоняютъ ихъ въ ямы, которыя окружаютъ сѣтями, и, выгоняя ихъ оттуда огнемъ и топорами, убиваютъ дубинами.

Число соболей, добываемыхъ ежегодно на Камчатскомъ полуостровѣ, колеблется между шестью и девятью тысячами, и всѣ они отправляются въ Россію и развозятся оттуда по всей сѣверной Европѣ. Большая часть всѣхъ русскихъ соболей на европейскомъ рынкѣ добывается туземцами Камчатки, и отправляются американскими купцами въ Москву. В. Г. Бордмэнъ изъ Бостона, и американскій торговый домъ въ Китаѣ, извѣстный кажется подъ фирмой Россель и К°, фактически эксплуатируютъ всю пушную торговлю въ Камчаткѣ, и по берегу Охотскаго моря. Приблизительная цѣна, получаемая камчадаломъ за соболиную шкуру въ 1864 году доходила до 15 р. сер., но плата производилась чаемъ, сахаромъ, табакомъ и разными другими товарами по оцѣнкѣ самого торговца, такъ что въ сущности туземцы получали только немногимъ болѣе половины номинальной цѣны. Почти всѣ жители средней Камчатки занимаются впродолженіи зимы прямо или косвенно соболиной торговлей и многіе пріобрѣли себѣ ею независимое положеніе.

Звѣроловство и рыболовство составляютъ, такимъ образомъ, главныя занятія камчадаловъ впродолженіи года; но такъ какъ къ этому побуждаетъ ихъ скорѣе природа страны, чѣмъ собственная наклонность жителей, то эти промыслы даютъ не совсѣмъ точное понятіе объ особенностяхъ камчадаловъ и камчатской жизни. Языкъ, музыка, развлеченія и суевѣрія народа вѣрнѣе могутъ обрисовать ихъ настоящій характеръ, чѣмъ обыденныя занятія.

Камчатскій языкъ кажется мнѣ самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ нарѣчій дикихъ племенъ Азіи, не по порядку словъ, но просто по страннымъ звукамъ, которыми онъ изобилуетъ и по своему горловому произношенію. Быстрый разговоръ всегда напоминалъ мнѣ шумъ воды, выливающейся изъ кувшина съ узкимъ горлышкомъ. Одинъ русскій путешественникъ по Камчаткѣ сказалъ, что «камчатскія слова произносятся на половину горломъ, на половину ртомъ»; мнѣ кажется, вѣрнѣе было бы сказать, что они говорятся на половину горломъ и на половину желудкомъ. Въ немъ болѣе горловыхъ звуковъ, чѣмъ въ какомъ либо изъ извѣстныхъ мнѣ азіатскихъ языковъ, и въ этомъ онъ рѣзко отличается отъ нарѣчій коряковъ и чукчей. Онъ составленъ, кажется, изъ постоянныхъ неизмѣнныхъ корней, съ измѣняющимися приставками. Но сколько я могъ замѣтить, въ немъ нѣтъ перемѣны окончаній, и грамматика его должна быть проста и легка. Большая часть камчадаловъ въ сѣверной части полуострова говорятъ, кромѣ собственнаго своего языка, еще по русски, и по коряжски, такъ что по своему они отличные языковѣдцы.

Мнѣ всегда казалось, что пѣсни народа, особенно такого, который самъ ихъ создалъ, а не заимствовалъ отъ другихъ, могутъ служить вѣрнымъ образцомъ его характера, имѣютъ ли пѣсни, какъ полагаетъ одинъ писатель, рефлективное вліяніе на характеръ, или они служатъ только его выраженіемъ, результатъ одинаковъ, а именно: что между тѣми и другими существуетъ взаимное отношеніе. Ни у одного сибирскаго племени это такъ не замѣтно, какъ у камчадаловъ. Они, очевидно, никогда не были воинственнымъ народомъ. У нихъ нѣтъ пѣсенъ въ память героическихъ дѣяній ихъ предковъ, или ихъ подвиговъ на охотѣ, или на полѣ битвы, какъ у многихъ индѣйскихъ племенъ Америки. Всѣ ихъ преданія имѣютъ печальный, фантастическій характеръ и создались скорѣе подъ вліяніемъ нѣжныхъ, грустныхъ, наслажденій любовныхъ, или семейныхъ чувствъ, чѣмъ подъ впечатлѣніемъ болѣе грубыхъ страстей, какъ то: гнѣва, гордости или мести. Для посторонняго уха ихъ музыка имѣетъ въ себѣ нѣчто дикое и страшное, она навѣваетъ на душу грустное чувство, въ ней слышится какое то смутное, безполезное сожалѣніе о чемъ то невозвратимомъ, подобно тому чувству, которое охватываетъ душу человѣка при пѣніи панихидъ на могилѣ дорогаго существа. Такъ Оссіанъ говоритъ о музыкѣ Кэрриллля: «она подобно воспоминанію о прошедшихъ радостяхъ— и сладко и грустно дѣйствуетъ на душу». Мнѣ особенно помнится одна пѣсня подъ названіемъ *Пенжинская*, пѣтая однажды туземцами въ Лѣсномъ, напѣвъ которой положительно представлялъ самое пріятное и вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо грустное сочетаніе звуковъ, какое я когда либо слышалъ. Это былъ стонъ погибшей души, отчаявающейся, но все-таки не перестающей умолять о помилованіи. Я напрасно старался достать переводъ этой пѣсни. Былъ ли это разсказъ о какой нибудь кровавой бѣдственной стычкѣ съ свирѣпыми сѣверными сосѣдями, или плачъ надъ тѣломъ дорогаго сына, брата или мужа, я не могъ узнать; но сама музыка вызывала слезы на глаза, производила неописанное вліяніе на поющихъ и доводила легко возбуждаемое чувство послѣднихъ почти до иступленія. Плясовые мотивы камчадаловъ имѣютъ, конечно, совершенно другой характеръ; они состоятъ вообще изъ оживленныхъ, энергическихъ, отрывистыхъ переходовъ, повторяемыхъ нѣсколько разъ безъ всякихъ варіацій. Всѣ почти туземцы аккомпанируютъ себѣ на трехугольной гитарѣ, называамой «балалайкой» о двухъ струнахъ и нѣкоторые изъ нихъ очень хорошо играютъ на самодѣльныхъ скрипкахъ грубой работы. Всѣ они страстно любятъ музыку.

Ихъ другія удовольствія состоятъ въ пляскѣ, игрѣ ножнымъ мячикомъ на снѣгу, и въ бѣгѣ на санкахъ, запряженныхъ собаками.

Всѣ зимнія путешествія камчадалы совершаютъ на собакахъ, и нигдѣ они не выказываютъ лучше свое природное искусство и смѣтливость. Можно даже сказать, что они сами создали свою породу собакъ, такъ какъ настоящая сибирская собака есть ничто иное, какъ полуприрученной арктическій волкъ и сохраняетъ всѣ свои волчьи инстинкты и привычки. Конечно нѣтъ болѣе закаленаго, выносливаго животнаго на всемъ свѣтѣ. Вы можете заставить его спать на снѣгу при температурѣ 70° ниже нуля, навалить на

него такія тяжести, что кожа на его лапахъ трескается, и оставляетъ кровавые слѣды на снѣгѣ, или морить его голодомъ до того, что онъ начнетъ, ѣсть свою сбрую, но его сила и бодрость остаются непобѣдимыми. Я часто заставлялъ упряжку, состоящую изъ девяти собакъ, дѣлать въ сутки болѣе ста миль и работать впродолженіи сорока восьми часовъ, не будучи въ состояніи дать имъ ни крошки пищи. Вообще ихъ кормятъ одинъ разъ въ день, и порція ихъ состоитъ изъ одной сушеной рыбы, вѣсящей не болѣе полутора, или двухъ фунтовъ. Это дается имъ на ночь, такъ что на другой день, они приступаютъ къ работѣ съ пустыми желудками.

Сани, въ которые ихъ запрягаютъ, имѣютъ десять футовъ длины и два ширины, они сдѣланы изъ березовой коры и соединяютъ въ себѣ въ удивительной степени два самыя важныя качества: прочность и легкость. Ихъ остовъ состоитъ изъ брусьевъ, связанныхъ ремнями изъ тюленьей шкуры и поставленныхъ на широкіе, выгнутые полозья. Желѣза въ нихъ совсѣмъ нѣтъ, и они вѣсятъ не болѣе двадцати фунтовъ, а между тѣмъ они выдерживаютъ тяжесть въ четыреста или пятьсотъ фунтовъ, и самыя дурныя горныя дороги не причиняютъ имъ ни малѣйшаго поврежденія. Число собакъ, запрягаемыхъ въ эти сани, колеблется между семью и пятнадцатью, смотря по дорогѣ и по вѣсу клади. При благопріятныхъ условіяхъ, одиннадцать собакъ сдѣлаютъ отъ сорока до пятидесяти миль въ день съ человѣкомъ и четырьмя стами фунтами клади. Ихъ запрягаютъ въ сани по парно къ длинному ремню изъ тюленьей шкуры, къ которому каждая собака привязана коротенькой постромкой за ошейнокъ. Ими управляютъ криками и съ помощью передовой собаки, которую нарочно дрессируютъ для этого. Камчадалъ, вмѣсто кнута, имѣетъ толстую палку около четырехъ футовъ длины и двухъ дюймовъ въ діаметрѣ. Съ одной стороны она вооружена длиннымъ желѣзнымъ, острымъ наконечникомъ и служитъ для того, чтобы удерживать сани во время спуска съ горъ и останавливать собакъ, кагда онѣ сворачиваютъ съ дороги для преслѣдованія оленей и лисицъ, что случается довольно часто. Острый конецъ втыкаютъ

передъ однимъ изъ полозьевъ и тащутъ его такъ по снѣгу, держа другой конецъ крѣпко въ рукѣ. Это служитъ сильнымъ тормазомъ, и если его умѣть употреблять искусно, съ помощью его можно остановить сани очень быстро. Способъ управлять такими санями есть самая обманчивая вещь на свѣтѣ. При первомъ взглядѣ, путешественнику кажется, что управлять ими также легко, какъ телѣжкой на улицѣ, но это большое заблужденіе, потому что въ первые же десять минутъ онъ будетъ вываленъ въ снѣжный сугробъ, и его опрокинутые сани отброшены на четверсть мили отъ дороги; тогда онъ на опытѣ узнаетъ, что дѣло не такъ легко, какъ ему казалось, и черезъ день можетъ быть онъ убѣдится, что надо родиться съ способностью управлять хорошо собаками, а пріобрѣсть ее трудно. Одежда камчадаловъ и лѣтомъ и зимою сдѣлана, большою частью, изъ звѣриныхъ шкуръ. Ихъ зимній костюмъ состоитъ изъ сапоговъ изъ тюленьей кожи, называемыхъ «торбассами», которые надѣваются поверхъ чулокъ изъ оленьей шкуры и доходятъ до колѣнъ, изъ мѣховыхъ пантолонъ шерстью внутрь, изъ лисяго кукуля или капора съ длинной бахрамой изъ шерсти, и изъ толстой куклянки, или двойной мѣховой рубашки, покрывающей тѣло до колѣнъ. Она сдѣлана изъ самой толстой и мягкой оленьей шкуры, окрашенной въ разныя цвѣта, вышитой внизу шелками, обшитой у ворота и на рукавахъ лоснящимся бобромъ, и снабженной подъ подбородкомъ четырехугольнымъ лоскутомъ, чтобъ закрывать носъ, и кукулемъ сзади, чтобъ надѣвать на голову во время дурной погоды. Въ такомъ одѣяніи камчадалы впродолженіи цѣлыхъ недѣль подвергаются страшному холоду, и спятъ покойно и удобно на снѣгу при температурѣ въ двадцать, тридцать и даже сорокъ градусовъ ниже 0.

Бо́льшая часть нашего времени въ Лѣсномъ прошла въ заготовленіи такихъ костюмовъ для нашихъ собственныхъ персонъ, въ дѣланіи крытыхъ саней для защиты отъ зимнихъ вьюгъ, въ шитьѣ просторныхъ мѣшковъ изъ медвѣжьей шкуры для спанья въ нихъ ночью, и вообще въ приготовленіяхъ къ тяжелому зимнему странствованію.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Русское леченье.—Саманксія горы.—Лагерь кочующихъ коряковъ. — Собаки и сѣверные олени. — Наружность коряковъ. — «Пологи».—Лакомства коряковъ.

Около 20-го октября, русскій докторъ пріѣхалъ изъ Тагиля и началъ истощать послѣднія силы Маіора паровыми ваннами, кровопусканіями, и шпанскими мушками, пока осталось наконецъ только слабая тѣнь его прежнаго, здороваго тѣлосложенія. Лихорадка, впрочемъ уступила этому энергическому леченію, и онъ началъ постепенно поправляться. Немного позже, на той же недѣлѣ, Доддъ и Мироновъ возвратились изъ Тагиля съ новыми запасами чая, сахара, рома, табаку и сухарей, и мы начали набирать собакъ изъ сосѣднихъ селеній Кин-Килля и Поляны, для вторичной переправы черезъ Саманкскія горы. Снѣгъ выпалъ всюду на глубину двухъ футовъ, погода стояла ясная и морозная и только болѣзнь маіора задерживала насъ съ Лѣсомъ. Наконецъ, 28 октября, онъ объявилъ намъ, что въ состояніи продолжать путешествіе и, мы начали укладывать наши вещи 1 ноября мы нарядились въ наши тяжелыя мѣховыя одѣянія, которыя превратили насъ по наружности въ самыхъ страшныхъ дикихъ звѣрей, простились съ гостепріимными жителями Лѣснаго и отправились въ путь въ числѣ восьмнадцати человѣкъ на шестнадцати саняхъ, съ двумя стами собаками и съѣстными припасами на сорокъ дней, въ территоріи кочующихъ Коряковъ. На этотъ разъ мы рѣшились во

тобы ни стало, или добиться до Гижиги или, какъ выражаются въ газетахъ, пасть жертвою своего предпріятія.

3-го ноября послѣ обѣда, когда долгій сѣверный полусвѣтъ началъ исчезать въ стальной синевѣ, свойственной только арктическимъ ночамъ, наши собаки медленно поднимались на послѣднюю вершину Саманкскихъ горъ и мы смотрѣли съ высоты болѣе чѣмъ 2,000 футовъ на однообразное снѣжное пространство, которое начиналось у подошвы горъ, на которыхъ мы стояли, и сливалось съ горизонтомъ. Это была земля кочевыхъ коряковъ. Холодный вѣтеръ дулъ съ моря на вершинѣ горъ, печально завывая въ вѣтвяхъ сосенъ и нарушая одиночество и молчаніе зимней природы. Слабый, блѣдный свѣтъ исчезающаго солнца дрожалъ еще на болѣе высокихъ верхушкахъ, но дикія ущелья подъ нами, поросшія ольховыми рощами и густой чащей малорослыхъ сосенъ, были уже погружены въ ночной мракъ. У подошвы горъ находился первый лагерь коряковъ. Прежде чѣмъ начать спускаться въ равнину, мы дали нашимъ собакамъ отдохнуть немного на вершинѣ; въ это время мы старались разглядѣть сквозь вечерній сумракъ черныя палатки, которыя, по нашему предположенію, должны были находиться у нашихъ ногъ; но кромѣ сосновыхъ кустовъ ничто не нарушало мертвенной бѣлизны снѣжной степи. Лагерь былъ скрытъ за выдающейся горой.

Лишь только восходящая луна освѣтила черныя, изрытыя очертанія вершинъ на право отъ насъ, какъ мы подняли нашихъ собакъ и пустили ихъ въ темное ущелье, которое спускалось въ степь. Обманчивыя, ночныя тѣни и массы утесовъ, загораживающія узкій проходъ, дѣлали спускъ очень опаснымъ, и нужно было все искусство опытныхъ камчадаловъ, чтобъ избѣжать опасныхъ случаевъ. Облака снѣга летѣли изъ подъ острыхъ кольевъ, которыми они напрасно старались удержаться на стремительномъ спускѣ; предупредительные крики передовыхъ, удесятеренныя горнымъ эхомъ, возбуждали еще болѣе нашихъ собакъ, и намъ казалось, видя какъ утесы и деревья летѣли мимо насъ, что мы сами находились на стремительной лавинѣ, которая уносила насъ съ захватывающей духъ скоростью къ вѣрной гибели. Посте-

пенно, впрочемъ, быстрота эта начала уменьшаться и мы выѣхали на твердый, улегшійся снѣгъ, на открытую степь, освѣщенную луной. Послѣ получасовой ѣзды, мы должны были, по нашимъ соображеніямъ, быть возлѣ лагеря коряковъ, но до сихъ поръ нигдѣ не было видно и слѣда оленей или палатокъ. Взрытый снѣгъ обыкновенно предупреждаетъ путешественника о близосли юртъ коряковъ и принадлежащіе имъ олени бродятъ по всей окрестности на нѣсколько миль въ окружности и взрываютъ ногами снѣгъ, отъискивая мохъ, который составляетъ всю ихъ пищу. Не находя всѣхъ этихъ примѣтъ, мы начали подозрѣвагь, что намъ даны были невѣрныя указанія, какъ вдругъ наши передовыя собаки навострили уши, обнюхали вокругъ себя воздухъ и съ рѣзкимъ отрывистымъ тявканьемъ понеслись быстрой рысью, къ высокому холму, находившемуся почти подъ прямымъ угломъ отъ пройденнаго нами пути. Напрасно камчадалы старались умѣрить бѣгъ разгоряченныхъ собакъ, ихъ волчій инстинктъ былъ возбужденъ, и вся дисциплина забыта, когда вѣтеръ донесъ до ихъ обонянія свѣжій запахъ оленьихъ стадъ. Черезъ минуту мы были уже на верху холма, и передъ нами, въ ясномъ, лунномъ свѣтѣ стояли коническія палатки коряковъ, окруженныя по крайней мѣрѣ четырмя тысячами сѣверныхъ оленей, вѣтвистые рога которыхъ походили на настоящую рощу сухихъ кустовъ. Всѣ собаки залаяли въ одинъ голосъ, подобно стаѣ гончихъ, при видѣ дичи, и шумно бросились съ горы, не обращая вниманія на восклицанія своихъ хозяевъ и на угрожающіе крики трехъ или четырехъ черныхъ фигуръ, которыя вдругъ поднялись со снѣга между ними и испуганными оленями. Среди этой суматохы, я могъ разслышать голосъ Додда, осыпающаго русскими ругательствами своихъ лающихъ собакъ, которыя, не смотря на его самыя ревностныя усилія, мчали его съ опрокинутыми санями по степи. Все огромное стадо оленей колебалось съ минуту, и потомъ понеслось съ бѣшенными прыжками, преслѣдуемое камчадалами, сторожевыми коряками и двумя стами собакъ.

Не желая попасть въ это всеобщее смятеніе, я соскочилъ съ моихъ саней и наблюдалъ за смѣшанной толпой, которая бѣжала съ криками и лаемъ черезъ равнину. Весь лагерь, казавшійся въ своемъ тихомъ одиночествѣ совершенно необитаемымъ, проявилъ мговенно необыкновенную дѣятельность. Темныя фигуры поспѣшно выходили изъ палатокъ и, схвативъ длинныя копья, воткнутыя въ снѣгѣ у входа, присоединялись къ остальной погонѣ, крича и бросая арканы изъ моржевой кожи на собакъ, надѣясь этимъ остановить ихъ бѣгъ. Стукъ тысячи рогозъ другъ о друга, среди смятенія бѣгства, частые удары безчисленныхъ копытъ па твердомъ снѣгѣ, глухой хриплый крикъ испуганныхъ оленей, и непонятныя восклицанія коряковъ, старающихся собрать пораженное паническимъ страхомъ стадо, — создали цѣлый хоръ рѣжущихъ слухъ звуковъ, которые раздавались далеко въ тихомъ морозномъ ночномъ воздухѣ. Все это походило на полуночное нападеніе Каманчей на враждебный лагерь, скорѣе чѣмъ на мирное прибытіе трехъ или четырехъ американскихъ путешественниковъ, и я съ изумленіемъ прислушивался къ смятенію и тревогѣ, которую мы невольно причинили.

Шумъ становился все слабѣе и слабѣе, по мѣрѣ своего удаленія отъ насъ, и собаки, истощенныя неестественными усиліями, подчинились наконецъ увѣщаніямъ своихъ хозяевъ и поворотили къ палаткамъ. Собаки Додда, высунувъ языки отъ чрезмѣрной усталости, ковыляя, мрачно плелись назадъ, бросая нерѣдко тоскливые взгляды по направленію къ оленямъ, какъ будто они разскаявались въ слабости, побудившей ихъ бросить преслѣдованіе. «Почему вы ихъ не остановили? допрашивалъ я, смѣясь, Додда. Такой опытный ѣздокъ, какъ вы, долженъ былъ бы лучше сдерживать свою стаю!»

— Остановить ихъ! вскричалъ онъ съ сердцемъ, хотѣлъ бы я посмотрѣть, какъ вы бы ихъ остановили съ ременнымъ арканомъ вокругъ шеи и здоровымъ корякомъ, тащущимъ, подобно паровому вороту, за другой его конецъ! Хорошо вамъ кричать: «остановите ихъ», но когда этотъ дикарь тащитъ васъ съ саней, какъ дикое животное, интересно знать, что внушила бы вамъ ваша великолѣпная мудрость? На моей шеѣ навѣрное остался теперь слѣдъ аркана, и онъ осторожно ощупывалъ руками рубецъ, отъ ремня, возлѣ ушей.

Лишь только олени были собраны и караульные приставлены къ нимъ, какъ коряки съ любопытствомъ столпились вокругъ гостей, такъ безцеремонно нарушившихъ ихъ покой, и спросили черезъ нашего переводчика Миронова, кто мы были и чего хотѣли. Они представляли дикую, живописную группу при бѣловатомъ свѣтѣ луны, который озарялъ ихъ темныя лица и блестѣлъ на ихъ металическихъ украшеніяхъ и на полированныхъ клинкахъ ихъ длинныхъ копій. Ихъ выдающіяся скулы, смѣлые живые глаза и прямые, черные, какъ смоль, волосы показывали близкое родство съ американскими индѣйцами, но дальше этого сходства не шло. На ихъ лицахъ большею частью лежало выраженіе прямой, искренней честности, которой не достаетъ краснокожимъ и которую мы инстинктивно сочли за достаточную гарантію ихъ дружелюбія и искренности. Въ противоположность нашей предвзятой идеѣ о сѣверныхъ дикаряхъ, это были атлетическіе, хорошо сложенные люди, не уступающіе въ ростѣ американцамъ. Толстыя куклянки или рубашки изъ пятнистой оленьей шкуры, придерживаемыя поясомъ, и обшитыя внизу длинной бахрамой изъ черныхъ волчьихъ волосъ, покрывали ихъ тѣло отъ шеи до колѣнъ и были украшены мѣстами нитями мелкаго цвѣтнаго бисера, красными сафьянными кистями и кусочками полированнаго металла. Мѣховыя панталоны, длинные сапоги изъ тюленьей кожи, доходящіе до колѣнъ, и капоры изъ волчьей шкуры съ волчьимм ушами, торчавшими по обѣимъ сторонамъ головы, дополняли костюмъ, который, не смотря на свою оригинальность, какъ то живописно гармонировалъ съ этой пустынной мѣстностью, освѣщенной луною. Оставя нашего козака Миронова вмѣстѣ съ маіоромъ объяснять наши дѣла и нужды, мы ушли съ Доддомъ осматривать лагерь. Онъ состоялъ изъ четырехъ большихъ коническихъ палатокъ, выстроенныхъ по видимому изъ деревянныхъ шестовъ и покрытыхъ олеными шкурами, придерживаемыми на своихъ мѣстахъ длинными ремнями изъ кожи тюленей или моржей, которые были крѣпко натянуты отъ верхушки конуса до земли. На первый взглядъ, строенія эти казались неспособными противустоять бурнымъ вѣтрамъ, дующимъ зимою въ степи со

стороны Сѣвернаго океана; но послѣдствія доказали, что сильнѣйшія бури не въ состояніи снести ихъ. Красиво сдѣланныя сани разной формы и величины были разбросаны по снѣгу и двѣсти или триста вьючныхъ сѣделъ для оленей были собраны въ кучу и симетрически разложены у самой большой палатки. Окончивъ нашъ осмотръ и чувствуя маленькое стѣсненіе отъ общества пятнадцати или двадцати коряковъ, которые взяли на себя роль наблюдательнаго комитета за нашими движеніями, мы возвратились къ тому мѣсту, гдѣ представители цивилизаціи и варварства вели свои переговоры. По видимому они пришли къ дружескому соглашенію, потому что при нашемъ приближеніи, высокій туземецъ, съ обритой головой, выступилъ изъ толпы, и ведя насъ къ самой большой палаткѣ, поднялъ занавѣсъ изъ шкуры и показалъ намъ черное отверстіе, около двухъ футовъ съ половиною въ діаметрѣ, приглашая насъ движеніемъ руки войти.

Если Вьюшинъ могъ гордиться какой-нибудь особенностью сибирскаго воспитанія, такъ это безъ сомнѣнія своею способностью влѣзать въ самыя тѣсныя норы. Долгая практика сообщила его спинному хребту особенную гибкость, которой можно было только удивляться, но не подражать; и хотя преимущество это было не изъ завидныхъ, но его всегда посылали для осматриванія всѣхъ темныхъ углубленій и подземныхъ проходовъ, которые попадались на нашемъ пути. Находящійся передъ нами входъ былъ одинъ изъ самыхъ необыкновенныхъ, которыхъ мы встрѣчали до сихъ поръ; но Вьюшинъ, исповѣдывающій аксіому, что никакая часть его тѣла не должна быть больше отверстія, въ которое ему предстояло войдти, принялъ горизонтальное положеніе и, попрося Додда дать его ногамъ первоначальный толчокъ, началъ осторожно влѣзать въ него. Послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, послѣдовавшихъ за его исчезновеніемъ, предполагая, что онъ уже устроился въ палаткѣ, я всунулъ мою голову въ отверстіе и поползъ съ трудомъ вслѣдъ за нимъ. Темнота была страшная; но руководимый дыханіемъ Вьюшина, я подвигался довольно быстро, какъ вдругъ грозное ворчанье и дикій лай раздались изъ передняго угла, и вслѣдъ затѣмъ Вьюшинъ всей тажестью своего тѣла уда-

рился объ мою голову; предполагая западню и рѣзню, я поспѣшилъ назадъ. Вьюшинъ съ неловкими движеніями ползущаго вспять рака, быстро послѣдовалъ за мной. «Какого чорта вы тамъ увидали»? спросилъ Доддъ по русски, освобождая голову Вьюшина отъ занавѣски изъ шкуры, въ которую она запуталась. «Вы спѣшите назадъ, какъ будто шайтанъ со всѣми своими чертянятами бѣжитъ за вами»! «Вы не полагаете, надѣюсь», отвѣчалъ Вьюшинъ съ волненіемъ, «что я останусь въ этой ямѣ, чтобъ быть съѣденнымъ корякскими собаками! Если я былъ на столько глупъ, чтобъ взойти въ нее, я все-таки сохранилъ благоразуміе на столько, чтобъ знать когда мнѣ выйдти. Я не думаю, чтобъ оттуда былъ еще другой выходъ куда нибудь», прибавилъ онъ въ извиненіе; «а здѣсь куча собакъ». Догадавшись о затруднительномъ положеніи Вьюшина и смѣясь надъ его смущеніемъ, нашъ корякскій проводникъ взошелъ въ палатку, выгналъ собакъ и поднялъ внутреннюю занавѣсъ. Тогда красный свѣтъ очага освѣтилъ насъ всѣхъ. Проползши на рукахъ и ногахъ разстояніе въ двѣнадцать или пятнадцать футовъ по низкому проходу, мы взошли въ просторный кругъ внутри палатки. Связки смолистыхъ сосенъ, треща, ярко горѣли на землѣ по срединѣ, бросая красный отблескъ на густыя глянцовитыя жерди, и отражаясь на темныхъ шкурахъ, которыми была покрыта крыша, и на смуглыхъ татуированныхъ лицахъ женщинъ, сидящихъ вокругъ. Большой мѣдный котелъ, наполненный какой-то бурдой сомнительнаго запаха и достоинства, висѣлъ надъ огнемъ; двѣ худощавыя женщины съ голыми руками хлопотали около него; онѣ одной и той же палочкой поочередно мѣшали содержимое въ немъ, поправляли уголья и били по головѣ двухъ или трехъ слишкомъ любознательныхъ собакъ. Дымъ, лѣниво подымающійся надъ огнемъ, висѣлъ голубымъ, прозрачнымъ облакомъ на вышинѣ пяти футовъ отъ пола, раздѣляя атмосферу палатки на нижній этажъ, сравнительно чистаго воздуха, и на верхній, туманный слой, гдѣ преобладали дымъ и дурныя испаренія.

Вслѣдствіе малой дозы чистаго воздуха, находящагося въ юртѣ, я начиналъ находить, что способность дѣтей стоять на головѣ была завиднымъ свойствомъ; когда ѣдкій дымъ вызвалъ наконецъ слезы на мои глаза, я посовѣтовалъ Додду попробовать принять обратное положеніе,—такимъ образомъ онъ избавился бы отъ дыма и искръ и въ тоже время могъ бы насладиться новымъ и любопытнымъ оптическимъ явленіемъ. Съ презрительной насмѣшкой, съ какой онъ обыкновенно встрѣчалъ мои самые разумные совѣты, онъ возразилъ, что я могу самъ сначала сдѣлать этотъ опытъ и, растянувшись на полу во всю длину, онъ предался интересному занятію дѣлать рожи корякскому ребенку. Вьюшинъ дѣлилъ свое время, лишь только глаза его немного привыкли къ дыму, между приготовленіемъ нашего ужина и мстительными колотушками собакамъ, которыя по временамъ осмѣливались приблизиться къ нему; а маіоръ, вѣроятно, самый полезный членъ нашей партіи, въ эту минуту, торговался за исключительное владѣніе «пологомъ». Температура корякской палатки зимой бываетъ рѣдко 20° или 25° выше нуля по Фар., а такъ какъ постоянно находиться въ такомъ холодѣ не совсѣмъ пріятно, то коряки устроиваютъ вокругъ внутренней стѣны палатки маленькія, почти непроницаемыя для воздуха помѣщенія, называемыя «пологами», которыя раздѣлены между собой кожанными занавѣсками и обладаютъ двумя преимуществами, а именно: замкнутость и большее тепло. Эти «пологи« имѣютъ около четырехъ футовъ вышины и пяти или восьми длины и ширины. Они сдѣланы изъ толстыхъ шкуръ, сшитыхъ такъ плотно, что не пропускаютъ воздуха и согрѣваются и освѣщаются кускомъ моха, который горитъ въ деревянной чашкѣ, наполненной тюленьимъ жиромъ. Но законъ уравновѣшиванія силъ, господствующій во всей природѣ, даетъ о себѣ знать и въ пологѣ корякской юрты, и за бо̀льшее количество тепла награждаетъ васъ въ тоже время болѣе душной дымной атмосферой. Зажженная свѣтильня ночника, плавающая подобно крошечному, горящему кораблю въ маленькомъ озерцѣ прогорклаго жира, поглощаетъ кислородъ воздуха въ пологѣ, и возвращаетъ его въ видѣ углекислаго газа, маслянистаго чада и разныхъ міазмовъ. Не смотря впрочемъ на всѣ извѣстные законы гигиены, этотъ испорченный воздухъ оказывается здоро-

вымъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ очевидныхъ доказательствъ его зловредности. Корякскія женщины, проводящія бо́льшую часть своего времени въ этихъ по́логахъ, достигаютъ обыкновенно преклонныхъ лѣтъ и за исключеніемъ ихъ угловатыхъ формъ и худощавости, онѣ ничѣмъ не отличаются отъ старухъ другихъ странъ. Не безъ опасенія задохнуться, я проспалъ цѣлую ночь въ корякской юртѣ, но мое безпокойство оказалось совершенно неосновательнымъ и разсѣялось по немногу. Желая избавиться отъ толпы коряковъ, которые усѣлись вокругъ насъ на земляномъ полу, и любопытство которыхъ дѣлалось докучливымъ, мы приподняли съ Доддомъ мѣховую занавѣсъ полога, уступленнаго намъ, благодаря дипломатіи маіора, и влѣзли въ него въ ожиданіи ужина. Любознательные коряки, не видя возможности помѣститься въ узкомъ пологѣ во всемъ своемъ составѣ, улеглись съ наружной его стороны и, просунувъ свои безобразныя, полу-обритыя головы подъ занавѣсъ, продолжали свои молчаливыя наблюденія. Зрѣлище девяти головъ, широко открытые глаза которыхъ поворачивались одновременно и слѣдили изъ стороны въ сторону за всѣми нашими движеніями, было такъ смѣшно, что мы невольно разразились громкимъ смѣхомъ. Отвѣтная улыбка явилась тотчасъ же на каждомъ изъ девяти смуглыхъ лицъ, одновременныя движенія которыхъ производили впечатлѣніе какого-то огромнаго чудовища съ девятью головами и одной волей. По совѣту Додда, мы придумали попробовать удалить ихъ табачнымъ дымомъ, и вотъ я вынулъ изъ кармана мою трубку изъ черенка шиповника и началъ зажигать ее спичкой, воспламеняющейся съ особеннымъ трескомъ, коробочку которыхъ я берегъ какъ драгоцѣнную память о цивилизаціи. Когда спичка, послѣ нѣкотораго подобія крошечнаго фейерверка, вдругъ загорѣлась, девять изумленныхъ головъ разомъ исчезли и изъ-за занавѣски послышались удивленныя восклицанія и оживленныя объясненія дьявольскаго способа добывать огонь; всѣ говорили за разъ, какъ при вавилонскомъ столпотвореніи. Боясь, впрочемъ, лишиться какого нибудь другаго зрѣлища, свидѣтельствующаго о сверхъестественной силѣ бѣлыхъ людей, головы снова появились вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, которыя

были привлечены разсказомъ о чудесномъ событіи. Баснословная бдительность стоглазаго Аргуса была ничто въ сравненіи съ тѣмъ вниманіемъ, которому мы теперь были подвергнуты. За каждымъ колечкомъ дыма, выходившимъ изъ нашего рта, любопытные глаза слѣдили также внимательно, какъ за какимъ нибудь смертоноснымъ испареніемъ, поднимающимся изъ бездонной пропасти, и которое должно сейчасъ разразиться выстрѣлами и пламенемъ. Громкое и сильное чиханіе Додда снова послужило сигналомъ къ внезапному, испуганному исчезновенію головъ и новымъ разговоромъ за занавѣсью. Все это было довольно смѣшно; но утомленные этими пристальными взглядами и голодомъ, мы выползли изъ-за нашего полога и стали слѣдить съ живымъ интересомъ за приготовленіемъ ужина. Вьюшинъ преобразилъ маленькій, сосновый ящикъ съ нашими телеграфными снарядами въ простой обѣденный столъ безъ ножекъ, и уставливалъ его сухарями, ломтями сырой ветчины и кружками горячаго чая Это были прихоти цивилизаціи, а рядомъ съ ними на полу, въ длинномъ деревянномъ корытцѣ и большой чашкѣ изъ того же матеріала, находились соотвѣтствующія лакомства варварства. О ихъ составѣ мы конечно не могли имѣть вѣрнаго понятія; но аппетитъ усталыхъ путниковъ бываетъ не очень разборчивъ; мы усѣлись по турецки на полу между корытцемъ и ящикомъ съ снарядами и рѣшились доказать нашу признательность къ корякскому гостепріимству, дѣлая честь всему предлагаемому. Чашка съ своимъ страннымъ содержимымъ остановила вниманіе наблюдательнаго Додда и, запустивъ въ нее длинную ложку, онъ обратился къ Вьюшину, который, въ качествѣ главнаго повара, обязанъ былъ все знать относительно ѣды, и спросилъ:

— Что это вы настряпали тутъ?

— Это!—отвѣчалъ Вьюшинъ поспѣшно,—это рисовая каша!

— Каша!—вскричалъ Доддъ сомнительно.—Это скорѣе похоже на матеріалъ, изъ котораго дѣти Израиля приготовляли кирпичи. Впрочемъ имъ не нужна была кажется солома, прибавилъ онъ, вытаскивая нѣсколько стебельковъ сухой травы.—Что же это наконецъ?

— Это,—заговорилъ снова Вьюшинъ съ свѣдующимъ видомъ,— это знаменитое «Ямукъ чи à la Пустерельскъ», національное кушанье коряковъ, приготовленное по первоначальному рецепту его высочества Улкота Утку Минечиткина, великаго послѣдняго Тіона.

— Остановитесь, вскричалъ Доддъ, съ нетерпѣливымъ движеніемъ,—этого достаточно, я буду ѣсть, и зачерпнувъ полъ ложки черной, липкой массы, онъ поднесъ ее къ губамъ.

— Что же,—спросили мы, послѣ минутнаго ожиданія,—на что это похоже вкусомъ?

— На пирожки изъ грязи, которые мы дѣлали въ ребячествѣ! — отвѣчалъ онъ наставительно. — Немного соли, перцу и масла и побольше мяса и муки съ нѣкоторыми овощами, по вкусу, вѣроятно приправили бы это; но впрочемъ оно и такъ неособенно дурно!

Въ силу этой двусмысленной рекомендаціи, я отвѣдалъ кушанье. Исключая страшнаго, землянистаго вкуса, оно не было ни особенно пріятно, ни особенно непріятно. Всѣ его качества были отрицательныя, за исключеніемъ травянистости, придававшей особенное свойство и плотность этой массѣ.

Эта смѣсь, извѣстная у коряковъ подъ именемъ «маніаллы», употребляются всѣми сибирскими племенами какъ суррогатъ хлѣба, и туземная изобрѣтательность не могла придумать легчайшаго и простѣйшаго способа для поддержки своего существованія. Говорятъ, что она цѣнится больше за свои гигіеническія качества, чѣмъ за пріятный вкусъ, и нашъ недолгій опытъ заставляетъ насъ этому вѣрить. Она состоитъ изъ запекшейся крови, сала и полупереваренннаго моха, добываемаго изъ желудка оленей, гдѣ онъ, по общему мнѣнію, долженъ былъ подвергнуться важному измѣненію, которое дѣлаетъ его годнымъ для вторичнаго потребленія. Эти необыкновенныя и разнородныя составныя части варятся вмѣстѣ съ нѣсколькими пригоршнями сухой травы, чтобъ придать смѣси нѣкоторую плотность, и потомъ изъ этой темной массы дѣлаютъ маленькіе хлѣбцы, которые замораживаютъ для будущаго употребленія.

Нашъ хозяинъ вѣроятно хотѣлъ принять насъ какъ можно лучше, и въ знакъ особеннаго уваженія откусилъ нѣсколько кусковъ отъ дичины, которую держалъ въ своей грязной рукѣ и, вынувъ изо рта, предложилъ ихъ мнѣ. Я любезно отклонилъ его вниманіе и указалъ на Додда, какъ на достойный предм тъ такого знака уваженія; но послѣдній отомстилъ за это, приказавъ какой-то старухѣ подать мнѣ сырого сала, увѣряя, что это была моя единственная пища дома. Мои негодующія опроверженія по англійски не были, конечно, поняты; и женщина въ восторгѣ, что нашла американца, вкусы котораго такъ соотвѣтствовали ея собственнымъ, принесла сало. Я представлялъ безпомощную жертву и могъ только прибавить эту послѣднюю обиду къ длинному списку оскорбленій, которыя числились за Доддомъ, и за которыя я надѣялся когда нибудь воздать сторицею.

Ужинъ у коряковъ составляетъ главную ѣду впродолженіе всего дня. Вокругъ котла съ «маніаллой» или корытца съ олениной собираются всѣ мужчины, бывшіе днемъ въ отсутствіи, и разсуждаютъ, между глотками мяса или моха, о разныхъ предметахъ, представляющихся имъ въ ихъ одинокой жизни. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы собрать нѣкоторыя свѣденія о племенахъ живущихъ на сѣверѣ, о пріемѣ, который мы могли отъ нихъ ожидать, и о предстоящихъ намъ способахъ путешествія

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Другія черты характера кочующихъ коряковъ. — Независимость. — Гостепріимство. — Жилища. — Завтракъ. — Путешествіе на оленяхъ. — Свѣденія коряковъ о разстояніи. — Таинственный посѣтитель.

Кочующіе коряки въ Камчаткѣ, составляющіе до сорока отдѣльныхъ шаекъ, бродятъ по обширнымъ степямъ сѣверной части полуострова, между 58-й и 63-й. Южная граница ихъ странствованія находится въ Тигилѣ на западномъ берегу, куда они приходятъ ежегодно для торговли, и ихъ рѣдко можно встрѣтить сѣвернѣе Пенжины, двѣсти миль на сѣверъ отъ Охотскаго моря. Въ этихъ границахъ они почти постоянно странствуютъ съ своими многочисленными стадами сѣверныхъ оленей, и такъ непостоянны и подвижны, что рѣдко остаются на одномъ мѣстѣ долѣе недѣли. Впрочемъ нельзя приписать это исключительно ихъ подвижности и страсти къ перекочевкамъ. Стадо въ четыре или пять тысячъ головъ въ теченіе нѣсколькихъ дней взроетъ весь снѣгъ и уничтожитъ мохъ на цѣлую милю въ окружности, и тогда, конечно коряки должны переселяться на новое мѣсто. Поэтому ихъ кочующій образъ жизни есть слѣдствіе не ихъ характера, но скорѣе нужды, ставящей ихъ въ полную зависимость отъ сѣвернаго оленя. Они *должны* странствовать, иначе ихъ олени умрутъ съ г ная а за этимъ настаетъ естественно и ихъ собственная, гол смерть. Ихъ кочевой образъ жизни былъ вѣроятно первымъ слѣд-

ствіемъ прирученія оленя и необходимостью, заставившей ихъ сообразоваться прежде всего съ нуждами этого животнаго; но теперь страсть къ бродяжничеству вошла въ плоть и кровь коряка, такъ что едва ли онъ могъ бы жить другой жизнью, даже если бы имѣлъ возможность къ этому. Это кочующее, одинокое, независимое существованіе развило въ характерѣ коряковъ смѣлость, независимость и полнѣйшую самонадѣянность, которыя отличаютъ ихъ отъ камчадаловъ и другихъ осѣдлыхъ жителей Сибири. Дайте имъ маленькое стадо оленей и тундру, по которой можно было бы странствовать, и имъ ничего болѣе не нужно. Цивилизація и правительство не касаются ихъ. Каждый человѣкъ считаетъ себя вольнымъ господиномъ, если онъ владѣетъ дюжиной оленей; и онъ можетъ удалиться, если пожелаетъ, отъ остальнаго человѣчества и не заботится о другихъ интересахъ, кромѣ своихъ собственныхъ и своего оленя. Для общаго удобства они соединяются въ шайки, состоящія изъ шести или восьми семействъ; но эти шайки связаны только взаимнымъ соглашеніемъ и не признаютъ никакого начальника. Они имѣютъ предводителя, называемаго Тіономъ, владѣющаго самымъ многочисленнымъ стадомъ оленей во всей шайкѣ, который рѣшаетъ вопросы относительно расположенія лагеря и перекочевокъ на новыя мѣста, но лишенъ всякой другой власти и во всѣхъ болѣе важныхъ вопросахъ о личныхъ правахъ и взаимныхъ обязательствахъ долженъ обращаться ко всѣмъ членамъ шайки. Въ религіозномъ отношеніи они почитаютъ преимущественно злыхъ духовъ, которые накликаютъ на нихъ разныя бѣдствія и «шамановъ» или жрецовъ, которые служатъ посредниками между этими духами и ихъ жертвами. Къ земнымъ властямъ они относятся съ презрѣніемъ и мы вскорѣ сами видѣли блистательное подтвержденіе этой черты ихъ характера. Маіоръ почему-то вообразилъ, что для полученія отъ этихъ туземцевъ всего нужнаго для насъ, онъ долженъ убѣдить ихъ въ своемъ могуществѣ, богатствѣ и важномъ положеніи въ свѣтѣ, и тѣмъ внушить имъ уваженіе къ его приказаніямъ и желаніямъ. Вслѣдствіе этого онъ призвалъ однажды самаго старшаго и самаго вліятельнаго члена всей шайки

и началъ разсказывать ему черезъ переводчика о своемъ богатствѣ, о власти расточать наказанія и награды, которою онъ обладалъ, о высокомъ положеніи своемъ, о важномъ мѣстѣ, занимаемомъ имъ въ Россіи и о томъ, съ какой сыновней почтительностью и уваженіемъ бѣдные, кочующіе язычники должны обращаться съ такой знаменитой личностью. Старый корякъ, сидя на корточкахъ на землѣ, спокойно слушалъ исчисленіе всѣхъ превосходныхъ качествъ и совершенствъ нашего предводителя и ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ; наконецъ, когда переводчикъ кончилъ, онъ медленно поднялся, подошелъ къ маіору съ невозмутимой важностью и съ самымъ добродушнымъ и покровительствующимъ снисхожденіемъ похлопалъ его тихонько по головѣ! Маіоръ покраснѣлъ и громко захохоталъ, но никогда болѣе не пытался устрашать чѣмъ нибудь коряка.

Не смотря на эту демократическую независимость коряковъ, они всѣ почти гостепріимны, услужливы и добры, и изъ перваго же знакомства съ ними мы были увѣрены, что всѣ они безъ затрудненій повезутъ насъ на оленяхъ отъ одного кочевья до другаго, пока наконецъ мы не достигнемъ сѣверной части Пенжинскаго залива. Послѣ долгаго разговора съ коряками, собравшимися вокругъ насъ, пока мы сидѣли у огня, нами овладѣли усталость и дремота, и мы влѣзли въ нашъ маленькій пологъ, произведши на этотъ новый для насъ и странный народъ самое благопріятное впечатлѣніе. Какой то голосъ въ другомъ углѣ юрты пѣлъ тихую, грустную пѣсню въ минорномъ тонѣ, пока я засыпалъ, и печальный, часто повторяемый напѣвъ, столь непохожій на обыкновенную музыку, какъ то странно убаюкалъ меня въ мою первую ночь подъ корякской палаткой.

Проснуться утромъ съ припадкомъ кашля, причиненнаго густымъ, ѣдкимъ дымомъ, вылѣзти изъ спальни, сдѣланной изъ шкуръ, шести футовъ въ квадратѣ, въ еще болѣе душную и дымную атмосферу палатки, завтракать сушеной рыбой, мерзлымъ саломъ, и дичиной изъ грязнаго деревяннаго корыта рядомъ съ тощими собаками, стоящими на заднихъ лапахъ по сторонамъ и жадно слѣдящими за каждымъ глоткомъ,—вотъ удовольствія, которыя представляетъ вамъ корякская жизнь и которыя долго выносить могутъ только одни коряки. Сангвиническій темпераментъ можетъ найдти въ новизнѣ этой жизни нѣкоторое вознагражденіе за ея неудобства, но ощущеніе новизны рѣдко продолжается до втораго дня, а неудобства съ каждымъ днемъ, кажется, все болѣе увеличиваются. Философы могутъ увѣрять, что здоровый духъ долженъ стоять выше всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но двѣ недѣли въ корякской палаткѣ разубѣдили бы ихъ въ этомъ заблужденіи скорѣе, чѣмъ всякія логическія доказательства. Я не могу похвастаться необыкновенно веселымъ нравомъ и печальная обстановка, встрѣтившая меня, когда я надругое утро вылѣзъ изъ своего мѣховаго мѣшка, не совсѣмъ пріятно подѣйствовала на меня. Первые лучи разсвѣта врывались мутными, синеватыми полосами въ дымную атмосферу палатки. Только что разведенный огонь не горѣлъ, а дымился; воздухъ былъ холоденъ и не привѣтливъ; двое ребятъ кричали въ сосѣднемъ пологѣ; завтракъ не былъ готовъ, всѣ были не въ духѣ, и не желая нарушать общее недовольное выраженіе лицъ, я самъ сдѣлался угрюмымъ. Три или четыре чашки горячаго чая, скоро впрочемъ появившіяся, произвели свое обычно-благопріятное дѣйствіе, и мы начали какъ то веселѣе смотрѣть на наше положеніе. Призвавъ «Тіона», и задобривъ его сначала трубкой крѣпкаго табаку, намъ удалось уговориться съ нимъ насчетъ доставленія насъ въ ближайшій лагерь коряковъ на сѣверѣ, на разстояніи приблизительно сорока верстъ. Сейчасъ же были отданы приказанія о поимкѣ двадцати оленей и о приготовленіи саней. Проглотивъ наскоро нѣсколько кусковъ сухарей и ветчины въ видѣ завтрака, я надѣлъ мѣховой капоръ и рукавицы, и вылѣзъ черезъ низкій выходъ посмотрѣть какъ двадцать ручныхъ оленей будутъ отдѣлены отъ цѣлаго стада дикихъ.

Олени бродили во всѣхъ направленіяхъ кругомъ палатки; нѣкоторые взрывали снѣгъ своими острыми копытами, отыскивая мохъ, другіе съ хриплымъ крикомъ, сцѣпившись рогами, отчаянно дрались между собой или преслѣдовали другъ друга въ бѣшеномъ галопѣ по степи. Возлѣ палатки, человѣкъ двѣнадцать съ арка-

нами въ рукахъ выстроились въ двѣ параллельныя линіи, между тѣмъ какъ другіе двадцать, съ длиннымъ ремнемъ изъ тюленьей кожи, въ двѣсти или триста сажень длины, окружили часть большаго стада и, крича и махая арканами, начали загонять ихъ къ палаткѣ. Олени старались отчаянными прыжками спастись изъ постепенно съуживающагося круга, но ремень, за который держались туземцы въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, всякій разъ заставлялъ ихъ ворочаться обратно, и они, не смотря на все свое сопротивленіе, должны были прыгать въ узкій проходъ, оставленный для нихъ между двумя линіями людей, вооруженныхъ арканами. Отъ времени до времени длинная веревка взвивалась въ воздухѣ, и петля падала на рога какого нибудь несчастнаго оленя, разрѣтвленные уши котораго служили признакомъ его прирученности, хотя его ужасные прыжки и бѣшеныя усилія вырваться на волю заставляли сильно сомнѣваться въ степени его прирученности. Во избѣжаніе того, чтобъ рога оленей не сцѣплялись, когда они будутъ запряжены парой въ сани, туземецъ безжалостно срѣзалъ одинъ рогъ большимъ ножемъ плотно у головы, оставивъ только красный корешокъ, изъ котораго кровь текла тоненькой струйкой на ухо животнаго. Потомъ ихъ запрягли по парно въ сани посредствомъ хомута и постромки, пропущенной между передними ногами; веревки были привязаны къ маленькимъ острымъ гвоздямъ у оглоблей, которые кололи правую или лѣвую сторону головы, смотря потому, за какую возжу дергали, и экипажъ былъ готовъ.

Прощаясь съ камчадалами изъ Лѣсного, провожавшими насъ до сихъ поръ, мы завернулись въ самые толстые мѣха, чтобъ защититься отъ рѣзкаго холода, усѣлись въ сани, и, послѣ лаконическаго «тотъ» (ступай) Тіона, двинулись въ путь; маленькая кучка палатокъ все болѣе походила на группу коническихъ островковъ, по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ безграничную, снѣжную степь. Замѣтивъ, что я вздрагивалъ въ морозномъ воздухѣ, мой возница указалъ на сѣверъ и воскликнулъ съ выразительнымъ движеніемъ: «Тамъ *шибко* холодно!» Нечего было сообщать намъ объ этомъ фактѣ; быстро понижающаяся ртуть въ

термометрѣ, указывая о приближеніи къ царству вѣчныхъ морозовъ, и я не безъ ужаса думалъ о ночахъ, которыя намъ придется проводить на открытомъ воздухѣ, при какомъ ужасномъ холодѣ, о которомъ я читалъ, но который мнѣ никогда не случалось испытать.

Это было мое первое путешествіе на оленяхъ, и я немножко разочаровался, увидя, что оно не совсѣмъ оправдывало тѣ понятія, которыя я составилъ въ дѣтствѣ, глядя на скачущихъ лапландскихъ оленей на картинкахъ въ старой географіи. Олени были на лицо, но это не были идеальные олени юношескихъ лѣтъ, и я чувствовалъ себя будто обиженнымъ и обманутымъ, увидя, что добрыя, быстроногія животныя моей дѣтской фантазіи замѣнились въ дѣйствительности такими неуклюжими созданіями. Ихъ шагъ былъ тяжолъ и неловокъ, они низко держали головы, и ихъ затрудненное дыханіе и разинутые рты выражали постоянно полное утомленіе и возбуждали скорѣе жалость къ ихъ по видимому тяжелымъ усиліямъ, чѣмъ удивленіе къ ихъ быстрому бѣгу.

Мой идеальный олень никогда бы не унизился на столько, чтобъ бѣжать съ широко-разинутымъ ртомъ. Когда я впослѣдствіи узналъ, что они принуждены дышать ртомъ по тому случаю, что ноздри ихъ скоро индивѣютъ, я пересталъ бояться, что они выбьются изъ силъ, но не измѣнилъ моего глубокаго убѣжденія, что мой идеальный олень былъ неизмѣримо выше дѣйствительнаго животнаго съ эстетической точки зрѣнія. Я не могъ, впрочемъ, не признать той неоцѣненной услуги, которую олень оказываетъ своимъ кочующимъ владѣльцамъ. Кромѣ того, что онъ перевозитъ ихъ съ мѣста на мѣсто, онъ даетъ имъ одежду, пищу и покрышку для ихъ палатокъ; рога его идутъ на разную грубую утварь; изъ его сухожилій дѣлаютъ нитки; его кости, пропитанные тюленьимъ жиромъ, употребляются какъ топливо; его внутренности очищаются, начиняются саломъ и употребляются въ пищу; изъ его крови, смѣшанной съ содержимымъ его желудка, приготовляется «маніалла»; его мозгъ и языкъ считаются самыми лакомыми блюдами; жесткая, щетинистая кожа его ногъ употребляется на обшивку лыжей; и, наконецъ, все его тѣло, принесенное въ жертву корякскимъ богамъ, изводитъ на его обладателей всѣ ду-

ховныя и мірскія блага, въ которыхъ они нуждаются. Трудно найдти другое животное, которое играло бы такую важную роль въ жизни человѣка, какъ сѣверный олень въ жизни и хозяйственной экономіи сибирскихъ коряковъ. По крайней мѣрѣ я не знаю такого, которое удовлетворяло бы первымъ четыремъ потребностямъ человѣка, т. е. доставляло бы ему пищу, одежду, кровъ и средство къ переѣзду. Странно только, что сибирскіе туземцы единственный народъ, который, на сколько мнѣ извѣстно, приручилъ сѣвернаго оленя, за исключеніемъ лапландцевъ—не употребляютъ его молока. Почему такой важный и полезный предметъ потребленія находится въ пренебреженіи, между тѣмъ, какъ изъ всѣхъ другихъ частей тѣла оленя извлекается столько выгодъ, я положительно не понимаю. Вѣрно, однако, что ни одно изъ четырехъ великихъ кочующихъ племенъ сѣверной Сибири, т. е. Коряки, Чукчи, Тунгузы и Самоѣды не употребляютъ оленье молоко ни въ какомъ видѣ.

Около двухъ часовъ пополудни начало смеркаться; мы разсчитали, что сдѣлали по крайней мѣрѣ половину нашего дневнаго пути и остановились на нѣсколько минутъ, чтобъ дать оленямъ поѣсть. Вторая половина путешествія казалась нескончаемой. Мѣсяцъ взошелъ круглый и ясный, какъ щитъ Ахиллеса, и освѣтилъ огромную, пустынную тундру почти дневнымъ свѣтомъ; но это молчаніе и запустѣніе, отсутствіе малѣйшаго темнаго предмета, на которомъ глазъ могъ бы отдохнуть и безграничное протяженіе этого Мертваго моря снѣга—давила насъ какимъ-то новымъ и страстнымъ ощущеніемъ ужаса. Густыя облака пара, непремѣнные спутники сильнаго холода, поднимались отъ тѣла оленей и висѣли надъ дорогой долго послѣ нашего проѣзда. Бороды наши походили на безпорядочныя массы замерзшей желѣзной проволоки; рѣсницы отяжелѣли отъ инея и слипались при миганьи; носы принимали бѣлый, восковой цвѣтъ при малѣйшемъ, неосторожномъ прикосновеніи воздуха, и мы могли сохранить нѣкоторое чувство въ нашихъ окоченѣлыхъ ногахъ только тѣмъ, что часто бѣжали возлѣ саней по снѣгу. Побужденные холодомъ и голодомъ, мы повторяли двадцать разъ съ отчаяніемъ: «Далеко-ли еще?» и двадцать разъ получали одинаковый, но неопредѣленный отвѣтъ «чаймукъ», близко, или изрѣдка ободряющее увѣреніе, что мы сію минуту пріѣдемъ. Мы отлично знали, что не только черезъ минуту, но и черезъ сорокъ минутъ мы едва-ли доберемся до мѣста, но подобный отвѣтъ насъ все-таки утѣшалъ. Мои частые вопросы побудили наконецъ моего возницу попробовать выразить разстояніе ариѳметически, и гордясь очевидно своимъ знаніемъ русскаго языка, онъ увѣрялъ меня, что остается всего «двѣ версты». Я тотчасъ ободрился въ ожиданіи яркаго очага и безчисленнаго множества чашекъ горячаго чая, и умѣлъ заглушить настоящее чувство страданія воображаемымъ представленіемъ будущихъ удовольствій. Но по истеченіи сорока пяти минутъ, не видя и признаковъ обѣщаннаго жилья, я освѣдомился еще разъ о разстояніи. Одинъ изъ коряковъ осмотрѣлся кругомъ съ увѣреннымъ видомъ, ища какихъ нибудь знакомыхъ примѣтъ и, обратясь ко мнѣ, повторилъ слово: «верста», и поднялъ *четыре* пальца! Я въ отчаяніи откинулся въ мои сани. Если мы въ три четверти часа проѣхали только двѣ версты, сколько же времени нужно было бы употребить, чтобъ возвратиться къ тому мѣсту, откуда мы выѣхали? Это была задача, приводившая меня въ отчаяніе, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ рѣшить ее, я бросилъ это занятіе. Для блага будущихъ путешественниковъ, я передамъ нѣсколько туземныхъ выраженій разстоянія съ ихъ численнымъ значеніемъ;

«Чаймукъ» — близко, двадцать верстъ; «немного» — пятнадцать верстъ; «сейчасъ пріѣдемъ»—равняется всякому времени дня и ночи; и «далеко»—значитъ недѣльное путешествіе. Усвоивъ всѣ эти простыя выраженія, путешественникъ избѣжитъ многихъ горькихъ разочарованій и можетъ быть не совсѣмъ потеряетъ вѣру въ человѣческую искренность.

Около шести часовъ вечера, усталые, голодные и полузамерзшіе, мы увидали искры и красный дымъ, поднимавшіеся надъ палатками втораго лагеря и, среди всеобщаго лая собакъ и крика людей, мы въѣхали въ него. Соскочивъ поспѣшно съ саней, не имѣя другой мысли, какъ добраться поскорѣе до огня, я влѣзъ

въ первый входъ, представившійся мнѣ съ полной увѣренностью, основанной на вчерашнемъ опытѣ, что это должна была быть дверь. Двигаясь нѣкоторое время ощупью въ темнотѣ, споткнувшись на двухъ мертвыхъ оленей и на кучу сушеной рыбы, я долженъ былъ наконецъ громко просить о помощи. Велико было удивленіе владѣльца, который явился на зовъ съ огнемъ, увидя бѣлаго незнакомца, бродящаго безцѣльно по его кладовой. Вскрикнувъ сначала отъ изумленія, онъ указалъ мнѣ наконецъ дорогу во внутренность палатки, гдѣ я нашелъ маіора, старающагося отрѣзать плохимъ корякскимъ ножемъ свою бороду отъ мѣховаго кукуля и освободить свой ротъ отъ слоя льда и волосъ. Чайный котелокъ скоро закипѣлъ надъ яркимъ огнемъ, бороды наши оттаяли, носы были освидѣтельствованы и черезъ полчаса мы спокойно сидѣли вокругъ стола, импровизированнаго изъ свѣчнаго ящика, пили чай и разсуждали о событіяхъ дня. Только что Вьюшинъ наполнилъ по третьему разу наши чашки, какъ кожаная занавѣсъ низкой входной двери возлѣ насъ приподнялась и самое необыкновенное существо, какое я когда либо видѣлъ въ Камчаткѣ, молча вползло въ нее, поднялось во весь свой шестифутовой ростъ, и величественно стало передъ нами. Это былъ уродливый человѣкъ, съ темнымъ лицомъ, лѣтъ тридцати отъ роду. Онъ былъ одѣтъ въ красное платье, съ голубыми отворотами и мѣдными пуговицами, съ длинными золотыми шнурками, висящими на груди, въ черныхъ, сальныхъ панталонахъ изъ оленьей шкуры и мѣховыхъ сапогахъ. Его волосы были старательно выбриты на макушкѣ и только на вискахъ и за ушами висѣли жидкими, неровными прядями. Нитки мелкихъ цвѣтныхъ бусъ украшали его уши, и за однимъ изъ нихъ торчалъ большой пучекъ табаку для будущаго употребленія. Онъ былъ подпоясанъ изорваннымъ ремнемъ изъ тюленьей кожи, на которомъ висѣла великолѣпная шпага съ серебрянымъ эфесомъ въ рѣзныхъ ножнахъ. Его закоптѣлое, чистое корякское лицо, бритая голова, красное платье, сальные, кожаные панталоны, золотые снурки, ременный поясъ, шпага съ серебрянымъ эфесомъ и мѣховые сапоги—представляли такую противуположную смѣсь, что мы съ минуту смотрѣли на него

съ величайшимъ изумленіемъ. Онъ напомнилъ мнѣ «Талипота, безсмертнаго державнаго государя Манакаба, Посланника утра, Просвѣтителя Солнца, Владѣтеля всей земли и Могущественнаго Монарха шпаги съ мѣдной рукояткой.»

— Кто вы? спросилъ наконецъ маіоръ по русски.

Низкій поклонъ былъ единственнымъ отвѣтомъ.

— Откуда вы пришли?

Вторичный поклонъ.

— Откуда достали вы это платье? — Можете-ли вы говорить что нибудь?

— Эй! Мироновъ! Поди поговори съ этимъ молодцомъ, я не могу добиться отъ него ни слова!

Доддъ высказалъ предположеніе, что онъ можетъ быть принадлежитъ къ экспедиціи сэра Джона Франклина и присланъ сообщить новѣйшія свѣденія о полюсѣ и сѣверо-западномъ проходѣ; и молчаливый владѣлецъ шпаги кивнулъ утвердительно головой, какъ будто это была настоящая разгадка тайны.

— Вы можетъ быть маринованная капуста?—вдругъ спросилъ Доддъ по русски.

Незнакомецъ съ важностью кивнулъ утвердительно головой.

— Онъ ничего не понимаетъ! сказалъ Доддъ съ досадой.

— Гдѣ Мироновъ?

Мироновъ вскорѣ явился и началъ разспрашивать таинственнаго незнакомца въ красномъ платьѣ о его мѣстожительствѣ, имени и происхожденіи.

Наконецъ-то онъ заговорилъ.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ маіоръ.—Какъ его зовутъ?

— Онъ говоритъ, что его зовутъ Ханальпучиникъ.

— Откуда взялъ онъ это платье и эту шпагу?

— Онъ говоритъ, что «Великій Бѣлый Начальникъ» далъ ихъ ему за убитаго оленя. Это было не совсѣмъ удовлетворительно и Миронову было поручено собрать болѣе подробныя свѣденія.

Кто былъ этотъ «Великій Бѣлый Начальникъ» и почему онъ далъ красное платье и серебряную шпагу за убитаго оленя,—были вопросы, которые мы не могли рѣшить. Наконецъ недоумѣ-

вающее лицо Миронова прояснилось и онъ сказалъ намъ, что платье и шпага были пожалованы незнакомцу императоромъ въ награду за оленей, пожертвованныхъ во время голода нуждающимся русскимъ въ Камчаткѣ. Мы спросили у коряка не получилъ ли онъ какой бумаги вмѣстѣ съ этими дарами, и онъ тотчасъ-же вышелъ изъ палатки и возвратился черезъ минуту съ листами бумаги, старательно завязаннымъ олеными жилами между двухъ тоненькихъ дощечекъ. Эта бумага объяснила намъ все. Платье и шпага пожалованы были отцу настоящаго владѣльца ихъ въ царствованіе Александра I, русскимъ губернаторомъ Камчатки въ награду за помощь, оказанную русскимъ во время голода. Отъ отца онѣ перешли къ сыну, и этотъ послѣдній, гордясь своими унаслѣдованными знаками отличія, представился намъ, лишь только услыхалъ о нашемъ пріѣздѣ. Ему ничего больше не хотѣлось какъ только показать себя, и осмотрѣвъ его шпагу, которая была дѣйствительно великолѣпной работы, мы дали ему нѣсколько пучковъ табака и простились съ нимъ. Такимъ образомъ мы встрѣтили совершенно неожиданно внутри Камчатки, воспоминаніе объ императорѣ Александрѣ I.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Невеселое странствованіе. — Свадебные обряды у коряковъ. — Не хотите ли вы съѣсть поганку? — Однообразная жизнь.

На слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, мы продолжали нашъ путь; уже прошло часа четыре съ тѣхъ поръ, какъ смерклось, а мы все ѣхали по безграничной равнинѣ, не встрѣчая впродолженіе всего времени ни малѣйшаго признака, могущаго указать намъ дорогу. Я удивлялся, какъ наши проводники могли вѣрно опредѣлять точки компаса и направлять свой путь, соображаясь только съ расположеніемъ снѣга. Сильный сѣверовосточный вѣтеръ, господствующій въ этой мѣстности впродолженіе зимы, наметаетъ снѣгъ въ длинныя, волнообразныя борозды, называемыя «застругами», которыя лежатъ всегда перпендикулярно къ направленію вѣтра, т. е. отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Только что выпавшій снѣгъ иногда засыпаетъ ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней; но опытный корякъ, раскопавъ верхній слой, всегда можетъ сказать гдѣ сѣверъ, и идетъ къ своей цѣли днемъ и ночью по прямой почти линіи.

Мы достигли третьяго лагеря, около шести часовъ, и взойдя въ самую большую палатку, были очень удивлены, увидя цѣлую толпу туземцевъ, собравшихся какъ будто въ ожиданіи какой нибудь церемоніи или увеселенія. Переводчикъ сообщилъ намъ интересное извѣстіе, что здѣсь готовятся къ совершенію свадебнаго обряда надъ двумя членами шайки; сначала мы хотѣли было искать себѣ другаго помѣщенія въ болѣе свободной палаткѣ, но потомъ рѣши-

лись остаться, чтобъ посмотрѣть какимъ образомъ обрядъ этотъ совершается у совершенно грубаго и непросвѣщеннаго народа.

Свадебная церемонія у коряковъ отличается своей полнѣйшей своеобразностью, и нигдѣ вы не встрѣтите такого пренебреженія къ чувствамъ жениха. Ни въ какой другой странѣ не существуетъ такой странной смѣси здраваго смысла и нелѣпости, какъ у коряковъ при свадебномъ обрядѣ, и мы смѣемъ надѣяться, что ни у какого другого народа несчастный женихъ не подвергается такимъ унизительнымъ оскорбленіямъ. Женитьба есть или должна была бы быть очень серьезнымъ предметомъ размышленія для всякаго молодого человѣка; но она должна положительно приводить въ ужасъ коряка, обладающаго нѣкоторой долей чувствительности. Свидѣтельство о бракосочетаніи (если только подобный документъ существуетъ у коряковъ) можетъ служить несомнѣннымъ признакомъ храбрости, и храбрость эта доходитъ до положительнаго героизма, если человѣкъ женится два или три раза. Я зналъ въ Камчаткѣ одного коряка, у котораго было четыре жены, и я почувствовалъ такое же уваженіе къ его геройской храбрости, какъ будто онъ былъ въ числѣ шестисотъ напавшихъ на Балаклаву.

Полагаю, что обрядъ этотъ никѣмъ еще не былъ описанъ, и хотя всякое описаніе бываетъ гораздо блѣднѣе дѣйствительности, но все-таки можетъ быть американскіе влюбленные поймутъ какого несчастія они избѣгаютъ, родясь въ Америкѣ, а не въ Камчаткѣ. Бѣдствія молодого коряка начинаются съ той самой минуты, какъ онъ влюбляется; любовь, подобно гнѣву Ахиллеса, есть ужасный источникъ безчисленныхъ бѣдствій. Если его намѣренія серьезны, онъ является къ отцу своей возлюбленной съ формальнымъ предложеніемъ, удостовѣряется въ количествѣ ея приданаго, состоящаго изъ оленей, и узнаетъ назначенную за нее цѣну. По всему вѣроятію, ему предлагаютъ работать за свою жену два или три года. Очень тяжолое испытаніе для привязанности молодого человѣка. Тогда онъ ищетъ свиданія съ самой молодой дѣвушкой и исполняетъ пріятную или непріятную обязанность, называемую въ цивилизованныхъ странахъ «объясненіемъ». Мы старались узнать у коряковъ о лучшемъ способѣ приступать къ этому деликатному предмету; но не

узнали ничего, что можно было бы примѣнить къ цивилизованному обществу. Если чувства молодого человѣка взаимны и онъ получаетъ рѣшительное согласіе на бракъ, онъ бодро принимается за работу, какъ Фердинандъ въ «Бурѣ» для отца Миранды, и впродолженіе двухъ или трехъ лѣтъ рубитъ и таскаетъ дрова, караулитъ оленей, заготовляетъ сани и вообще всячески способствуетъ благосостоянію своего будущаго тестя. По истеченіи этого испытательнаго періода настаетъ великій «experimentum crucis», которое рѣшаетъ его судьбу и успѣшность или неуспѣшность его долгихъ стараній.

За этимъ интереснымъ кризисомъ мы застали нашихъ корякскихъ друзей въ третьемъ лагерѣ.

Палатка, въ которую мы взошли, была необыкновенно просторна и заключала въ себѣ двадцать шесть «пологовъ», устроенныхъ вокругъ внутренней ея стѣны. На свободномъ пространствѣ по срединѣ, у очага сидѣла толпа коряковъ съ темными лицами и полуобритыми головами, все вниманіе которыхъ казалось раздѣлялось между разными котелками и корытцами съ «маніаллой», вареными мясомъ, мозгомъ, замороженнымъ саломъ и т. п. лакомствами, и споромъ на счетъ какихъ то пунктовъ брачнаго обряда. По моему незнанію языка, я не былъ въ состояніи вполнѣ вникнуть въ достоинство обсуждаемаго вопроса; по видимому доводы обѣихъ сторонъ имѣли свои основанія. Наше внезапное появленіе казалось на время отвлекло вниманіе отъ главнаго предмета. Татуированныя женщины и мущины съ обритыми головами съ удивленіемъ смотрѣли на блѣднолицыхъ гостей, явившихся незванно на свадебный пиръ не въ брачныхъ одеждахъ. Наши лица были безспорно грязны, наши синія рубашки и лосинные панталоны носили слѣды двухмѣсячнаго утомительнаго путешествія въ видѣ дыръ и лохмотьевъ, которыя только отчасти скрывались подъ толстымъ слоемъ оленьихъ волосъ, приставшихъ къ нимъ отъ мѣховыхъ «куклянокъ». Вся наша наружность дѣйствительно свидѣтельствовала скорѣе о нашемъ близкомъ знакомствѣ съ грязными юртами, горными проходами и сибирскими вьюгами, чѣмъ съ цивилизующимъ вліяніемъ мыла,

воды, бритвъ и иголокъ. Мы выдержали любопытные взгляды всего общества съ равнодушіемъ людей, привыкшихъ къ этому, и начали прихлебывать горячій чай въ ожиданіи начала церемоніи. Я съ любопытствомъ озирался вокругъ, чтобъ угадать счастливыхъ кандидатовъ на брачныя обязанности; но они вѣроятно скрывались въ одномъ изъ пологовъ. Ѣда и питье окончились въ это время, и на всѣхъ лицахъ читалось какое-то ожиданіе и недоумѣніе. Вдругъ раздался мѣрный барабанный бой, наполнившій палатку оглушительными звуками. Въ эту самую минуту въ палатку взошелъ высокій, суровый корякъ съ охабкой ивовыхъ прутьевъ и ольховыхъ вѣтокъ, которыя онъ началъ раздавать по всѣмъ пологамъ палатки. «Какъ вы думаете, къ чему это?» спросилъ Доддъ въ полголоса. «Я не знаю,» отвѣчалъ я; «сидите смирно и увидите.» Мѣрный барабанный бой продолжался во время раздачи ивовыхъ прутьевъ, и наконецъ барабанщикъ запѣлъ тихій речитативъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ и воодушевляясь, пока онъ не превратился въ дикое пѣніе подъ тактъ мѣрныхъ звуковъ огромнаго барабана. Затѣмъ послѣдовало маленькое волненіе, передняя занавѣсь у всѣхъ пологовъ отдернулась, у входа каждаго полога помѣстились по двѣ или по три женщины и взяли въ руки приготовленныя заранѣе ивовыя вѣтви. Черезъ минуту, почтенный чужеземецъ, котораго мы приняли за отца одного изъ брачущихся, вышелъ изъ одного изъ пологовъ возлѣ двери, ведя за собой красиваго молодого коряка и темнолицую невѣсту. При ихъ появленіи, общее возбужденіе дошло почти до изступленія, музыка удвоила свой быстрый темпъ, мужчины по срединѣ палатки присоединили свои голоса къ громкому пѣнію и по временамъ сопровождали его рѣзкими, дикими вскрикиваньями. При знакѣ, данномъ туземцемъ, введшемъ чету, невѣста стремительно бросилась въ первый пологъ и начала быстро бѣгать вокругъ палатки, поднимая послѣдовательно занавѣсы между пологами и пробѣгая черезъ нихъ. Женихъ горячо преслѣдовалъ ее, но женщины, находящіяся у каждаго полога, всячески старались помѣшать его бѣгу, подставляя ему ноги, опуская занавѣсы, чтобъ помѣшать ему пройти, и осыпая его безпощадными

ударами ивовыхъ и ольховыхъ прутьевъ по самымъ чувствительнымъ частямъ его тѣла, когда онъ останавливался, чтобъ поднять занавѣски. Воздухъ былъ наполненъ барабаннымъ боемъ, одобрительными и насмѣшливыми возгласами и звукомъ тяжелыхъ ударовъ, которыми угощала несчастнаго жениха каждая кучка женщинъ, прогоняя его сквозь строй. Очевидно было, что не смотря на всѣ его усилія, ему не удастся настигнуть бѣгущую Аталанту, прежде чѣмъ она обѣжитъ кругомъ всей палатки. Даже золотыя яблоки Гесперидъ не могли бы помочь ему при такомъ неравенствѣ шансовъ; но онъ съ невозмутимымъ рвеніемъ продолжалъ стремиться къ своей цѣли, спотыкаясь о подставленныя ему ноги преслѣдовательницъ и постоянно запутываясь въ складки занавѣсокъ изъ оленьей шкуры, которыя онѣ бросали ему на голову и на глаза съ искусствомъ матодора. Черезъ минуту невѣста взошла въ послѣдній пологъ у дверей, а несчастный женихъ все еще боролся съ своими безчисленными несчастіями на половинѣ дороги вокругъ палатки. Я ожидалъ, что онъ откажется наконецъ отъ состязанія послѣ исчезновенія невѣсты и готовился громко протестовать противъ несправедливости такого испытанія; но къ моему удивленію, онъ продолжалъ борьбу, пока наконецъ не ворвался въ послѣдній пологъ и не настигъ своей невѣсты. Музыка вдругъ замолкла и толпа начала выходить изъ палатки. Церемонія по видимому кончилась. Обратясь къ Миронову, слѣдившему съ довольной улыбкой за всей этой сценой, мы спросили, что все это означало.

— Что же, свадьба кончена?

— Да-съ, сказалъ онъ утвердительно.

— Но, возразили мы, — вѣдь онъ ее не поймалъ?

— Она ждала его, ваше благородіе, въ послѣднемъ пологѣ, и достаточно, чтобы онъ тамъ поймалъ ее.

— А если бъ онъ ее вовсе не поймалъ, чтобы тогда было?

— Тогда, отвѣчалъ казакъ съ видомъ состраданія, — значитъ, бѣдный малый проработалъ бы два года даромъ!

Это было забавно — для жениха! Работать два года за жену, подвергнуться мучительному сѣченью ивовыми прутьями по окончаніи срока и потомъ не имѣть никакой гарантіи противъ вѣро-

ломства невѣсты. Его вѣра въ ея постоянство должна быть безгранична. Цѣль всего обряда заключалась въ томъ, чтобъ представить дѣвушкѣ свободу выбора идти за этого молодого человѣка, или нѣтъ, такъ какъ ему положительно невозможно было догнать ее при такихъ обстоятельствахъ, если она добровольно не подождетъ его въ одномъ изъ пологовъ. Обычай этотъ доказываетъ болѣе рыцарское отношеніе къ желаніямъ и предпочтеніямъ прекраснаго пола, чѣмъ можно было бы ожидать при такомъ низкомъ уровнѣ развитія; но мнѣ, какъ безпристрастному зрителю, казалось, что тотъ же результатъ могъ бы быть достигнутъ съ меньшими непріятностями для несчастнаго жениха! Можно бы было отнестись съ большимъ уваженіемъ къ его человѣческому достоинству. Я не могъ достовѣрно узнать смысла наказанія ивовыми прутьями, которому ежеминутно подвергаютъ жениха. Доддъ высказалъ предположеніе, что оно могло быть символомъ супружеской жизни — родъ предзнаменованія будущихъ семейныхъ испытаній; но судя по мужественному характеру коряковъ, это казалось мнѣ невѣроятнымъ. Ни одна женщина, въ здравомъ разсудкѣ не попробовала бы повторить подобные опыты надъ однимъ изъ суровыхъ рѣшительныхъ мужчинъ, присутствовавшихъ при церемоніи и смотрѣвшихъ на нее, какъ на священный обрядъ. При другихъ обстоятельствахъ, роли вѣроятно перемѣнились бы.

Мистеръ А. С. Бикморъ, въ «American Journal of Science» за май мѣсяцъ 1868 г., упоминаетъ объ этомъ странномъ обычаѣ коряковъ, и говоритъ, что эта обрядная экзекуція приготовляетъ человѣка къ перенесенію всѣхъ трудностей жизни; но едва ли трудности жизни являются кому-нибудь въ такомъ видѣ, и сѣченье человѣка ивовыми прутьями есть весьма странное приготовленіе къ какимъ бы то ни было житейскимъ непріятностямъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ обычай есть конечно полное нарушеніе всѣми признанныхъ преимуществъ сильнѣйшаго пола и долженъ былъ бы быть уничтоженъ всѣми коряками, которые стояли за превосходство мужчинъ.

По окончаніи церемоніи, мы перешли въ сосѣднюю палатку и, выйдя на дворъ, увидали трехъ или четырехъ коряковъ, которые

кричали и шатались совершенно пьяные, празднуя вѣроятно счастливое событіе, только что совершившееся. Я зналъ, что во всей Сѣверной Камчаткѣ не существовало вовсе спиртныхъ напитковъ и ничего такого, изъ чего можно было бы ихъ изготовить, и потому для меня оставалось совершенной тайной, какъ они могли такъ внезапно, безнадежно и несомнѣнно охмѣлѣть. Возбуждающее снадобье, ими принятое, очевидно производило такое же быстрое дѣйствіе и имѣло такіе же результаты, какъ лучшій алкоголь, извѣстный новѣйшей цивилизаціи. Освѣдомившись, мы узнали, къ величайшему нашему удивленію, что они поѣли одного растенія, извѣстнаго въ общежитіи подъ именемъ поганки. Въ Сибири ростутъ особенные грибы этого вида, называемые мухоморами, которые обладаютъ охмѣляющими свойствами и употребляются съ этой цѣлью всѣми почти сибирскими племенами. Употребляемые въ большомъ количествѣ, они дѣйствуютъ какъ сильный наркотическій ядъ; но незначительная доза ихъ производитъ всѣ дѣйствія алкогольной жидкости. Его постоянное употребленіе, впрочемъ, совершенно потрясаетъ нервную систему, и русскіе купцы, продающіе это растеніе туземцамъ, подвергаются по русскимъ законамъ строгому взысканію. Но не смотря на всѣ запрещенія, торговля все-таки продолжается въ тайнѣ, и я самъ видѣлъ, какъ за одинъ такой грибъ давали звѣриныхъ шкуръ по крайней мѣрѣ на двадцать долларовъ Коряки не могутъ сами собирать ихъ, потому что они растутъ въ лѣсахъ и никогда не встрѣчаются на голыхъ степяхъ, по которымъ они кочуютъ, такъ что они принуждены покупать ихъ у русскихъ купцовъ за баснословныя цѣны. Американскимъ ушамъ покажется страннымъ приглашеніе гостепріимнаго коряка своему проѣзжему пріятелю; вмѣсто того, чтобъ сказать ему: «Зайдите-ка выпить стаканчикъ», онъ говоритъ: «Не хотите ли покушать поганки?» Предложеніе это не особенно соблазнительно для цивилизованнаго пьяницы, но оно имѣетъ волшебное дѣйствіе на гуляку-коряка. Такъ какъ запросъ на мухоморы значительно превосходитъ привозъ ихъ, то изобрѣтательность коряковъ всячески изощрялась, чтобъ сберечь это драгоцѣнное возбудительное средство и продлить его дѣйствіе, какъ можно долѣе. Иногда является у всего табора по-

требность напиться, а между тѣмъ во всемъ лагерѣ находится только одна поганка. Чтобъ узнать способъ, посредствомъ котораго вся шайка ухитряется охмѣлѣть отъ одного мухомора и пробыть въ такомъ состояніи цѣлую недѣлю, мы отсылаемъ любознательнаго читателя къ «Гражданамъ Свѣта» Гольдсмита, письмо 32. Нужно впрочемъ сказать, что этотъ отвратительный обычай существуетъ только у осѣдлыхъ коряковъ Пенжинскаго залива — у самаго неразвитаго и притупленнаго народца этого племени. Можетъ быть онъ встрѣчается въ меньшей мѣрѣ и у нѣкоторыхъ кочующихъ туземцевъ, но мнѣ всего разъ только случилось слышать объ немъ внѣ поселеній Пенжинскаго залива.

Наше путешествіе впродолженіе слѣдующихъ дней, послѣ нашего отъѣзда изъ третьяго лагеря, было утомительно и однообразно. Неизмѣнная рутина нашей ежедневной жизни въ дымныхъ корякскихъ палаткахъ и вѣчно одинаковая, ровная, пустынная мѣстность—страшно намъ прискучили, и мы съ тоскливымъ нетерпѣніемъ думали о русскомъ городѣ Гижигѣ, на сѣверѣ Гижигинскаго залива, которая была Меккой нашего долгаго странствованія. Для того, чтобъ провести болѣе недѣли съ кочующими коряками и не почувствовать тоски по родинѣ и тяжелаго одиночества, надобно имѣть почти неистощимый запасъ умственной силы. Вы принуждены находить развлеченіе въ самомъ себѣ. Ни газеты, съ свѣжимъ матеріаломъ для размышленій и споровъ, которые оживляли бы долгіе, не веселые вечера у бивачнаго огня; ни слухи о войнѣ, или о государственныхъ переворотахъ, или о политическихъ событіяхъ— не возмущаютъ никогда стоячую умственную атмосферу корякскаго существованія. Удаленный и въ физическомъ, и умственномъ отношеніи, на безграничное разстояніе, отъ всѣхъ интересовъ и тревогъ, которые волнуютъ міръ, корякъ существуетъ, какъ человѣческая улитка, въ стоячей водѣ своей однообразной жизни. Случайное рожденіе или свадьба, принесеніе въ жертву собаки или въ рѣдкихъ случаяхъ человѣка корякскому Аринаку и не частыя посѣщенія русскаго купца,—вотъ важнѣйшія событія его исторіи отъ колыбели до могилы. Иногда мнѣ было трудно представить себѣ, сидя у очага въ корякской палаткѣ, что я еще принадлежу къ міру

желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и газетъ. Мнѣ казалось, что какимъ-то волшебствомъ я перенесенъ за тысячелѣтія назадъ и обитаю въ палаткахъ Сима и Іафета. Вокругъ насъ не было ни малѣйшаго признака хваленаго просвѣщенія и цивилизаціи девятнадцатаго столѣтія, и по мѣрѣ того, какъ мы привыкали къ новымъ и страннымъ условіямъ первобытнаго варварства, наши воспоминанія о цивилизованной жизни являлись намъ въ видѣ туманныхъ образовъ, которые видишь во снѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Языкъ коряковъ.—Религія.—Обычаи и т. д.

Наши продолжительныя сношенія съ кочующими коряками дали намъ возможность изучить многія ихъ особенности, которыя легко могутъ ускользнуть при бѣгломъ знакомствѣ съ ними, и такъ какъ наше путешествіе до Пенжинскаго залива было лишено всякихъ интересныхъ событій, я закончу эту главу свѣдѣніями, которыя я могъ собрать относительно языка, религіи, суевѣрій, обычаевъ и образа жизни камчатскихъ коряковъ.

Не можетъ быть сомнѣнія, что коряки и могущественное сибирское племя чукчей произошли отъ одного корня и вмѣстѣ выселились изъ своей первоначальной родины въ мѣста, гдѣ они теперь живутъ. Нѣсколько уже столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ они отдѣлились другъ отъ друга, но до сихъ поръ между ними такъ много сходства, что ихъ трудно различить и между ихъ нарѣчіями менѣе разницы, чѣмъ между португальскимъ и испанскимъ языками. Нашъ корякскій переводчикъ не встрѣтилъ никакихъ затрудненій, разговаривая съ чукчами, и сравнительный словарь, который мы впослѣдствіи составили, указываетъ на самыя незначительныя діалектическія измѣненія, происшедшія вслѣдствіе недавняго раздѣленія племенъ. Ни у одного изъ знакомыхъ мнѣ сибирскихъ языковъ нѣтъ азбуки, и поэтому, не имѣя прочной опоры въ письменности, они измѣняются очень быстро. Это видно изъ сравненія новѣйшаго словаря чукчей съ словаремъ, составленнымъ г. Лисенсомъ въ

1788 г. Многія слова такъ измѣнились, что ихъ трудно узнать. Другія же, напротивъ, какъ напр. тикъ-тикъ—ледъ, уттутъ—лѣсъ, уинчей—пѣтъ, ай—да и большая часть чиселъ до десяти совсѣмъ не измѣнились. И коряки и чукчи считаютъ пятками вмѣсто десятковъ, особенность, свойственная также природнымъ жителямъ Аляски. Вотъ названія корякскихъ чиселъ:

Инпинъ	одинъ.
Неі-акхъ	два.
Ни-ókхъ	три.
Ни-àкхъ	четыре.
Миллигенъ	пять.
Икпинъ миллигенъ	одинъ-пять.
Неі-акхъ »	два-пять.
Ни-ókхъ »	три-пять.
Ни-àкхъ »	четыре-пять.
Мин-іе-гит-кхинъ	десять.

Послѣ этого они считаютъ десять-одинъ, десять-два и т. д. до пятнадцати, и потомъ десять-пять-одинъ; но ихъ счисленіе дѣлается такимъ сложнымъ, когда они дойдутъ до двадцати, что гораздо легче носить съ собою пригоршню камешковъ и считать посредствомъ ихъ, чѣмъ произнести соотвѣтствующее число.

Напримѣръ, ни-акхъ-клин-кин-мин-іе-гит-кин-пар-оль-иннин миллигенъ—означаетъ всего пятьдесятъ шесть! Можно подумать, что это значитъ по крайней мѣрѣ двѣсти шестьдесятъ три милліона девятьсотъ четырнадцать тысячь семьсотъ одинъ и то еще было бы слишкомъ мало. Впрочемъ корякамъ рѣдко случается употреблять такія большія числа, а если и приходится, то лишняго времени у нихъ не мало. Много бы труда стоило мальчику объяснить по корякски одну изъ задачь высшей ариѳметики Рея. Выговорить 324×5260=1,704,240, дало бы ему право на часовой отдыхъ и на награду. Мы никогда не были въ состояніи отыскать какое-нибудь родство между коряко-чукчскимъ нарѣчіемъ и нарѣчіями туземцевъ, живущихъ по ту сторону Берингова пролива.

Если и существуетъ какое-нибудь сходство, то вѣроятно въ грамматикѣ, а не въ разговорѣ.

У всѣхъ племенъ Сѣверо-восточной Сибири, какъ кочующихъ, такъ и осѣдлыхъ, господствующая религія есть «шаманизмъ». Эта религія очень разнообразится у разныхъ народовъ и въ разныхъ мѣстностяхъ; у коряковъ и у чукчей она заключается преимущественно въ почитаніи злыхъ духовъ, которые по ихъ вѣрованію воплощены во всѣхъ таинственныхъ силахъ и проявленіяхъ природы, какъ-то: эпидеміяхъ и заразительныхъ болѣзняхъ, разрушительныхъ буряхъ, голодѣ, затмѣніяхъ и сѣверныхъ сіяніяхъ. Она заимствовала свое названіе отъ «шамановъ» или жрецовъ, которые служатъ изъяснителями воли злыхъ духовъ и посредниками между ними и человѣкомъ. Всѣ сверхъ-естественныя явленія, въ особенности разрушительныя и страшныя, приписываются прямому дѣйствію этихъ злыхъ духовъ и принимаются, какъ очевидныя доказательства ихъ неудовольствія. Многіе утверждаютъ, что вся система шаманизма есть ничто иное, какъ громадный обманъ, изобрѣтенный нѣсколькими хитрыми жрецами, чтобъ извлекать свои выгоды изъ легковѣрія суевѣрныхъ туземцевъ. Но я увѣренъ, что этотъ взглядъ ошибоченъ. Человѣкъ, пожившій нѣкоторое время съ сибирскими туземцами, изучившій ихъ характеръ, подвергавшійся тѣмъ же вліяніямъ, которыя окружаютъ ихъ, и пытавшійся стать на ихъ точку зрѣнія, насколько это было возможно, не можетъ сомнѣваться въ искренности жрецовъ и ихъ послѣдователей, или удивляться, что поклоненіе злымъ духамъ составляетъ основу ихъ религіи. Это единственное вѣрованіе, возможное для такихъ людей и при такихъ обстоятельствахъ. Одинъ современный писатель, справедливость и безпристрастіе котораго не подлежитъ сомнѣнію, такъ прекрасно описалъ характеръ сибирскихъ коряковъ и происхожденіе и свойство ихъ религіозныхъ вѣрованій, что я не нахожу ничего лучшаго, какъ привести его собственныя слова:

«Ужасъ служитъ у дикарей основаніемъ религіи. Въ умѣ дикаря не тѣ явленія запечатлѣваются сильнѣе всего, которыя входятъ въ обычный порядокъ законовъ природы, и которыя имѣютъ благодѣтельныя послѣдствія; но тѣ, которыя разрушительны и по видимому сверхъестественны. Благодарность не такъ живуча, какъ страхъ, и малѣйшее нарушеніе законовъ природы производитъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ самыя чудесныя проявленія ея обыденной дѣятельности. Поэтому, если природа является уму его въ самомъ ужасающемъ своемъ видѣ, если страшныя болѣзни или естественные перевороты опустошаютъ его страну, дикарь выводитъ изъ нихъ тотъ часъ же представленіе о діавольскомъ присутствіи. Въ темнотѣ ночи, передъ сіяющей бездной и среди дикихъ отголосковъ горнаго ущелья, въ сіяніи кометы или въ торжественномъ мракѣ затмѣнія; когда голодъ опустошаетъ его землю; когда землетрясенія или чума похищаютъ тысячи жертвъ; во всякомъ несчастіи, которое на время заглушаетъ голосъ разсудка, во всемъ, что есть ужаснаго, зловѣщаго и смертоноснаго, онъ ощущаетъ присутстіе сверхъестественной силы и преклоняется передъ ней. Вполнѣ предоставленный всѣмъ вліяніямъ природы, не зная той послѣдовательной цѣпи законовъ, которой связаны ея различныя проявленія, онъ живетъ въ постоянномъ страхѣ того, что считаетъ прямыми и самостоятельными дѣйствіями злыхъ духовъ. Ощущая ихъ постоянно возлѣ себя, онъ естественно старается войдти въ сношенія съ ними. Онъ силится умиротворить ихъ жертвами. Если какое нибудь несчастіе обрушивается на него, если какая нибудь страсть овладѣваетъ его разсудкомъ, онъ пытается самъ облечься ихъ властью, и его возбужденное воображеніе скоро убѣждаетъ его, что онъ достигъ желаемаго». Эти полныя глубокаго смысла слова служатъ ключомъ къ религіи сибирскихъ туземцевъ и представляютъ единственное удовлетворительное объясненіе возникновенію шамановъ.

Если нужно еще какое нибудь доказательство того, что эта система вѣрованія есть естественный продуктъ человѣческой природы на извѣстной степени варварства, то его можно найдти въ фактѣ всеобщаго преобладанія шаманизма въ Сѣверовосточной Сибири, между племенами совершенно различнаго происхожденія и

характера. Такъ, напримѣръ, племя тунгузовъ, безъ сомнѣнія, Китайскаго происхожденія, а племя якутовъ—тугезкаго. Оба имѣли, конечно, въ началѣ различныя религіи, обряды, понятія и суевѣрія; но когда всякое постороннее вліяніе было устранено отъ нихъ и они подверглись одинаковымъ внѣшнимъ условіямъ, оба народа развили одну и ту же систему религіозныхъ вѣрованій. Если толпа невѣжественныхъ магометанъ была бы выселена въ Северо-восточную Сибирь и ей пришлось бы жить одиноко въ палаткахъ, столѣтія за столѣтіями, среди дикой, мрачной природы Становаго хребта, переносить страшныя бури, причины которыхъ она не могла бы себѣ объяснить, терять своихъ оленей отъ повальной болѣзни, противъ которой она не имѣла бы силъ бороться; еслибъ людей этихъ поражали великолѣпныя сѣверныя сіянія, освѣщающія весь міръ своимъ огненнымъ свѣтомъ; еслибъ эпидеміи, свойства которыхъ они не понимали и погубныхъ послѣдствій которыхъ они не могли бы избѣжать, уничтожали десятую часть изъ нихъ, — они по немногу стали бы утрачивать вѣру въ Аллаха и Магомета и сдѣлались бы такими же точно приверженцами шаманства, какъ сибирскіе коряки и чучки нашихъ дней. Совокупное вліяніе цивилизаціи и христіанства впродолженіе цѣлаго столѣтія не могло вполнѣ искоренить слѣды шаманизма, поддерживаемаго могущественными естественными силами въ этой пустынной и негостепріимной мѣстности.

Камчадалы, провожавшіе меня въ Саманскихъ горахъ, были дѣти христіанскихъ родителей и съ дѣтства воспитаны въ правилахъ православной церкви; они твердо вѣрили въ Божественное искупленіе и въ Божественное Провидѣніе, и каждое утро и вечеръ молились Христіанскому Богу; но когда буря застигла ихъ въ этихъ суровыхъ горахъ, страхъ передъ сверхъестественными силами одержалъ верхъ надъ ихъ религіозными убѣжденіями, и они принесли въ жертву собаку, подобно самымъ закоснѣлымъ язычникамъ, чтобъ умилостивить гнѣвъ злаго духа, проявленіемъ котораго была для нихъ настоящая буря. Я могъ бы привести много примѣровъ, гдѣ самая твердая по видимому и

искренняя вѣра въ существованіе Божественнаго промысла и всемогущества была побѣждена вліяніемъ на воображеніе какого нибудь поражающаго, необычайнаго явленія природы. Поступки человѣка управляются не столько его разсудкомъ, сколько впечатлѣніемъ минуты; вслѣдствіе этого-то минутнаго впечатлѣнія и возникъ шаманизмъ.

Обязанности шамановъ или жрецовъ у коряковъ заключаются въ заклинаніяхъ надъ больными, въ сообщеніи съ злыми духами и въ истолкованіи ихъ воли людямъ. Если какое нибудь несчастіе, какъ напр. болѣзнь, голодъ или буря, обрушивается надъ племенемъ, оно приписывается конечно гнѣву злаго духа, и тогда совѣтуются съ шаманомъ о лучшемъ способѣ укротить его гнѣвъ. Жрецъ, къ которому съ этимъ обратились, собираетъ народъ въ одну изъ самыхъ большихъ палатокъ, облекается въ длинную одежду, испещренную фантастическими фигурами птицъ и животныхъ и странными іероглифическими знаками, распускаетъ свои длинные, черные волосы и, взявъ большой туземный барабанъ, начинаетъ пѣть въ полголоса, сопровождая свою пѣсню медленнымъ, торжественнымъ барабаннымъ боемъ. По мѣрѣ того, какъ пѣніе дѣлается все энергичнѣе и быстрѣе, глаза жреца принимаютъ странное выраженіе, тѣло его начинаетъ искривляться и его дикая пѣсня смѣшивается съ звуками барабана въ одинъ оглушительный непрерывный гулъ. Тогда вскочивъ на ноги, и потрясая конвульсивно головой, пока его длинные волосы не начинаютъ издавать легкій трескъ, онъ пускается въ бѣшенную пляску вокругъ палатки и опускается наконецъ въ изнеможеніи на скамью. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ объявляетъ пораженнымъ ужасомъ туземцамъ сообщеніе, полученное имъ отъ злаго духа, и которое заключается по большей части въ приказаніи принести въ жертву извѣстное число собакъ или оленей, или пожалуй человѣка, оскорбленнымъ богамъ.

Во время этихъ дикихъ заклинаній, жрецы иногда вводятъ въ обманъ своихъ легковѣрныхъ послѣдователей, показывая имъ фокусы вродѣ проглатыванья горячихъ углей или прокалыванья

своего тѣла ножами, но въ большинствѣ случаевъ, шаманъ самъ искренно вѣритъ, что онъ руководимъ и управляемъ сверхъестественной силой. Впрочемъ иногда сами туземцы кажется сомнѣваются въ мнимомъ вдохновеніи своего жреца и сильно его бичуютъ, чтобъ испытать истинность его словъ и подлинность его откровеній. Если онъ настолько твердъ, что во время истязанія не выкажетъ человѣческой слабости и страданій, его власть, какъ служителя злыхъ духовъ, считается доказанной, и его приказанія исполняются въ точности. Кромѣ жертвоприношеній, требуемыхъ шаманами, коряки приносятъ жертвы по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, чтобъ обезпечить себѣ хорошій ловъ рыбы и тюленей и благопріятную погоду. Намъ часто случалось видѣть въ одномъ только кочевьѣ двадцать или тридцать собакъ, повѣшенныхъ за заднія ноги на длинныхъ шестахъ. Огромное количество травы собирается всякое лѣто и сплетается въ вѣнки, которые вѣшаютъ на шею убитыхъ животныхъ; и приношенія въ видѣ табака постоянно бросаются злымъ духамъ, когда коряки переходятъ черезъ вершины горъ. Тѣла умершихъ сожигаются у всѣхъ кочующихъ племенъ, вмѣстѣ со всѣмъ ихъ имуществомъ, въ надеждѣ на конечное воскрешеніе духа и матеріи; больныхъ, на выздоровленіе которыхъ не осталось ни малѣйшей надежды, побиваютъ камнями или прокалываютъ копьемъ. Мы сами убѣдились въ томъ, что слышали отъ русскихъ и камчадаловъ, а именно, что коряки сами убиваютъ стариковъ, лишь только болѣзнь или преклонныя лѣта дѣлаютъ ихъ неспособными къ перенесенію всѣхъ трудностей кочующей жизни. Изъ долгаго опыта они пріобрѣли страшное умѣнье лишать жизни лучшимъ и скорѣйшимъ способомъ, и они часто объясняли намъ съ ужасающими подробностями, въ длинные вечера, которые мы проводили въ ихъ дымныхъ пологахъ, различные способы убивать человѣка и указывали на самыя чувствительныя части тѣла, гдѣ единственная рана копьемъ или ножемъ бываетъ смертельна. Я подумалъ о знаменитыхъ опытахъ Де Кенсея объ «Убійствѣ, разсматриваемомъ какъ изящное искусство», и о томъ, сколько свѣденій это «Общество знатоковъ въ дѣлѣ убійства» могло бы пріобрѣсти въ корякскомъ лагерѣ. Коряки пріучаются смотрѣть на такую смерть, какъ на естественный конецъ ихъ существованія, и встрѣчаютъ ее вообще совершенно спокойно. Рѣдко случается, чтобъ человѣкъ желалъ пережить періодъ своей физической дѣятельности и силы. Ихъ умерщвляютъ въ присутствіи всей шайки, съ особенными церемоніями; потомъ тѣла ихъ сжигаютъ, а пепелъ разносится по волѣ вѣтра.

Этотъ обычай умерщвлять старыхъ и больныхъ и сожигать тѣла умершихъ произошелъ вслѣдствіе кочующей жизни коряковъ и служитъ новымъ доказательствомъ могущественнаго вліянія физическихъ законовъ на дѣйствія и нравственныя чувства человѣка. И тѣ и другія прямо и почти неизбѣжно проистекаютъ, изъ свойства страны и климата. Безплодность почвы сѣверо-восточной Азіи и суровость продолжительной зимы побудили человѣка приручить сѣвернаго оленя, какъ единственное средство къ поддержанію жизни, кочевая жизнь сдѣлала болѣзнь и старость слишкомъ тяжелымъ бременемъ, какъ для самыхъ страждущихъ, такъ и для тѣхъ, которымъ приходится заботиться объ нихъ; и все это окончательно повело за собою умерщвленіе старыхъ и больныхъ, какъ мѣру благодѣтельную для обѣихъ сторонъ. Тѣже причины ввели въ обычай сожиганіе мертвыхъ. Имъ невозможно было, при ихъ кочевой жизни, имѣть какое нибудь общее для всѣхъ мѣсто погребенія, и только съ величайшимъ трудомъ могли бы они рыть могилы, въ вѣчно мерзлой землѣ. Нельзя было также оставлять трупы на съѣденіе волкамъ,—такимъ образомъ сожженіе оказалось единственнымъ средствомъ. Ни одинъ изъ этихъ обычаевъ не заставляетъ предполагать какую нибудь врожденную жестокость или варварство со стороны коряковъ. Они естественное слѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ и доказываютъ только, что сильнѣйшія душевныя движенія человѣческой натуры, какъ то: сыновнее почтеніе, братская привязанность, любовь къ жизни и уваженіе къ дорогимъ останкамъ, не въ силахъ противустоять дѣйствію великихъ законовъ природы. Православная церковь старается, посредствомъ миссіонеровъ, обратить въ христіанство всѣ сибирскія племена; но хотя, по видимому, она имѣла нѣкоторый успѣхъ между осѣдлыми юкагирами, чуванцами и камчадалами, но кочующія племена продолжали придерживаться

шаманизма, и въ скудно населенной Сибири насчитываютъ болѣе 70,000 послѣдователей этой религіи. Для прочнаго и искренняго обращенія кочующихъ коряковъ и чукчей надобно прежде распространить между ними просвѣщеніе и совершенно измѣнить ихъ образъ жизни.

Между другими предразсудками кочующихъ коряковъ и чукчей, замѣчательно между прочимъ ихъ отвращеніе разставаться съ живымъ оленемъ. Вы можете купить сколько вамъ угодно убитыхъ оленей, хоть пятьсотъ, за самую ничтожную плату; но живаго оленя вамъ не отдадутъ ни изъ дружбы, ни за деньги. Вы можете предлагать имъ огромное количество табаку, мѣдныхъ котловъ, бусъ и красныхъ платьевъ за одного живаго оленя, они рѣшительно откажутся продать его; если же вы позволите имъ убить тоже самое животное, вы можете получить трупъ его за одну нитку простыхъ стекляныхъ бусъ. Напрасно было бы доказывать имъ нелѣпость этого предразсудка. Они не дадутъ вамъ другого объясненія, какъ «продать живаго оленя было бы аткинъ — дурно». Такъ какъ для проведенія нашей предполагаемой телеграфной линіи, намъ необходимо было имѣть нѣсколькихъ ручныхъ оленей, то мы предлагали корякамъ какое угодно вознагражденіе за одно только животное, но всѣ наши усилія остались тщетными. Они уступали намъ сотню убитыхъ оленей за сто фунтовъ табаку, но пятьсотъ фунтовъ не могли ихъ соблазнить разстаться съ однимъ животнымъ, пока въ немъ былъ еще признакъ жизни. Впродолженіе двухъ съ половиною лѣтъ, проведенныхъ нами въ Сибири, ни одной изъ нашихъ партій, на сколько я знаю, не удалось купить у коряковъ или у чукшей ни одного живаго оленя. Всѣ олени, которыми мы владѣли, впослѣдствіи, около восьми сотъ головъ, были пріобрѣтены отъ кочующихъ тунгузовъ.

Коряки вѣроятно владѣльцы самыхъ многочисленныхъ оленьихъ стадъ во всей Сибири, и слѣдовательно во всемъ свѣтѣ. Многія стада, которыя мы видѣли въ сѣверной Камчаткѣ, доходили до восьми или двѣнадцати тысячь штукъ, и намъ говорили, что какой то богатый корякъ, живущій посреди великой «Тундры», имѣлъ три огромныхъ стада въ различныхъ мѣстахъ, всего около 30,000 головъ. Забота объ этихъ стадахъ составляетъ почти единственное занятіе коряковъ. Они принуждены постоянно перекочевывать съ мѣста на мѣсто, чтобъ отыскивать имъ кормъ, и стеречь ихъ день и ночь, чтобъ оберегать отъ волковъ. Каждый день, восемь или десять коряковъ, вооруженные копьями и ножами, оставляютъ лагерь передъ сумерками, отправляются за милю или за двѣ къ тому мѣсту, гдѣ пасутся олени, строятъ себѣ маленькіе шалаши изъ сосновыхъ вѣтвей около трехъ футовъ вышины и двухъ въ діаметрѣ, и сидятъ въ нихъ впродолжаніе всей долгой, холодной, арктической ночи, подкарауливая волковъ. Чѣмъ хуже погода, тѣмъ бдительность необходимѣе. Иногда, среди темной зимней ночи, когда страшный сѣверовосточный вѣтеръ гонитъ, завывая, цѣлыя облака снѣга, стая волковъ внезапно нападаетъ на оленье стадо и разгоняетъ его на всѣ четыре стороны. Въ предупрежденіи этого несчастія и заключается обязанность караульныхъ коряковъ. Одинъ и почти безъ крова, среди этого безграничнаго океана снѣга, человѣкъ сидитъ, скорчившись въ своемъ непрочномъ шалашѣ, похожемъ на пчельный улей, и проводитъ долгія, зимнія ночи, глядя на великолѣпныя сѣверныя сіянія, которыя кажется заливаютъ кровью голубой сводъ неба и окрашиваютъ землю пурпуромъ, и прислушиваясь къ бенію своего собственнаго сердца и къ слабому вою волковъ въ отдаленіи. Терпѣливо переноситъ онъ такой холодъ, отъ котораго замерзнетъ ртуть, и вьюги, которыя уносятъ его убогій шалашъ, подобно соломенкѣ въ облакѣ снѣжнаго вихря. Онъ ни отъ чего не унываетъ, ничто не пугаетъ его и не заставляетъ вернуться въ палатку. Я видѣлъ, какъ они караулили оленей съ отмороженными до бѣла щеками и носомъ, и находилъ ихъ въ холодныя, зимнія утра, скорчившихся подъ охабкой вѣтвей, закрывъ лица своими мѣховыми одеждами, какъ будто они были мертвыми. Я никогда не могъ проѣхать мимо одного изъ этихъ шалашей среди пустынной, безграничной тундры, не подумавъ о человѣкѣ, который когда-то сидѣлъ въ ней одиноко, и стараясь представить себѣ его мысли, когда онъ ждалъ, впродолженіе долгой,

утомительной ночи перваго, слабаго луча разсвѣта. Не размышлялъ ли онъ иногда, видя огненные столбы сѣвернаго сіянія надъ своей головой, о причинѣ этого таинственнаго свѣта? Не пробуждали ли въ немъ далекія звѣзды, постоянно обращающіяся надъ снѣговой равниной, сознаніе о возможности другого болѣе свѣтлаго, болѣе счастливаго міра? Горе безпомощному человѣческому сердцу! Сверхестественное вліяніе оно можетъ ощущать и ощущаетъ; но барабанный бой и дикіе крики шамановъ показали, какъ оно съумѣло понять книгу природы.

Кочующіе коряки по природѣ своей вообще добры. Они обращаются очень мягко съ женщинами и дѣтьми, и впродолженіе двухъ лѣтъ, которыя я провелъ съ ними я никогда не видалъ, чтобъ они ударили женщину или ребенка. Ихъ честность замѣчательна. Не разъ послѣ нашего отъѣзда они запрягали нарочно оленей и догоняли насъ на разстояніи пяти или десяти миль отъ лагеря, чтобъ отдать ножикъ, трубку или другую бездѣлицу, забытую нами у нихъ въ поспѣшности. Сани наши, нагруженные табакомъ, бусами и другими предметами торговли оставались безъ всякаго караула внѣ палатокъ, но никогда, насколько мнѣ извѣстно, ничего не было украдено. Нѣкоторыя шайки принимали насъ съ такимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, какого трудно было бы даже ожидать въ цивилизованной странѣ отъ христіанскихъ народовъ, и еслибъ у меня не было денегъ или друзей, я бы съ большимъ довѣріемъ обратился за помощью къ шайкѣ кочующихъ коряковъ, чѣмъ ко многимъ американскимъ семействамъ. Они можетъ быть жестоки согласно нашимъ понятіямъ о жестокости и варварствѣ, но измѣна между ними неизвѣстна; я бы также безусловно ввѣрилъ имъ мою жизнь, какъ и всякому другому непросвѣщенному народу.

Каждую ночь, по мѣрѣ нашего приближенія къ сѣверу, полярная звѣзда все ближе и ближе подходила къ зениту, пока наконецъ, подъ шестьдесятъ второй параллелью, мы увидали бѣлыя вершины Становыхъ горъ, у верхней части Пенжинскаго залива; это самая сѣверная граница Камчатки. Подъ сѣнью ихъ снѣжныхъ

скатовъ мы въ послѣдній разъ остановились въ дымныхъ палаткахъ камчатскихъ коряковъ, поѣли въ послѣдній разъ изъ ихъ деревянныхъ корытъ и простились безъ особеннаго сожалѣнія съ пустынными степями полуострова и съ кочевой жизнью его народовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Пенжина.—25° ниже нуля.— Каменное.—Корякская юрта.—Путешествіе въ Гижигу.—Повозки,—Микина —Осѣдлые коряки.

Въ ясное, морозное утро, 22-го ноября, при 25° ниже нуля, мы прибыли къ устью большой рѣки, называемой «Пенжина», которая впадаетъ въ Пенжинскій заливъ, въ верхней части Охотскаго моря. Плотное облако тумана, висѣвшее надъ серединой залива, свидѣтельствовало о присутствіи воды, но устье рѣки было все завалено огромными земляными глыбами, шереховатыми, покрытыми плѣсенью, камнями и безпорядочной массой льдинъ, прибитыхъ сюда юго-западнымъ вѣтромъ и примерзшихъ другъ къ другу. Сквозь сѣрый туманъ мы смутно различили на высокой, противуположной крутизнѣ странныя очертанія юртъ Каменныхъ коряковъ въ формѣ буквы X.

Оставя нашихъ проводниковъ переправляться черезъ рѣку съ оленями и санями, какъ они найдутъ лучшимъ, мы отправились съ маіоромъ и Доддомъ пѣшкомъ, пробираясь между огромными неправильными глыбами прозрачнаго, зеленоватаго льда, цѣпляясь руками и ногами за громадные уступы, проваливаясь въ широкія и глубокія разсѣлины, и спотыкаясь объ острые обломки льдинъ. Мы уже почти достигли другаго берега, какъ вдругъ Доддъ закричалъ:

— О, Кеннанъ! Вашъ носъ совсѣмъ побѣлѣлъ; потрите его снѣгомъ скорѣе!

Я нисколько не сомнѣваюсь, что остальная часть моего лица также вся побѣлѣла при этомъ страшномъ сообщеніи: утрата моего носа при самомъ началѣ моего поприща арктическаго путешественника—была бы для меня очень серьезнымъ несчастіемъ. Я схватилъ пригоршню снѣга, смѣшаннаго съ острыми осколками льда, и началъ тереть, лишенный чувства, органъ, пока на кончикѣ его не осталось ни малѣйшей частички кожи, и потомъ продолжалъ треніе рукавицей, пока рука моя не устала. Если энергическое леченіе могло спасти мой носъ, то на этотъ разъ все возможное было сдѣлано съ моей стороны. Почувствовавъ наконецъ, что кровообращеніе въ немъ возстановилось, я пересталъ тереть и влѣзъ за Доддомъ и маіоромъ по крутому берегу въ корякское селеніе Каменное.

Оно походило на собраніе гигантскихъ, деревянныхъ, песочныхъ часовъ, сброшенныхъ и разрушенныхъ землетрясеніемъ. Дома,—если только ихъ можно было назвать домами,—имѣли около двадцати футовъ вышины, были грубо построены изъ лѣса, выброшеннаго моремъ на берегъ и формой своей могли только сравниться съ песочными часами. Они совсѣмъ не имѣли оконъ и дверей, и влѣзать въ нихъ можно было только по шесту, поставленному съ наружной стороны, спускаясь по другому шесту черезъ трубу; удобства этого способа всхожденія вполнѣ зависѣли отъ дѣятельности и силы огня, разведеннаго внутри юрты. Дымъ и искры, хотя и довольно непріятные сами по себѣ, были сущими бездѣлицами въ сравненіи съ другими неудобствами. Я помню, мнѣ разсказывали въ дѣтствѣ, что Санта-Клаусъ всегда входилъ въ домъ черезъ трубу; и хотя тогда я принималъ этотъ фактъ съ неразсуждающей, ребяческой вѣрой, но я никогда не могъ понять, какъ такое странное событіе, какъ пролѣзаніе черезъ трубу, могло безопасно совершиться. Чтобъ удовлетворить моему любопытству, я каждые святки чувствовалъ непреодолимое желаніе испытать это на себѣ, и только узкія трубы англійскихъ печей останавливали меня въ этомъ намѣреніи. Я надѣялся вполнѣ на успѣхъ, еслибъ то была обыкновенная труба, но взойти въ комнату черезъ восьмидюймовое отверстіе и узкую печную дверку—было рѣшительно не-

возможно. Мой первый входъ въ корякскую юрту, въ Каменномъ, разрушилъ, впрочемъ, всѣ мои дѣтскія сомнѣнія и доказалъ возможность взойти въ домъ оригинальнымъ способомъ Санта-Клауса. Большая толпа одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры туземцевъ съ дикимъ видомъ собралась вокругъ насъ, когда мы взошли въ селеніе, и смотрѣла на насъ съ тупымъ любопытствомъ при нашей первой попыткѣ влѣзть по шесту въ домъ. Изъ уваженія къ сану и положенію маіора, мы предоставили ему взойти первому. Онъ очень удачно влѣзъ по первому шесту и съ неподражаемой самоувѣренностью началъ спускаться въ темное, узкое отверстіе трубы, изъ котораго выходили клубы дыма; но въ ту критическую минуту, когда голова его еще виднѣлась сквозь облако дыма, а тѣло уже исчезло въ трубѣ, съ нимъ случилась большая непріятность. Ноги его, обутые въ тяжелые, мѣховые сапоги, не могли цѣпляться за зарубки, сдѣланные въ бревнѣ, чтобъ удобнѣе было спускаться, и онъ повисъ въ трубѣ, боясь провалиться, и не въ силахъ будучи выкарабкаться. Слезы текли изъ его зажмуренныхъ глазъ отъ дыма, окружавшаго его голову, и вмѣсто криковъ о помощи, слышались только удушливый кашель и хрипѣнье. Наконецъ какой-то туземецъ изнутри юрты, пораженный тщетными его усиліями высвободиться, пришелъ къ нему на помощь и благополучно спустилъ его на землю. Наученные его опытомъ, мы съ Доддомъ не обратили вниманіе на зарубки, но схвативъ руками гладкое бревно, начали быстро по немъ спускаться пока не достали ногами до пола. Когда я раскрылъ мои наполненные слезами глаза, меня привѣтствовали въ одинъ голосъ громкимъ «здорово» полъ-дюжины худыхъ, грязныхъ старухъ, которыя сидѣли, поджавши ноги, на возвышеніи вокругъ огня, и шили мѣховыя одежды. Внутренность корякской юрты, т. е. одной изъ деревянныхъ юртъ *осѣдлыхъ* коряковъ, представляетъ странную и не совсѣмъ привлекательную наружность для человѣка, не привыкшаго къ ея грязи, дыму и холоду. Она мрачна и непривѣтлива, такъ какъ свѣтъ проникаетъ въ нее единственно только черезъ круглое отверстіе, находящееся на двадцать футовъ отъ пола, которое служитъ въ одно и тоже время окномъ, дверью и трубою, и до котораго добираются по

круглому столбу съ зарубками, стоящему перпендикулярно по срединѣ. Перекладины, стропила и бревна, изъ которыхъ построена юрта, совсѣмъ почернѣли отъ постояннаго дыма. Деревянная платформа возвышается на одинъ футъ отъ земли около стѣнъ, съ трехъ сторонъ, на шесть футовъ въ ширину, оставляя по срединѣ кругъ въ восемь или десять футовъ въ діаметрѣ для огня и большаго мѣднаго котла съ тающимъ снѣгомъ. На платформѣ устроены три или четыре четыреугольныхъ полога изъ шкуръ, служащихъ спальнями для хозяевъ и убѣжищами отъ дыма, котораго иногда нѣтъ возможности выносить. Маленькій кругъ изъ каменныхъ плитъ на землѣ, по срединѣ юрты, образуетъ очагъ, надъ которымъ обыкновенно виситъ котелокъ съ рыбой или олениной, составляющими вмѣстѣ съ сушеной семгой, ворванью и прогорклымъ жиромъ всю пищу коряковъ. Все, что вы видите или до чего дотрогиваетесь, носитъ на себѣ отличительные слѣды корякскаго происхожденія, а именно сала и копоти. О чьемъ нибудь появленіи въ юртѣ вы узнаете по совершенному закрытію отверстія на потолкѣ и внезапному мраку, воцаряющемуся вокругъ васъ, и если вы посмотрите на верхъ, то увидите сквозь облако дыма и оленьихъ волосъ, которые летятъ отъ одежды пришельца, пару тонкихъ ногъ, спускающихся по шесту. Вы скоро привыкаете различать ноги вашихъ знакомыхъ по ихъ различной формѣ или обуви, такъ что лица ихъ играютъ при этомъ второстепенную роль. Если вы видите ноги Ивана, спускающагося изъ трубы, вы увѣрены, что голова его гдѣ нибудь недалеко въ облакѣ дыма и сапоги Николая, появляясь въ отверстіе, служатъ несомнѣнным доказательствомъ его прибытія. Когда снѣгъ на столько занесетъ юрту, что собаки могутъ по немъ добраться до трубы, онѣ съ особеннымъ наслажденіемъ располагаются вокругъ отверстія, заглядывая въ юрту, и наслаждаясь запахомъ рыбы, варящейся въ котлѣ надъ очагомъ. Часто онѣ вступаютъ въ отчаянный бой между собой за лучшее мѣсто наблюденія; и въ ту минуту, какъ вы готовитесь снять съ огня вашъ обѣдъ изъ вареной семги, борющаяся, лающая собака летитъ въ котелъ, а ея торжествующій противникъ смотритъ внизъ черезъ отверстіе трубы, наслаждаясь сво-

имъ мщеніемъ надъ несчастной жертвой. Корякъ вытаскиваетъ полу-обваренную собаку за шиворотъ, поднимается съ ней на крышу, бросаетъ ее въ какой нибудь снѣжный сугробъ и возвращается съ невозмутимымъ спокойствіемъ ѣсть свою уху, которая была такъ некстати приправлена собакой и волосами. Волосы, и особенно оленья шерсть, служатъ необходимой составной частью всякаго кушанья, приготовленнаго въ корякской юртѣ, и мы вскорѣ привыкли смотрѣть на нихъ съ полнымъ равнодушіемъ. Не смотря на всѣ предосторожности, они непремѣнно попадались въ нашемъ чаѣ и супѣ, и приставали къ нашей жареной говядинѣ. Кто нибудь постоянно входилъ или уходилъ надъ очагомъ, и цѣлое облако короткихъ сѣрыхъ волосъ отъ одеждъ изъ оленьей шкуры постоянно носилось надъ всѣмъ съѣдобнымъ внизу. Такимъ образомъ, нашъ первый обѣдъ въ корякской юртѣ въ Каменномъ былъ далеко неудовлетворителенъ. Не прошло еще и двадцати минутъ послѣ нашего прибытія въ селеніе, какъ занимаемая нами юрта совершенно переполнилась людьми съ тупымъ и звѣрскимъ выраженіемъ на лицахъ, одѣтыхъ въ запачканныя платья изъ оленьихъ шкуръ, съ нитками разноцвѣтнаго бисера въ ушахъ и съ большими ножами въ два фута длины, которые они носили въ ножнахъ, привѣшанныхъ къ бедру. Очевидно, они принадлежали къ туземному племени, совершенно различному отъ тѣхъ, которыхъ мы до сихъ поръ видѣли, и ихъ дикій, звѣрскій видъ не внушалъ намъ большаго довѣрія. Вслѣдъ за ними взошла впрочемъ какая-то личность съ добродушной русской физіономіей, которая снявъ шапку, подошла къ намъ, поклонилась и отрекомендовалась намъ; это былъ казакъ изъ Гижиги, посланный намъ на встрѣчу русскимъ исправникомъ.

Курьеръ, отправленный нами изъ Лѣсного, пріѣхалъ въ Гижигу за десять дней до насъ, и исправникъ послалъ тотчасъ-же казака встрѣтить насъ въ Каменномъ и проводить черезъ поселенія осѣдлыхъ коряковъ, обогнувъ верхнюю часть Пенжинскаго залива; казакъ тотчасъ-же разогналъ всѣхъ туземцевъ изъ юрты и маіоръ началъ разспрашивать его насчетъ мѣстности на сѣверъ и западъ отъ Гижиги, о разстояніи между Каменнымъ и Анадырскомъ, объ удобствахъ зимняго путешествія и о времени, необходимомъ для него. Безпокоясь о партіи изслѣдователей, которая, какъ онъ предполагалъ, должна была высадиться по распоряженію главнаго инженера у устья Анадыри, маіоръ Абаза намѣревался отправиться изъ Каменнаго прямо въ Анадырскъ, разыскивать ее и послать Додда и меня на западъ, вдоль берега Охотскаго моря, на встрѣчу Могуда и Бѣша. Но казакъ сообщилъ намъ, что партія людей пріѣхала на собакахъ съ Анадыри въ Гижигу, передъ самымъ его отъѣздомъ и что она не привезла никакихъ извѣстій объ американцахъ, высадившихся въ той мѣстности. Полковникъ Бѣлькли, главный инженеръ, обѣщалъ намъ, при нашемъ отъѣздѣ изъ с. Франциско, выслать партію людей на китоловномъ суднѣ къ устьямъ Анадыри еще ранней осенью, такъ что она могла бы подняться вверхъ по рѣкѣ до Анадырска и соединиться съ нами по первому зимнему пути. Вѣроятно, онъ не исполнилъ этого, потому что еслибъ такая партія прибыла въ тѣ мѣста, жители Анадырска, конечно, слышали бы о ней что нибудь. Неблагопріятная мѣстность у Берингова пролива, или позднее время года заставили его вѣроятно отказаться отъ этого первоначальнаго плана. Маіоръ Абаза все время былъ противъ намѣренія высадить партію у Берингова пролива, но онъ противъ воли почувствовалъ маленькое недовольство, узнавъ, что партія дѣйствительно не была выслана и что ему предстояло съ четырьмя человѣками изслѣдовать тысячу восемьсотъ миль земли между проливомъ и рѣкою Амуромъ. Казакъ сказалъ намъ, что мы не встрѣтимъ въ Гижигѣ затрудненій относительно собакъ, саней и людей, для изслѣдованія мѣстности на сѣверъ и на западъ отъ этого поселенія, и что русскій исправникъ окажетъ намъ все возможное содѣйствіе съ своей стороны. При такомъ положеніи дѣлъ, намъ оставалось только продолжать нашъ путь къ Гижигѣ, куда, по словамъ казака, мы должны были пріѣхать черезъ два или три дня. Каменнымъ корякамъ приказано было тотчасъ-же приготовить двѣнадцать саней съ собаками и свезти насъ въ ближайшее селеніе Шестаково, и вскорѣ все населеніе, подъ надзоромъ казака, было занято перекладкой нашихъ вещей и провизіи съ саней кочующихъ коряковъ на длин-

ныя, узкія сани ихъ осѣдлыхъ единоплеменниковъ. Нашимъ прежнимъ проводникамъ было заплачено за ихъ труды табакомъ, бусами и ситцами, и послѣ долгихъ споровъ о поклажѣ между коряками и нашимъ новымъ казакомъ Кириловымъ, намъ доложили, что все было готово; хотя было уже около полудня, но морозъ не унимался; завернувъ наши лица и головы въ большіе, мѣховые воротники, мы размѣстились въ саняхъ, и сильныя корякскія собаки понесли насъ по селенію и спустились съ холма въ цѣломъ облакѣ снѣга, поднимаемаго острыми жердями управлявшихъ ими коряковъ.

Маіоръ, Доддъ и я ѣхали въ крытыхъ саняхъ, извѣстныхъ въ Сибири подъ именемъ «повозокъ»; но неосторожная ѣзда Каменныхъ коряковъ заставила насъ вскорѣ пожалѣть, что мы не придумали себѣ какого нибудь другаго экипажа, изъ котораго намъ легче было бы выпрыгнуть въ случаѣ несчастія. Въ настоящемъ же нашемъ положеніи мы были такъ разбиты, что едва могли двинуться безъ посторонней помощи. Наши повозки очень походили на длинные, узкіе гробы, обтянутые тюленьей кожей и поставленные на полозья съ верхомъ, подъ которымъ могъ только едва помѣщаться одинъ человѣкъ. Большой фартухъ былъ прикрѣпленъ къ краямъ этого верха; онъ опускался въ дурную погоду и такъ плотно застегивался, что не пропускалъ ни воздуха, ни снѣга. Усѣвшись въ эти сани, мы протянули ноги вдоль длиннаго гробообразнаго ящика, на которомъ сидѣли наши возницы, между тѣмъ какъ наши головы и плечи были защищены кожанымъ верхомъ. Представьте себѣ восьми футовой гробъ на полозьяхъ, и сидящаго въ немъ человѣка съ опрокинутой корзиной надъ головой, и вы будете имѣть вѣрное понятіе о сибирской повозкѣ. Наши ноги такъ плотно лежали въ ящикахъ, и мы сами такъ были завалены подушками и тяжелыми мѣхами, что не могли ни выйдти изъ саней, ни повернуться въ нихъ. При этомъ безпомощномъ положеніи, мы были совершенно во власти нашихъ возницъ; если имъ угодно было мчаться съ нами по краю пропасти въ горахъ, все что мы могли сдѣлать, это закрыть глаза и довѣриться волѣ провидѣнія.

Въ продолженіе менѣе чѣмъ трехъ часовъ, мой возница съ помощью четырнадцати бѣшенныхъ собакъ и своей остроконечной палки, семь разъ опрокинулъ мою повозку, тащилъ меня въ такомъ положеніи, пока она не была полна снѣгомъ, и тогда оставлялъ меня въ такомъ видѣ съ ногами въ ящикѣ и лицомъ въ снѣжномъ сугробѣ, а самъ начиналъ курить и спокойно размышлять о неудобствахъ горнаго путешествія и о неустойчивости саней! Я грозилъ ему револьверомъ и клялся всѣми чертями корякской теогоніи, что если онъ еще разъ меня опрокинетъ, я убью его безъ покаянія и внесу плачъ и отчаяніе въ дома всѣхъ его сродниковъ. Но все было безполезно. Онъ не имѣлъ достаточно свѣденій, чтобъ бояться пистолета и не понималъ моихъ угрозъ. Онъ продолжалъ сидѣть, скорчившись на снѣгу, набиралъ въ себя дымъ и смотрѣлъ на меня съ тупымъ удивленіемъ, какъ будто я былъ какой нибудь особенный родъ дикаго звѣря, проявляющій странную способность болтать и махать руками самымъ смѣшнымъ образомъ, безъ всякой видимой причины. Потомъ, когда ему нужно было покрыть льдомъ полозья его саней, что случалось три раза въ часъ, онъ очень равнодушно опрокидывалъ повозку, подпиралъ ее своей остроконечной палкой, а я лежалъ головой внизъ все время, пока онъ натиралъ полозья водой и кускомъ оленьей шкуры. Все это привело меня наконецъ въ отчаяніе, и мнѣ удалось, послѣ долгихъ усилій, высвободиться изъ моего гробообразнаго ящика, и усѣсться рядомъ съ моимъ невозмутимымъ возницей. Тутъ мой незащищенный носъ началъ снова мерзнуть и до самаго Шестакова я все время одной рукой теръ эту злополучную часть моего тѣла, а другой держался за сани, или, въ случаѣ несчастія, выкарабкивался съ помощью обѣихъ рукъ изъ снѣжнаго сугроба.

Единственнымъ утѣшеніемъ послужило мнѣ только печальное положеніе маіора, до котораго довели его глупость и упрямство его возницы. Ему нужно было только приказать ѣхать скорѣе, чтобъ корякъ останавливался и настаивалъ на томъ, чтобъ покурить, когда онъ хотѣлъ курить; корякъ самымъ искуснымъ образомъ опрокидывалъ его въ снѣжный сугробъ; когда онъ хотѣлъ

сойдти пѣшкомъ съ особенно крутой горы, возница кричалъ на собакъ, и тѣ несли его, подобно лавинѣ, до самой подошвы, подвергая опасности его жизнь; когда ему хотѣлось спать, возница самыми безстыдными жестами заставлялъ его выходить изъ саней и идти пѣшкомъ по склону горы, пока наконецъ маіоръ позвалъ Кирилова и велѣлъ ему объяснить коряку, что е и онъ не будетъ слушаться и не выкажетъ лучшихъ намѣреній, его привяжутъ къ санямъ, свезутъ въ Гижигу и предадутъ русскому губернатору для наказанія. На это он обратилъ нѣкоторое вниманіе; но всѣ наши корякскіе проводники выказывали такую дерзость и грубость, какую мы еще никогда не встрѣчали въ Сибири и которая выводила насъ изъ терпѣнія. Маіоръ объявилъ, что когда начнетъ вооружаться наша линія и когда онъ будетъ имѣть на то право, онъ дастъ такой урокъ Каменнымъ корякамъ, который они не скоро забудутъ.

Все послѣ обѣда мы ѣхали по неровной и лишенной всякой растительности мѣстности, лежавшей между обнаженнымъ горнымъ кряжемъ и моремъ, и передъ самыми сумерками добрались до Шестакова, расположеннаго на берегѣ у устья маленькаго лѣснаго потока. Остановившись здѣсь только на нѣсколько минутъ, чтобъ дать отдохнуть нашимъ собакамъ, мы отправились въ другое корякское селеніе, называемое Микина, десять миль западнѣе Шестакова, гдѣ мы и рѣшились переночевать.

Микина была копіей Кеменнаго, только въ меньшемъ видѣ: тѣ же самыя юрты, на подобіе песочныхъ часовъ, тѣ же коническіе балаганы на сваяхъ и тѣже большіе остовы «байдаръ» или морскихъ лодокъ, обтянутые тюленьей кожей, лежали рядами на берегу. Мы влѣзли на лучшую юрту селенія, надъ которой висѣла убитая, выпотрошенная собака съ вѣнкомъ изъ зеленой травы вокругъ шеи, и по трубѣ спустились въ плохую комнату, наполненную до удушенія синеватымъ дымомъ, освѣщенную только слабымъ огнемъ по срединѣ землянаго пола, и пропитанную запахомъ испорченной рыбы и прогорьклаго жира. Вьюшинъ заварилъ котелокъ съ чаемъ надъ огнемъ и черезъ двадцать минутъ мы сидѣли по турецки на возвышенной платформѣ, у одной стѣны юрты,

жуя черствый хлѣбъ и запивая его чаемъ, между тѣмъ какъ около двадцати мужчинъ съ дикими, отвратительными лицами, сидѣли, скрючившись, вокругъ насъ и слѣдили за всѣми нашими движеніями. Осѣдлые коряки Пенжинскаго залива, безъ сомнѣнія, худшее, безобразнѣйшее и состоящее на низшей ступени развитія племя изъ всѣхъ туземцевъ Сѣверовосточной Азіи. Ихъ насчитываютъ не болѣе трехъ или четырехъ сотъ человѣкъ и они живутъ въ пяти отдѣльныхъ селеніяхъ вдоль морскаго берега; но они причинили намъ болѣе непріятностей, чѣмъ всѣ жители Сибири и Камчатки вмѣстѣ взятые. Первоначально они также вели кочевую жизнь, подобно остальнымъ корякамъ; но лишившись своихъ оленей вслѣдствіе какого-то несчастія или эпидеміи, они построили себѣ дома изъ лѣса, выбрасываемаго моремъ на берегъ, поселились въ нихъ и поддерживаютъ теперь свое жалкое существованіе рыбной и тюленьей ловлей и отыскиваньемъ остововъ китовъ, которые были убиты американскими китоловными промышленниками для полученія ворвани и прибиты потомъ моремъ къ берегу. Они имѣютъ жестокій и звѣрскій нравъ, грубы, мстительны, безчестны и вѣроломны. Они не имѣютъ ни одного изъ качествъ кочующихъ коряковъ. Причины такой рѣзкой противуположности между обѣими племенами весьма разнообразны. Во первыхъ Осѣдлые живутъ постоянно въ селеніяхъ, которыя часто посѣщаются русскими купцами, и отъ этихъ купцовъ и русскихъ крестьянъ они получили большую часть пороковъ цивилизованнаго общества, не усвоивъ ни одного изъ его качествъ. Къ этому надо прибавить развращающее вліяніе американскихъ китоловъ, которые познакомили осѣдлыхъ коряковъ съ ромомъ и внесли къ нимъ страшныя болѣзни, которыя еще увеличиваются отъ ихъ образа жизни и ихъ бѣдности. Они заимствовали отъ русскихъ ложь, обманъ и воровство; отъ китолововъ пьянство и распущенность нравовъ. Кромѣ всѣхъ этихъ пороковъ, они уничтожаютъ въ огромномъ количествѣ опьяняющій сибирскій мухоморъ, а этотъ образъ жизни можетъ развратить и низвести каждаго человѣка до самаго низкаго уровня. Образъ жизни кочующихъ коряковъ спасаетъ ихъ отъ всѣхъ этихъ пагубныхъ вліяній. Они проводятъ бо́льшую часть своего времени на открытомъ

воздухѣ, обладаютъ болѣе здоровымъ и правильно развитымъ тѣлосложенiемъ, рѣдко видятъ русскихъ купцовъ и русскую водку, и вообще умѣренны, цѣломудренны и человѣчны. Какъ естественное слѣдствiе такой жизни, они въ нравственномъ, физическомъ и умственномъ отношенiи стоятъ выше осѣдлыхъ туземцевъ, и эти послѣднiе никогда не будутъ въ состоянiи сравниться съ ними. Я питаю искреннее и полное уваженiе ко многимъ кочующимъ корякамъ, которыхъ я имѣлъ случай встрѣтить на обширныхъ сибирскихъ тундрахъ, но ихъ осѣдлые сосѣди самые худшiе образцы людей, которыхъ я когда либо видѣлъ во всей сѣверной Азiи, отъ Берингова пролива до Уральскихъ горъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Путешествiе на собакахъ.—Происшествiе съ оленями. — Гижига. — Исправникъ и его гостепрiимство. — Планы насчетъ телеграфа. — Наша партiя посылаетъ въ Анадырскъ.

23-го ноября рано утромъ мы оставили Микину и отправились снова, по огромной снѣжной равнинѣ, гдѣ не было другой растительности, кромѣ сухой травы и нѣсколькихъ тощихъ кусковъ малорослой сосны.

Съ самаго отъѣзда изъ Лѣсного, я со вниманiемъ изучалъ искуство управлять собаками съ рѣшительнымъ, но невысказываемымъ намѣренiемъ при первомъ благопрiятномъ случаѣ взяться самому за управленiе моей стаи и удивить Додда и туземцевъ моей ловкостью опытнаго «кiура».

Я давно уже замѣтилъ по собственному опыту, что эти невѣжественные коряки цѣнятъ человѣка не столько по превосходству его познанiй надъ ихними, сколько по его умѣнью взяться за ихъ исключительныя занятiя; потому-то я и рѣшился доказать ихъ неразвитымъ умамъ, что сила цивилизацiи всеобъемлюща, и что бѣлый человѣкъ, не смотря на цвѣтъ его кожи, можетъ управлять собаками единственно по соображенiю лучше, чѣмъ они вслѣдствiе накопленнаго вѣками опыта; что въ случаѣ надобности, онъ можетъ дѣйствительно развить правила управленiя собаками изъ глубины своего нравственнаго сознанiя. Я долженъ сознаться, впрочемъ, что самъ не совсѣмъ былъ проникнутъ истинностью моихъ

идей, и потому не пренебрегалъ пользоваться результатами туземной опытности, насколько они соотвѣтствовали моимъ собственнымъ убѣжденіямъ. Я слѣдилъ за каждымъ движеніемъ моего корякскаго спутника, теоретически изучалъ, какъ онъ вонзалъ остроконечную палку въ снѣгъ между полозьями вмѣсто тормаза; мысленно зубрилъ односложныя, горловыя слова, означавшія «направо и налѣво», и многія другія, съ которыми онъ обращался къ собакамъ, и въ глубинѣ души, я льстилъ себя надеждой, что съумѣю управлять не хуже, если не лучше коряка. Моимъ неопытнымъ глазамъ это казалось также легко, какъ раззориться на Калифорнскихъ золотыхъ пріискахъ. Такъ какъ на этотъ разъ дорога была хороша и погода стояла благопріятная, я рѣшился привесть въ исполненіе мое намѣреніе. Согласно съ этимъ, я дѣлалъ знакъ моему корякскому возницѣ сѣсть въ повозку и передать мнѣ знаки своего достоинства. Когда онъ вручилъ мнѣ свою остроконечную палку, я замѣтилъ на его губахъ худо скрытую насмѣшку, свидѣтельствующую о его недовѣріи къ моему искуству; но я принялъ это такъ, какъ человѣку науки слѣдуетъ принимать улыбку невѣждъ, т. е. съ молчаливымъ презрѣніемъ и, усѣвшись верхомъ на санки, я крикнулъ: «ну! пошелъ!» Мой голосъ не произвелъ того устрашающаго дѣйствія, котораго я ожидалъ. Передовая собака, угрюмое, суровое животное, беззаботно оглянулась на меня и очень замѣтно убавила рыси. Это внезапное и очевидное недовѣріе къ моей власти со стороны собакъ подѣйствовало на мою самоувѣренность гораздо болѣе всѣхъ насмѣшекъ коряковъ. Но мои средства не были еще совсѣмъ истощены и я обрушалъ на ихъ головы кучу односложныхъ, двусложныхъ и многосложныхъ восклицаній вродѣ слѣдующихъ: «Ахъ ты шельма, проклятая такая! Смотри! Я тебѣ дамъ!» Но все напрасно; собаки оставались нечувствительными къ такому риторическому фейерверку и доказывали свое равнодушіе къ нему, все болѣе замедляя свой шагъ. Когда я излилъ на нихъ до дна чашу моего гнѣва, Доддъ, понимавшій смыслъ словъ, которыми я такъ злоупотреблялъ, подъѣхалъ ко мнѣ и замѣтилъ небрежно: «Вы божитесь довольно хорошо для начинающаго».

Еслибъ земля разверзлась подъ моими ногами, я не былъ бы такъ пораженъ. «Божусь! Я божусь! Вы вѣроятно не хотите сказать, что я божился?» «Конечно, какъ настоящій пиратъ!» Я въ смущеніи выпустилъ изъ рукъ мою остроконечную палку. Развѣ это было умѣнье управлять собаками, почерпнутое мной изъ глубины моего нравственнаго сознанія?

Оно казалось возникло скорѣе въ глубинѣ моей безнравственной безсознательности.

— Какъ, безсовѣстный богохульникъ, вскричалъ я, не вы ли сами научили меня этимъ словомъ?

— Разумѣется я, отвѣчалъ онъ безстыдно; но вы у меня не спрашивали ихъ смысла; вы спрашивали, какъ ихъ выговаривать правильно, я и сказалъ вамъ. Я полагалъ, что вы дѣлаете только изслѣдованія по сравнительной филологіи, — пытаясь доказать единство человѣческаго рода по сходству клятвъ, или по сравненію богохульствъ доказать законное происхожденіе Индѣйцевъ отъ Китайцевъ. Я знаю, что ваша голова (во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасная) всегда была полна такого вздора.

— Доддъ, возразилъ я съ торжественностью, которая должна была пробудить раскаяніе въ его очерствѣломъ сердцѣ,—я безсознательно былъ введенъ въ грѣхъ, но такъ какъ согрѣшить немножко болѣе или немножко менѣе рѣшительно все равно, то мнѣ очень хочется наградить васъ нѣсколькими подобными эпитетами. Доддъ засмѣялся презрительно и проѣхалъ мимо. Этотъ маленькій случай значительно умѣрилъ мой восторгъ, и я сдѣлался очень остороженъ въ употребленіи иностранныхъ языковъ. Я опасался существованія какихъ нибудь страшныхъ ругательствъ въ самой простой рѣчи и подозрѣвалъ богохульство даже въ односложныхъ восклицаніяхъ «Рэта» и «Хугъ», которыя означали, какъ мнѣ объяснили, «направо» и «налѣво». Собаки, пользующіяся малѣйшимъ невниманіемъ своего руководителя, были очень довольны моимъ молчаніемъ и высказали необыкновенную склонность останавливаться и отдыхать, что совершенно противорѣчило дисциплинѣ и на что онѣ не осмѣлились бы съ болѣе опытнымъ руководителемъ. Рѣшившись доказать имъ мою власть болѣе ощути-

тельными мѣрами, я пустилъ моей остроконечной палкой какъ багромъ, въ передовую собаку, разсчитывая поднять ее когда сани будутъ проѣзжать мимо. Но собака ловко увернулась и палка отлетѣла на десять футовъ отъ дороги. Въ эту самую минуту, три или четыре дикихъ оленя выскочили изъ за маленькаго возвышенія въ двухъ или трехъ стахъ аршинахъ отъ насъ и понеслись по степи къ глубокому крутому оврагу, на днѣ котораго протекалъ притокъ рѣки Микины. Собаки, вѣрныя своему волчьему инстинкту, разгорячились, погнались за ними съ громкимъ лаемъ. Я хотѣлъ въ отчаяніи схватить мою остроконечную палку, пока мы неслись мимо нея, но не успѣлъ, и мы понеслись по тундрѣ къ оврагу; сани большую часть времени лежали на боку и такъ подпрыгивали на жесткихъ застругахъ или снѣжныхъ сугробахъ, что грозили совершенно разрушиться. Корякъ съ удивительной догадливостью скатился съ саней за нѣсколько секундъ передъ этимъ и, оглянувшись назадъ, я увидалъ странную фигуру, катящуюся вслѣдъ за мной по снѣгу. Видя передъ собой неминуемую гибель, мнѣ некогда было обращать вниманіе на его положеніе. Всѣ мои усилія были обращены на то, чтобъ умѣрить ту страшную быстроту, съ которой мы приближались къ оврагу. Безъ остроконечной палки я былъ совсѣмъ безпомощенъ и черезъ минуту мы были на краю пропасти. Я закрылъ глаза, крѣпко схватился за дугу полозьевъ и мы помчались внизъ. Почти на полдороги спускъ дѣлался круче и передовая собака бросилась въ сторону, опрокинувъ сани и отбросивъ меня, подобно огромному, живому метеору, въ глубокій, мягкій снѣжный сугробъ на дно оврага. Я упалъ съ вышины по крайней мѣрѣ восемнадцати футовъ, потому что я весь погрузился въ сугробъ, за исключеніемъ моихъ крайнихъ оконечностей, которыя выглядывали изъ снѣга, какъ будто прося о помощи. Закутанный въ тяжелые мѣха, я съ трудомъ могъ выбраться наружу, и когда удалось наконецъ снова выглянуть на свѣтъ, я увидалъ круглое лицо моего возницы, которое, широко улыбаясь, глядѣло на меня черезъ кусты съ края скалы.

— Ума! закричалъ онъ.

— Что? отвѣчала снѣжная фигура, стоящая по поясъ въ сугробѣ.

— У американцевъ нѣтъ добрыхъ кіуровъ, а?

— Совсѣмъ нѣтъ добрыхъ, былъ мой печальный отвѣтъ, когда я выбрался изъ оврага. Сани оказались въ кустахъ возлѣ меня, зацѣпившись за сучья, а собаки выли въ одинъ голосъ, доведенныя почти до бѣшенства остановкой. Я былъ на столько доволенъ моимъ опытомъ, что не желалъ повторить его снова и не возражалъ ничего, когда корякъ занялъ снова свое первоначальное мѣсто. Логика событій вполнѣ убѣдила меня, что искусство управлять собаками требуетъ болѣе внимательнаго и серьезнаго изученія, чѣмъ я думалъ до сихъ поръ, и рѣшился старательно усвоить ея элементарныя правила отъ корякскихъ профессоровъ, прежде чѣмъ вторично попробовать приложить мои идеи къ практикѣ.

Когда мы снова выбрались изъ оврага на открытую степь, я увидалъ, что вся наша партія опередила насъ на цѣлую милю, быстро приближаясь къ корякскому селенію Кусель. Мы миновали Кусель поздно за полдень и расположились на ночь въ рощѣ изъ березъ, тополей и осинъ, на берегу рѣки Парены. Мы были теперь на разстояніи только семидесяти миль отъ Гижиги. На слѣдующую ночь мы достигли небольшой бревенчатой юрты у одного изъ притоковъ рѣки Гижиги, построенной здѣсь правительствомъ для пріюта путешественниковъ, и въ пятницу утромъ, 25 ноября, около одиннадцати часовъ, увидали красныя колокольни русскаго города Гижиги или Гижигинска. Кто не путешествовалъ впродолженіе трехъ долгихъ мѣсяцевъ по плоской дикой странѣ, какъ Камчатка, не располагался лагеремъ среди пустынныхъ горъ въ бурныя ночи, не спалъ впродолженіе трехъ недѣль въ дымныхъ палаткахъ и еще болѣе дымныхъ и грязныхъ юртахъ коряковъ и не жилъ совершенно дикой и варварской жизнью—кто не испыталъ всего этого, тотъ не можетъ понять съ какимъ радостнымъ сердцемъ мы привѣтствовали эти красныя колокольни и цивилизацію, признакомъ которой онѣ служили. Впродолженіе почти мѣсяца, мы спали каждую ночь на голой землѣ или на

снѣгѣ; не видали ни стула, ни стола, ни кровати, ни зеркала; не раздѣвались ни ночью, ни днемъ и умывались не болѣе одного раза въ недѣлю! Мы были покрыты грязью и копотью отъ пролѣзанія въ корякскія трубы; наши волосы висѣли нечесанными прядями за ушами; кожа лупилась на отмороженныхъ носахъ и скулахъ: наше платье и панталоны были покрыты сѣрыми оленьими волосами нашихъ куклянокъ; и вообще мы имѣли самый неряшливый и дикій видъ, какой можно себѣ только представить. Мы впрочемъ не успѣли даже осмотрѣться хорошенько, наши собаки бѣшенымъ галопомъ неслись по городу съ громкимъ воемъ возбудившимъ отвѣтный вой двухъ или трехъ сотъ другихъ собакъ; возницы наши кричали: «Кхта! кхта! гухъ! гухъ!» и поднимали своими остроконечными палками цѣлыя облака снѣга по улицамъ; все поселеніе выбѣжало къ воротамъ, чтобъ удостовѣриться въ причинѣ этого адскаго шума. Наши пятнадцать саней, одни за другими, мчались по городу и остановились наконецъ передъ большимъ удобнымъ домомъ, съ двойными рамами въ окнахъ, который былъ приготовленъ, по словамъ Кириллова, для нашего принятія. Едва только мы успѣли взойти въ большую чистую комнату и сбросить наши тяжелыя замерзшія одежды, какъ взошелъ живой, бодрый господинъ съ густыми каштановыми усами и свѣтлыми, коротко остриженными волосами, одѣтый въ платье изъ толстаго сукна и безъукоризненную полотняную рубашку, съ перстнями на пальцахъ, съ толстой цѣпочкой на жилетѣ и тростью въ рукахъ. Мы узнали въ немъ тотчасъ же здѣшняго исправника. Доддъ и я хотѣли сначала скрыться изъ комнаты, но было уже поздно, и поздоровавшись съ нашимъ хозяиномъ, мы довольно неловко усѣлись на стулья, завернули наши закоптѣлыя руки въ красные и желтые бумажные платки и, живо сознавая грязь на нашихъ лицахъ и вообще нашу непривлекательную наружность, мы старались принять видъ, достойный участниковъ великой экспедиціи Россійско-американскаго телеграфа. Но мы терпѣли жалкую неудачу, потому что, не смотря на всѣ наши старанія, мы не походили ни на что другое, какъ на кочующихъ коряковъ въ бѣдственномъ положеніи. Исправникъ, впрочемъ, не замѣтилъ, ка-

жется, ничего особеннаго въ нашей наружности и осыпалъ насъ градомъ быстрыхъ нервическихъ вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: «Когда вы оставили Петропавловскъ? Прямо ли вы изъ Америки? Я послалъ казака. Встрѣтили вы его? Какъ вы переѣхали тундры,— съ коряками? Ахъ, эти проклятые коряки! Нѣтъ ли извѣстій изъ Петербурга? Вы должны сегодня прійдти обѣдать ко мнѣ. Долго ли останетесь вы въ городѣ? Вы можете отправиться въ баню сейчасъ же послѣ обѣда. Эй! люди! (громко и повелительно). Подите, скажите Ивану поскорѣе истопить баню! Ахъ! чортъ ихъ возьми»! Безпокойный маленькій человѣкъ замолчалъ наконецъ въ полномъ истощеніи, и началъ нервно шагать по комнатѣ. Маіоръ разсказывалъ наши похожденія, сообщалъ новѣйшія вѣсти изъ Россіи, объяснялъ наши планы, цѣль нашей экспедиціи, говорилъ ему объ убіеніи Линкольна, объ окончаніи возмущенія, о послѣднихъ событіяхъ французскаго вторженія въ Мексику, о слухахъ объ императорскомъ дворѣ и вообще о разныхъ происшествіяхъ, которыя намъ были извѣстны уже полгода тому назадъ, но о которыхъ бѣдный исправникъ не слыхалъ ни слова въ своемъ изгнаніи. Онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій изъ Россіи почти одиннадцать мѣсяцевъ. Взявъ съ насъ вторично слово, что мы сейчасъ же придемъ къ нему обѣдать, онъ вышелъ изъ комнаты и далъ намъ возможность приступить къ умыванью и одѣванью.

Два часа спустя, во всемъ блескѣ нашихъ синихъ мундировъ и мѣдныхъ пуговицъ, съ выбритыми лицами, въ накрахмаленномъ бѣльѣ и лакированныхъ сапогахъ, «Первая Сибирская Партія Изслѣдователей» отправилась на обѣдъ къ исправнику. Русскіе крестьяне, которыхъ мы встрѣчали, инстинктивно снимали свои обледенѣлыя мѣховыя шапки и смотрѣли на насъ съ изумленіемъ, проходя мимо, какъ будто мы чудесно упали на землю изъ небеснаго пространства. Никто не узналъ бы въ насъ грязныхъ, закоптѣлыхъ, оборванныхъ бродягъ, которые въѣхали два часа тому назадъ. Куколки развернулись въ голубыя съ золотомъ бабочки! Мы нашли исправника, ожидающаго насъ въ свѣтлой просторной комнатѣ, убранной со всей роскошью цивилизаціи. Стѣны были оклеены обоями и украшены дорогими картинами и

литографіями; на окнахъ висѣли занавѣски, полъ былъ покрытъ мягкимъ ковромъ съ яркими цвѣтами; большой письменный столъ орѣховаго дерева занималъ одинъ уголъ комнаты, и по срединѣ стоялъ обѣденный столъ, покрытый чистой скатертью и уставленный китайскимъ фарфоромъ и серебромъ. Мы были пріятно поражены при видѣ такого необычнаго и неожиданнаго великолѣпія. Послѣ неизбѣжной рюмки водки и закуски, состоящей изъ копченой рыбы, ржанаго хлѣба и икры, предшествующихъ каждому русскому обѣду, мы заняли наши мѣста вокругъ стола и провели полтора часа за щами, кулебякой съ семгой, котлетами, дичью, маленькими пирожками съ говядиной, пуддингомъ и пирожнымъ, которое послѣдовательно ставились передъ нами, разсуждая вмѣстѣ съ этимъ о всевозможныхъ предметахъ, отъ бревенчатыхъ селеній Камчатки и до императорскихъ дворцовъ Москвы и Петербурга. Потомъ нашъ хозяинъ велѣлъ подать шампанскаго и, сидя передъ прозрачными высокими бокалами холоднаго, шипучаго клико, мы размышляли о случайностяхъ сибирской жизни. Вчера еще мы сидѣли на голой землѣ въ корякской палаткѣ и ѣли пальцами оленину изъ деревяннаго корыта, а сегодня мы обѣдаемъ у русскаго исправника, въ роскошномъ домѣ, и наслаждаемся котлетами, пуддингомъ и шампанскимъ. Исключая нашей замѣтной, но подавляемой склонности поджать ноги и сѣсть на полъ, мнѣ кажется, въ нашемъ обращеніи не было ничего изобличающаго дикую, свободную жизнь, которой мы такъ недавно жили. Мы владѣли ножами и вилками и глотали наше кушанье съ граціей, которая возбудила бы зависть самого лорда Честерфильда. Но все это утомляло насъ. Лишь только мы возвратились на нашу квартиру, какъ сейчасъ же сбросили наши мундиры, разостлали медвѣжьи шкуры на полу и усѣлись на нихъ, поджавши ноги, чтобъ покурить и по старому насладиться свободой. Еслибъ наши лица были немного погрязнѣе, мы были бы совершенно счастливы! Слѣдующіе десять дней нашей жизни въ Гижиги были проведены сравнительно въ праздности. Мы гуляли немного, когда не было очень холодно, принимали формальные визиты мѣстныхъ русскихъ купцовъ, посѣщали исправника, по вечерамъ пили его восхитительный цвѣточный

чай и курили его папиросы, и вознаграждали себя за три мѣсяца утомительной жизни, наслаждаясь въ избыткѣ всѣми удовольствіями, которыя могъ намъ представить этотъ маленькій городокъ. Но эта пріятная безцѣльная жизнь была вскорѣ нарушена приказаніемъ маіора готовиться къ зимнему путешествію, чтобъ при первомъ распоряженіи отправиться къ полярному кругу или на западный берегъ Охотскаго моря. Онъ рѣшился изслѣдовать путь для нашей предположенной линіи отъ Берингова пролива до Амура прежде открытія весны,—а слѣдовательно нечего было терять времени. Свѣденія, которыя мы могли собрать въ Гижигѣ относительно внутренности страны, были скудны, неопредѣленны и неудовлетворительны. По словамъ туземцевъ, между охотскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ было всего два населенія и ближайшее изъ нихъ, Пенжина, находилось на разстояніи четырехсотъ верстъ. Почва состояла изъ огромныхъ тундръ, непроходимыхъ лѣтомъ и совершенно безлѣсныхъ; страна, лежащая на сѣверовостокъ отъ послѣдняго населенія, была необитаема отъ недостатка въ ней лѣса. Одинъ русскій чиновникъ, по имени Филипеусъ, пытался изслѣдовать ее зимою 1860 года, но возратился безуспѣшно въ самомъ жалкомъ видѣ съ извѣстіемъ, что на пространствѣ 800 верстъ, между Гижигой и устьемъ Анадыра, въ черырехъ или пяти мѣстахъ, только можно было найти довольно большія деревья для телеграфическихъ столбовъ, и что кромѣ того, мы могли встрѣтить на пути только изрѣдка мѣстечки, поросшія малорослой сосной. Отъ Гижиги до послѣдняго поселенія Анадырска у полярнаго круга, должно было быть ѣзды отъ двадцати до тридцати дней, смотря по погодѣ, и далѣе этого не было никакой возможности продолжать путь. Мѣстность на западѣ отъ Гижичи, вдоль берега Охотскаго моря, была, по общему отзыву лучше, но сурова, гориста и густо поросла сосной и лиственницей. До Охотска, отстоящаго отсюда на восемьсотъ верстъ, можно было доѣхать на собакахъ черезъ мѣсяцъ. Это были въ немногихъ словахъ всѣ свѣденія, которыя мы могли собрать, и онѣ не внушили намъ большаго довѣрія къ успѣшному окончанію нашего предпріятія. Я въ первый разъ только сообразилъ громадность труда, предпринятаго компаніей Россійско-Аме-

риканскаго Телеграфа. Но взявшись разъ за него, нашей первой обязанностью теперь было добросовѣстно изслѣдовать страну, собрать вѣрныя свѣденія объ ея объемѣ и свойствѣ почвы, и избрать легчайшій способъ для сооруженія нашей линіи. Русскія поселенія, Охотскъ и Гижига, раздѣляли страну между Беринговымъ проливомъ и рѣкою Амуромъ на три почти равныя части, изъ которыхъ двѣ были гористы и лѣсисты, а одна сравнительно низменна и почти безлюдна. Первая изъ этихъ частей, между Амуромъ и Охотскомъ, была поручена Мегуду и Бёшу, и мы предполагали, что они уже приступили къ ея изслѣдованію. Остальныя двѣ части, заключающія въ себѣ все пространство, между Охотскомъ и Беринговымъ проливомъ, должны были быть раздѣлены между маіоромъ, Доддомъ и мною. Имѣя въ виду пустынность необитаемой территоріи на западъ отъ Берингова пролива, мы рѣшались оставить ее неизслѣдованной до весны, а можетъ быть и до слѣдующаго года. Мы не получили обѣщаннаго содѣйствія партіи Анадырской рѣки и, за недостаткомъ людей, маіоръ не находилъ возможности предпринять изслѣдованіе страны, представляющей такія большія препятствія для зимняго путешествія. Разстояніе, которое мы должны были пройдти, простиралось такимъ образомъ на тысячу четыреста верстъ отъ Охотска до Анадырска, почти у самаго полярнаго круга. Послѣ нѣкоторыхъ преній, маіоръ рѣшился послать Додда и меня съ партіей туземцевъ, въ Анадырскъ, а самому отравиться на собакахъ къ Охотску, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить Мегуда и Беша. Такимъ образомъ мы надѣялись, въ теченіе пяти мѣсяцевъ довольно вѣрно обозрѣть весь путь предполагаемой линіи. Съѣстные запасы, привезенные нами изъ Петропавловска, были всѣ уничтожены, за исключеніемъ небольшаго количества чая, сахара и нѣсколькихъ кадочекъ соленаго мяса, въ Гижигѣ мы получили два или три пуда ржанаго хлѣба, четыре или пять мерзлыхъ оленей, соли и огромное количество «юколы» или сушеной рыбы. Въ этомъ, вмѣстѣ съ чаемъ и сахаромъ и нѣсколькими брусками мороженнаго молока, заключались всѣ наши съѣстные припасы. Мы запаслись также шестью или восьмью пудами черкескаго табака въ листьяхъ, для расплаты

съ туземцами вмѣсто денегъ; раздѣлили поровну нашъ маленькій запасъ бусъ, трубокъ, костей и другихъ предметовъ торговли, купили новыя, полныя мѣховыя одежды и приготовились къ трехъ или четырехъмѣсячной кочевой жизни въ сѣверномъ климатѣ. Русскій исправникъ приказалъ шести казакамъ перевезти Додда и меня на собакахъ, въ корякское селеніе Шестаково и послать сказать въ Пенжину, черезъ возвращающихся въ Анадырскъ людей, чтобъ намъ были готовы три или четыре человѣка съ собаками къ 20-му декабрю, для доставленія насъ изъ Пенжины въ Анадырскъ. Мы пригласили стараго и опытнаго казака Григорія Завовьева быть нашимъ проводникомъ у чукчей, наняли молодого русскаго, по имени Егора, въ повара и адъютанты, уложили наши вещи въ сани, увязали ихъ ремнями изъ тюленьей кожи, и 13-го декабря были совсѣмъ готовы отправиться въ путь. Вечеромъ мы получили наши инструкціи отъ маіора. Они заключались въ томъ, чтобъ слѣдовать по прямому пути въ Анадырскъ, черезъ Шестаково и Пенжину, удостовѣряться въ удобствахъ почвы, въ возможности достать строевой лѣсъ, для сооруженія телеграфной линіи, и нанять туземцевъ для приготовленія столбовъ въ Пенжинѣ и Анадырскѣ, и изслѣдовать, гдѣ возможно, близъ лежащія мѣстности, для отысканія мѣстныхъ рѣкъ по сосѣдству Пенжинскаго залива и Берингова моря. Поздней весною мы должны были возвратиться въ Гижигу со всѣми свѣденіями, которыя намъ удастся собрать о странѣ между этимъ пунктомъ и полярнымъ кругомъ. Маіоръ самъ долженъ былъ остаться въ Гижигѣ, приблизительно до 17-го декабря, и потомъ отправиться на собакахъ съ Вьюшинымъ и маленькой партіей казаковъ въ Охотскъ. Если онъ соединится въ этомъ городѣ съ Мегудомъ и Бешомъ, онъ тотчасъ же поѣдетъ обратно и встрѣтитъ насъ въ Гижигѣ къ 1-му Апрѣлю 1866 г.

ДЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Путешестіе по полярнымъ странамъ зимою. — Мальмовка. — Ночныя картины. — Шестаково.

Утро 13-го декабря было ясное, холодное и тихое, термометръ показывалъ 31° ниже нуля; но такъ какъ солнце выходило только въ половинѣ десятаго, то мы не ранѣе полудня успѣли собрать нашихъ проводниковъ съ собаками. Наша маленькая партія, состоящая изъ десяти человѣкъ, представляла совсѣмъ новый и живописный видъ, въ пестро вышитыхъ мѣховыхъ одеждахъ, красныхъ кушакахъ и лисьихъ капорахъ, когда она собралась во всемъ своемъ составѣ передъ нашимъ домомъ, чтобъ проститься съ исправникомъ и маіоромъ. Восемь тяжело нагруженныхъ саней стояли въ рядъ у крыльца и около сотни собакъ бѣшено рвались въ своихъ сбруяхъ и оглушительно лаяли отъ нетерпѣнія, когда мы вышли изъ комнаты на тихій, морозный воздухъ. Мы простились со всѣми и, послѣ сердечнаго воскицанія маіора: «Богъ съ вами, ребята!» изчезли въ облакахъ снѣга, рѣзавшаго намъ лицо. Сѣдой старикъ Падеринъ, начальникъ Гижигинскихъ казаковъ, съ заиндивѣвшей бородой, стоялъ на крыльцѣ своего маленькаго, краснаго бревенчатаго домика, когда мы проѣзжали мимо, и махалъ намъ мѣховой шапкой въ знакъ послѣднаго прощанія, пока мы не выѣхали на большую ровную степь за городомъ.

Было ровно двѣнадцать часовъ; но солнце, не смотря на это, стояло все еще низко на южномъ горизонтѣ, въ видѣ краснаго огненнаго шара, и странный сѣрый полусвѣтъ былъ разлитъ надъ бѣлымъ снѣжнымъ пейзажемъ. Мнѣ все казалось, что солнце только что всходило и что скоро будетъ совершенно свѣтло. Какая-то бѣлая птица по временамъ пролетала мимо насъ, шумно махая крыльями, издавала рѣзкій, испуганный кверкъ, кверкъ, кверкъ и, отлетѣвъ на нѣсколько саженъ, усаживалась гдѣ нибудь на снѣгѣ и вскорѣ исчезала изъ виду. Нѣсколько сорокъ сидѣли неподвижно въ сосновыхъ кустахъ, когда мы проѣзжали мимо, и казалось совсѣмъ замерзли отъ страшнаго холода. Далекія очертанія синѣющейся полосы лѣса вдоль рѣки Гижиги колебались и дрожали, какъ будто сквозь паръ, а бѣлыя горы, какъ привидѣнія, на тридцать миль южнѣе насъ, отражались въ воздухѣ тысячами фантастическихъ формъ, которыя незамѣтно сливались и переходили однѣ въ другія, подобно ряду туманныхъ картинъ. Во всякой чертѣ этого пейзажа было что то странное, причудливое, полярное. Красное солнце медленно катилось по южному горизонту, пока не остановилось, какъ кажется, надъ бѣлой, снѣжной вершиной, далеко, на юго западѣ и потомъ, пока мы все еще ожидали дня, внезапно исчезло и пасмурный полусвѣтъ постепенно перешелъ въ мракъ. Только три часа прошло послѣ восхода солнца, а уже звѣзды первой величины были ясно видимы на небѣ.

Мы остановились на ночь въ домѣ русскаго крестьянина, живущаго на берегу Гижиги, пятнадцать верстъ восточнѣе поселенія. Пока мы пили чай, нарочный пріѣхалъ изъ города и привезъ намъ два замороженныхъ пирога съ брусникой, какъ прощальный знакъ вниманія со стороны маіора и послѣднее воспоминаніе о цивилизаціи. Изъ опасенія, чтобъ что нибудь не случилось съ этими лакомствами, если мы попытаемся взять ихъ собою, Доддъ, въ видѣ предостерегательной мѣры, съѣлъ одинъ изъ нихъ до послѣдней ягодки; не желая, чтобъ онъ изъ самопожертвованія, въ виду исполненія невѣрно понимаемой обязанности, съѣлъ и другой пирогъ, я позаботился самъ о его сохраненіи и на всегда застраховалъ его отъ всякой непріятной случайности.

На слѣдующій день мы достигли маленькой бревенчатой юрты на Мальмовкѣ, гдѣ мы уже ночевали дорогой въ Гижигу; такъ

какъ холодъ былъ все еще очень силенъ, то мы были рады пріютиться въ ней и посидѣть вокругъ яркаго огня, разведеннаго Егоромъ на какомъ то глиняномъ жертвенникѣ посреди комнаты. На грубомъ, досчатомъ полу не было мѣста для всей нашей партіи и потому наши люди зажгли большой костеръ на дворѣ, повѣсили надъ нимъ свой чайный котелокъ, оттаяли свои замерзшія бороды, начали ѣсть сушеную рыбу, пѣть удалыя русскія пѣсни и были такъ веселы, что мы готовы были оставить нашъ пріютъ, чтобъ на дворѣ принять участіе въ ихъ забавахъ и шумномъ весельѣ. Термометры показывали впрочемъ 35° ниже нуля, и мы отваживались выйдти наружу только тогда, когда особенно громкій взрывъ смѣха извѣщалъ насъ о какой нибудь удивительной сибирской шуткѣ, которую стоило послушать. Воздухъ казался именно достаточно холоднымъ, чтобъ произвести возбуждающее дѣйствіе на нашихъ веселыхъ казаковъ, но для непривычной американской организаціи онъ былъ слишкомъ суровъ. Согрѣвшись впрочемъ у яркаго очага и напившись вдоволь горячаго чая, юрта намъ показалась очень уютной, и длинный вечеръ прошелъ незамѣтно въ пѣніи американскихъ пѣсенъ, въ куреніи черкесскаго табака съ сосновой корой, въ разсказываньѣ исторій и въ подшучиваньѣ надъ добродушнымъ, но простоватымъ Мироновымъ.

Было уже довольно поздно, когда мы наконецъ забрались въ наши мѣховые мѣшки, чтобъ спать; но долго еще потомъ мы продолжали прислушиваться къ пѣснямъ, шуткамъ и смѣху нашихъ проводниковъ, пока они сидѣли вокругъ бивачнаго огня и разсказывали забавныя приключенія изъ своихъ путешествій по Сибири.

На слѣдующее утро мы встали за долго до разсвѣта и послѣ завтрака, на скорую руку, состоявшаго изъ чернаго хлѣба, сушеной рыбы и чая, мы запрягли нашихъ собакъ, облили полозья саней водою изъ котла, чтобъ они покрылись ледяной корою, уложили наши походныя вещи и, оставивъ юрту, поѣхали по огромной снѣжной Сахарѣ, лежащей между рѣкой Мальмовкой и Пенжинскимъ заливомъ. Мѣстность эта была настоящей пустыней. Обширная, ровная степь, безграничная и утомительная для взора, какъ океанъ, простиралась кругомъ во всѣ стороны до самаго

горизонта, безъ малѣйшаго деревца или кустарника, которые разнообразили бы эту бѣлую снѣжную поверхность. Нигдѣ не видно было слѣда животной или растительной жизни, ничего, что напоминало бы лѣто, или цвѣты, или теплое солнце, чтобъ оживить это пустынное пространство. Бѣлый, холодный и молчаливый, лежалъ передъ нами этотъ снѣжный океанъ, слабо освѣщаемый съ восточной стороны луною, которая была уже на ущербѣ, и зловѣщими голубыми лучами сѣвернаго сіянія, то исчезающими, то снова появляющимися на полярномъ горизонтѣ. Даже когда солнце всходило огромнымъ, огненнымъ шаромъ въ морозномъ туманѣ на югѣ, оно, казалось, не вдыхало ни теплоты, ни жизни въ мрачный, зимній пейзажъ. Оно поглощало только своимъ густымъ краснымъ свѣтомъ голубые дрожащіе лучи сѣвернаго сіянія, между тѣмъ какъ бѣловатый свѣтъ мѣсяца и звѣздъ, окрашивая снѣгъ бѣлыми тѣнями, напоминающими солнечный закатъ, представлялъ глазамъ нашимъ на сѣверо-западѣ какой-то чудный миражъ, который насмѣшливо дразнилъ насъ знакомыми картинами. Жезлъ полуночнаго чародѣя, казалось, коснулся до пустынной снѣжной степи, и она превращалась внезапно въ голубое, тропическое озеро, на далекомъ берегѣ котораго поднимались стѣны, куполы и стройные минареты большого восточнаго города. Массы роскошной зелени, казалось, наклонялись надъ прозрачной, голубой водой и отражались въ ея глубинѣ, между тѣмъ какъ высокія стѣны только что окрашивались первыми лучами восходящаго солнца. Обманъ не могъ быть полнѣе и совершеннѣе. Вы невольно оглядывались вокругъ себя, чтобъ убѣдиться, ощущая вокругъ знакомые предметы, что это не сонъ; но когда вы снова обращали взоры на сѣверо-западъ къ темноголубому озеру, дрожащія очертанія миража вставали опять передъ вами во всей неземной красотѣ и, увѣнчанныя облаками башни и пышные дворцы, своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ, казалось, отвергали всякое сомнѣніе, которое могло бы приписать ихъ сну. Лучезарное явленіе блѣднѣло, снова оживало, и наконецъ изчезло совсѣмъ и изъ его развалинъ поднялись два колосальные столба, высѣченные изъ розоваго кварца, верхушки которыхъ постоянно сближались и образовали наконецъ гигантскую

арку, подобно огромному входу въ небо. Эта, въ свою очередь, преобразилась въ обширную крѣпость, съ масивными бастіонами и подпорами, боковыми башнями и глубокими бойницами и выдающимися и вдающимися углами, съ самыми естественными оттѣнками и перспективой. Эти обманчивые миражи образовывались не только въ отдаленіи. Воронъ, стоявшій на снѣгѣ на разстояніи не болѣе двухъсотъ аршинъ, принималъ такіе увеличенные и уродливые размѣры, что былъ неузнаваемъ; и однажды, отставъ немного отъ остальной партіи, я былъ пораженъ, увидя длинный рядъ саней, двигающійся быстро въ воздухѣ на высотѣ восьми или десяти футовъ отъ земли. Призрачные сани были въ обратномъ положеніи и призрачныя собаки бѣжали вверхъ ногами; но ихъ очертанія были также ясны, какъ очертанія настоящихъ саней и собакъ внизу. Это любопытное явленіе продолжалось только съ минуту, за нимъ послѣдовали другія, столь же удивительныя, пока наконецъ мы совсѣмъ перестали довѣрять своимъ глазамъ, и вѣрили только тому, что могли осязать. Каждый пустынный бугорокъ, каждый темный предметъ на снѣгѣ становился ядромъ, вокругъ котораго образовывались самые обманчивые образы, и два или три раза мы хватались за наши карабины, чтобъ преслѣдовать волковъ и черныхъ лисицъ, которые при ближайшемъ изслѣдованіи оказывались простыми воронами. Я никогда прежде не думалъ, что свѣтъ и воздухъ такъ благопріятствовали переломленію лучей, и никогда такъ не ошибался относительно величины, формы и разстоянія предметовъ на снѣгѣ.

Термометръ въ полдень показывалъ 35°, а послѣ солнечнаго заката 38°, и все еще понижался. Мы не встрѣчали лѣса съ самой юрты у рѣки Мальмовки, и, не отваживаясь остановиться безъ огня, мы ѣхали еще впродолженіе пяти часовъ послѣ наступленія ночи, руководясь только звѣздами и блескомъ сѣвернаго сіянія. Отъ сильнаго холода, сосульки льда образовывались на всемъ, до чего касалось наше дыханіе. Бороды походили на перепутанныя нити желѣзной проволоки; рѣсницы превратились въ ледяную бахрому и вѣки примерзали другъ къ другу, когда мы мигали, а собаки наши, обернутыя въ густое облако пара, походили на

полярныхъ волковъ. Мы должны были часто бѣжать возлѣ саней, чтобъ сохранить какую нибудь чувствительность въ погахъ. Около восьми часовъ нѣсколько деревьевъ зачернѣли на восточномъ горизонтѣ и радостный крикъ съ передовыхъ саней извѣстилъ насъ о близости лѣса. Мы достигли до небольшаго потока, называемаго Узинова, въ семидесятипяти верстахъ восточнѣе Гижиги, который протекалъ по самой серединѣ степи. Мы пріѣхали будто на островъ, послѣ долгаго плаванія по морю. Наши собаки остановились и свернулись клубками на снѣгу, какъ будто сознавая, что ихъ долгое дневное путешествіе было окончено, между тѣмъ какъ наши проводники начали быстро и систематично сооружать лагерь по сибирскому способу. Трое саней были сдвинуты вмѣстѣ, такъ чтобъ составить съ трехъ сторонъ изгородь, имѣющую около десяти футовъ въ квадратѣ; весь снѣгъ былъ выгребенъ изнутри, изъ него сдѣланъ валъ вокругъ трехъ загороженныхъ сторонъ, какъ у крѣпости, и большой огонь, изъ сосновыхъ сучьевъ, разведенъ у четвертой, отрытой стороны. Дно этого маленькаго снѣжнаго погреба усыпали слоемъ ивовыхъ и ольховыхъ вѣтокъ на три или четыре дюйма толщины, разостлали сверху мохнатыя, медвѣжьи шкуры, въ видѣ теплаго, мягкаго ковра, и приготовили намъ мѣховые мѣшки на ночь. Егоръ вскорѣ поставилъ на маленькій столъ, устроенный изъ свѣчнаго ящика, двѣ чашки дымящагося, горячаго чая и двѣ сушеныя рыбы. Тогда, растянувшись съ наслажденіемъ на медвѣжьихъ коврахъ, протянувъ ноги къ огню и прислонясь къ подушкамъ, мы начали курить, пить чай, разсказывать комфортабельно разныя происшествія. Послѣ ужина, наши проводники набросали цѣлую кучу сухихъ сосновыхъ сучьевъ на костеръ, пока пламя не поднялось краснымъ столбомъ на десять футовъ въ вышину, и, собравшись живописной группой вокругъ огня, они, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, пѣли свои дикія, заунывныя, камчатскія пѣсни и разсказывали безконечныя исторіи объ опасностяхъ и приключеніяхъ, случившихся на обширныхъ степяхъ и у береговъ Ледовитаго моря. Наконецъ яркое созвѣздіе Оріона указало намъ время ложиться спать. Съ ворчаньемъ и дракой собаки получили каждая свою двойную порцію, состоящую изъ

одной сушеной рыбы, мы сняли наши отсырѣвшіе мѣховые чулки и повѣсили ихъ сушить у огня, и, надѣвъ самыя толстыя кухлянки, всунули сначала ноги въ мѣшки изъ медвѣжьей шкуры, потомъ завернулись въ нихъ съ головами и заснули.

Лагерь среди ясной, зимней ночи, представляетъ странный, дикій видъ. Я проснулся вскорѣ послѣ полуночи, почувствовавъ, что ноги мои озябли, и приподнявшись на локтяхъ, высунулъ голову изъ мѣхового мѣшка, чтобъ освѣдомиться о времени по звѣздамъ. Костеръ превратился въ красную кучу тлѣющихся угольевъ. Было достаточно свѣтло, чтобъ различить темныя очертанія нагруженныхъ саней, людей нашихъ, одѣтыхъ въ шкуры и лежащихъ группами у огня, и промерзшихъ собакъ, свернувшихся сотней маленькихъ клубочковъ на снѣгѣ. За границей лагеря простиралась пустынная степь, рядомъ длинныхъ, снѣжныхъ валовъ, которые постепенно сливались въ одинъ огромный, бѣлый океанъ, и терялись въ отдаленіи и ночной темнотѣ. Высоко надъ головами, на черномъ почти небѣ, сіяли яркія созвѣздія Оріона и Плеядъ, эти небесные часы, показывающіе долгое, утомительное время между закатомъ и восходомъ солнца. Голубоватые, таинственные лучи сѣвернаго сіянія мерцали на сѣверѣ, то доставая своими лучезарными полосами до зенита, то колеблясь величественными дугами надъ нашимъ тихимъ лагеремъ, какъ бы предостерегая отважнаго путешественника противъ невѣдомыхъ, полярныхъ странъ. Молчаніе кругомъ было подавляющее, глубокое. Только біеніе нерва въ моихъ ушахъ и тяжелое дыханіе людей, спящихъ у моихъ ногъ, нарушали всеобщее безмолвіе. Внезапно, среди тихаго, ночнаго воздуха, раздался долгій, слабый, жалобный крикъ, похожій на вопль человѣческаго существа, находящагося при послѣдней степени страданія. Постепенно онъ дѣлался все громче и громче, пока наконецъ наполнилъ воздухъ массой раздирающихъ звуковъ, переходящихъ въ тихое, отчаянное рыданіе. Это былъ сигнальный вой сибирской собаки; но онъ казался такимъ дикимъ и сверхъестественнымъ въ тишинѣ полярной ночи, что кровь застыла въ моихъ жилахъ при этомъ звукѣ. Черезъ минуту другая собака подхватила этотъ раздирающій крикъ, къ ней присоединились двѣ-три другія, потомъ еще десять, двадцать, сорокъ, шестьдесятъ, восемьдесятъ и наконецъ вся сотня собакъ завыла въ одинъ голосъ, такъ что воздухъ дрожалъ отъ этихъ звуковъ, какъ отъ низкихъ, басовыхъ нотъ какого-нибудь огромнаго органа. Впродолженіе болѣе минуты земля и небо, казалось, были наполнены криками и воемъ. Потомъ собаки начали одна за другою понемногу утихать, ужасный гвалтъ дѣлался съ каждой минутой все слабѣе и слабѣе, пока не закончился наконецъ тѣмъ же, чѣмъ и начался, т. е. долгимъ, невыразимо-жалобнымъ воплемъ, и все замолкло. Одинъ или двое изъ нашихъ людей безпокойно повернулись во снѣ, какъ будто раздирающій крикъ непріятно смѣшался съ ихъ сновидѣніями; но ни одинъ не проснулся, и мертвенное молчаніе снова воцарилось на землѣ и на небѣ. Внезапно сѣверное сіяніе заблистало съ новой силой, большими, огненными полукружіями прорѣзало во всѣхъ направленіяхъ темное, звѣздное небо и освѣщало по временамъ снѣжную степь потоками свѣта, какъ-будто небесные врата отворялись и затворялись передъ ослѣпительнымъ сіяніемъ небеснаго города. Наконецъ оно начало слабѣть и снова превратилось въ слабый свѣтъ на сѣверѣ, и только одинъ блѣдно-зеленый лучъ, тонкій и блестящій, какъ копье Итуріеля, медленно поднимался къ зениту, пока не достигъ своей прозрачной вершиной до алмазнаго пояса Оріона, потомъ онъ также погасъ и исчезъ, и только блѣдная, туманная полоса на сѣверномъ горизонтѣ указывала еще мѣсто небеснаго арсенала, откуда полярные духи вынимаютъ свои сверкающіе мечи и копья, которыми они потрясаютъ ночью надъ одинокими сибирскими степями. Спрятавшись опять въ мой мѣшокъ, послѣ исчезновенія сѣвернаго сіянія, я заснулъ и не просыпался до утра. Съ первыми лучами разсвѣта въ лагерѣ появились признаки жизни. Собаки выбрались изъ глубокихъ ямъ, которыя оттаяли подъ ними въ снѣгѣ; казаки высунули головы изъ мѣховыхъ одеждъ и палочками отчистили иней, накопившійся на нихъ отъ дыханія. Развели огонь, заварили чай и мы вылѣзли изъ мѣшковъ, дрожа у огня, чтобъ поскорѣе поѣсть чернаго хлѣба съ сушеной рыбой и напиться чаю. Черезъ двадцать минутъ собаки были запряжены, сани увязаны, полозья политы

водой и одни за другими мы поѣхали крупной рысью изъ лагеря по пустынной степи.

Медленно проходили дни за днями среди этой однообразной ѣзды, лагерной жизни и спанья на снѣгѣ, но наконецъ, 20 декабря, мы пріѣхали въ поселеніе осѣдлыхъ коряковъ, Шестаково, лежащее у верхней части Пенжинскаго залива. Отсюда наши гижигинскіе казаки должны были возвратиться домой, а намъ надобно было дожидаться прибытія саней изъ Пенжины. Мы спустили наши постели, подушки, лагерныя принадлежности и провизію черезъ трубу самой просторной юрты маленькаго селенія, размѣстили ихъ съ возможнымъ изяществомъ на большой деревянной платформѣ, находящейся у одной изъ стѣнъ, и устроились на столько удобно, на сколько позволили намъ это мракъ, дымъ и холодъ, господствующіе въ юртѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Ужасное помѣщеніе. — Извѣстія отъ полковника Белькли. — Поиски за потерянной партіей американцевъ. — Любопытное дерево. — Сибирская „Пурга“. — Вьюга.

Наше долгое пребываніе въ Шестаковѣ, въ ожиданіи гижигинскихъ саней, показалось невыразимо скучнымъ и тягостнымъ. 20 числа, въ полдень, началась страшная вьюга, и сильный вѣтеръ наносилъ съ сѣвера на деревню такія облака снѣга изъ степи, что вокругъ стало темно, какъ во время затмѣнія, и воздухъ, на высотѣ ста футовъ отъ земли, былъ буквально переполненъ снѣжными хлопьями. Я отважился разъ взобраться на верхъ трубы, но вѣтеръ почти снесъ меня на землю, и ослѣпленный и засыпанный снѣгомъ, я поспѣшно спустился обратно, радуясь, что не пришлось мнѣ пролежать цѣлый день на какой-нибудь пустынной равнинѣ, подвергаемый всей ярости подобной бури. Чтобъ снѣгъ не насыпалъ въ хижину, мы должны были потушить огонь и закрыть трубу какой-то деревянной западней, такъ что мы остались въ совершенной темнотѣ, дрожа отъ холода. Мы зажгли свѣчи и прилѣпили ихъ посредствомъ растопленнаго сала къ чернымъ, закоптѣлымъ бревнамъ надъ нашими головами, чтобъ можно было читать; но холодъ былъ такъ ощутителенъ, что мы должны были отказаться отъ литературныхъ занятій и, одѣвшись въ мѣховыя рубашки и кукули, влѣзть въ мѣшки, чтобъ попробовать проспать цѣлый день.

Заключенные въ темную, подземную тюрьму при 10° ниже точки замерзанія, мы не могли придумать ничего лучшаго.

Я не могу понять, какъ человѣческія существа, одаренныя какой-нибудь чувствительностью, могутъ довольствоваться, подобно осѣдлымъ корякамъ, жизнью въ этихъ ужасныхъ, отвратительныхъ помѣщеніяхъ. Въ нихъ нѣтъ ни одной привлекательной черты. Входятъ въ нихъ черезъ трубу; солнце заглядываетъ туда только однажды въ годъ, а именно въ іюнѣ; зимою онѣ холодны, лѣтомъ душны и неудобны, и круглый годъ дымны. Въ нихъ господствуетъ запахъ прогорьклаго жира и тухлой рыбы; стѣны ихъ черны какъ уголь, отъ копоти, и земляной полъ состоитъ изъ неописанной смѣси оленьихъ волосъ и всякой дряни, которая высохла и отвердѣла. У нихъ нѣтъ другой мебели, кромѣ деревянныхъ чашекъ съ тюленьимъ жиромъ, въ которыхъ горятъ кусочки моха, и черныхъ деревянныхъ корытъ, употребляемыхъ то вмѣсто блюдъ, то вмѣсто сидѣній. Печальна участь дѣтей, родившихся въ такихъ жилищахъ. Пока они недостаточно велики, чтобъ самимъ вскарабкаться по шесту въ трубу, они не видятъ божьяго міра.

Погода на другой день, послѣ прибытія нашего въ Шестаково, значительно улучшилась и казакъ Мироновъ, который долженъ былъ возвратиться въ Тигиль, простился съ нами и отправился съ двумя или тремя туземцами въ Каменное. Мы съ Доддомъ провели день, принимаясь разъ десять за питье чая въ видѣ развлеченія, читая разрозненный томъ романовъ Купера, который мы нашли въ Гижигѣ и бродя съ револьверами по высокимъ скаламъ надъ заливомъ, охотясь за лисицами. Вскорѣ послѣ того, какъ смерклось, когда мы, въ полномъ отчаяніи въ седьмой разъ принимались за чай, собаки наши, привязанные вокругъ юрты, подняли оглушительный вой и Егоръ явился изъ трубы въ самомъ безпорядочномъ видѣ, съ извѣстіемъ, что русскій казакъ только что пріѣхалъ изъ Петропавловска съ письмомъ отъ маіора. Доддъ вскочилъ въ величайшемъ волненіи, споткнулся о котелокъ съ чаемъ, уронилъ свою чашку вмѣстѣ съ блюдечкомъ и бросился къ шесту; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ схватиться за него, чьи-то ноги начали спускаться въ юрту и, черезъ минуту, появилась высокая фигура, въ

запачканномъ платьѣ изъ оленьей шкуры, перекрестилась два или три раза, какъ бы въ благодарность за благополучное прибытіе, и обратилась къ намъ съ обычнымъ «здравствуйте!»

— Откуда? спросилъ Доддъ поспѣшно.

— Изъ Петропавловска, съ письмами къ маіору, отвѣтилъ тотъ; три корабля прибыли туда, и я посланъ съ важными письмами отъ американскаго начальника; я ѣхалъ тридцать девять дней и ночей изъ Петропавловска.

Это была важная новость. Полковникъ Белькли очевидно высадился на южномъ берегѣ Камчатки, возвратясь изъ Берингова моря, и письма, привезенныя курьеромъ, вѣроятно объясняли намъ, почему онъ не оставилъ партіи у устья Анадыри, какъ предполагалъ въ началѣ. Мнѣ ужасно хотѣлось распечатать этотъ пакетъ, но убѣдясь, что онъ былъ адресованъ не ко мнѣ, я рѣшился отослать его немедленно въ Гижигу, съ слабой надеждой, что маіоръ еще не уѣхалъ въ Охотскъ. Черезъ двадцать минутъ казакъ уже продолжалъ свой путь, а намъ оставалось изобрѣтать самыя нелѣпыя догадки относительно содержанія писемъ и движенія партій, высаженныхъ полковникомъ Белькли у Берингова пролива. Я сто разъ раскаявался, что не распечаталъ писемъ, чтобъ удостовѣриться, что партія не была высажена у Анадырской рѣки. Но теперь было уже поздно и мы могли только надѣяться, что курьеръ застанетъ маіора въ Гижигѣ, и что этотъ послѣдній пошлетъ къ намъ кого нибудь съ полученными извѣстіями въ Анадырскъ.

О пенжинскихъ саняхъ не было и слуха, и мы провели еще ночь и еще одинъ долгій, скучный день въ дымной шестаковской юртѣ, въ ожиданіи ихъ. 22 декабря, Егоръ, исполнявшій должность караульнаго, явился изъ трубы опять съ новой вѣстью. Онъ услыхалъ вой собакъ по направленію къ Пенжинѣ. Мы вышли на крышу юрты и прислушивались нѣсколько минутъ, но, не слыша ничего, кромѣ воя вѣтра, рѣшили, что Егоръ или ошибся, или слышалъ вой стаи волковъ въ долинѣ, на востокъ отъ селенія. Однако Егоръ былъ правъ; онъ дѣйствительно слышалъ голоса собакъ по Пенжинской дорогѣ, и черезъ десять минутъ давно ожидаемыя сани подъѣхали среди криковъ и лая къ нашей юртѣ. Прислушиваясь

къ разговору новоприбывшихъ, мнѣ показалось, что пенжинскіе люди разсказывали что-то о партіи, таинственно появившейся у устья Анадырской рѣки и строившей тамъ домъ, какъ-будто съ намѣреніемъ провести зиму. Я не очень хорошо понималъ по русски, но я сейчасъ же догадался, что дѣло шло о давно ожидаемой партіи Анадырской рѣки и, вскочивъ въ волненіи съ моего мѣста, позвалъ Додда для объясненія. Изъ всѣхъ свѣдѣній, которыми могли снабдить насъ пріѣзжіе изъ Пенжины, мы узнали, что небольшая партія американцевъ таинственно появилась въ началѣ зимы близь устья Анадыри и принялась за постройку дома изъ лѣса, прибитаго моремъ къ берегу, и изъ нѣсколькихъ досокъ, привезенныхъ на кораблѣ, на которомъ они пріѣхали. Чего они хотѣли, кто они были, и долго ли они намѣревались остаться, никто не зналъ, такъ какъ извѣстіе это они получили отъ кочующихъ чукчей, которые сами ни разу не видали американцевъ, но слышали объ нихъ отъ другихъ. Извѣстіе это передавалось изъ одного кочевья въ другое, пока дошло наконецъ до Пенжины, а оттуда принесено было къ намъ въ Шестаково, отстоящее болѣе, чѣмъ на пятьсотъ миль отъ того мѣста, гдѣ, по разсказамъ, находились американцы. Мы съ трудомъ могли повѣрить, что полковникъ Белькли высадилъ партію изслѣдователей въ пустынную мѣстность на югѣ Берингова пролива, въ началѣ полярной зимы; но зачѣмъ же могли явиться сюда американцы, если они не принадлежали къ нашей экспедиціи? Цивилизованныя существа не избрали бы такого мѣста для зимней резиденціи, еслибъ не имѣли въ виду какого-нибудь важнаго предпріятія. Ближайшее поселеніе Анадырскъ отстояло на двѣсти пятьдесятъ миль; мѣстность по низовьямъ Анадыри была, говорятъ, совершенно безлѣсна и обитаема только бродячими шайками чукчей и партія, высаженная туда безъ переводчика, не имѣла бы даже никакого способа сообщаться съ этими дикими, необузданными туземцами или получить отъ нихъ какія-нибудь средства къ перевозкѣ. Если тамъ были дѣйствительно американцы, то они должны были находиться въ самомъ непріятномъ положеніи.

Мы съ Доддомъ обсуждали этотъ вопросъ почти до полуночи

и рѣшили наконецъ, что по прибытіи въ Анадырскъ, мы соберемъ партію изъ опытныхъ туземцевъ, возьмемъ провизіи на тридцать дней, и отправимся на собакахъ вдоль берега Тихаго океана для отысканія этихъ таинственныхъ американцевъ. Это предпріятіе было достаточно ново и рисковано, чтобъ возбудить въ насъ живѣйшій интересъ, и еслибъ намъ удалось достигнуть устья Анадыри зимой, то мы совершили бы подвигъ, до сихъ поръ никому неудававшійся. Съ этимъ рѣшеніемъ, мы завернулись въ мѣховые мѣшки и грезили о путешествіи по Ледовитому Океану въ поискахъ за сэромъ Джономъ Франклиномъ.

Утромъ, 23-го декабря, лишь только разсвѣло, мы уложили нашу провизію, табакъ, чай, сахаръ и другіе товары на Пенжинскія сани и поѣхали по неглубокой, поросшей кустами долинѣ Шестаковской бухты, къ горному хребту, отрогу великой Становой цѣпи, изъ котораго вытекала рѣчка. Мы переѣхали горы передъ полуднемъ на высотѣ тысячи футовъ и быстро спустились по ихъ сѣверному склону въ узкую долину, кончающуюся огромными степями, по которымъ протекаетъ рѣка Акланъ. Погода была ясная и не очень холодная, но снѣгъ въ долинѣ былъ глубокъ и рыхлъ, и мы медленно подвигались впередъ. Мы надѣялись къ ночи достигнуть Аклана, но день былъ такъ коротокъ, а дорога такъ дурна, что мы ѣхали пять часовъ послѣ того, какъ смерклось, и все-таки должны были остановиться десять верстъ южнѣе рѣки. Въ вознагражденіе за это, впрочемъ, мы насладились зрѣлищемъ двухъ прекрасныхъ ложныхъ лунъ и нашли большую рощу малорослой сосны, которая снабдила насъ въ изобиліи сушникомъ для великолѣпнаго костра. Любопытное дерево или кустарникъ, извѣстный у русскихъ подъ именемъ «кедровника», и названный въ путешествіи Врангеля низкорослымъ кедромъ, представляетъ одно изъ самыхъ необыкновенныхъ произведеній Сибири. Я не знаю, назвать ли его деревомъ или кустарникомъ, или лозой, такъ какъ онъ обладаетъ характеристическими признаками всѣхъ трехъ, а между тѣмъ не походитъ особенно ни на одно изъ нихъ. Онъ походитъ скорѣе на малорослую сосну, съ замѣчательно узловатымъ и искривленнымъ стволомъ, который тянется горизонтально по

землѣ, подобно запущенной виноградной лозѣ, съ перпендикулярными отростками, торчащими изъ подъ снѣга. Хвои и шишки его походятъ на обыкновенные сосновые, но онъ никогда не ростетъ прямо, подобно дереву, а занимаетъ большія пространства земли, отъ немногихъ аршинъ до нѣсколькихъ десятинъ. Человѣкъ можетъ пройдти по мѣсту, густо поросшему такимъ кустарникомъ, и замѣтить только нѣсколько пучковъ зеленыхъ иголъ, торчащихъ мѣстами изъ снѣга. Его находятъ на самыхъ пустынныхъ степяхъ и утесистыхъ горныхъ склонахъ, отъ Охотскаго моря до Ледовитаго океана, и чѣмъ почва безплоднѣе и бури сильнѣе, тѣмъ роскошнѣе онъ, по видимому, произрастаетъ. На огромныхъ равнинахъ, лишенныхъ всякой другой растительности, эти низкорослыя хвойныя растенія выглядываютъ изъ подъ снѣга и покрываютъ землю настоящей сѣтью узловатыхъ, переплетающихся стволовъ. Достигнувъ извѣстнаго возраста, они умираютъ, и вмѣстѣ съ зелеными колючими хвоями, вы всегда найдете и сухіе, бѣлые сучья, которые воспламеняются также легко, какъ трутъ. Они доставляютъ единственное топливо кочующимъ корякамъ и чукчамъ, и безъ нихъ многія мѣста сѣверо-восточной Сибири были бы совершенно необитаемы. Сколько ночей, впродолженіе нашего путешествія по Сибири, пришлось бы намъ провести безъ огня, воды и горячей пищи, еслибъ природа не позаботилась распространить всюду въ изобиліи малорослую сосну и сберечь ее подъ снѣгомъ для путниковъ.

Мы оставили нашъ лагерь въ долинѣ рано утромъ, переѣхали черезъ широкую и богатую лѣсомъ рѣку Акланъ, и вступили въ обширную степь, простирающуюся отъ ея сѣверныхъ береговъ до Анадырска. Впродолженіе двухъ дней, мы ѣхали по этой безплодной, снѣжной равнинѣ, не видя другой растительности, кромѣ захирѣвшихъ деревьевъ и кустовъ малорослой сосны вдоль береговъ потоковъ, — и другой жизни, кромѣ двухъ одинокихъ воронъ и одной красной лисицы. Мрачная, печальная мѣстность могла бы быть описана двумя словами—снѣгъ и небо. Я пріѣхалъ въ Сибирь съ полной вѣрой въ успѣхъ Российско-Американской Телеграфной линіи, но чѣмъ глубже я проникалъ въ страну и чѣмъ

болѣе я видѣлъ ея крайнее запустѣніе, я все болѣе и болѣе падалъ духомъ. Мы сдѣлали около трехъ-сотъ верстъ съ тѣхъ поръ, какъ оставили Гижигу, и нашли только четыре мѣста, гдѣ можно было достать столбовъ, и проѣхали только три поселенія. Если мы не найдемъ лучшаго пути, чѣмъ тотъ, по которому мы ѣхали, я боялся, что Сибирская Телеграфная линія останется несбыточной мечтой.

До сихъ поръ намъ благопріятствовала необыкновенно хорошая погода; но это время года вообще изобилуетъ вьюгами, и я нисколько не удивился, когда въ ночь на Рождество былъ разбуженъ воемъ вѣтра и шумомъ падающихъ хлопьевъ снѣга, которые обрушивались на нашъ незащищенный лагерь и засыпали собакъ и сани. Намъ предстояло небольшое знакомство съ сибирской «пургой». Рядъ деревьевъ, растущихъ вдоль маленькаго потока, у котораго мы расположились лагеремъ, защищалъ насъ отчасти отъ вѣтра, но въ степи была настоящая буря. Мы встали, по обыкновенію, на разсвѣтѣ и попытались продолжать путь; но лишь только мы выѣхали изъ подъ деревьевъ, какъ съ собаками нашими невозможно было справиться и, ослѣпленные снѣгомъ, мы должны были снова возвратиться въ лѣсъ. На тридцать шаговъ нельзя было ничего различить и вѣтеръ такъ неистово дулъ намъ на встрѣчу, что собаки не могли выносить его. Мы сдвинули наши сани въ видѣ брустверовъ противъ снѣга, разостлали за ними мѣховые мѣшки, влѣзли на нихъ, покрыли головы оленьими шкурами и одѣялами, и приготовились къ продолжительной, скучной остановкѣ. Нѣтъ ничего безнадежнѣе, тяжелѣе и непріятнѣе, какъ находиться среди сибирской степи въ кругу. Вѣтеръ такъ силенъ, что никакая палатка не можетъ устоять противъ него; костеръ засыпается снѣгомъ, а если продолжаетъ горѣть, то наполняетъ глаза дымомъ и золой; всякій разговоръ дѣлается невозможнымъ отъ сильнаго воя вѣтра и снѣга, который бьетъ вамъ прямо въ лицо; медвѣжьи шкуры, подушки и мѣховое платье мокнутъ и замерзаютъ, сани невидимы подъ снѣгомъ, и несчастному путешественнику остается только забраться въ свой мѣшокъ, по-

крыться съ головой и дрожать въ продолженіе многихъ утомительныхъ часовъ.

Мы пролежали такимъ образомъ на снѣгѣ два дня, пока продолжалась вьюга, не выходя почти изъ мѣховыхъ мѣшковъ и сильно страдая отъ холода въ долгія, темныя ночи. 28, около четырехъ часовъ утра, буря начала стихать, и въ шесть мы отрыли свои сани и были уже на пути. Верстахъ въ десяти на сѣверъ отъ лагеря виднѣлась низкая вѣтвь Становыхъ горъ, и люди наши сказали, что если намъ удастся перебраться черезъ нее до разсвѣта, то дурная погода не застигнетъ насъ вѣроятно до самой Пенжины. Кормъ собакамъ былъ совершенно истощенъ и намъ необходимо было пріѣхать въ селеніе черезъ двадцать четыре часа.

Вѣтеръ сдулъ много снѣга, собаки освѣжились двухдневнымъ отдыхомъ и до разсвѣта мы переѣхали горный кряжъ и остановились въ маленькой долинѣ, на сѣверномъ склонѣ горъ напиться чаю. Если сибирскимъ туземцамъ приходится ѣхать цѣлую ночь, то они имѣютъ всегда привычку останавливаться передъ восходомъ солнца, чтобъ дать собакамъ заснуть. Они полагаютъ, что если собака заснетъ пока темно и, проснувшись черезъ часъ, увидитъ, что солнце уже взошло, она подумаетъ, что проспала цѣлую ночь и впродолженіи всего слѣдующаго дня не вспомнитъ объ отдыхѣ. Часовая же остановка въ другое время была бы совершенно безполезна. Когда намъ показалось, что собаки достаточно обмануты продолжительностью своего сна, мы ихъ подняли и спустились по долинѣ къ Ускановѣ. Погода была ясная и не очень холодна и всѣ мы, впродолженіи двухъ часовъ, наслаждались лучами солнца, которыми оно щедро наградило насъ прежде, чѣмъ скрылось за бѣлыми вершинами Становыхъ горъ. Когда смерклось, мы переѣхали рѣку Кондру, въ пятнадцати миляхъ отъ Пенжины, и черезъ два часа снова ѣхали по другой обширной равнинѣ, раздѣлясь на нѣсколько отдѣльныхъ партій. Переѣхавъ Кондру, я вскорѣ заснулъ и нисколько не сознавалъ ѣдемъ ли мы впередъ или назадъ, какъ вдругъ Доддъ потрясъ меня за плечо и вскричалъ: «Кеннанъ, мы заблудились!» Болѣе поразительнымъ извѣстіемъ невозможно было разбудить человѣка, но видя, что Доддъ не особенно встревоженъ, я увѣрилъ его, что мнѣ все равно, и, положивъ голову на подушку, заснулъ снова, увѣренный, что мой возница найдетъ Пенжину впродолженіе ночи какимъ бы то ни было способомъ.

Руководствуясь звѣздами, Доддъ, Григорій и я, мы поворотили съ другими санями, ѣхавшими за нами, къ востоку, и около девяти часовъ добрались до рѣки Пенжины, немного ниже поселенія. Мы поѣхали вверхъ по льду и черезъ нѣсколько времени увидали двое или трое саней, ѣхавшихъ внизъ по рѣкѣ. Пораженные тѣмъ, что люди эти оставляли деревню въ такой часъ ночи, мы окликнули ихъ.

Они отвѣчали намъ тѣмъ же.

— Вы куда ѣдете?

— Въ Пенжину; а вы кто?

— Мы Гижигинскіе, тоже ѣдемъ въ Пенжину.

— За чѣмъ же вы ѣдете внизъ по рѣкѣ?

— Мы ищемъ поселеніе, чортъ его возьми! проѣздили всю ночь и не можемъ его найти!

Доддъ громко расхохотался и, когда таинственныя сани приблизились, мы узнали въ нихъ нашихъ спутниковъ, которые отдѣлились отъ насъ при наступленіи сумерекъ, и которые теперь старались отыскать Пенжину, спускаясь по рѣкѣ къ Охотскому морю. Мы едва могли ихъ убѣдить, что поселеніе лежало не въ этомъ направленіи. Наконецъ, они рѣшились вернуться за нами и, послѣ полуночи, мы въѣхали въ Пенжину, разбудили спящихъ жителей нашими неистовыми криками, подняли десятковъ пять или шесть собакъ, которыя встрѣтили насъ громкимъ воемъ, и привели все селеніе въ ужасное смятеніе.

Черезъ десять минутъ мы сидѣли на медвѣжьихъ шкурахъ передъ яркимъ огнемъ въ уютномъ русскомъ домикѣ, пили чашку за чашкой душистый чай и разговаривали о нашихъ ночныхъ приключеніяхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Пенжина.—Телеграфные столбы.—Арктическая температура.—Астрономическія бесѣды. — Прибытіе въ Анадырскъ. — Гостепріимный священникъ.

Поселеніе Пенжина, состоящее изъ нѣсколькихъ бревенчатыхъ домиковъ, юртъ съ плоскими крышами и балагановъ на четырехъ столбахъ, расположено на сѣверномъ берегу рѣки, которая носитъ его имя, почти на полпути между Охотскимъ моремъ и Анадырскомъ. Жители состоятъ преимущественно изъ мѣщанъ, то есть свободныхъ русскихъ крестьянъ, но въ число ея скуднаго народонаселенія входятъ также немного чуванцевъ, сибирскихъ туземцевъ, покоренныхъ русскими казаками въ восемнадцатомъ вѣкѣ, которые говорятъ теперь языкомъ своихъ завоевателей и поддерживаютъ свое жалкое существованіе рыбной ловлей и пушной торговлей. Городъ защищенъ съ сѣвера отвѣсной скалой, около ста футовъ вышины, на вершинѣ которой, какъ и на всѣхъ холмахъ близъ русскихъ поселеній, поставленъ греческій крестъ. Рѣка передъ городомъ имѣетъ около ста аршинъ ширины и берега ея густо заросли березой, лиственницей, тополемъ, ивой и осиной. Благодаря теплымъ ключамъ въ ея руслѣ, она никогда не замерзаетъ совершенно въ этомъ мѣстѣ и при 40° мороза.

Мы прожили въ Пенжинѣ три дня, собирая свѣдѣнія объ окрестной мѣстности и нанимая людей для сооруженія столбовъ по нашей линіи.

Жители оказались веселыми, добродушными, гостепріимными, и были вполнѣ расположены сдѣлать все, что было въ ихъ власти для успѣха нашего предпріятія; конечно, они никогда не слыхивали о телеграфѣ и не могли себѣ представить, для чего намъ нужны столбы, о которыхъ мы такъ хлопочемъ. Нѣкоторые говорили, что мы намѣрены построить деревянную дорогу изъ Гижиги въ Анадырскъ, по которой бы можно было ѣздить лѣтомъ; другіе не совсѣмъ довѣряли, чтобъ два человѣка, хоть даже и американцы, могли построить деревянную дорогу въ шестьсотъ верстъ длины и говорили, что настоящей нашей цѣлью было соорудить что-то въ родѣ огромнаго дома. Когда же, впрочемъ, ихъ спрашивали о цѣли этого обширнаго зданія, защитники теоріи дома приходили въ смущеніе и могли только настаивать на физической невозможности дороги и убѣждали своихъ противниковъ или согласиться съ ихъ предположеніемъ, или придумать другое, болѣе вѣроятное. Намъ удалось, впрочемъ, нанять шестнадцать способныхъ людей для обтесыванія столбовъ за приличное вознагражденіе, обозначить требуемые размѣры — двадцать одинъ футъ въ вышину и пять дюймовъ въ діаметрѣ на вершинѣ, поручивъ нарубить ихъ въ возможно большемъ количествѣ и сложить грудами на берегу рѣки.

Я упомяну здѣсь, что по возвращеніи изъ Анадырска въ мартѣ, я отправился посмотрѣть эти столбы, которые были заготовлены въ числѣ 500 жителями Пенжины. Я увидалъ, къ величайшему моему удивленію, что едва-ли одинъ изъ нихъ имѣлъ менѣе двѣнадцати дюймовъ въ діаметрѣ на вершинѣ и что большая часть изъ нихъ были такъ тяжелы и неудобоперевозимы, что двѣнадцать человѣкъ не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Я сказалъ туземцамъ, что столбы эти не годятся и спросилъ: «почему они не нарубили болѣе тонкихъ, т. е. указаннаго мною размѣра»? Они предполагали, отвѣтили они, что я желаю построить что то въ родѣ дороги по верхъ этихъ столбовъ и что они знаютъ навѣрное, что пяти-дюймовые столбы недостаточно крѣпки для этого. Поэтому они и нарубили деревьевъ такихъ толстыхъ, что они годились бы на колоны для какого угодно громаднаго соору-

женія. Они еще и до сей поры лежатъ тамъ засыпанныя полярными снѣгами; и я не сомнѣваюсь, что много лѣтъ спустя, когда новозеландецъ наконецъ окончитъ описаніе развалинъ св. Павла и отправится въ Сибирь довершать образованіе, проводники-туземцы будутъ разсказывать ему исторію двухъ сумасшедшихъ американцевъ, хотѣвшихъ однажды построить желѣзную дорогу на сваяхъ отъ Охотскаго моря до Берингова пролива. Я надѣюсь также, что новозеландецъ напишетъ книгу, которая прославитъ и обезсмертитъ обоихъ сумасшедшихъ американцевъ, какъ того заслуживаютъ ихъ труды, чего имъ не удалось достигнуть желѣзной дорогой на сваяхъ.

Мы уѣхали изъ Пенжины въ Анадырскъ 31 декабря. Пропутешествовавъ, по обыкновенію, цѣлый день по пустынной степи, мы расположились на ночь у подошвы уединенной вершины, называемой Нильгимъ, при 53° ниже нуля. Это былъ канунъ Новаго года; и, сидя у костра, одѣтый въ мои самыя толстыя, мѣховыя платья, покрытый инеемъ съ головы до ногъ, я размышлялъ о рѣзкой перемѣнѣ, происшедшей во всемъ меня окружающемъ, въ продолженіе одного только года. Канунъ новаго 1864 года я провелъ въ Центральной Америкѣ; я ѣхалъ на мулѣ съ озера Никарогуа къ Тихому океану по великолѣпной тропической рощѣ. Новый 1865 годъ застаетъ меня сидящимъ, скорчившись, на обширной, снѣжной равнинѣ, близъ полярнаго круга, старающагося при 35° ниже нуля, доѣсть свой супъ прежде, чѣмъ онъ примерзнетъ къ тарелкѣ. Едва ли можно было придумать большую противоположность. Мѣстность возлѣ горы Нильгима изобиловала малорослой сосной, и мы развели такой огонь, что яркое пламя поднималось столбомъ въ 10 футовъ вышины; но оно кажется, не имѣло большого вліянія на воздухъ. Наши рѣсницы смерзались, пока мы пили чай; горячій супъ, налитый прямо изъ котелка, застывалъ въ оловянныхъ тарелкахъ прежде, чѣмъ мы успѣвали съѣсть его; передъ нашего платья былъ покрытъ бѣлымъ инеемъ, хоть мы сидѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огромнаго пылающаго костра. Оловянныя тарелки, ножи, ложки жгли голую руку, когда до нихъ дотрагивались, какъ раскаленнымъ желѣзомъ.

Вода, выплеснутая на доску всего въ четырнадцати футахъ отъ огня, превращалась въ ледъ менѣе чѣмъ, чрезъ двѣ минуты. Надъ теплыми тѣлами собакъ стояли облака пара; и даже голая рука, вытертая до суха, испускала испареніе, когда была выставлена на воздухъ. Никогда еще намъ не случалось испытывать такого холода. Но мы мало отъ него страдали; у насъ зябли только ноги и Доддъ объявилъ, что съ хорошимъ огнемъ и достаточной жирной пищей, онъ не испугался бы, еслибъ ртуть понизилась еще на 15°. Величайшая причина страданій въ Сибири—это вѣтеръ. Двадцать градусовъ ниже нуля, при свѣжемъ вѣтеркѣ, почти невыносимы, а сильный вѣтеръ при 40° въ состояніи убить каждое живое существо. Холодъ самъ по себѣ не особенно опасенъ для жизни. Человѣкъ, поужинавшій до сыта сушоной рыбы и сала, одѣвшійся въ сибирскій костюмъ и закутавшійся въ тѣсный мѣховой мѣшокъ, можетъ провести цѣлую ночь на дворѣ при 70° мороза, безъ всякой серьезной опасности; но если онъ утомленъ долгимъ путешествіемъ, или голодомъ. если его одежда влажна отъ испарины, онъ можетъ замерзнуть даже тогда, когда ртуть стоитъ на нулѣ. Важнѣйшія правила для путешественника по полярнымъ странамъ слѣдующія: ѣсть въ изобиліи жирную пищу, избѣгать слишкомъ большаго утомленія и ѣзды ночью; никогда не вызывать въ себѣ излишнюю испарину усиленными движеніями, ради временнаго согрѣванія. Я видѣлъ кочующихъ чукчей въ мѣстности совершенно безлѣсной и при очень низкой температурѣ, которые предпочитали путешествовать цѣлый день съ сильно ноющими ногами скорѣе, чѣмъ согрѣвать ихъ бѣганьемъ и тѣмъ истощать свои силы. Они рѣшались дѣлать ими движеніе только тогда, когда это было крайне необходимо, чтобъ предохранить ихъ отъ отмораживанія. Изъ чего естественно слѣдовало, что они къ ночи были почти также свѣжи, какъ и утромъ, и если имъ не удавалось найти лѣсу для костра, или случалось пропутешествовать почему-нибудь цѣлыя сутки подрядъ, они всегда имѣли для этого достаточно силы. Неопытный путешественникъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, истощилъ бы всю свою энергію въ продолженіе дня, придумывая различныя средства, чтобъ со-

грѣться; а ночью, вспотѣвшій и утомленный слишкомъ сильными движеніями, онъ почти неминуемо замерзъ бы. Впродолженіе двухъ часовъ, послѣ ужина, мы сидѣли съ Доддомъ, наблюдая за дѣйствіями мороза. Около восьми часовъ, небо вдругъ покрылось облаками и менѣе, чѣмъ чрезъ часъ, термометръ поднялся до 30°. Обрадовавшись такой счастливой перемѣнѣ погоды, мы влѣзли въ наши мѣховые мѣшки и проспали сколько могли въ долгую, полярную ночь.

Наша жизнь, впродолженіе слѣдующихъ дней, шла той же однообразной колеей, къ которой мы уже такъ привыкли. Мѣстность, по которой мы ѣхали, была вообще пустынна и не интересна; погода была достаточно холодна для того, чтобъ причинять намъ всякія непріятности, но не вредить нашему физическому благосостоянію; дни всего продолжались два или три часа, а ночи были безконечны. Останавливаясь на ночлегъ вскорѣ послѣ полдней, мы имѣли предъ собой двадцати-часовую ночь, впродолженіе которой намъ предстояло или придумывать какія нибудь развлеченія, или спать. Двадцать часовъ сна для всякаго другаго, кромѣ Рипъ-Ванъ-Винкля, было ужъ слишкомъ, и половину времени намъ не оставалось другаго занятія, какъ сидѣть на медвѣжьихъ шкурахъ у костра и разговаривать. Съ самаго отъѣзда изъ Петропавловска, бесѣды были нашимъ главнымъ развлеченіемъ, и хотя мы вполнѣ довольствовались ими въ первую сотню ночей, но теперь онѣ стали дѣлаться немного однообразными, и наши умственныя средства положительно истощались. Не было ни одного предмета изъ извѣстныхъ намъ, котораго мы не обсудили бы и разобрали до послѣдней ниточки. Мы разсказали другъ другу, съ подробностями, свою жизнь вмѣстѣ съ жизнью всѣхъ нашихъ предковъ, о которыхъ что нибудь знали. Мы обсудили вполнѣ всѣ извѣстные вопросы о войнѣ, любви, наукѣ, политикѣ и религіи, вмѣстѣ со многими другими, о которыхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, и наконецъ дошли до такихъ предметовъ разговора, какъ численность арміи, съ которой Ксерксъ вторгнулся въ Грецію, и вѣроятное распространеніе Ноева потопа.

Такъ какъ не было никакой возможности прійдти къ какому

нибудь взаимному соглашенію относительно послѣднихъ двухъ важныхъ вопросовъ, то пренія наши послѣдовательно продолжались двадцать или тридцать ночей, но все-таки вопросъ остался открытымъ для дальнѣйшаго обсужденія. Мы знали, что при послѣдней крайности, когда намъ не останется болѣе ни одного сюжета для разговора, мы можемъ снова возвратиться въ Ксерску и потому, по безмолвному соглашенію обѣихъ сторонъ, предметы эти были оставлены немедленно по выѣздѣ изъ Гижига и берeглись, какъ послѣднія средства, для бурныхъ ночей въ корякскихъ юртахъ. Однажды, когда мы расположились лагеремъ въ огромной степи на сѣверѣ отъ Шестакова, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль проводить эти длинные вечера на дворѣ и читать лекціи моимъ туземнымъ спутникамъ о чудесахъ современной науки. Это заняло бы меня и, въ тоже время, принесло бы намъ пользу, какъ я надѣялся, по крайней мѣрѣ, и я тотчасъ же началъ приводить свой планъ въ исполненіе. Сначала я обратилъ вниманіе на астрономію. Проводя ночи въ открытой степи, не имѣя надъ собой другого крова, кромѣ звѣзднаго неба, мнѣ не нужны были ни какіе рисунки для моего предмета, и ночь за ночью, во время нашего путешествія на сѣверъ, я просиживалъ, окруженный толпою любознательныхъ туземцевъ; смуглыя лица ихъ освѣщались краснымъ пламенемъ костра, и они слушали съ дѣтскимъ любопытствомъ, какъ я объяснялъ имъ о временахъ года, объ обращеніи планетъ вокругъ солнца и о причинахъ лунныхъ затмѣній. Я долженъ былъ, какъ Джонъ Фениксъ, изготовлять собственноручно мои планетаріи, при чемъ комокъ мерзлаго сала изображалъ землю, кусокъ чернаго хлѣба луну, а маленькіе кусочки сушонаго мяса меньшія планеты. Сходства съ небесными тѣлами не было, я долженъ сознаться, очень поразительно; но при твердой вѣрѣ дѣла шли порядочно. Постороннему зрителю показалась бы смѣшна та серьезность, съ которой я заставлялъ хлѣбъ и сало обращаться въ своихъ орбитахъ, и удивленныя восклицанія туземцевъ, когда съ хлѣбомъ произошло затмѣніе за комкомъ сала. Моя первая лекція имѣла бы громадный успѣхъ, если бы туземная аудиторія была въ состояніи понять символическое значеніе хлѣба

и сала. Главное препятствіе заключалось въ томъ, что ихъ сообразительныя способности были слишкомъ слабы. Имъ нельзя было втолковать, что хлѣбъ замѣнялъ луну, а сало — землю; они продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на простыя земныя произведенія, имѣющія свое собственное существенное значеніе. Вслѣдствіе этого они растопливали сало для питья, пожирали луну, и требовали немедленно другой лекціи. Я старался объяснить имъ, что эти лекціи имѣли астрономическую, а не гастрономическую цѣль, и что уничтоженіе небесныхъ тѣлъ такимъ безцеремоннымъ способомъ — было вовсе неприлично. Я увѣрялъ ихъ, что астрономическая наука не признаетъ такихъ затмѣній, при которыхъ проглатываются планеты, и что хоть такой курсъ и удовлетворяетъ ихъ, но онъ унизителенъ для моего планетарія. Выговоры не производили однако своего дѣйствія и я долженъ былъ запасаться новымъ солнцемъ, луной и землей для каждой лекціи. Для меня вскорѣ стало очевидно, что эти астрономическія пиршества дѣлались слишкомъ популярными, такъ-какъ моя аудиторія думала только о томъ, чтобъ съѣдать каждую ночь всю мою солнечную систему, а матеріалъ для планетъ началъ убывать. Я долженъ былъ, наконецъ, употреблять камни и комья снѣга для изображенія небесныхъ тѣлъ, вмѣсто хлѣба и сала, и съ этого времени интересъ къ астрономическимъ явленіямъ началъ постепенно уменьшаться, и популярность моихъ лекцій быстро упадала, пока, наконецъ, не исчезъ и послѣдній слушатель.

Короткій, зимній, трехчасовой день давно уже уступилъ мѣсто ночи, когда мы, послѣ двадцати трехдневнаго, труднаго пути, приблизились къ цѣли нашихъ странствованій — къ ultima Thule русской цивилизаціи.

Я лежалъ полусонный въ саняхъ, совсѣмъ погруженный въ толстые мѣха, когда далекій лай собакъ возвѣстилъ намъ о близости Анадырска. Я хотѣлъ поспѣшно смѣнить мои мѣховые «торбасы» и верхнюю обувь на американскіе сапоги, но не успѣлъ окончить этого занятія, какъ сани мои подъѣхали къ дому русскаго священника, гдѣ мы предполагали остановиться, пока не найдемъ себѣ отдѣльнаго помѣщенія. Толпа любопытныхъ собралась къ дверямъ дома, чтобъ посмотрѣть на удивительныхъ американцевъ, о которыхъ они уже слышали, и среди этой группы людей, въ мѣховыхъ одеждахъ, выдѣлялась фигура священника съ длинными, развѣвающимися волосами и бородой, въ широкомъ черномъ одѣяніи, и держащая надъ своей головой длинную сальную свѣчу, пламя которой сильно колебалось въ холодномъ, ночномъ воздухѣ. Лишь только мнѣ удалось высвободить ноги изъ мѣховыхъ чулокъ, какъ я вышелъ изъ саней, привѣтствуемый низкими поклонами и «здравствуйте» толпы и сердечнымъ «добро пожаловать» патріархальнаго священника.

Полагаю, что три недѣли суровой жизни въ пустынѣ улучшили мою наружность, а мой костюмъ вездѣ былъ бы замѣченъ, кромѣ Сибири. Лицо мое, неособенно чистое, украшалось бородой, которую я не брилъ три недѣли, всклокоченные волосы висѣли длинными, неровными прядями по лбу, и бахрама изъ косматой черной медвѣжьей шерсти, обрамляющая мое лицо, — придавала мнѣ необыкновенно дикій и суровый видъ. Американскіе сапоги, которые я быстро надѣлъ при въѣздѣ въ деревню, одни только свидѣтельствовали о моемъ прежнемъ знакомствѣ съ цивилизаціей. Отвѣчая на почтительныя привѣтствія чуванцевъ, юкагировъ и русскихъ казаковъ, которые, въ желтыхъ мѣховыхъ капорахъ и платьѣ изъ оленьихъ шкуръ, толпились у дверей, я послѣдовалъ за священникомъ въ домъ. Это было второе жилище, заслуживающее названіе дома, въ которое я входилъ впродолженіе двадцати двухъ дней; и послѣ дымныхъ, корякскихъ юртъ въ Куэлѣ, Микинѣ и Шестаковѣ, оно мнѣ показалось настоящимъ дворцомъ. Полъ былъ устланъ мягкими, темными оленьими шкурами, въ которыхъ нога утопала при каждомъ шагѣ; яркій огонь горѣлъ на красивомъ очагѣ, въ одномъ углѣ, и привѣтливо освѣщалъ комнату; крошечная восковая свѣчка съ позолотой горѣла предъ массивнымъ, вызолоченнымъ образомъ, противъ двери, въ окнахъ были стекла, вмѣсто льда и закоптѣлыхъ рыбныхъ пузырей, къ которымъ я такъ привыкъ; нѣсколько иллюстрированныхъ газетъ лежали на столикѣ въ углѣ, и все въ домѣ было убрано со вкусомъ и разсчитано на комфортъ, что было столько же пріятно для

усталаго путешественника, какъ неожиданно въ этихъ пустынныхъ степяхъ, и среди невѣжественныхъ народовъ. Доддъ, правящій самъ своими санями, еще не пріѣзжалъ, но чрезъ дверь намъ слышенъ былъ голосъ, распѣвающій въ ближней рощѣ: «какъ буду я радъ, когда выѣду изъ этой пустыни, изъ этой пустыни, изъ этой пустыни!» Пѣвецъ и не подозрѣвалъ, что онъ такъ близокъ къ селенію и что его, мелодично-выраженное, желаніе «выѣхать изъ пустыни»—было кѣмъ нибудь услышано.

Мои познанія въ русскомъ языкѣ не были на столько обширны и точны, чтобъ я могъ удовлетворительно разговаривать съ священникомъ, и я былъ отъ души радъ, когда Доддъ выѣхалъ изъ пустыни и явился избавить меня отъ затрудненія. Онъ выглядывалъ не лучше меня, что меня немного утѣшило. Лишь только онъ взошелъ въ комнату, я мысленно провелъ сравненіе между нами и убѣдился, что мы оба одинаково походили на коряковъ, и что каждый изъ насъ могъ одинаково заявлять свои права на цивилизацію, относительно изящества костюма. Мы пожали руки женѣ священника — блѣдной, высокой женщинѣ съ бѣлокурыми волосами и темными глазами, познакомились съ двумя или тремя хорошенькими малютками, которыя въ испугѣ убѣжали отъ насъ, лишь только мы ихъ выпустили изъ рукъ, и усѣлись наконецъ къ столу — пить чай.

Радушное обращеніе хозяина сдѣлало насъ вскорѣ совсѣмъ развязными и чрезъ десять минутъ Доддъ краснорѣчиво разсказывалъ о нашихъ приключеніяхъ и страданіяхъ, смѣялся, шутилъ и пилъ водку съ священникомъ также безцеремонно, какъ будто онъ знакомъ былъ съ нимъ десять лѣтъ, а не десять минутъ. Доддъ имѣлъ эту особенную способность, которой я часто завидовалъ. Чрезъ пять минутъ, съ помощію водки, онъ сломилъ бы церемонность самаго строгаго патріарха греческой церкви и взялъ бы его, если можно такъ выразиться, приступомъ; мнѣ же оставалось только сидѣть и улыбаться, не будучи въ состояніи сказать ни одного слова. Великое дѣло краснорѣчіе!

Послѣ прекраснаго ужина, состоящаго изъ щей, жареныхъ котлетъ, бѣлаго хлѣба и масла, мы разостлали наши медвѣжьи шкуры

на полу, раздѣлись, во второй разъ впродолженіи трехъ недѣль, и легли спать. Ощущеніе, что мы спали безъ мѣховой одежды и съ непокрытыми головами, было такъ странно, что мы долго не могли заснуть, глядя на красноватый отблескъ на стѣнѣ и наслаждаясь пріятной теплотой мягкихъ шерстяныхъ одѣялъ, роскошью не обутыхъ ногъ и ничѣмъ не стѣсненныхъ движеній.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Анадырскъ.—Крайній пунктъ русской колонизаціи на Сѣверѣ.—Рождество у русскихъ.—Балъ.—Праздникъ.—Сибирская учтивость.

Четыре маленькія русскія и туземныя поселенія, не много южнѣе полярнаго круга, извѣстныя подъ однимъ названіемъ Анадырска, образуютъ послѣднее звено того великаго поселенія, которое тянется почти одной непрерывной линіей отъ Уральскихъ горъ до Берингова пролива. Благодаря своему уединенному положенію и трудности путешествія, которое возможно только въ продолженіе одной части года, онѣ никогда не были посѣщаемы до нашего пріѣзда ни однимъ иностранцемъ, исключая одного шведскаго офицера, состоящаго въ русской службѣ, который велъ партію изслѣдователей, изъ Анадырска къ Берингову проливу, зимою 1859—60 года. Отрѣзанное, въ продолженіе года, отъ остальнаго міра и посѣщаемое только изрѣдка немногими полу-образованными торговцами, это небольшое поселеніе было также независимо и самостоятельно, какъ еслибъ оно стояло посреди Арктическаго океана. Долго существованіе его было сомнительно для тѣхъ, кто не имѣлъ съ нимъ дѣла; оно было основано въ началѣ XVIII столѣтія бродячей шайкой отважныхъ казаковъ, которые, покоривъ почти всю Сибирь, прошли чрезъ горы отъ Колымья къ Анадыри, вытѣснили чукчей, которые противились ихъ нашествію и утвердили военный постъ на рѣкѣ, нѣсколько верстъ выше настоящаго поселенія. Съ

этихъ поръ начались частыя стычки между чукчами и русскими пришельцами, продолжавшіяся съ перемѣннымъ успѣхомъ, много лѣтъ. Въ продолженіе значительнаго періода времени, въ Анадырскѣ стоялъ гарнизонъ въ 600 человѣкъ и артиллерійская баттарея; но послѣ открытія и занятія Камчатки, онъ утратилъ большую часть своего значенія, войска были отозваны и, наконецъ, онъ взятъ былъ чукчами и сожженъ. Въ продолженіе войны, окончившейся разрушеніемъ Анадырска, два туземныя племени, чуванцы и юкагиры, принявшія сторону русскихъ, были почти совершенно уничтожены чукчами, и съ тѣхъ поръ никогда уже не были въ состояніи возвратить свою племенную индивидуальность. Немногіе оставшіеся потеряли всѣхъ своихъ оленей и все свое имущество, должны были бросить свою кочевую жизнь, поселиться съ своими русскими союзниками и добывать средства къ жизни охотой и рыбной ловлей. Они переняли постепенно русскіе обычаи и утратили отличительныя черты своего прежняго характера, и чрезъ нѣсколько лѣтъ ни одна живая душа не будетъ говорить языкомъ этихъ когда-то могущественныхъ, народовъ. Анадырскъ былъ снова выстроенъ русскими, чуванцами и юкагирами, и сдѣлался со временемъ значительнымъ торговымъ пунктомъ. Табакъ, введенный русскими, пришелся по вкусу чукчамъ, и для полученія этой, дорого-цѣнимой роскоши, они прекратили враждебныя дѣйствія противъ нихъ и стали ежегодно посѣщать Анадырскъ для мѣховой торговли.

Они не утратили впрочемъ совершенно враждебнаго чувства къ русскимъ, вторгнувшимся въ ихъ территорію и долго вели съ ними дѣла не иначе, какъ на концѣ копья. Они вѣшали связку мѣховъ или моржовый клыкъ на полированное остріе чукотскаго копья, и если русскій купецъ снималъ ихъ и вѣшалъ на ихъ мѣсто равноцѣнное количество табаку, то торгъ былъ заключенъ, если же нѣтъ, то дѣло расходилось. Этотъ способъ гарантировалъ противъ всякаго обмана, такъ какъ ни одинъ русскій во всей Сибири не осмѣлился бы обмануть кого-нибудь изъ этихъ свирѣпыхъ дикарей, видя остріе копья въ десяти дюймахъ отъ груди. Честность служила лучшей политикой и нравственное убѣжденіе чукотскаго копья развивало самое безкорыстное добродушіе въ груди человѣка, стоя-

щаго у его острія. Торговля, установившись такимъ образомъ, до сихъ поръ составляетъ значительный источникъ выгодъ для жителей Анадырска и русскихъ купцовъ, которые пріѣзжаютъ сюда ежегодно изъ Гижиги.

Четыре небольшія селенія, составляющія городъ и посящія названія: Покоруковъ, Псолкинъ, Марково и Крѣпость, имѣютъ приблизительно 200 человѣкъ жителей. Въ центральномъ селеніи, называемомъ Марково, живетъ священникъ и находится маленькая церковь грубой архитектуры, а зимой это очень печальное мѣсто. Его маленькіе, бревенчатые домики не имѣютъ оконныхъ стеколъ, которыя замѣняются толстыми плитами льда, наколотыми на рѣкѣ; большая часть изъ нихъ до половины врыты въ землю для тепла, и всѣ они болѣе или менѣе засыпаны снѣгомъ. Густая роща лиственницъ, тополей и осинъ окружаетъ городъ, такъ-что путникъ, ѣдущій изъ Гижиги, часто отыскиваетъ его впродолженіе цѣлаго дня, а если онъ не знакомъ съ сѣтью рукавовъ, на которыя дѣлится Анадыръ, онъ можетъ вовсе его не найти. Жители всѣхъ четырехъ селеній занимаются лѣтомъ рыбной ловлей и охотой за дикими оленями, которые огромными стадами ежегодно переходятъ чрезъ рѣку, во время своихъ кочеваній. Зимой они всѣ почти разъѣзжаются, посѣщая для торговли кочующихъ чукчей, отправляясь съ товарами на ежегодную большую ярмарку въ Колпину и нанимаясь въ услуженіе къ русскимъ купцамъ изъ Гижиги. Берегъ Анадыря, вблизи поселенія и на семьдесятъ миль выше его, покрытъ густыми лѣсами, деревья которыхъ достигаютъ отъ восемнадцати до двадцати четырехъ футовъ въ объемѣ, хоть и находятся подъ 66° с. ш. Климатъ очень суровъ; метеорологическія наблюденія, сдѣланныя нами въ Марковѣ, въ февралѣ 1867 г., показали, что въ продолженіе шестнадцати дней этого мѣсяца термометръ показывалъ: восемь дней болѣе 50°, пять дней болѣе 60° и однажды — 68°. Болѣе низкой температуры мы не испытали въ Сибири. Переходъ отъ страшнаго холода къ сравнительно теплой погодѣ бываетъ иногда очень рѣзокъ. 18 февраля въ 9 ч. утра термометръ показывалъ 52°, а чрезъ двадцать семь часовъ, онъ поднялся на семьдесятъ три градуса и показывалъ +21°. 21 февраля онъ показывалъ +3°, а 22—49°; такая же быстрая перемѣна въ обратномъ отношеніи. Не смотря впрочемъ на климатъ, Анадырскъ также удобенъ для житья, какъ и девять десятыхъ русскихъ поселеній въ сѣверо-восточной Сибири, и мы одинаково наслаждались въ немъ жизнью, зимою 1866 г., какъ и въ другихъ сибирскихъ мѣстностяхъ.

Слѣдующій за нашимъ пріѣздомъ день мы отдыхали и старались придать себѣ самый приличный видъ, съ помощью тѣхъ маленькихъ средствъ, которые нашли въ нашихъ чемоданахъ изъ тюленьей кожи.

Въ четвергъ, 25 декабря, праздновалось Рождество у русскихъ, и всѣ мы встали за четыре часа до разсвѣта, чтобъ присутствовать при раннемъ богослуженіи въ церкви. Всѣ въ домѣ были на ногахъ; огонь ярко горѣлъ въ очагѣ; восковыя свѣчи были зажжены предъ образами и кіотами въ нашей комнатѣ и воздухъ былъ наполненъ запахомъ ладона. На дворѣ было совершенно темно. Плеяды стояли низко на Западѣ; большое созвѣздіе Оріона начало закатываться и слабое сѣверное сіяніе блестѣло надъ верхушкою деревьевъ на сѣверѣ селенія. Изъ каждой трубы поднимался столбъ дыма и искръ, свидѣтельствующіе, что всѣ жители уже встали. Мы поспѣшно отправились къ бревенчатой церкви; но служба уже началась когда мы пришли и мы молча заняли мѣста въ толпѣ богомольцевъ. Стѣны зданія были украшены изображеніями патріарховъ и русскихъ святыхъ, предъ которыми горѣли большія восковыя свѣчи, перевитыя спиралью полосками позолоты. Облака синеватаго, благоухающаго дыма поднимались къ потолку отъ кадилъ, и густыя ноты священника, въ блестящемъ облаченіи, составляли странный контрастъ съ высокимъ сопрано, поющимъ на клиросѣ.

Богослуженіе Греческой церкви производитъ большое впечатлѣніе, чѣмъ Римской, но такъ какъ оно совершается на древнемъ славянскомъ языкѣ, то оно, для насъ американцевъ, почти непонятно. Священникъ большую часть времени занятъ быстрымъ произношеніемъ молитвъ, которыхъ нельзя понять, — онъ чато воздѣваетъ кадило, наклоняетъ голову, крестится и цѣлуетъ большое Еванг ліе, вѣсящее, я думаю, фунтовъ тридцать. Совершеніе таинства и обряды, со-

сопровождающіе пресуществленіе хлѣба и вина очень торжественны. Но самое лучшее во всемъ Богослуженіи Греко-Россійской церкви—это пѣніе. Нельзя безъ волненія слушать его, даже въ маленькой бревенчатой часовнѣ далекой Сибири. Хотя и грубое по своему исполненію, оно дышетъ глубокой набожностью; и я часто простаивалъ службы, продолжающіяся два или три часа, чтобъ слышать пѣніе нѣсколькихъ псалмовъ и молитвъ. Утомительныя, быстрыя и непонятныя молитвословія священника прерываются разнообразными и прекрасно измѣняющимися: «Господи помилуй» и «Подай Господи» хора. Молящіеся стоятъ все время впродолженіе самыхъ долгихъ службъ и кажется вполнѣ погружены въ свою молитву. Всѣ крестятся и постоянно наклоняются въ отвѣтъ на слова священника и часто наклоняются до земли и прикладываютъ лобъ къ полу. Видъ всего этого поражаетъ посторонняго зрителя. По окончаніи утренняго рождественскаго богослуженія на клиросѣ раздается ликующій гимнъ, выражающій радость ангеловъ при рожденіи Спасителя, и среди нестройнаго трезвона колоколовъ, висѣвшихъ на маленькой колокольнѣ у дверей, мы вышли съ Доддомъ изъ церкви и возвратились домой пить чай. Едва я успѣлъ только допить послѣднюю чашку и докурить папиросу, какъ дверь внезапно отворилась, и съ полдюжины людей съ серьезными, и безстрастными лицами, вошли веренцей, остановились за нѣсколько шаговъ до иконы, въ углѣ, перекрестились всѣ за разъ, и запѣли простую, но пріятную русскую мелодію, начинающуюся словами: «Христосъ рождается». Не ожидая услышать Рождественскіе гимны въ маленькомъ, сибирскомъ поселеніи у полярнаго круга, я стоялъ совершенно пораженный и смотрѣлъ съ удивленіемъ сначала на Додда, чтобы угадать его мысли на счетъ этого, и потомъ на пѣвшихъ. Эти послѣдніе, увлеченные своимъ пѣніемъ, кажется и не замѣчали нашего присутствія, и только по окончаніи гимна обратились къ намъ, поздоровались и поздравили съ Рождествомъ. Доддъ далъ каждому по нѣскольку копѣекъ и, пожелавъ веселыхъ праздниковъ, долгой жизни и счастья «нашимъ превосходительствамъ», люди эти пошли далѣе, посѣтить остальные дома въ селеніи. Одна толпа пѣвцовъ слѣдовала за другой, пока наконецъ, вся молодежь города перебывала у насъ и получила наши копѣйки. Нѣкоторые изъ маленькихъ мальчиковъ, болѣе заинтересованные пріобрѣтеніемъ денегъ, чѣмъ торжественностью событія, портили все впечатлѣніе, оканчивая свой гимнъ словами: «Христосъ родился,—дайте мнѣ денегъ!» Но большая часть изъ нихъ вела себя очень прилично, и мы остались очень довольны такимъ прекраснымъ обычаемъ. Когда солнце взошло, всѣ восковыя свѣчи были погашены, народъ нарядился въ свои лучшія одежды, и все поселеніе предалось ничѣмъ не стѣсненнымъ увеселеніямъ большаго праздника. Колокола звонили, не переставая, на церковной колокольнѣ; сани, запряженныя собаками и наполненныя дѣвушками, неслись по улицамъ, опрокидываясь въ снѣжныхъ сугробахъ и мчалась внизъ по холмамъ среди криковъ и смѣха; женщины въ пестрыхъ ситцевыхъ платьяхъ, повязанныя пунцовыми шелковыми платками ходили изъ дома въ домъ съ поздравительными визитами и съ разговорами о прибытіи знаменитыхъ американскихъ офицеровъ; толпы мужчинъ играли въ мячь на снѣгѣ и все поселеніе представляло оживленный и веселый видъ.

Вечеромъ на третій день Рождества, священникъ сдѣлалъ въ честь насъ большой балъ, на который были приглашены жители всѣхъ четырехъ селеній, и къ которому были сдѣланы самыя тщательныя приготовленія. Балъ въ домѣ священника въ воскресенье поразилъ меня своей несообразностью, и я долго не могъ согласиться на такое явное нарушеніе четвертой заповѣди. Доддъ, впрочемъ, доказалъ мнѣ самымъ убѣдительнымъ образомъ, что благодаря разницѣ во времени, въ америкѣ была еще суббота, а не воскресенье, что наши друзья заняты въ эту минуту дѣлами и удовольствіями, и что если мы случайно находимся на другомъ полушаріи, то это еще незначитъ, что мы не можемъ дѣлать тоже самое, что наши друзья-антиподы въ эту минуту. Я сознавалъ, что доводы эти были чистыми софизмами, но Доддъ такъ меня засыпалъ «долготами» «Гринвичскимъ меридіаномъ», «мореплавателемъ Боудитча» «русскими воскресеньями» и «американскими субботами», что я совершенно растерялся, и ни

за что на свѣтѣ не могъ-бы сказать какой день былъ сегодня въ Америкѣ, или когда начнется сибирское воскресенье. Я пришолъ наконецъ къ заключенію, что такъ-какъ Русскіе празднуютъ ночь на воскресенье, и начинаютъ новую недѣлю послѣ солнечнаго заката въ субботу, то танцы въ настоящее время будутъ достаточно невиннымъ занятіемъ. Согласно сибирскимъ занятіямъ я былъ правъ. Перегородка въ нашемъ домѣ была вынесена, ковры сняты, комната ярко освѣщена свѣчами, прилѣпленными къ стѣнѣ, вокругъ трехъ сторонъ комнаты поставлены деревянныя скамьи для дамъ, и около пяти часовъ любители удовольствій начали собираться. Это было немного рано для бала, но уже долго спустя послѣ того, какъ смерклось. Вскорѣ гостей собралось около сорока человѣкъ; всѣ мужчины были одѣты въ тяжолыя мѣховыя куклянки, мѣховыя панталоны и сапоги, а дамы въ прозрачныя бѣлыя кисейныя или ситцевыя платья. Костюмы обѣихъ половъ были не слишкомъ соотвѣтственны, такъ-какъ одни по своей легкости и воздушности одѣлись для африканскаго лѣта, а другіе для полярной экспедиціи, отыскивающей Сэра Джона Франклина. Общій эффектъ, впрочемъ, былъ довольно живописенъ оркестръ состоялъ изъ двухъ—грубо сдѣланныхъ скрипокъ, двухъ балалаекъ, или треугольныхъ туземныхъ гитаръ съ двумя струнами, и большаго гребня съ листомъ бумаги—инструмента хорошо извѣстнаго всѣмъ мальчикамъ. Любопытствуя посмотрѣть, какъ дѣло такого рода будетъ ведено по правиламъ сибирскаго этикета, я спокойно усѣлся въ уголъ и началъ мои наблюденія. Дамы тотчасъ-же по пріѣздѣ садились торжественно врядъ на деревянныя скамьи, у одной стѣны комнаты, а мужчины густой толпой стояли у другой. Всѣ были необыкновенно умѣренны. Ни кто не улыбался, ни кто не говорилъ ни слова; молчаніе нарушалось только случайно пискливымъ оккордомъ разбитой скрипки въ оркестрѣ или меланхолическомъ «тутъ-тутъ», когда одинъ изъ музыкантовъ вздумывалъ настраивать свой гребень. Если только въ этомъ и заключалось все увеселеніе, то я не видалъ въ немъ ничего неприличнаго для воскресенья. Оно походило скорѣе на похороны. Я мало зналъ еще, какая способность возбужденія заключалась

подъ скромной наружностью этихъ туземцевъ. Чрезъ нѣсколько минутъ маленькое движеніе у двери возвѣстило о появленіи угощенья и молодой Чуванецъ поднесъ мнѣ большую деревянную чашку, содержащую около четырехъ гарнцевъ сырой замороженной брусники. Не ужели предполагали, что я могу съѣсть четыре гарнца сырой брусники! Я взялъ ложки двѣ и посмотрѣлъ на Додда за дальнѣйшими инструкціями. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я передалъ ее далѣе, и такъ какъ она походила вкусомъ на кисловатыя градины и причинила мнѣ только зубную боль, я былъ очень радъ избавиться отъ нея.

Слѣдующее угощенье состояло изъ другой деревянной чашки, наполненной, какъ мнѣ показалось, бѣлыми сосновыми стружками, и я взглянулъ на нихъ съ совершеннымъ удивленіемъ. Замороженная брусника, и сосновыя стружки были самымъ необыкновеннымъ угощеніемъ, которое я когда либо видѣлъ, даже въ Сибири; но я хвастался моей способностью ѣсть почти все, и если туземцы могли питаться брусникой и стружками—я недолженъ былъ уступать имъ. Что я принялъ за сосновыя стружки, оказалось при ближайшемъ изслѣдованіи наскобленной, сырой, мерзлой рыбой, любимымъ лакомствомъ сибиряковъ, которое впослѣдствіи я встрѣчалъ очень часто подъ названіемъ «струганины». Мнѣ удалось справиться и съ этими рыбными стружками безъ иныхъ, серьезныхъ результатовъ, кромѣ усиленія зубной боли. За ними слѣдовали бѣлый хлѣбъ съ масломъ, пироги съ брусникой и чай, которымъ и закончился ужинъ. Тогда мы были уже совершенно приготовлены къ началу удовольствія, и послѣ нѣсколькихъ, приготовительныхъ пиликаній и настроеваній музыкальныхъ инструментовъ, оркестръ разразился оживленнымъ, русскимъ, народнымъ танцемъ. Музыканты усердно били тактъ головой и правой ногой, человѣкъ съ гребнемъ покраснѣлъ какъ ракъ отъ усиленной натуги и все собраніе начало пѣть. Чрезъ минуту, одинъ изъ мужчинъ въ платьѣ изъ пятнистой оленьей шкуры и въ лосинныхъ панталонахъ, выскочилъ на средину комнаты и низко поклонился одной дамѣ, сидѣвшей на концѣ скамьи. Дама встала съ граціознымъ поклономъ, и оба начали родъ полупляски, полу-пантомимы по комнатѣ, приближаясь и удаляясь въ

тактъ музыкѣ и быстро повертываясь; мужчина, по видимому, ухаживалъ за дамой, а дама отталкивала всѣ его любезности, отворачиваясь отъ него, закрывая себѣ лицо платкомъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ такихъ нѣмыхъ движеній, дама удалилась и другая заняла ея мѣсто; музыка удвоила темпъ, танцующіе пустились въ бѣшеную пляску, и рѣзкія возбуждающія восклицанія: «Ахъ! Ахъ! валяй! не отставай!» раздавались со всѣхъ концовъ комнаты, вмѣстѣ съ оглушающей музыкой гребня и топаньемъ полсотни ногъ на деревянномъ полу. Кровь закипѣла въ моихъ жилахъ,—такъ заразительно было это общее возбужденіе!

Вдругъ, пляшущій бросился на землю, къ ногамъ своей дамы, и началъ въ присядку плясать вокругъ нее, напоминая мнѣ въ эту минуту своей фигурой хромую огромную стрекозу. Этотъ неожиданный поступокъ привелъ все общество въ дикій восторгъ; крики и пѣсни заглушили всѣ музыкальные инструменты, исключая гребня, который продолжалъ трубить, подобно шотландской волынкѣ, при ея послѣдней агоніи. Такого пѣнія, такой пляски, такого возбужденія я никогда не видывалъ. Оно разомъ уничтожило все мое самообладаніе. Наконецъ танцоръ, проплясавъ поочередно со всѣми дамами въ комнатѣ, остановился по видимому истощенный—чему я вполнѣ вѣрю—потъ градомъ катился по его лицу, и онъ отправился за мороженой брусникой, чтобъ освѣжиться послѣ этой усиленной гимнастики. За этой пляской пазываемой «русская», послѣдовала другая, извѣстная подъ именемъ «казачка», въ которой Доддъ, къ великому моему удивленію, незамедлилъ принять участіе. Я чувствовалъ себя способнымъ на каждый танецъ, на который способенъ былъ Доддъ; поэтому пригласивъ даму въ ситцевомъ платьѣ, съ красными и голубыми цвѣтами, я занялъ мѣсто въ ряду танцующихъ. Восторгъ былъ неописанный, когда оба американца начали быстро кружиться по комнатѣ; музыканты приложили все свое стараніе, чтобъ играть быстрѣе, человѣкъ съ гребнемъ закашлялся и долженъ былъ прекратить свою игру, и правильное притопыванье пятидесяти или шестидесяти ногъ указывали тактъ музыкѣ вмѣстѣ съ одобряющими криками: «валяй американцы! эхъ, эхъ, эхъ!» и шумнымъ пѣніемъ всей толпы.

Верхъ возбужденія, до котораго туземцы доводятъ себя въ продолженіи этой пляски, почти не вѣроятенъ, и имѣетъ удивительно воодушевляющее дѣйствіе даже на иностранца. Еслибъ я былъ въ полномъ разсудкѣ въ эту минуту, а не подъ вліяніемъ неестественнаго энтузіазма, я никогда не рѣшился бы танцовать «казачка», ни выставлять себя въ смѣшномъ видѣ. Въ Сибири считается большимъ нарушеніемъ этикета если вы, пустившись разъ танцовать, не протанцуете, или по крайней мѣрѣ, не предложите протанцовать со всѣми дамами въ обществѣ; если онѣ многочисленны, то это удовольствіе дѣлается весьма утомительнымъ. Исполнивши этотъ обычай, мы съ Доддомъ бросились вонъ изъ комнаты, сѣли на скамью, сдѣланную изъ снѣга, и съѣли по гарнцу замороженой рыбы и брусничныхъ градинъ. Весь нашъ организмъ таялъ, кажется, отъ страшнаго жара.

Какъ доказательства того уваженія, которымъ американцы пользуются въ Анадырскѣ, я разскажу слѣдующій маленькій случай: танцуя казачка, я нечаянно наступилъ моими тяжелыми сапогами на ногу одного русскаго крестьянина. По выраженію его лица, я замѣтилъ, что причинилъ ему большую боль, и по окончаніи пляски отправился къ нему извиняться, взявъ Додда какъ пере. водчика. Но онъ прервалъ меня кучей поклоновъ, увѣряя, что ему вовсе не было больно, и только что не говорилъ, что американецъ сдѣлалъ ему большую честь, наступивъ на ногу! Никогда до сихъ поръ, я не сознавалъ того славнаго и завиднаго положенія, которымъ пользовался, будучи урожденцемъ нашей высокоцѣнимой страны.

Танцы, прерываемые оригинальными туземными играми и частными угощеніями въ видѣ замороженой брусники, продолжались до двухъ часовъ, т. е. девять часовъ сряду. Я описалъ немножко подробно этотъ танцовальный вечеръ, потому что въ этомъ состоитъ главное развлеченіе полу-образованныхъ жителей всѣхъ рус. скихъ поселеній въ Сибири, и потому показываетъ лучше, чѣмъ что другое, беззаботный, веселый нравъ народа.

Въ продолженіе всѣхъ святокъ все поселеніе занималось только визитами, приглашеніями на чай, плясками, катаньемъ на саняхъ

и игрою въ мячикъ. Каждый вечеръ отъ рождества до новаго года, толпы наряженныхъ въ самые фантастическіе костюмы, обходили съ музыкой всѣ дома въ селеніи и угощали хозяевъ пѣснями и танцами. Жители этихъ маленькихъ поселеній въ сѣверо-восточной Сибири самый беззаботный, добросердечный и гостепріимный народъ во всемъ мірѣ; и эти качества проявляются всюду въ ихъ общественной жизни, не смотря на ея грубость. Вы не встрѣтите ни церемоній, ни напыщенности, ни желаній выставиться ни въ одномъ классѣ общества. Всѣ смѣшаны вмѣстѣ, всѣ обращаются другъ съ другомъ съ самой радушной откровенностью; мужчины часто цѣлуются при встрѣчѣ и прощаніи, какъ братья. Ихъ уединеніе отъ остальнаго міра, кажется связало ихъ узами взаимной симпатіи и солидарности, и загнало всякое чувство зависти и мелочнаго эгоизма. Во все время нашего пребыванія у священника, съ нами обращались съ возможнымъ вниманіемъ и обдуманнымъ уваженіемъ, и его маленькій запасъ роскоши какъ-то: мука, сахаръ и масло, щедро тратился для нашего стола. Онъ былъ радъ дѣлить съ нами все, что у него было, и никогда не намекалъ даже на вознагражденіе; ему кажется, и въ голову не приходило, что онъ дѣлаетъ болѣе того что требуетъ простое гостепріимство.

Съ первыми десятью днями нашего пребыванія въ Анадырскѣ соединено нѣсколько самымъ пріятныхъ воспоминаній изъ нашей сибирской жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Приключенія во время поисковъ за нашими товарищами.

Немедленно по прибытіи нашемъ въ Анадырскъ, мы навели справки о партіи американцевъ, высадившейся по слухамъ гдѣ то близъ устья Анадырской рѣки; но мы немогли собрать болѣе точныхъ свѣденій, чѣмъ тѣ, которыя уже имѣли. Кочующія чукчи принесли извѣстіе, что маленькая партія бѣлыхъ людей была высажена южнѣе Берингова пролива поздней осенью, съ «огненнаго корабля» т. е. парохода, что они вырыли родъ погреба въ землѣ, покрыли его вѣтвями и досками, и такимъ образомъ остались на зимовку. Кто они были, зачѣмъ пришли, и долго ли предполагали остаться—вотъ вопросы, которые волновали все чукотское населеніе и на которые никто не могъ дать отвѣта. Ихъ маленькая подземная хижина была совершенно завалена по словамъ туземцевъ снѣжными сугробами, и только странная желѣзная труба, изъ которой выходили дымъ и искры, указывала то мѣсто, гдѣ жили бѣлыя люди. Эта странная желѣзная труба, которая такъ поражала чукчей, была конечно ничто иное, какъ англійская печная труба, и это сообщеніе подтверждало истинность разсказа. Ни одинъ сибирскій туземецъ не могъ бы выдумать понятія о желѣзной печной трубѣ—кто нибудь изъ нихъ долженъ былъ дѣйствительно видѣть ее; одинъ этотъ фактъ убѣдилъ насъ, что американцы жили гдѣ нибудь на берегу моря,—вѣроятно пар-

тія изслѣдователей, высаженная полковникомъ Белькли, для одинаковой съ нами цѣли.

Инструкціи, данныя намъ маіоромъ при отправленіи изъ Гижиги, не разсчитывали на такую случайность, какъ прибытіе партіи къ Берингову проливу, такъ какъ въ то время мы потеряли уже всякую надежду на такую помощь, и думали изслѣдовать страну собственными только силами. Главный инженеръ сказалъ положительно при отъѣздѣ нашемъ изъ Сан-Франциско, что если онъ и рѣшится оставить партію людей у устья Анадыри, то высадитъ ихъ туда ранней осенью съ большой китоловной лодкой, на которой они могли бы подняться по рѣкѣ до наступленія зимы къ поселенію. Поэтому, когда мы встрѣтили въ Гижигѣ пріѣзжихъ изъ Анадырска въ концѣ ноября, и узнали отъ нихъ, что они ничего не слыхали объ этой партіи, мы конечно заключили, что полковникъ Белькли по какимъ нибудь причинамъ отказался отъ первоначальнаго своего плана. Никто не предполагалъ, что онъ оставитъ горсть людей въ пустынной мѣстности, на югѣ отъ Берингова пролива, въ началѣ полярной зимы, безъ всякихъ средствъ къ передвиженію, безъ крова, окруженныхъ дикими племенами необузданныхъ туземцевъ и удаленныхъ болѣе, чѣмъ на двѣсти миль отъ ближайшаго, цивилизованнаго человѣческаго существа. Что должна была дѣлать эта несчастная партія? Ей оставалось только жить въ бездѣйствіи, пока она не умретъ съ голоду, не будетъ перебита туземцами, или спасена какой нибудь другой экспедиціей, посланной ей на помощь извнутри страны. Таково было положеніе дѣлъ, когда мы съ Доддомъ пріѣхали въ Анадырскъ. Намъ приказано было оставить рѣку Анадырь неизслѣдованною до слѣдующаго года; но мы знали, что лишь только маіоръ получитъ письма, прошедшія черезъ наши руки въ Шестаковѣ, какъ онъ узнаетъ, что партія высажена на югѣ Берингова пролива и вѣроятно пришлетъ намъ приказазаніе черезъ нарочнаго курьера отправиться розыскивать ее и привести въ Анадырскъ, гдѣ она можетъ быть намъ полезна. Поэтому мы рѣшились предупредить эти распоряженія, и взять на собственную отвѣтственность розыски американской печной трубы.

Наше положеніе впрочемъ было самое затруднительное. У насъ не было средствъ вѣрно опредѣлить наше собственное географическое положеніе, ни мѣстонахожденія американской партіи. У насъ не было инструментовъ, чтобъ производить астрономическіе наблюденія, мы не могли опредѣлить съ точностью градусы широты и долготы того мѣста, гдѣ мы были, и мы не знали въ двухъ стахъ миляхъ отъ насъ Тихій океанъ или въ пятистахъ. По отчету лейтенанта Филиппеуса, который изслѣдовалъ часть Анадырской рѣки, поселеніе отстояло на 1,000 верстъ отъ Анадырской губы, между тѣмъ какъ по расчету жителей Гижиги оно находилось не болѣе какъ въ 400 в. отъ нея. Настоящее разстояніе было для насъ вопросомъ жизненной важности, потому что мы должны были взять съ собою пищу для собакъ на всю дорогу, а если намъ предстояло путешествіе въ тысячу верстъ, то собаки вѣроятно перемерли бы отъ истощенія прежде, чѣмъ мы успѣемъ вернуться. Кромѣ этого, если мы и достигнемъ Анадырской губы, какъ же мы узнаемъ, гдѣ именно находятся американцы? И пока намъ удасться встрѣтить шайку чукчей, которые видѣли ихъ, намъ придется, можетъ быть, блуждать цѣлый мѣсяцъ по этимъ безплоднымъ равнинамъ, не наткнувшихъ на печную трубу, которая была единственнымъ наружнымъ знакомъ ихъ подземнаго жилища. Это будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ по пословицѣ, найти иголку въ стогѣ сѣна.

Когда мы объявили жителямъ Анадырска о намѣреніи нашемъ отправиться къ берегу Тихаго океана, и стали вызывать охотниковъ сопутствовать намъ, мы встрѣтили самую сильную оппозицію. Туземцы заявили въ одинъ голосъ, что такое путешествіе невозможно, что это вещь неслыханная до сихъ поръ, что у низовьевъ Анадыри бываютъ страшныя бури, что онѣ совершенно безлѣсны, что холодъ тамъ всегда силенъ и что мы неминуемо замерзнемъ, или умремъ съ голода и лишимся всѣхъ собакъ. Они приводили въ примѣръ лейтенанта Филиппеуса, который едва избѣжалъ голодной смерти въ этихъ мѣстностяхъ въ 1860 году, хотя и отправился туда весною, между тѣмъ какъ мы хотимъ ѣхать среди зимы, когда морозы и вьюги во всей своей силѣ.

Однимъ словомъ, они объявили, что такое предпріятіе окончится неминуемымъ несчастіемъ. Нашъ казакъ Григорій, честный и заслуживающій довѣрія старикъ, сопровождавшій лейтенанта Филиппеуса и служившій ему переводчикомъ у чукчей въ 1860 г., спускался уже по рѣкѣ на полтораста миль зимою, и слѣдовательно былъ опытнѣе въ этомъ дѣлѣ. По этому мы не обратили вниманіе на слова туземцевъ, и обсудили съ нимъ этотъ вопросъ. Онъ сказалъ, что на сколько онъ приближался къ Анадырской губѣ, онъ вездѣ встрѣчалъ достаточно малорослой сосны на берегахъ рѣки, чтобъ снабдить насъ въ избыткѣ лѣсомъ для костровъ, и мѣстность была не хуже той, по которой мы ѣхали изъ Гижиги въ Анадырскъ. Онъ заявилъ о своей полной готовности предпринять это путешествіе, и поѣхать на своихъ собственныхъ собакахъ куда бы мы не хотѣли. Священникъ, который также пускался лѣтомъ по рѣкѣ, полагалъ, что поѣздка эта очень возможна, и сказалъ, что самъ бы сопутствовалъ намъ, еслибъ могъ принести какую нибудь пользу. Ободренные этими увѣреніями, мы сообщили туземцамъ наше окончательное рѣшеніе, показали имъ письмо, привезенное отъ гижигинскаго исправника, дающее намъ право требовать людей и саней для всякаго рода услугъ, и сказали имъ, что если они откажутся ѣхать съ нами, то мы пошлемъ нарочнаго въ Гижигу объявить о ихъ непослушаніи. Эта угроза и примѣръ казака Григорія, извѣстнаго за самаго опытнаго проводника отъ Охотскаго моря до Ледовитаго океана, произвели наконецъ желаемое дѣйствіе. Одиннадцать человѣкъ согласились сопутствовать намъ, и мы начали тотчасъ запасать кормъ для собакъ и съѣстные припасы, для скорѣйшаго отъѣзда. До сихъ поръ мы имѣли только самые неопредѣленные свѣдѣнія о положеніи американской партіи и рѣшились подождать еще нѣсколько дней возвращенія казака Кожевина, который поѣхалъ къ кочующимъ чукчамъ. Священникъ былъ увѣренъ, что онъ привезетъ послѣднія и самыя достовѣрныя свѣдѣнія, такъ какъ кочущіе туземцы во всей странѣ знали о прибытіи таинственныхъ бѣлыхъ, и могли приблизительно объяснить Кожевину мѣсто ихъ нахожденія. Въ это время мы заботились о нѣкоторыхъ прибавкахъ къ

нашимъ мѣховымъ костюмамъ, объ изготовленіи масокъ изъ бѣличьей шкуры, чтобъ надѣвать на лицо при слишкомъ сильномъ холодѣ, и засадили всѣхъ женщинъ въ поселеніи за работу большой палатки изъ шкуръ.

Въ субботу, 20-го января н. с., Кожевинъ возвратился отъ чукчей, стоявшихъ сѣвернѣе Анадырска, и привезъ, какъ и ожидали, болѣе подробные свѣдѣнія объ партіи американцевъ, покинутой у Берингова пролива. Она состояла, по послѣднимъ извѣстіямъ, только изъ пяти человѣкъ, живущихъ на Анадыри, на разстояніи одного дня путешествія отъ ея устья. Эти пятъ человѣкъ жили въ подземной хижинѣ, грубо построенный изъ сучьевъ и досокъ и совершенно погребенный подъ снѣгомъ. Говорили, что они въ изобиліи снабжены съѣстными припасами и имѣютъ много боченковъ, содержащихъ, по предположенію туземцевъ, водку, но которые были, вѣроятно, боченки съ солониной. Они разводили огонь самымъ необыкновеннымъ способомъ, по словамъ чукчей зажигая «черные камни въ желѣзномъ ящикѣ», между тѣмъ какъ весь дымъ таинственно выходилъ изъ наклоненной желѣзной трубы, которая вертѣлась отъ вѣтра. Въ этомъ живомъ, но смѣшномъ описаніи, мы узнали разумѣется печь, топящуюся каменнымъ углемъ, и трубу съ коловратнымъ движеніемъ. Кожевину сказали также, что они имѣютъ огромнаго чернаго ручнаго медвѣдя, который бѣгаетъ на свободѣ вокругъ изъ жилища, и который разогналъ чукчей самымъ энергичнымъ способомъ. Когда я услыхалъ это, я не могъ долѣе удержать торжествующаго крика. Партія состояла изъ нашихъ старыхъ товарищей изъ Сан-Франциско, и ручной черный медвѣдь была ньюфаундленская собака Робинсона. Я ее ласкалъ столько разъ въ Америкѣ, и между моими фотографическими карточками былъ даже снимокъ съ нея. Она принимала также участіе въ экспедиціи. Теперь не могло быть болѣе сомнѣнія, что партія, погребенная подъ снѣгомъ въ обширныхъ степяхъ на югѣ Берингова пролива, была давно ожидаемая партія изслѣдователей, подъ начальствомъ лейтенанта Макри, и наши сердца бились отъ волненія, когда мы думали, какъ изумятся наши старые друзья и товарищи, когда мы неожиданно

явимся къ нимъ въ эту пустынную, Богомъ покинутую страну, за двѣ тысячи миль отъ того мѣста, гдѣ, по ихъ расчетамъ, мы должны были высадиться. Такая встрѣча вознаградитъ насъ сторицею за всѣ трудности и непріятности сибирской жизни.

Вскорѣ все было готово къ отъѣзду. Сани были нагружены на пять футовъ вышины съѣстными припасами для насъ и для собакъ на тридцать дней; наша палатка изъ шкуръ окончена и уложена для употребленія во время слишкомъ сильныхъ холодовъ, мѣшки, верхняя обувь, маски, толстая одежда для спанья, лопаты, топоры, ножи и длинные сибирскія лыжи были распредѣлены на каждые сани, и все, что мы могли только придумать съ Доддомъ и Григоріемъ, было сдѣлано для обеспеченія успѣха экспедиціи.

Въ понедѣльникъ утромъ, 22 января, вся партія собралась передъ домомъ священника. Для соблюденія экономіи, и изъ желанія раздѣлить участь нашихъ людей, какая бы она ни была, Доддъ и я оставили повозки, и сами сѣли управлять нашими нагруженными санями. Намъ не хотѣлось, чтобъ туземцы могли сказать, что мы заставляемъ ихъ ѣхать, а сами избѣгаемъ свою долю трудовъ и опасностей. Все поселеніе города, мужчины, женщины и дѣти собрались смотрѣть на нашъ отъѣздъ, и улица передъ домомъ священника была переполнена толпой темнолицыхъ мужчинъ въ мѣховыхъ одеждахъ, красныхъ кушакахъ и большихъ лисьихъ капорахъ и встревоженныхъ женщинъ, бѣгающихъ взадъ и впередъ и прощающихся съ мужьями и братьями, одинадцатью узкими, длинными санями, нагруженными сушеной рыбой и увязанными желтой лосинной кожей и ремнями, и наконецъ 125 мохнатыми, волкообразными собаками, которыя заглушали весь остальной шумъ громкимъ нетерпѣливымъ лаемъ.

Спутники наши взошли въ домъ священника, перекрестились и помолились передъ образомъ Спасителя, что они всегда дѣлали передъ отъѣздомъ въ долгій путь. Доддъ и я простились съ добродушнымъ священикомъ, на что онъ намъ отвѣчалъ «съ Богомъ», что у русскихъ замѣняетъ «прощайте»; потомъ вскочивъ въ сани и пустивъ нашихъ бѣшеныхъ собакъ, мы понеслись изъ селенія

въ облакѣ снѣга, блестѣвшемъ какъ алмазный порошокъ, въ красномъ свѣтѣ солнца.

За двумя или тремя стами милями снѣжной пустыни, мы созерцали въ воображеніи темную, печную трубу, поднимающуюся изъ снѣжнаго сугроба—эту чашу Грааля, которую мы отъискивали, какъ странствующіе полярные рыцари.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Продолженіе странствованія.—Открытіе партіи.

Я не хочу долго задерживать читателя на первой части нашего путешествія изъ Анадырска къ берегу Тихаго океана, такъ какъ оно было только повтореніемъ того, что мы уже испытали до сихъ поръ. Ѣзда по льду рѣки или по пустынной степи, лагерныя стоянки ночью, не смотря ни на какую погоду — вотъ въ чемъ состояла наша жизнь; это утомительное однообразіе облегчалось только ожиданіемъ радостной встрѣчи съ нашими друзьями изгнанниками и возбуждающимъ сознаніемъ, что мы вторгались въ страну, гдѣ до насъ никогда еще не была нога цивилизованнаго человѣка. Съ каждымъ днемъ ольховые кусты по берегу рѣки дѣлались все ниже и рѣже, а обширная степь, по которой протекала рѣка, все пустыннѣе, чѣмъ ближе подходили къ морю. Наконецъ мы оставили за собой послѣдній признакъ растительности, и на десятый день начали путешествіе по равнинамъ, совершенно лишеннымъ всякой жизни, которыя простирались безграничнымъ бѣлымъ ковромъ и сливались съ далекимъ горизонтомъ. Рѣка достигала здѣсь мили ширины. Не безъ тревоги думалъ я о возможности быть застигнутымъ десятидневной вьюгой въ такой мѣстности. По приблизительному расчету мы сдѣлали, выѣхавъ изъ Анадырска, около 200 верстъ; но насколько мы подвинулись къ морскому берегу, мы не имѣли средствъ узнать. Погода въ продолженіе этой недѣли стояла, вообще, ясная и не очень холодная; но въ ночь 1-е февраля термометръ понизился до — 35°, а намъ удалось найти только маленькій зеленый кустарникъ, достаточный лишь для того, чтобъ вскипятить чай. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы раскапывали снѣгъ, ища лѣса, но не находили ничего, кромѣ мха и нѣсколькихъ кустовъ брусники, которые не годились для костра. Утомленные длиннымъ дневнымъ путешествіемъ и безполезнымъ копаньемъ снѣга ради дровъ, мы возвратились съ Доддомъ въ лагерь и бросились на медвѣжьи шкуры пить чай. Едва Доддъ поднесъ свою чашку къ губамъ, какъ странное выраженіе его лица поразило меня; онъ будто замѣтилъ какой-то особенный вкусъ въ чаѣ. Только что я хотѣлъ спросить его о причинѣ, какъ онъ вскричалъ удивленно и радостно: «вода прилива! Чай соленый!» Полагая, что нѣсколько соли могло случайно попасть въ чай, я послалъ людей внизъ по рѣкѣ за чистымъ льдомъ и мы старательно распустили его. Безспорно, вода имѣла соленый вкусъ. Мы достигли Тихаго океана, слѣдственно самъ океанъ былъ не далекъ. Еще день—и мы пріѣдемъ къ жилищу американской партіи или къ устью рѣки. По всей вѣроятности, мы не встрѣтимъ болѣе лѣса; желая воспользоваться ясной погодой, мы поспѣшили заснуть, чтобъ черезъ шесть часовъ, въ самую полночь, при свѣтѣ полной луны, отправиться далѣе.

На одиннадцатый день послѣ отъѣзда изъ Анадырска, при окончаніи тѣхъ долгихъ сумерекъ, которыя слѣдуютъ за полярнымъ днемъ, наши одиннадцать саней подъѣхали къ тому мѣсту, гдѣ, по словамъ чукчей, мы ожидали найти покинутую партію американцевъ. Ночь была ясная, тихая и очень холодная; термометръ при закатѣ солнца показывалъ 44° ниже нуля и быстро понизился до — 50°, пока розовый свѣтъ на западѣ дѣлался все слабѣе и слабѣе и темнота воцарялась на обширной степи. Много разъ въ Сибири и Камчаткѣ случалось мнѣ видѣть природу въ ея суровомъ, зимнемъ нарядѣ, но никогда кажется до сихъ поръ элементы холода, безплодности и запустѣнія не составляли такой мрачной картины какъ та, которая лежала въ эту ночь передъ нами у Берингова пролива. Насколько

глазъ могъ проникнуть этотъ мракъ, во всѣхъ направленіяхъ простиралась голая степь, подобно безграничному снѣжному океану съ волнообразными возвышенностями, слѣдами прежнихъ бурь. Когда не было ни деревца, ни куста, никакого признака животной или растительной жизни, который служилъ бы доказательствомъ, что мы ѣдемъ не по замерзшему океану. Всюду мертвенная тишина и запустѣніе. Казалось, что земля эта была покинута Богомъ и людьми и отдана во власть полярнаго духа, дрожащее знамя котораго безпокойно колебалось на небѣ, въ лучахъ сѣвернаго сіянія, какъ знакъ его побѣды и власти. Около восьми часовъ ночная луна взошла, круглая и красная, на востокѣ, бросая заманчивый свѣтъ на огромное снѣжное поле; но какъ бы повинуясь также волѣ полярнаго духа, она вовсе не походила на настоящую луну и принимала постоянно самыя фантастическія и разнообразныя формы. То она растягивалась въ элипсисѣ, то опять съеживалась и принимала очертаніе большой, красной урны, то удлинялась въ перпендикулярную линію съ закругленными концами и сдѣлалась наконецъ треугольной.

Трудно себѣ представить, какое чудное и странное впечатлѣніе производила эта кроваво-красная, искаженная луна среди безъ того уже дикой и странной мѣстности. Мы, казалось, вступили въ какой-то ледяной, покинутый міръ, гдѣ всѣ естественныя явленія и законы природы теряли свою силу, гдѣ всякая животная и растительная жизнь была уничтожена. Страшный холодъ, уединеніе, давящее молчаніе и красный, зловѣщій свѣтъ луны, похожій на зарево далекаго, но огромнаго пожара, все это вмѣстѣ возбуждало въ душѣ чувство ужаса, которое можетъ быть увеличивалось еще сознаніемъ, что до сихъ поръ ни одно человѣческое существо, кромѣ нѣсколькихъ кочующихъ чукчей, не отваживалось зимою вступить въ это царство морозовъ. Не слышно было ни пѣсней, ни шутокъ, ни криковъ, которыми, бывало, наши возницы оживляли ночное путешествіе. Часы проходили за часами медленно и утомительно до полночи. Мы проѣхали уже миль двадцать далѣе того мѣста, гдѣ предполагалось встрѣтить партію американцевъ; но нигдѣ невидно было ни малѣйшаго признака ихъ подземнаго жилища или его выдающейся трубы, и огромная степь простиралась передъ нами все такъ же бѣлая, мертвенная, безграничная какъ и прежде. Мы уже ѣхали около двадцати четырехъ часовъ, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, не считая маленькаго отдыха, который мы дали усталымъ собакамъ передъ солнечнымъ закатомъ, и ужасный холодъ, утомленіе, страхъ и недостатокъ въ горячей пищѣ начали наконецъ отзываться на нашихъ ослабѣвшихъ спутникахъ. Мы стали серьезно размышлять о рискованности нашего предпріятія и о вѣрномъ почти неуспѣхѣ тѣхъ поисковъ, которые мы затѣяли для открытія американской партіи. Изо ста случайностей, мы не имѣли ни одной вѣрной, чтобъ найти въ полночь, въ этой обширной, снѣжной пустынѣ маленькую, засыпанную хижину, точнаго мѣста которой мы не знали и даже въ существованіи которой далеко не были увѣрены. Кто могъ сказать, что американцы не оставили своего подземнаго жилища два мѣсяца тому назадъ и не переселились съ какими нибудь дружественными туземцами въ болѣе удобную и защищенную мѣстность? Послѣднія свѣдѣнія о нихъ мы имѣли отъ 1-го декабря, а теперь былъ уже февраль. Они можетъ быть ушли на сотню миль по берегу, отыскивая мѣсто для поселенія, или удалились глубоко во внутрь страны съ шайкой оленьихъ чукчей. Не было вѣроятности, чтобъ они пробыли четыре мѣсяца въ этой печальной, пустынной мѣстности, не пытаясь выйти изъ нея. Даже если они и были еще на своей прежней стоянкѣ, какъ намъ найти ихъ? Мы можетъ быть проѣхали мимо ихъ подземной хижины уже нѣсколько часовъ тому назадъ, не замѣтя ея, и удалялись теперь все болѣе и болѣе отъ нихъ, отъ лѣса, отъ крова. До отъѣзда изъ Анадырска ничего не казалось легче, какъ спускаться по рѣкѣ, пока не пріѣдемъ къ дому, построенному на берегу, или не увидимъ печной трубы, торчащей изъ снѣжнаго сугроба, но теперь, въ двухъ стахъ пятидесяти или трехъ стахъ миляхъ отъ человѣческаго жилья, при температурѣ въ 50° ниже нуля, когда жизнь наша, можетъ быть, зависѣла отъ открытія этой маленькой, занесенной снѣгомъ, хижины, мы поняли, какъ безумны были наши ожиданія, и какъ слаба наша надежда на успѣхъ. Ближайшій лѣсъ былъ въ пяти-

десяти миляхъ за нами и при томъ утомленіи и ознобѣ, который мы чувствовали, мы не отваживались остановиться безъ огня. Мы должны или идти впередъ или назадъ, впродолженіе четырехъ часовъ, или найти хижину, или отказаться отъ поисковъ и возвратиться къ ближайшему лѣсу какъ можно скорѣе. Собаки начали выказывать несомнѣнные признаки усталости; ихъ ноги, распухшія отъ продолжительнаго пути, растрескались между пальцами и при каждомъ шагѣ оставляли на бѣломъ снѣгѣ слѣды крови. Не желая отказаться отъ поисковъ, пока была еще тѣнь надежды, мы все продолжали ѣхать на востокъ, по окраинѣ высокихъ, голыхъ скалъ, опоясывающихъ рѣку, въ возможно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, вытянувшись въ длинную линію, чтобъ занять большее пространство земли. Полная луна, поднявшись теперь высоко на небѣ, освѣщала пустынную равнину на сѣверной сторонѣ рѣки, почти что дневнымъ свѣтомъ; но бѣлизна этой равнины не нарушалась никакимъ темнымъ предметомъ, исключая мѣстами, маленькими бугорками мха или болотной травы, съ которыхъ снѣгъ былъ снесенъ сильнымъ вѣтромъ.

Всѣ мы страшно страдали отъ холода, и мѣховыя кукули и передъ нашихъ одеждъ превратились въ массы бѣлаго инея, образовавшагося отъ дыханія. Я надѣлъ на себя двѣ тяжелыя куклянки изъ оленьей шкуры, вѣсящія вмѣстѣ около тридцати фунтовъ, подпоясалъ ихъ туго поясомъ, надѣлъ ихъ толстыя мѣховые капоры себѣ на голову и покрылъ лицо бѣличьей маской, но не смотря на все это, я предохранялъ себя отъ холода только тѣмъ, что бѣжалъ возлѣ саней. Доддъ ничего не говорилъ, но повидимому пріунылъ и почти замерзъ, между тѣмъ какъ туземцы молча сидѣли въ своихъ саняхъ, какъ будто ничего больше не ждали и ни на что не надѣялись. Только Григорій и одинъ старый чукча, который служилъ намъ проводникомъ, выказывали нѣкоторую энергію и по видимому надѣялись на открытіе партіи. Они ѣхали впередъ, разрывая всюду снѣгъ, чтобы найти топлива, разглядывая внимательно берега рѣки и сворачивая по временамъ въ снѣжную равнину на сѣверъ. Наконецъ Доддъ, не сказавъ мнѣ ни слова, отдалъ свою остроконечную палку одному изъ туземцевъ, спряталъ голову и руки въ свое мѣховое платье и легъ въ сани, собираясь спать, не смотря на мои замѣчанія и не обращая вниманія на всѣ мои вопросы. Онъ очевидно начиналъ коченѣть отъ холода, отъ котораго не сберегли его и самыя теплыя одежды. Онъ конечно не проживетъ ночи, если его не поднять тотчасъ же; кто знаетъ, проживетъ ли онъ и два часа. Его, по видимому, отчаянное положеніе привело меня въ уныніе; истощенный постоянными усиліями согрѣться, я потерялъ наконецъ всякую надежду и хоть неохотно, но согласился отказаться отъ поисковъ и расположиться на ночлегъ. Я надѣялся возвратить Додда къ жизни, остановившись, гдѣ мы теперь находились, разломавъ одни сани на дрова и напоивъ его чаемъ; ѣхать же далѣе на востокъ и рисковать жизнью всѣхъ безъ всякой видимой надежды на открытіе партіи, или отысканіе лѣса казалось безполезно. Только что я далъ приказаніе ближайшимъ ко мнѣ туземцамъ остановиться, какъ мнѣ показалось, что вдали раздался слабый крикъ. Вся кровь въ моихъ жилахъ внезапно прилила къ сердцу, я сбросилъ мѣховой капоръ и прислушался. Снова слабый, долгій крикъ долетѣлъ до меня по тихому воздуху съ передовыхъ саней. Собаки мои навострили уши при этомъ звукѣ, рванулись впередъ, и черезъ минуту я подъѣхалъ къ кучкѣ нашихъ людей, собравшихся вокругъ какого-то предмета, похожаго на опрокинутую китоловную лодку, занесенную снѣгомъ на берегѣ рѣки. Слѣдъ на пескѣ не былъ болѣе внушителенъ для Робинзона Крузое, чѣмъ эта поврежденная погодой, покинутая лодка для насъ, такъ какъ она ясно свидѣтельствовала, что гдѣ то вблизи должны были находиться пріютъ и жизнь. Одинъ изъ людей, нѣсколько минутъ тому назадъ, наѣхалъ на какой то темный, твердый предметъ въ снѣгѣ, который онъ принялъ сначала за бревно, выброшенное моремъ, но при ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что это была американская китоловная лодка. Если когда-нибудь мы благодарили Бога со всей искренностью нашего сердца, то это было въ эту минуту. Отчистивъ рукавицей длинную бахраму инея, висѣвшую на моихъ вѣкахъ, я сталъ поспѣшно искать вокругъ признака дома, но Григорій былъ быстрѣе меня и радостный крикъ объявилъ о новомъ открытіи. Я далъ собакамъ волю идти куда имъ вздумается, бросилъ остроконечную палку и побѣжалъ по направле-

нію къ звуку. Черезъ минуту я увидалъ Григорія и стараго чукчу, стоящихъ возлѣ низкаго, снѣжнаго вала въ ста аршинахъ отъ корѣчнаго берега и разглядывающихъ какой-то темный предметъ, который торчалъ на его гладкой, бѣлой поверхности. Это была давно жданная, давно искомая печная труба! Анадырская партія была найдена!

Неожиданное открытіе поздней ночью этихъ соотечественниковъ, когда мы уже потеряли всякую надежду на пріютъ и почти на жизнь—было настоящимъ посланіемъ Господнимъ для нашего упавшаго духа, и я не зналъ въ моемъ волненіи что я дѣлалъ. Помню, что я быстро ходилъ взадъ и впередъ передъ снѣжнымъ сугробомъ, повторяя въ полъ-голоса при каждомъ шагѣ: «Слава Богу! Слава Богу!» и сознавая въ эту минуту только одинъ важный фактъ нашей безопасности. Доддъ, очнувшійся изъ своей летаргіи отъ сильнаго волненія, причиненнаго нашимъ открытіемъ, замѣтилъ теперь, что нужно было бы постараться найти входъ въ жилище и идти въ него, какъ можно скорѣе, такъ какъ онъ умиралъ отъ холода и истощенія. Въ одинокомъ снѣжномъ сугробѣ передъ нами не видно было ни одного признака жизни, обитатели его, если они и были, вѣроятно спали. Не видя нигдѣ двери, я взошелъ на сугробъ и крикнулъ черезъ трубу громовымъ голосомъ. Удивленный голосъ изъ-подъ моихъ ногъ спросилъ: «Кто тамъ»?

— Придите и посмотрите! Гдѣ дверь?

Голосъ мой изумилъ американцевъ выходя изъ печи—явленіе доселѣ невстрѣчаемое ими въ ихъ долголѣтней опытности; но они разсудили очень правильно, что печь, способная среди ночи задавать вопросы на чистомъ англійскомъ языкѣ, имѣетъ полное право на отвѣтъ, и они выразили, запинаясь и полу-испуганно, что дверь была въ юго-восточномъ углѣ, что, впрочемъ, нисколько насъ не подвинуло. Во первыхъ, мы не знали, гдѣ былъ юго-востокъ, а во вторыхъ, трудно было найти уголъ въ снѣжномъ сугробѣ. Я оглядывался во всѣ стороны, въ надеждѣ увидать гдѣ нибудь входъ. Обитатели выкопали глубокій ровъ около тридцати футовъ длины, вмѣсто входа, и покрыли его жердями и олеными шкурами, чтобъ предохранить отъ снѣга. Ступая неосторожно по этой непрочной крышѣ, я провалился именно

въ ту самую минуту, когда одинъ изъ потревоженныхъ нами людей выходилъ въ одномъ бѣльѣ, держа высоко надъ головой свѣчу и вглядывался въ темноту туннеля, чтобъ разсмотрѣть новоприбывшихъ. Внезапное паденіе черезъ крышу такого явленія, какимъ я былъ, не было разсчитано на то, чтобъ успокоить возбужденные нервы. На мнѣ были надѣты двѣ тяжелыя кухлянки, придававшія моей фигурѣ гигантскіе размѣры, два толстые кукуля изъ оленьей шкуры съ обледенѣлой бахромой изъ чернаго медвѣдя, бѣличья маска, превратившаяся въ ледяной листъ, закрывала мое лицо, и только глаза, выглядывавшіе изъ подъ этой всклокоченной массы мерзлыхъ волосъ, показывали, что всѣ эти звѣриныя шкуры заключали въ себѣ человѣческое существо. Встрѣтившій меня отступилъ испуганно нѣсколько шаговъ назадъ и едва удержалъ свѣчу въ рукахъ. Я явился въ такомъ сомнительномъ видѣ, что онъ имѣлъ бы право спросить: «съ хорошими или съ дурными намѣреніями я прихожу»? Когда же я узналъ его и обратился къ нему снова по англійски, онъ остолбенѣлъ; тогда я снялъ маску и мѣховое платье и назвался. Не можетъ быть радости больше той, которую я ощутилъ въ этомъ маленькомъ погребѣ, узнавъ въ партіи изгнанниковъ двухъ изъ моихъ старыхъ товарищей и друзей, съ которыми я простился восемь мѣсяцевъ тому назадъ, (когда «Ольга» поднимала паруса въ «Гольденъ Гэтѣ» въ Санъ-Франциско.) Пожимая при прощаньи руки Гардеру и Робинсону, я не думалъ тогда, что мнѣ придется встрѣтиться съ ними ночью, въ маленькомъ, засыпанномъ снѣгомъ погребѣ, на большой пустынной степи у низовьевъ Анадыри. Лишь только мы раздѣлись и усѣлись у яркаго огня, какъ тотчасъ же внезапный переходъ отъ двадцати четырехъ-часовыхъ страданій, утомленія и страха далъ себя почувствовать. Наши напряженные нервы не выдержали и черезъ десять минутъ я едва могъ поднести чашку кофея къ губамъ. Стыдясь такой женской слабости, я старался скрыть ее отъ американцевъ, и полагаю, что они не знаютъ до сихъ поръ, что Доддъ и я едва не упали въ обморокъ нѣсколько разъ впродолженіе первыхъ двадцати минутъ, вслѣдствіе рѣзкаго перехода отъ 50° мороза къ 70° тепла и нервнаго напряженія, причиненнаго

недостаткомъ сна и тревожнымъ состояніемъ. Мы чувствовали непреодолимую потребность подкрѣпиться какимъ нибудь сильнымъ возбудительнымъ средствомъ и попросили водки, но у нихъ не оказалось ни одного спиртнаго напитка. Эта слабость, впрочемъ, вскоро прошла, и мы начали разсказывать другъ другу наши взаимныя приключенія, между тѣмъ, какъ спутники наши прижались кучкой къ другому углу маленькой хижины и подкрѣпляли свои силы горячимъ чаемъ.

Партія американцевъ, которую мы нашли такимъ образомъ погребенную подъ снѣгомъ, въ трехъ стахъ верстахъ слишкомъ отъ Анадырска, была привезена сюда на одномъ изъ кораблей компаніи еще въ сентябрѣ. Они намѣревались подняться по рѣкѣ на китоловной лодкѣ до какого нибудь поселенія и потомъ постараться открыть сообщеніе съ нами; но зима пришла такъ внезапно и рѣка замерзла такъ неожиданно, что планъ этотъ не могъ быть осуществленъ. Не имѣя другихъ средствъ къ передвиженію, кромѣ лодки, имъ оставалось только построить себѣ жилище и зазимовать здѣсь съ слабой надеждой, что, передъ весной, маіоръ Абаза пришлетъ партію людей имъ на выручку. Они выстроили себѣ родъ подземной норы съ помощью кустарника, лѣса, выброшеннаго моремъ, и нѣсколькихъ досокъ, привезенныхъ на кораблѣ, и такимъ образомъ они жили вотъ уже пять мѣсяцевъ при свѣтѣ ночника, не видя ни одного цивилизованнаго человѣческаго существа. Кочующіе чукчи вскорѣ открыли ихъ убѣжище и часто посѣщали ихъ на оленяхъ, привозя имъ свѣжаго мяса и ворвани, которую они употребляли вмѣсто ламповаго масла; но эти туземцы по предразсудку, о которомъ я уже говорилъ, ни за что не хотѣли продать имъ живаго оленя, такъ что всѣ старанія достать средства къ переѣзду отсюда были тщетны. Вначалѣ партія состояла изъ пяти человѣкъ — Макри, Арнольда, Робинсона, Гардера и Смита; но Макри и Арнольдъ, за три недѣли до нашего прибытія, отправились на удачу съ большой шайкой кочующихъ чукчей искать какого нибудь русскаго поселенія. Съ этого времени ничего не было о нихъ слышно, и Робинсонъ, Гардеръ и Смитъ жили одни.

Въ такомъ положеніи была партія, когда мы ее отыскали. Конечно, ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ свезти этихъ людей и всю ихъ кладь обратно въ Анадырскъ, гдѣ вѣроятно Макри и Арнольдъ уже ждали нашего прибытія. Я зналъ, что чукчи приходили въ Анадырскъ каждую зиму для торговли, и вѣроятно привезли съ собою обоихъ американцевъ.

Послѣ трехъ дней отдыха, употребленныхъ нами на поправку и укладку нашихъ вещей, мы поѣхали обратно съ нашими новыми товарищами, и 6 февраля благополучно возвратились въ Анадырскъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Сибирскія племена и ихъ особенности. — Понятія о чтеніи и искусствахъ.

Всѣ жители поселенія высыпались на улицу, чтобъ встрѣтить насъ при нашемъ возвращеніи, но между ними мы не увидали знакомыхъ лицъ Макри и Арнольда. Много шаекъ чукчей съ низовьевъ Анадыри пріѣзжали въ поселеніе, но никто не слыхалъ ничего о двухъ американцахъ. Сорокъ пять дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ они оставили свою стоянку на рѣкѣ, и если они не умерли или ихъ не убили, то они должны были бы уже давно пріѣхать. Я хотѣлъ было послать партію розыскивать ихъ, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о направленіи, по которому опи отправились, ни о намѣреніяхъ туземцевъ, уведшихъ ихъ съ собою; а искать шайку кочующихъ чукчей на этихъ обширныхъ степяхъ было бы также безполезно, какъ отыскивать пропавшій корабль среди Тихаго океана, и еще гораздо опаснѣе. Намъ оставалось только ждать и надѣяться. Мы провели первую недѣлю послѣ возвращенія въ отдыхѣ, въ составленіи журнала и въ приготовленіи отчета о нашихъ изслѣдованіяхъ для отправки его съ нарочнымъ къ маіору. Въ это время много дикихъ, кочующихъ туземцевъ—чукчей, ломутовъ и коряковъ приходили въ поселеніе мѣнять свои звѣриныя шкуры и моржовые клыки на табакъ, и тѣмъ дали намъ прекрасный случай изучить ихъ различные нравы и образъ жизни. Кочующіе чукчи, посѣщавшіе насъ чаще всѣхъ,

составляли, очевидно, самое могущественное племя сѣверовосточной Сибири и производили на насъ вообще благопріятное впечатлѣніе своей наружностью и обращеніемъ. Кромѣ одежды, они мало чѣмъ отличаются отъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ — многіе изъ нихъ представляютъ прекрасные, могучіе образцы первобытнаго человѣчества. Въ главныхъ чертахъ они немногимъ отличаются отъ кочующихъ коряковъ, обычаи, вѣрованія и образъ жизни которыхъ я уже описывалъ.

Ломуты, напротивъ, принадлежатъ къ совершенно отдѣльному племени, и сходны съ чукчами только по ихъ кочевому образу жизни. Всѣ туземцы сѣверовосточной Сибири, исключая камчадаловъ, чуванцевъ и юкагировъ, частью уже обрусѣвшихъ, принадлежатъ къ одному изъ трехъ великихъ племенъ. Первое изъ нихъ, которое можно назвать индѣйскимъ племенемъ, заключаетъ въ себѣ кочующихъ и осѣдлыхъ чукчей и коряковъ, и занимаетъ часть Сибири, лежащую между 16-мъ меридіаномъ восточной долготы и Беринговымъ проливомъ. Это единственное племя, которое съ успѣхомъ сопротивлялось вторженію рускихъ и состоитъ безъ сомнѣнія изъ самыхъ храбрыхъ и независимыхъ дикарей всей Сибири. Я не думаю, чтобъ это племя заключало въ себѣ теперь болѣе шести или восьми тысячь душъ, хотя русскіе и насчитываютъ ихъ гораздо болѣе.

Второе племя заключаетъ въ себѣ всѣхъ туземцевъ китайскаго происхожденія, какъ то: тунгузовъ, ломутовъ, манжуровъ и гиляковъ на Амурѣ. Оно одно занимаетъ большее пространство земли, чѣмъ оба другія племени вмѣстѣ взятыя, такъ какъ представители его встрѣчаются на западѣ до Енисея и на востокѣ до Анадырска, т. е. до 169° в. д. Единственныя вѣтви этого племени, съ которыми мнѣ удалось познакомиться, это ломуты и тунгузы. Они очень походятъ другъ на друга, стройны, съ прямыми черными волосами, темно оливковымъ цвѣтомъ кожи, болѣе или менѣе узкими, косо-прорѣзанными глазами и безбороды. Они столько же походятъ на чукча или на коряка, сколько китаецъ походитъ на каманча или на сіу. Одежда ихъ очень странная. Она состоитъ изъ мѣхового капора, узкихъ мѣховыхъ пан-

талонъ, короткихъ оленьихъ сапоговъ, масонскихъ фартуховъ, сдѣланныхъ изъ мягкой лосиной кожи и старательно украшенныхъ бусами и кусочками металла, и кафтановъ необыкновеннаго покроя изъ оленьей кожи, похожаго на покрой европейскаго платья и отдѣланыхъ длинными шкурками изъ окрашенной оленьей шерсти въ родѣ синели. Вамъ всегда кажется, что на нихъ надѣтъ какой то мундиръ. Мужчины и женщины очень походятъ другъ на друга наружностью и одеждой, такъ что иностранцу ихъ трудно бываетъ отличить съ перваго раза. Подобно чукчамъ и корякамъ, они кочующее племя, владѣющее оленями, но образомъ жизни они нѣсколько различаются отъ первыхъ. Ихъ палатки меньше и иначе построены, и они не переносятъ съ собою палаточные шесты, какъ чукчи, но оставляютъ ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли лагеремъ, и срѣзываютъ себѣ новые или пользуются тѣми, которые были оставлены другими шайками. Такимъ образомъ шесты палатокъ служатъ имъ придорожными знаками. Немногіе только изъ тунгузовъ и ломутовъ владѣютъ большими стадами оленей. Стадо въ двѣсти или триста головъ считается уже очень многочисленнымъ, и на человѣка, обладающаго имъ, смотрятъ, какъ у насъ на милліонера. Стада, подобныя корякскимъ въ сѣверной Камчаткѣ, заключающія отъ пяти до десяти тысячь головъ, никогда не встрѣчаются на западѣ отъ Гижиги. Тунгузы, не смотря на это, извлекаютъ болѣе выгодъ изъ своихъ оленей, чѣмъ коряки. Такъ напримѣръ, эти послѣднія очень рѣдко ѣздятъ верхомъ или навьючиваютъ на нихъ свои пожитки, между тѣмъ какъ у тунгузовъ это самая обыкновенная вещь. Тунгузы кроткаго и тихаго нрава, легко управляемы и скоро подпадаютъ подъ постороннее вліяніе; они заняли такое большое пространство земли, скорѣе вслѣдствіе уступчивости другихъ племенъ, чѣмъ по завоевательнымъ наклонностямъ своего собственнаго. Ихъ первоначальная религія была шаманизмъ, но теперь они всѣ почти исповѣдуютъ греко-россійскую вѣру и получаютъ при крещеніи христіанскія имена. Они признаютъ верховную власть царя и платятъ ежегодную дань мѣхами. Почти всѣ бѣличьи шкуры, появляющіяся на европейскомъ рынкѣ, покупаются русскими торговцами у тунгузовъ, кочующихъ близъ Охотскаго моря. Когда я оставилъ Охотскъ въ концѣ 1867 г., въ рукахъ одного русскаго купца было болѣе 70,000 бѣличьихъ шкурокъ, а это еще малая часть всего количества, привезеннаго тунгузами въ продолженіе лѣта. Ломуты, болѣе всего родственные тунгузамъ, не такъ многочисленны, но нравами и образомъ жизни совершенно походятъ на нихъ. Впродолженіе двухъ лѣтъ моихъ, почти безпрестанныхъ, странствованій по сѣверовосточной Сибири, я встрѣтилъ не болѣе трехъ или четырехъ шаекъ ломутовъ.

Третье большое племя туземцевъ турецкаго происхожденія. Къ нему принадлежатъ одни только якуты, поселенные преимущественно по Ленѣ, отъ ея верховьевъ и до самаго Ледовитаго океана. Ихъ происхожденіе неизвѣстно, но говорятъ, что ихъ языкъ такъ похожъ на турецкій или на ново-османскій, что низшій классъ жителей Константинополя могъ бы довольно хорошо объясняться съ якутомъ, пріѣхавшимъ съ Лены. Жаль, что живя въ Сибири, я не занялся на столько сравнительной филологіей, чтобъ составить словарь и грамматику якутскаго языка. Я имѣлъ на это прекрасный случай, но тогда еще я не зналъ о его близкомъ родствѣ съ турецкимъ и смотрѣлъ на него единственно какъ на непонятный и трудный языкъ, свидѣтельствующій только о дѣятельномъ участіи якутовъ въ сооруженіи Вавилонской башни. Большая часть этого племени живетъ непосредственно у полярнаго круга и способно выносить самую низкую температуру съ меньшими страданіями, чѣмъ другіе туземцы Сибири. Врангель называетъ ихъ «желѣзными людьми», и они вполнѣ заслуживаютъ это названіе. Въ Якутскѣ, гдѣ живетъ ихъ нѣсколько тысячь, термометръ впродолженіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ показываетъ среднимъ числомъ 37° ниже нуля; и этотъ страшный холодъ, кажется нисколько не безпокоитъ ихъ. Мнѣ случалось видѣть при 40° мороза якутовъ въ одной только рубашкѣ и овчинномъ полушубкѣ, стоящими спокойно на улицѣ, разговаривающими и смѣющимися, какъ въ прекрасный лѣтній день, среди благоухающаго воздуха! Это самые бережливые и промышленные туземцы всей сѣверной Азіи. Въ Сибири существуетъ поговорка,

что если вы возьмете якута, раздѣнете его до нога и оставите среди большой пустынной степи, и потомъ возвратитесь на это же самое мѣсто черезъ годъ, вы найдете его живущаго въ большомъ, удобномъ домѣ, окруженнаго скирдами хлѣба и стогами сѣна, владѣющаго табунами лошадей и стадами, и наслаждающагося жизнью какъ какой-нибудь патріархъ. Они болѣе или менѣе цивилизовались отъ сношеній съ русскими, усвоили русскій образъ жизни и греческую вѣру. На Ленѣ они воздѣлываютъ рожь, косятъ сѣно, содержатъ стада рогатаго скота и табуны сибирскихъ лошадей и питаются преимущественно чернымъ хлѣбомъ, молокомъ, масломъ и кониной. Они очень жадны. Всѣ искусно владѣютъ топоромъ и только съ нимъ однимъ отправляются въ первобытные лѣса, срубаютъ деревья, обтесываютъ бревна и доски и сооружаютъ цѣлые дома съ оконницами и дверями съ панелями. Это единственные туземцы во всей сѣверовосточной Сибири, которые способны на трудную, продолжительную работу и охотно занимаются ею.

Эти три великія племени, т. е. индѣйское, китайское и турецко-якутское, заключаютъ въ себѣ всѣхъ первобытныхъ жителей сѣверовосточной Сибири, исключая камчадаловъ, чуванцевъ и юкагировъ. Эти послѣдніе такъ измѣнились отъ вліянія русскихъ, что трудно сказать теперь къ какому племени они принадлежатъ, и этнологи скоро избавятся совершенно отъ труда рѣшать эту задачу, вслѣдствіе ихъ неминуемаго уничтоженія. Отъ чуванцевъ и юкагировъ существуютъ теперь только немногіе остатки и языкъ ихъ погибнетъ съ настоящимъ поколѣніемъ.

Бóльшая часть туземцевъ, которыхъ мы видѣли въ Анадырскѣ, принадлежали, какъ я уже сказалъ, къ племени чукчей. Они часто посѣщали насъ большими партіями и очень насъ забавляли своими наивными и дѣтскими замѣчаніями на счетъ американцевъ, американскихъ инструментовъ и вообще удивительныхъ американскихъ вещей, которыя мы имъ показывали. Я никогда не забуду крайняго изумленія, съ которымъ одна шайка смотрѣла въ мою зрительную трубу. Я вынесъ ее въ одинъ ясный, морозный день на дворъ, и тотчасъ же толпа чукчей и юкагировъ собралась вокругъ меня посмотрѣть, что я буду дѣлать. Замѣтивъ ихъ любопытство, я передалъ трубу одному изъ нихъ, велѣвъ ему смотрѣть чрезъ нее на другаго туземца, который случайно стоялъ на равнинѣ въ двухъ стахъ аршинахъ отъ насъ. Выраженіе смущенія и полунедовѣрчиваго удивленія, появлявшихся все болѣе и болѣе на его лицѣ, когда онъ увидалъ туземца въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, было чрезвычайно смѣшно. Ему и въ голову не пришло, что это былъ простой оптическій обманъ; онъ вообразилъ, что удивительный снарядъ перенесъ человѣка съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, на нѣсколько аршинъ отъ него, и держа трубу одной рукой передъ глазами, онъ протянулъ другую, чтобъ схватить его. Видя, къ своему величайшему удивленію, что это ему не удается, онъ отнялъ трубу и увидалъ человѣка, стоящаго также спокойно, какъ и прежде въ двухъ стахъ аршинахъ отъ него. Ему пришла тогда мысль, что если онъ успѣетъ поднести таинственный инструментъ къ глазамъ какъ можно быстрѣе, то онъ застигнетъ человѣка въ тотъ самый моментъ, когда онъ будетъ подходить, поймаетъ его, можетъ быть, на полъ-дорогѣ и узнаетъ секретъ его приближенія. Поэтому онъ очень медленно началъ подносить трубу къ глазамъ, наблюдая все время внимательно за человѣкомъ, чтобъ тотъ не началъ двигаться слишкомъ рано, и когда стекло было на дюймъ отъ его глаза, онъ быстро взглянулъ въ него. Но все было безполезно. Человѣкъ опять стоялъ прямо передъ нимъ, и онъ не зналъ, какъ онъ попалъ сюда. Можетъ быть ему удастся поймать его, если онъ внезапно бросится на него,—онъ попытался и на эту уловку, но опять неудачно; а остальные туземцы смотрѣли на него удивленно, не понимая, чего онъ хочетъ достигнуть всѣми этими странными движеніями. Онъ старался объяснить имъ съ большимъ волненіемъ, что тотъ далекій человѣкъ внезапно являлся ему въ самомъ близкомъ разстояніи и что, не смотря на это, онъ не могъ схватить его. Товарищи начали конечно увѣрять съ негодованіемъ, что человѣкъ тотъ вовсе не двигался, и на эту тэму начался между ними страшный споръ. Туземецъ, утверждавшій, что человѣкъ на равнинѣ приближался къ нему, обратился ко мнѣ за поддержкой; но въ порывѣ смѣха, я не могъ отвѣчать, и онъ побѣжалъ нако-

нецъ къ незнакомцу узнать двигался онъ или нѣтъ и какъ онъ чувствовалъ себя послѣ такого мгновеннаго перемѣщенія. Мы, свыкшіеся съ открытіями науки, едва можемъ понять то странное впечатлѣніе, которое онѣ производятъ на дикаря; но еслибъ высшій видъ существъ явился бы къ намъ съ Юпитера и показалъ бы намъ таинственный снарядъ, дающій человѣку возможность быть въ двухъ различныхъ мѣстахъ въ одно и тоже время, мы поняли бы ощущеніе бѣднаго чукча, смотрящаго въ зрительную трубу.

Вскорѣ, послѣ того, мнѣ случилось провести ночь на большой равнинѣ близъ Анадырска съ партіей этихъ же самыхъ туземцевъ; я получилъ въ это время записку отъ Додда съ нарочнымъ и читалъ ее у костра. На какомъ то смѣшномъ мѣстѣ, я громко расхохотался; тогда туземцы толкнули одинъ другого локтемъ и значительно указывали на меня, какъ бы говоря: «Посмотрите на этого сумасшедшаго американца! Что съ нимъ это дѣлается»? Наконецъ одинъ почтенный, сѣдовласый старецъ спросилъ меня, о чемъ я смѣюсь. «Вотъ надъ этимъ», сказалъ я, указывая на бумажку. Старикъ задумался, поговорилъ что-то съ своими товарищами, которые тоже, казалось, погрузились въ размышленіе но ни одинъ, по видимому, не могъ объяснить себѣ причины моего непостижимаго смѣха. Черезъ нѣсколько минутъ, старикъ поднялъ полуобгорѣлую палку, лежащую у огня, и сказалъ: «Представь себѣ теперь, что я стану смотрѣть съ минуту на эту палку и потомъ расхохочусь; чтобы ты объ этомъ подумалъ?» — «Что»? отвѣтилъ я добродушно, «я подумалъ бы, что ты сошелъ съ ума». «Такъ», возразилъ онъ съ важнымъ самодовольствомъ, «тоже самое я думалъ о тебѣ»! Онъ, кажется, былъ очень доволенъ, что наши мнѣнія о такомъ предметѣ совпадали одно съ другимъ. Смотрѣть на палку и смѣяться, и смотрѣть на бумагу и смѣяться— казалось ему одинаково неразумнымъ. Языкъ чукчей и коряковъ никогда не имѣлъ письменныхъ знаковъ; насколько мнѣ извѣстно, эти племена никогда не пытались даже выражать свои мысли какими нибудь значками или изображеніями. Написанная мысль для многихъ изъ нихъ понятіе совершенно непостижимое. Можно себѣ представить поэтому съ какимъ удивленіемъ и любопытствомъ

они разглядываютъ иллюстрированныя газеты, завозимыя къ нимъ случайно матросами китоловныхъ судовъ, посѣщающихъ эти берега. На нѣкоторыхъ изъ этихъ картинъ они узнаютъ изображенія знакомыхъ имъ предметовъ; но большая часть изъ нихъ для нихъ непонятна, какъ іероглифы ацтековъ. Я помню, одинъ корякъ принесъ мнѣ однажды старую, изорванную модную картинку изъ «Иллюстрированной газеты Франка Лесли», на которой были нарисованы три, или четыре фигуры мечтательныхъ барынь во весь ростъ, въ кринолинахъ самыхъ огромныхъ размѣровъ, какъ ихъ тогда носили. Бѣдный корякъ говорилъ, что онъ часто удивлялся, что могутъ изображать эти странные предметы, и что я, какъ американецъ, можетъ быть, буду въ состояніи объяснить ему ихъ. Очевидно, онъ даже не подозрѣвалъ, что картинка изображала человѣческія существа. Я сказалъ ему, что эти любопытные предметы, какъ онъ ихъ называлъ, были американскія женщины. Онъ вскрикнулъ отъ удивленія и спросилъ: «*Всѣ* ли женщины въ вашей странѣ такія толстыя внизу, какъ эти»? Это было строгое сужденіе на счетъ костюма нашихъ барынь, и я не рѣшался сказать ему, что толщина эта была искуственная, но отвѣтилъ печально, что онѣ всѣ такія. Тогда онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на мои ноги, потомъ на картинку, потомъ опять на мои ноги, какъ бы желая провести сравненіе между американцемъ и американкой; но это ему не удалось и онъ пришелъ къ мудрому заключенію, что они должны принадлежать къ двумъ различнымъ породамъ.

Любопытно, какое употребленіе дѣлаютъ иногда изъ картинокъ этихъ газетъ. Я видѣлъ однажды въ хижинѣ крещенаго, но невѣжественнаго туземца близъ Анадырска гравированный портретъ генералъ-маіора Дикса изъ «Harper's Weekly», повѣшеннымъ въ углѣ вмѣсто образа русскаго святаго! Позолоченная свѣча горѣла передъ его закоптѣлой физіономіей, и каждые утро и вечеръ дюжина туземцевъ молились передъ портретомъ генералъ-маіора Соединенныхъ Штатовъ! Такимъ образомъ Генералъ-Маіору Диксу выпало на долю рѣдкое счастье быть въ одно и то же время посланникомъ Соединенныхъ Штатовъ въ Парижѣ и святымъ въ Сибири.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Сѣверное сіяніе.—Дальнѣйшія изслѣдованія. —Прибытіе нашихъ товарищей.—Путешествіе къ Охотскому морю.

Между тѣми немногими наслажденіями, которыя вознаграждаютъ путешественника за всѣ трудности и опасности, которымъ онъ подвергаетъ всю жизнь на далекомъ сѣверѣ, нѣтъ ничего великолѣпнѣе и чудеснѣе тѣхъ лучезарныхъ сѣверныхъ сіяній, освѣщающихъ по временамъ мракъ длинной, полярной ночи и наполняющихъ чуднымъ блескомъ весь голубой сводъ неба. Изъ всѣхъ естественныхъ явленій, нѣтъ ни одного такого величественнаго, такого таинственнаго, такого ужаснаго въ своемъ неземномъ великолѣпіи; покрывало, покрывающее отъ глазъ смертнаго славу предвѣчнаго престола, кажется отдергивается, и пораженный ужасомъ зритель возвышается изъ своей обыденной жизни въ непосредственное присутствіе божества.

26-го февраля, когда мы всѣ еще жили въ Анадырскѣ, случилось одно изъ самыхъ великолѣпныхъ сѣверныхъ сіяній, когда либо наблюдаемыхъ впродолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, и которое было такъ необыкновенно ярко, что удивило даже туземцевъ. Была холодная, темная, но ясная зимняя ночь, и небо сначала вечера не показывало никакихъ признаковъ той великолѣпной иллюминаціи, которую оно подготовляло. Нѣсколько свѣтлыхъ полосъ отъ времени до времени появлялись, колеблясь на сѣверѣ, и слабый свѣтъ, похожій на восходящій мѣсяцъ, блестѣлъ надъ темной линіей кустарника, опоясывающаго рѣку; но это явленіе было такъ обыкновенно, что не возбудило ничьего вниманія. Поздно вечеромъ, когда мы собрались ложиться, Доддъ случайно вышелъ на дворъ посмотрѣть на своихъ собакъ; но лишь только онъ отворилъ наружную дверь, какъ быстро возвратился взволнованный, крича: «Кеннанъ! Робинсонъ! Выходите на дворъ скорѣе»! Въ неопредѣленномъ страхѣ, что случился пожаръ, я вскочилъ, и не надѣвъ ничего теплаго, быстро выбѣжалъ на улицу; за мною послѣдовали Робинсонъ, Гардеръ и Смитъ. Не успѣли мы выйдти, какъ внезапно глазамъ нашимъ представилось величайшее смѣшеніе самыхъ яркихъ и ослѣпительныхъ красокъ и свѣта, которое умъ едва можетъ себѣ вообразить. Вся вселенная была, кажется, залита огнемъ. Широкая дуга изъ самыхъ блестящихъ цвѣтовъ призмы опоясывала небо отъ востока до запада, какъ гигантская радуга съ длинной бахрамой малиновыхъ и желтыхъ лучей, простирающихся отъ ея выпуклаго края до самаго зенита. Черезъ короткіе промежутки отъ одной до двухъ секундъ, широкія, лучезарныя полосы быстро и величественно проносились черезъ все небо, подобно волнамъ фосфорическаго блеска, которыя катились по какому нибудь безграничному океану въ пространствѣ.

Каждая отдѣльная часть огромнаго свода поминутно дрожала и измѣняла цвѣта, а блестящія полосы, окаймляющія край его, колеблясь, описывали большія дуги, подобно огненному мечу ангела у вратъ Эдема. Черезъ нѣсколько минутъ, огромная радуга со всѣми своими дрожащими лучами начала медленно подвигаться къ зениту, и вторая дуга, такая же блестящая, образовалась непосредственно подъ нею, испуская второй рядъ тонкихъ, разноцвѣтныхъ стрѣлъ по направленію къ полярной звѣздѣ, подобно небесной рати, берущейся за оружіе по повелѣнію архангела. Неземное величіе этой картины возрастало съ каждой минутой. Лучезарныя полосы быстро обращались по небу, какъ спицы огромнаго свѣтящагося колеса; лучи приближались и отступали, дрожа, отъ концовъ дуги къ центру и, отъ времени до времени, большая красная волна поднималась съ сѣвера и заливала все небо потоками свѣта, окрашивая бѣлоснѣжную землю своимъ розовымъ отраженіемъ. Но лишь

только слова пророчества: «И небеса обратятся въ кровь», готовы были сорваться у меня съ языка, какъ пурпуръ внезапно исчезъ, и блестящая волна ярко оранжеваго цвѣта облила насъ своимъ свѣтомъ, простирающимся далеко до южнаго горизонта, какъ будто масса воздуха воспламенилась въ одно мгновеніе. Я невольно притаилъ дыханіе, какъ бы ожидая страшнаго раската грома, который неминуемо долженъ былъ послѣдовать за этимъ внезапнымъ потокомъ яркаго свѣта; но ни на землѣ, ни на небѣ ни одинъ звукъ не нарушалъ торжественнаго безмолвія ночи, исключая поспѣшно-нашептываемыхъ молитвъ испуганныхъ туземцевъ возлѣ меня, которые крестились и преклоняли колѣна передъ видимымъ величіемъ Творца. Я не могъ себѣ представить ничего, что бы даже всемогущая сила могла прибавить къ великолѣпію этого сѣвернаго сіянія, которое было теперь передъ нами. Быстрые переходы краснаго, голубаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ на небѣ отражались такъ живо на бѣлой поверхности снѣга, что вся вселенная казалась поочередно то залитою кровью, то дрожащею въ мертвенно-блѣдныхъ зеленыхъ лучахъ, сквозь которые блестѣли въ чудномъ сіяніи могучія малиновыя и желтыя дуги. Но этимъ явленіе еще не кончилось. Пока мы сидѣли за быстрыми приливами и отливами этихъ небесныхъ волнъ свѣта, послѣдняя печать божественнаго откровенія была снята, и обѣ дуги одновременно распались на тысячу параллельныхъ отвѣсныхъ полосъ, изъ которыхъ каждая представляла въ правильномъ порядкѣ всѣ семь основныхъ цвѣтовъ солнечнаго спектра. Отъ одного края горизонта до другого тянулись два громадные, дугообразные моста изъ цвѣтныхъ полосъ, по которымъ, казалось, должны были пройти лучезарные жители другихъ міровъ. Среди удивленныхъ восклицаній пораженныхъ туземцевъ, твердившихъ поминутно: «Господи помилуй»! эти безчисленныя полосы начали колебаться взадъ и впередъ вдоль всего протяженія обѣихъ дугъ съ такою изумительною быстротой, что глазъ напрасно старался слѣдить за ними. Весь сводъ неба превратился, кажется, въ одинъ огромный вертящійся калейдоскопъ изъ обломковъ радугъ. Мнѣ и не снилось никогда сѣверное сіяніе подобное этому, и я не стыжусь признаться, что

величіе его въ эту минуту наполнило меня невольнымъ ужасомъ. Все небо, отъ зенита до горизонта, представляло одно расплавленное смѣшанное море красокъ и огня, кармина и пурпура, лазури и малахита и такихъ цвѣтовъ, для которыхъ нѣтъ словъ въ языкѣ, нѣтъ понятій въ мозгу — предметовъ, которые можно вообразить только тогда, когда ихъ видишь! «Знаменія» на небѣ были довольно величественны, чтобъ предвѣщать разрушеніе міра; потоки самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, заливающіе полъ-неба на одно мгновеніе и потомъ исчезающіе, какъ лѣтняя зарница; блестящіе, земные лучи быстро, но молчаливо пробѣгающіе по зениту; тысячи разноцвѣтныхъ полосъ, перегоняющія другъ друга и образующія двѣ великолѣпныя дуги и огромныя, лучезарныя волны, катящіяся между звѣздными пространствами и разбивающіяся длинными, свѣтлыми линіями въ пустомъ воздухѣ помраченной земли.

Послѣ распаденія обѣихъ дугъ на ихъ составныя полосы, сіяніе достигло своего крайняго великолѣпія, и съ этого момента его сверхъестественная красота начала медленно, но постоянно уменьшаться. Сначала разорвалась первая дуга, а за ней вскорѣ и другая; цвѣтные лучи появлялись все рѣже и рѣже; лучезарныя полосы перестали колебаться по зениту, и черезъ часъ ничего не осталось на темномъ, звѣздномъ небѣ, что напоминало бы намъ о сіяніи, кромѣ нѣсколькихъ блѣдныхъ магеллановыхъ облачковъ свѣтящагося тумана.

Съ грустью сознаюсь въ моей неспособности описать, какъ бы слѣдовало, то великолѣпное явленіе, которое называется сѣвернымъ сіяніемъ; но такое чудное зрѣлище и не можетъ быть выражено какой нибудь математической формулой, все равно, какъ неопытный художникъ не можетъ воспроизвести кускомъ древеснаго угля яркій колоритъ Терперовскихъ пейзажей. Я набросилъ здѣсь только слабыя черты, которыя читатель долженъ дополнить своимъ воображеніемъ. Но будьте увѣрены, что самое вѣрное описаніе, самая пылкая фантазія не въ состояніи передать съ надлежащей точностью зрѣлище такого неземнаго величія. Пока человѣкъ не освободится отъ своей бренной оболочки въ присутствіи божества, онъ не можетъ увидать болѣе поразительнаго явленія, «славы Господней,

которая ужасна», чѣмъ это блестящее явленіе, называемое сѣвернымъ сіяніемъ.

Февраль прошелъ медленно и мартъ засталъ насъ все еще въ Анадырскѣ, такъ какъ мы не получали никакихъ извѣстій ни отъ маіора, ни отъ пропащихъ товарищей: Арнольда и Макри. Пятьдесятъ семь дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ они оставили свое жилище у низовьевъ Анадыри и мы начали уже опасаться, что никогда не увидимъ ихъ больше. Погибли ли они отъ голода или отъ морозовъ, были ли они убиты чукчами—мы не могли этого знать, но ихъ долгое отсутствіе было яснымъ доказательствомъ, что съ ними случилось какое нибудь несчастіе.

Я нисколько не остался доволенъ дорогой, по которой мы ѣхали изъ Шестакова въ Анадырскъ по причинѣ ея безплодія и невозможности перевозить тяжелые телеграфные столбы по ея огромнымъ снѣжнымъ степямъ отъ немногихъ лѣсистыхъ рѣкъ, протекавшимъ по нимъ. Поэтому я отправился 4 марта изъ Анадырска съ пятью санями, чтобъ попытаться найти лучшее сообщеніе между Анадырью и верховьями Пенжины. Послѣ трехъ дней пути, мы встрѣтили, по дорогѣ въ Пенжину, посланнаго изъ Гижиги съ письмомъ отъ маіора изъ Охотска отъ 19 января. Тутъ же были письма отъ полковника Белькли, извѣщающія о высадкѣ партіи подъ начальствомъ лейтенанта Макри у Анадырской рѣки и карту, показывающую точное мѣсто ихъ лагеря. Маіоръ писалъ слѣдующее: «Въ случаѣ—чего Боже избави—Макри съ своей партіей не прибылъ еще въ Анадырскъ, вы должны немедленно по полученіи этихъ писемъ, сдѣлать все возможное, чтобъ спасти ихъ отъ слишкомъ долгой зимовки у устья Анадыри, куда они были высажены въ сентябрѣ. Мнѣ было сказано, что Макри только въ такомъ случаѣ будетъ посланъ къ Берингову проливу, когда будетъ несомнѣнная возможность достигнуть Анадырска на лодкахъ, и признаюсь, мнѣ не нравятся такія неожиданности, какъ настоящая, приготовленная мнѣ полковникомъ Белькли. Теперь наша обязанность сдѣлать все возможное, чтобъ вывести ихъ изъ критическаго положенія, и вы должны достать гдѣ бы то ни было саней, наполнить ихъ кормомъ для сабакъ и съѣстными припасами и немедленно отправиться

отыскивать лагерь Макри». Всѣ эти распоряженія я уже предвидѣлъ и исполнилъ, и партія Макри, или, по крайней мѣрѣ, что осталось отъ нее, жила уже въ Анадырскѣ. Когда маіоръ писалъ это письмо, онъ не предполагалъ, что мы съ Доддомъ услышимъ о высадкѣ этой партіи отъ кочующихъ чукчей или, что мы догадаемся отправиться за ней до полученія приказаній. Онъ зналъ, что маіоръ настоятельно запретилъ вамъ всякую попытку изслѣдовать Анадырь до слѣдующаго времени года, и не ожидалъ, что мы поѣдемъ дальше послѣдняго поселенія. Я поспѣшно написалъ записку Додду на обледенѣломъ полозѣ моихъ опрокинутыхъ саней—отморозивъ при этой операціи два пальца—и отправилъ посланнаго въ Анадырскъ съ письмами. Полученный мною пакетъ заключалъ въ себѣ также письма ко мнѣ отъ капитана Скаммона, начальника флота компаніи, и отъ моего пріятеля, натуралиста Долля, который возвратился съ кораблями въ Санъ-Франциско, и написалъ мнѣ во время остановки на нѣсколько дней въ Петропавловскѣ. Онъ умолялъ меня всѣми святыми интересами науки, чтобы ни одинъ клопъ или другое живое существо какого бы то ни было вида не ускользнуло отъ моей бдительности, но читая вечеромъ его письмо у костра, я подумалъ съ улыбкой, что снѣжныя степи Сибири и 30° или 40° градусовъ морозъ не особенно благопріятны для распространенія клоповъ и для стараній собрать и сохранить ихъ.

Не стану утомлять читателя подробнымъ отчетомъ о изслѣдованіяхъ, произведенныхъ мною и лейтенантомъ Робинсономъ въ поискахъ болѣе удобнаго пути для нашей линіи между Пенжиной и Анадырскомъ. Мы нашли, что рѣчная система Анадыри отдѣляется отъ Пенжинской только невысокимъ, горнымъ кряжемъ, черезъ который легко пройти и что, слѣдуя по притокамъ этой послѣдней и спустясь потомъ по притоку Анадыри, мы получимъ почти непрерывный водный путь между Охотскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ. По берегамъ этихъ рѣкъ лѣсъ вообще ростетъ въ изобиліи, а гдѣ его и нѣтъ, то бревна не трудно будетъ сплавить въ плотахъ. Путь этотъ представлялъ всѣ удобства, которыя можно

было только желать, и вполнѣ вознагражденные результатомъ нашихъ трудовъ, мы возвратились 13 марта въ Анадырскъ.

Первый человѣкъ, встрѣтившийся намъ въ городѣ, обрадовалъ насъ извѣстіемъ о прибытіи Макри и Арнольда, и, черезъ пять минутъ, мы уже дружески жали имъ руки, поздравляя съ благополучнымъ пріѣздомъ и осыпая вопросами о ихъ путешествіяхъ и приключеніяхъ, и о причинахъ ихъ долгаго отсутствія.

Шестьдесятъ четыре дня они жили съ кочующими чукчами и медленно подвигались окольными путями къ Анадырску. Съ ними вообще обращались хорошо, но шайка, съ которой они путешествовали, не спѣшила въ поселеніе, и странствовала съ ними, дѣлая по десяти и двѣнадцати миль въ день, по обширнымъ степямъ, лежащимъ на югъ отъ Анадыри. Они перенесли большія лишенія; питались въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль оленьими внутренностями и саломъ; провели большую часть двухъ долгихъ мѣсяцевъ въ чукотскихъ пологахъ и уже отчаявались по временамъ достигнуть когда нибудь русскаго поселенія или увидать цивилизованное существо; но надежда и мужество поддерживали ихъ все время и они прибыли наконецъ въ Анадырскъ здравы и невредимы. Весь ихъ багажъ, когда они въѣхали въ поселеніе, состоялъ изъ четверти бутылки виски, завернутой въ американскій флагъ! Какъ только мы всѣ соединились, мы тотчасъ же повѣсили флагъ на шестъ надъ нашимъ маленькимъ бревенчатымъ домикомъ, сдѣлали пуншъ изъ того виски, который проѣхалъ половину сѣверовосточной Сибири и выпили за здоровье личностей, проживших шестьдесятъ четыре дня съ кочующими чукчами въ самыхъ дикихъ, невѣдомымъ странахъ земнаго шара.

Окончивъ теперь всевозможныя изслѣдованія для нашего предпріятія, мы начали готовиться къ возвращенію въ Гижигу. Маіоръ приказалъ мнѣ встрѣтить его тамъ съ Макри, Арнольдомъ, Робинсономъ и Доддомъ не позже 1 апрѣля, а мартъ уже быстро приближался къ концу.

20-го мы уложили наши вещи и, простившись съ добродушными, гостепріимными жителями Анадырска, отправились длинной вереницей саней къ берегу Охотскаго моря.

Путешествіе наше было однообразно и бѣдно приключеніями, и поздно вечеромъ, 2 апрѣля, мы оставили за собою безплодныя Паренскія степи и подъѣхали къ маленькой юртѣ съ плоской кровлей на Мальмовкѣ, отстоящей всего на двадцать пять верстъ отъ Гижиги. Здѣсь мы нашли людей и сани съ собаками, высланныхъ намъ на встрѣчу маіоромъ, и, оставивъ наши тяжело-нагруженныя сани и усталыхъ собакъ, мы сѣли на легкія «оарты» гижигинскихъ казаковъ и, при свѣтѣ яркаго сѣвернаго сіянія, помчались къ поселенію.

Около часу мы услыхали далекій лай собакъ и черезъ нѣсколько минутъ въѣхали съ шумомъ въ тихое поселеніе и остановились передъ домомъ русскаго купца Воробьева, гдѣ уже жили въ предыдущій пріѣздъ и гдѣ ожидали найти маіора. Я спрыгнулъ съ саней и, отыскивая ощупью дорогу, взошелъ въ теплую, темную комнату, закричавъ: «вставайте», чтобъ разбудить спящихъ хозяевъ. Вдругъ кто-то вскочилъ съ пола у моихъ ногъ и, схвативъ меня за руку, вскричалъ поразительно знакомымъ голосомъ: «Кеннанъ, вы ли это»? Удивленный, и не совсѣмъ довѣряя моему слуху, я могъ только отвѣчать: «Бешъ, вы ли это?» и когда какой-то заспанный мальчикъ взошелъ со свѣчей, онъ съ изумленіемъ увидалъ, какъ человѣкъ, одѣтый въ толстыя, мѣховыя одежды, обнималъ другаго, бывшаго въ одной только полотняной рубашкѣ. Какое веселье было въ этомъ бревенчатомъ домикѣ, когда маіоръ, Бешъ, Макри, Арнольдъ, Робинсонъ, Доддъ и я, мы собрались всѣ вокругъ кипящаго самовара на сосновомъ столѣ посреди комнаты и разсуждали о приключеніяхъ, удачахъ и неудачахъ нашей первой полярной зимы. Одни изъ насъ прибыли отъ оконечностей Камчатки, другіе отъ границъ Китая, нѣкоторые отъ Берингова пролива, и всѣ мы встрѣтились въ этотъ вечеръ въ Гижигѣ и поздравляли другъ друга съ удачнымъ изслѣдованіемъ всего пути предполагаемаго россійско-американскаго телеграфа, отъ Анадырской губы до Амура. Всѣ члены партіи, собравшейся теперь здѣсь, впродолженіе семи мѣсяцевъ изслѣдовали въ общей сложности около десяти тысячь миль.

Результаты нашихъ зимнихъ работъ вкратцѣ были слѣдующіе:

Бешъ и Мэгудъ, оставивъ маіора и меня въ Петропавловскѣ, отправились въ русскій городъ Николаевскъ у устья Амура и тотчасъ же начали изслѣдованіе западнаго берега Охотскаго моря. Они прошли съ кочующими тунгузами по густо-поросшей лѣсомъ странѣ, между Николаевскомъ и Аякомъ, проѣхавъ верхомъ на оленяхъ черезъ суровыя горы Становаго хребта, южнѣе Охотска, и наконецъ встрѣтили маіора въ этомъ послѣднемъ мѣстечкѣ 22 февраля. Маіоръ изслѣдовалъ одинъ весь сѣверный берегъ Охотскаго моря, посѣтилъ Якутскъ, лежащій въ 600 верстахъ западнѣе Охотска, отыскивая работниковъ и лошадей. Онъ нашелъ возможнымъ нанять тысячу якутскихъ работниковъ въ поселеніяхъ по теченію Лены за шестьдесятъ долларовъ въ годъ каждому человѣку и купить сибирскихъ лошадей, въ количествѣ нужномъ для нашихъ работъ, за весьма умѣренныя цѣны. Онъ начертилъ дорогу между Гижигой и Охотскомъ и вообще имѣлъ надзоръ за дѣйствіями всѣхъ партій. Макри и Арнольдъ изслѣдовали почти всю мѣстность на югъ отъ Анадыри и по низовьямъ Міака, и пріобрѣли важныя свѣдѣнія о мало извѣстномъ племени кочующихъ чукчей. Доддъ, Робинсонъ и я изслѣдовали два пути отъ Гижиги къ Анадырску и нашли цѣпь лѣсистыхъ рѣкъ, соединяющую Охотское море съ Тихимъ океаномъ у Берингова пролива. Мы убѣдились, что всѣ туземцы мирно и хорошо расположены, и многіе изъ нихъ были уже наняты для рубки столбовъ. Мѣстность, хотя и неблагопріятная для сооруженія телеграфа, не представляла, впрочемъ, такихъ препятствій, которыхъ нельзя бы было побороть энергіей и устойчивостью; и, обозрѣвъ наши зимнія работы, мы остались довольны, что предпріятіе, въ которомъ мы были заинтересованы, хотя и не легкое, во всякомъ случаѣ подавало большую надежду на успѣхъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Общественная жизнь въ Гижигѣ.—Экспедиція маіора Абазы. — Внезапный переходъ отъ зимы къ лѣту.—Обычаи народа, и т. п.

Апрѣль и май, благодаря своимъ длиннымъ днямъ и сравнительно теплой погодѣ, самые благопріятные мѣсяцы для путешествій и для работъ внѣ дома. Прибытіе кораблей кампаніи въ Гижигу нельзя было ожидать ранѣе какъ въ началѣ іюня, и потому маіоръ Абаза рѣшился употребить остающееся время съ возможно большею пользою; отдохнувъ немного отъ своей прежней поѣздки, онъ снова отправился съ Бешомъ, Макри и русскимъ исправникомъ въ Анадырскъ, съ цѣлью нанять тамъ пятьдесятъ или шестьдесятъ туземныхъ рабочихъ и немедленно приступить къ постройкѣ станціонныхъ домовъ и къ рубкѣ и распредѣленію столбовъ вдоль Анадыри. Мои собственныя старанія съ этой цѣлью, по лѣни анадырскихъ жителей, не имѣли никакого успѣха; оставалась одна надежда достигнуть чего нибудь посредствомъ вліянія и содѣйствія представителя гражданской власти.

Маіоръ Абаза возвратился въ маѣ послѣднимъ зимнимъ путемъ. Его поѣздка была вполнѣ успѣшна; Бешъ былъ назначенъ начальникомъ сѣвернаго участка отъ Пенжины до Берингова пролива и оставленъ на все лѣто въ Анадырскѣ вмѣстѣ съ Макри, Гардеромъ и Смитомъ. Тотчасъ по вскрытіи рѣки, партіи этой было приказано спуститься на лодкахъ къ ея устью и ждать тамъ при-

бытія одного изъ кораблей компаніи изъ Санъ-Франциско съ подкрѣпленіемъ и новыми запасами. Въ тоже самое время пятьдесятъ туземныхъ рабочихъ, нанятыхъ въ Анадырскѣ и другихъ поселеніяхъ, были предоставлены въ ея распоряженіе, и мы надѣялись, что ко времени, когда вода очистится ото льда, они уже успѣютъ заготовить шесть или восемь станціонныхъ домовъ и нарубить нѣсколько тысячь столбовъ, чтобъ сплавить ихъ въ плотахъ и распредѣлить между Анадырскомъ и берегомъ Тихаго океана. Исполнивъ, такимъ образомъ, все, что было возможно при ограниченныхъ средствахъ, находящихся въ его распоряженіи, маіоръ Абаза возвратился въ Гижигу ожидать прибытія изъ Америки обѣщанныхъ кораблей съ людьми, матеріалами и пособіями для продолженія работъ.

Время путешествій на собакахъ уже прошло, и такъ какъ страна не представляла другихъ средствъ для внутренняго сообщенія, то труды наши должны были прекратиться, равно какъ и всякая связь между партіей анадырской и охотской до прибытія нашихъ кораблей. Поэтому мы наняли себѣ небольшой домикъ надъ долиною рѣки Гижиги, меблировали его по возможности удобно нѣсколькими простыми, деревянными столами и стульями, увѣсили его бревенчатыя стѣны географическими и простыми картами, разложили нашу скудную библіотеку, состоящую изъ двухъ книгъ— Шекспира и Евангелія—очень эффектно въ одномъ углѣ,—и приготовились къ цѣлому мѣсяцу, по крайней мѣрѣ, сладкой лѣни.

Былъ уже іюнь. Снѣгъ быстро исчезалъ подъ вліяніемъ теплаго, продолжительнаго дня, ледъ на рѣкѣ, по всѣмъ признакамъ, готовился уже тронуться, мѣстами голая земля показывалась на солнечной сторонѣ холмовъ и все гласило о приближеніи короткаго, но жаркаго полярнаго лѣта. Въ большей части сѣверовосточной Сибири зима только въ маѣ начинаетъ уступать мѣсто лѣту, которая тогда быстро вытѣсняетъ ее, покрывая мгновенно травой и цвѣтами землю, которую она отнимаетъ у тающихъ снѣжныхъ сугробовъ. Едва только почва освободится отъ снѣга, нѣжные, восковые лепестки брусники и астры и бѣлоснѣжныя кисти лабрадорскаго чая начинаютъ бѣлѣть на мшистыхъ равнинахъ; березы,

ивы, ольхи внезапно одѣваются листвой, берега рѣки покрываются зеленымъ, мягкимъ ковромъ, и теплый, тихій воздухъ наполняется впродолженіе дня рѣзкими криками дикихъ лебедей и гусей, летящихъ въ видѣ большихъ треугольниковъ высоко подъ облаками отъ моря на далекій сѣверъ. Черезъ три недѣли послѣ изчезновенія послѣдняго снѣга вся природа облечена уже въ свой лѣтній нарядъ и наслаждается почти постояннымъ солнцемъ. Здѣсь не бываетъ длинной, сырой весны, ни постепеннаго, продолжительнаго распусканія почекъ и листьевъ, какъ у насъ. Растительность, сдерживаемая въ ледяныхъ оковахъ впродолженіе восьми мѣсяцевъ, разомъ разрываетъ свои узы и съ неодолимой силой захватываетъ весь міръ. Ночей болѣе нѣтъ; одинъ день почти незамѣтно сливается съ другимъ, раздѣленный отъ него только короткими сумерками, дающими прохладу и покой ночи. При ихъ полусвѣтѣ, вы можете сидѣть у открытаго окна и читать до двѣнадцати часовъ, вдыхая благоуханіе цвѣтовъ, приносимое вамъ свѣжимъ ночнымъ вѣтромъ, прислушиваясь къ журчанью и плеску воды въ долинѣ подъ вами и слѣдя за приближеніемъ еще скрытаго отъ глазъ солнца по струѣ розоваго свѣта, разливающейся на сѣверѣ изъ-за красноватыхъ горъ. Вотъ уже стало совсѣмъ свѣтло, а природа все еще спитъ, и странная, таинственная тишина, подобная той, которая предшествуетъ солнечному затмѣнію, царствуетъ на землѣ и на небѣ. Вы можете даже разслышать далекій ревъ буруна объ утесистый берегъ въ десяти миляхъ отъ васъ. По временамъ воробей, пріютившійся въ ольховой чащѣ на берегу рѣки, грезя, что уже утро, разражается быстрымъ, безсознательнымъ чириканьемъ; но проснувшись, онъ останавливается внезапно, и пищитъ тревожно, какъ бы недоумѣвая, утро ли это, или вечеръ, и долженъ ли онъ пѣть, или снова заснуть? Наконецъ онъ рѣшается, кажется, на послѣднее и все кругомъ снова умолкаетъ, кромѣ журчанья рѣки въ ея каменистомъ ложѣ и едва слышнаго рева далекаго моря. Въ началѣ втораго часа, блестящая частичка солнца показывается между облачными вершинами отдаленныхъ горъ, внезапный потокъ золотистаго свѣта заливаетъ зеленый, влажный пейзажъ, маленькій

воробей въ ольховой чащѣ торжественно продолжаетъ свою неоконченную пѣсню, утки, гуси и разныя водяныя птицы возобновляютъ свои рѣзкіе, нестройные крики на болотистомъ прибрежьѣ рѣки, и все, что живетъ въ природѣ, привѣтствуетъ появленіе дня, какъ будто въ первый только разъ сознательно ощутило его. Ночи не было, а между тѣмъ наступилъ другой день

Путешественникъ, незнакомый съ полярнымъ лѣтомъ и привыкшій думать о Сибири, какъ о землѣ вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, не можетъ скрыть своего удивленія при внезапномъ и чудесномъ развитіи животной и растительной жизни въ этой странѣ впродолженіе іюня мѣсяца, и при быстромъ переходѣ отъ зимы къ лѣту въ теченіе немногихъ недѣль. Часто въ началѣ іюня въ окрестностяхъ Гижиги можно еще ѣздить на саняхъ, а въ концѣ этого мѣсяца деревья уже всѣ покрыты листьями, скороспѣлки, бѣлыя буквицы, ракункулы, валеріана, лабрадорскій чай цвѣтутъ всюду на возвышенныхъ равнинахъ и рѣчныхъ берегахъ, и термометръ въ полдень достигаетъ 70° по Фар. въ тѣни. Весны, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, здѣсь нѣтъ. Исчезновеніе снѣга и появленіе растительности почти одновременны; и хотя «тундры» или степи, поросшіе мхомъ, продолжаютъ еще содержать въ себѣ нѣкоторое время воду, подобно насыщенной губкѣ, но онѣ также покрываются цвѣтами и распускающимися кустами брусники, и нигдѣ не видно и слѣда долгой, холодной зимы, которая такъ недавно еще тяготѣла надъ всей природой. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ исчезновенія снѣга въ 1866 г., я набралъ на высокой равнинѣ у устья рѣки Гижиги болѣе шестидесяти видовъ цвѣтовъ, на пространствѣ въ двѣ съ половиною десятины. Животная жизнь здѣсь также быстро развивается. Гораздо ранѣе, чѣмъ береговые заливы и бухты очистятся отъ льда, перелетныя птицы начинаютъ появляться съ моря въ огромномъ количествѣ. Безчисленные виды утокъ, гусей и лебедей—многіе изъ нихъ неизвѣстные орнитологамъ—кишатъ на всякой маленькой лужѣ въ долинѣ и на низменностяхъ; чайки, ястреба и орлы постоянно вьются съ рѣзкими криками у устья многочисленныхъ рѣкъ, и скалистые, крутые берега моря буквально усыпаны милліонами птицъ съ краснымъ

клювомъ, называемыхъ обыкновенно ипатками или морскими попугаями, которые вьютъ себѣ гнѣзда въ разщелинахъ и на выступахъ самыхъ недоступныхъ утесовъ, и при первомъ пистолетномъ выстрѣлѣ поднимаются тучами, которыя почти омрачаютъ воздухъ. Кромѣ этихъ хищныхъ и водяныхъ птицъ, здѣсь находятся также много другихъ, не живущихъ стаями, и потому обращающихъ на себя менѣе вниманія. Между ними самые многочисленные обыкновенно домашняя ласточка, воронъ, сорока, дроздъ, зуекъ и тетеревъ. Изъ пѣвчихъ птицъ, насколько мнѣ извѣстно, только одна встрѣчается въ этой части Сибири, а именно видъ маленькаго воробья, обитающаго на самыхъ сухихъ и травистыхъ равнинахъ, близъ русскихъ поселеній.

Гижига, гдѣ мы временно устроили нашу главную квартиру, есть маленькое поселеніе, состоящее изъ пятидесяти или шестидесяти простыхъ, бревенчатыхъ домовъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Гижиги, миляхъ въ десяти отъ залива. Въ то время это было одно изъ самыхъ важныхъ и цвѣтущихъ поселеній на берегу Охотскаго моря и завѣдывало всей торговлей отъ Анадыри до Охотска. Оно служило пребываніемъ мѣстнаго начальника, главной квартирой четырехъ или пяти русскихъ купцовъ и ежегодно посѣщалось пароходомъ, принадлежащимъ правительству, и нѣсколькими купеческими кораблями богатыхъ торговыхъ домовъ Америки. Населеніе его состояло преимущественно изъ сибирскихъ казаковъ и потомковъ поселенцевъ, высланныхъ изъ Россіи и получившихъ свободу въ награду за принудительное изгнаніе. Подобно всѣмъ другимъ осѣдлымъ жителямъ Сибири и Камчатки, ихъ средства къ жизни зависятъ главнымъ образомъ отъ рыбнаго промысла; но такъ какъ мѣстность эта сверхъ того изобилуетъ дичью и климатъ и почва гижигинской долины допускаютъ воздѣлыванье простѣйшихъ овощей, то положеніе ихъ, безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ оно было бы въ Россіи. Они совершенно свободны, могутъ безпрепятственно располагать своимъ временемъ и трудами и, нанимаясь зимою съ собаками въ извозъ къ русскимъ купцамъ, они заработываютъ достаточно денегъ, чтобъ не лишать себя такой простой роскоши, какъ чай, сахаръ и табакъ въ продолженіе все-

го года. Подобно всѣмъ остальнымъ жителямъ Сибири, и вообще подобно всѣмъ русскимъ, поселенцы эти очень гостепріимны, добросердечны и услужливы и не мало способствовали къ услажденію нашей жизни въ тѣ долгіе мѣсяцы, которые намъ пришлось провести въ ихъ уединенномъ городкѣ.

Присутствіе американцевъ въ поселеніи, которое такъ рѣдко посѣщается иностранцами, какъ Гижига, очень оживило общество, и лишь только жители убѣдились на опытѣ, что эти важные посѣтители не считаютъ униженіемъ своего достоинства сообщаться съ «простымъ народомъ», они засыпали насъ приглашеніями на чай и танцовальные вечера. Желая познакомиться поближе съ жизнью народа и готовые дѣлать все, что угодно, чтобъ оживить наше однообразное существованіе, мы рѣшились принимать всѣ подобныя приглашенія и трудно было бы сосчитать на сколькихъ танцовальныхъ вечерахъ были мы съ Арнольдомъ во время отсутствія маіора и исправника изъ Анадырска. Намъ не нужно было спрашивать у Егора, когда будетъ слѣдующій вечеръ; надобно было только спросить: «Гдѣ танцуютъ сегодня вечеромъ?» потому что мы могли быть увѣрены, что гдѣ нибудь непремѣнно будетъ собраніе и желали только узнать довольно ли высокъ потолокъ въ томъ домѣ, для безопасности нашихъ головъ. Мысль пригласить людей на танцы въ комнатку, недостаточно высокую для того, чтобъ въ ней могъ помѣститься человѣкъ средняго роста, покажется можетъ быть нелѣпою; но увлекающіеся любители удовольствій въ Гижигѣ далеко не такого мнѣнія, и вечеръ за вечеромъ вы увидали бы ихъ пляшущими въ комнатѣ, имѣющей семь шаговъ въ ширину и девять въ длину, подъ музыку старой скрипки и двухъ струнной гитары, отдавливая другъ другу ноги и ударяясь головами о потолокъ съ самымъ благодушнымъ спокойствіемъ, какое можно только себѣ представить. На этихъ танцовальныхъ вечерахъ американцы принимались всегда очень радушно и угощались ягодами, чернымъ хлѣбомъ и чаемъ до тѣхъ поръ, пока не они были больше въ состояніи ни ѣсть, ни танцовать. Иногда, впрочемъ, сибирское гостепріимство облекается въ такія формы, которыя, говоря откровенно, не совсѣмъ пріятны. Такъ, однажды,

Доддъ и я, мы были приглашены на вечеръ въ домъ одного казака и, по обыкновенію въ такихъ случаяхъ, хозяинъ поставилъ передъ нами цѣлый подносъ съ чернымъ хлѣбомъ, солью, сырой, мерзлой рыбой и маленькую бутылку, до половины наполненную какой-то жидкостью, которую онъ называлъ водкой. Зная, что во всемъ поселеніи не было спиртныхъ напитковъ, кромѣ находящихся у насъ, Доддъ освѣдомился откуда онъ досталъ ее. Онъ отвѣчалъ съ видимымъ смущеніемъ, что купилъ ее на купеческомъ кораблѣ еще въ прошломъ году и сохранилъ для особенныхъ случаевъ. Я не повѣрилъ, чтобъ какой нибудь казакъ въ сѣверо-восточной Азіи былъ въ состояніи сохранить бутылку водки такое долгое время, и видя его смущеніе, мы предпочли отказаться отъ напитка и не разспрашивать болѣе. Можетъ быть это и точно была водка, но довольно подозрительнаго свойства. Возвратясь домой, я позвалъ нашего мальчика и спросилъ не знаетъ ли онъ чего нибудь о напиткѣ казака, какъ онъ добылъ его и откуда водка могла явиться въ такое время года, когда ее не было въ продажѣ ни у одного русскаго купца. Мальчикъ колебался съ минуту, но, послѣ настоятельныхъ вопросовъ, объяснилъ намъ наконецъ тайну. Оказалось, что водка была наша. Когда жители селенія приходили къ намъ, что случалось очень часто, особенно въ праздники, мы обыкновенно подносили имъ по стаканчику. Воспользовавшись этимъ, нашъ другъ казакъ всегда запасался маленькой бутылочкой, вѣшалъ ее на шнуркѣ вокругъ шеи, пряталъ подъ шубой и являлся къ намъ подъ предлогомъ поздравить съ какимъ нибудь русскимъ праздникомъ. Понятно, мы вознаграждали его вниманіе водкой. Тогда казакъ проглатывалъ сколько могъ жгучаго напитка, и потомъ, наполнивъ имъ ротъ, дѣлалъ страшную гримасу, закрывалъ лицо рукой, какъ будто водка была слишкомъ крѣпка, и поспѣшно бѣжалъ въ кухню за водой. Не наблюдаемый никѣмъ, онъ вынималъ свою бутылочку, выплевывалъ въ нее послѣдній глотокъ водки и возвращался черезъ нѣсколько минутъ поблагодарить за угощеніе. Эту хитрость онъ приводилъ въ исполненіе довольно долгое время, и наконецъ набралъ около полуштофа. Тогда онъ имѣлъ дерзость поставить

передъ нами эту выплюнутую водку въ какой-то старой бутылкѣ и увѣрять, что сохранилъ ее отъ прошлаго года для необыкновенныхъ случаевъ! Можетъ ли человѣческая наглость идти далѣе!

Я хочу разсказать еще одно происшествіе, случившееся въ первый мѣсяцъ нашего пребыванія въ Гижигѣ, которое указываетъ другую сторону характера народа, а именно его крайнее суевѣріе. Я сидѣлъ однажды утромъ одинъ дома и пилъ чай, когда вдругъ къ намъ вошелъ русскій казакъ по имени Холмогоровъ. Онъ, казалось, былъ очень чѣмъ-то встревоженъ и, поклонившись мнѣ и пожелавъ добраго утра, тотчасъ же обратился къ нашему казаку Вьюшину и началъ разсказывать ему въ полъ-голоса какое-то происшествіе, только что случившееся, и которое ихъ обоихъ, кажется, очень интересовало. Благодаря моему несовершенному знанію языка и разговору въ полъ-голоса, я не понялъ въ чемъ было дѣло, но оно кончилось серьезной просьбой Холмогорова, чтобъ Вьюшинъ далъ ему что-то въ родѣ, какъ мнѣ показалось, пелеринки или шарфа. Вьюшинъ тотчасъ же отправился въ маленькій чуланчикъ въ углу комнаты, куда онъ обыкновенно пряталъ принадлежащія ему вещи, вытащилъ большой мѣшокъ изъ тюленьей кожи и началъ въ немъ отыскивать требуемую вещь. Вытащивъ три или четыре пары мѣховыхъ сапоговъ, кусокъ сала, нѣсколько чулокъ изъ собачьей шкуры, топоръ и связку бѣличьихъ мѣховъ, онъ вынулъ наконецъ и торжественно разстелилъ половинку старой, грязной, изъѣденной молью шерстяной пелеринки и подавая ее Холмогорову, началъ снова искать недостающую половинку. Эта послѣдняя оказалась еще въ худшемъ видѣ, чѣмъ первая; (будто опи были найдены въ мѣшкѣ какого нибудь несчастнаго тряпичника, вытащившаго ихъ изъ грязной канавы). Холмогоровъ связалъ обѣ половинки, завернулъ ихъ бережно въ старую газету, поблагодарилъ Вьюшина за хлопоты и, поклонившись мнѣ снова, съ облегченнымъ видомъ вышелъ изъ комнаты. Недоумѣвая, зачѣмъ ему нужна была эта изъѣденная, грязная, разорванная вещь, я обратился къ Вьюшину за разъясненіемъ загадки.

— Зачѣмъ ему нужна эта пелеринка?—освѣдомился я;—вѣдь она никуда не годна.

— Я знаю,—отвѣчалъ Вьюшинъ,—что это негодное старье, но другой нѣтъ въ городѣ, а у его дочери «Анадырская боль».

— «Анадырская боль»! — повторилъ я съ удивленіемъ, въ первый разъ услыша о такой болѣзни:—чѣмъ же поможетъ старая пелеринка «анадырской боли».

— Видите ли, его дочь попросила пелеринку, а такъ какъ у нее анадырская болѣзнь, то они и должны ей достать ее непремѣнно. Все равно старую или нѣтъ.

Это странное объясненіе еще болѣе удивило меня и я сталъ подробнѣе распрашивать Вьюшина объ этой необыкновенной болѣзни и о томъ, какимъ образомъ старая, изъѣденная молью пелеринка можетъ облегчить ее. Собранныя мною свѣдѣнія были слѣдующія: «Анадырская боль», такъ называемая потому что впервые появилась въ Анадырскѣ, есть особенный родъ болѣзни очень похожій на конвульсіи новѣйшихъ спиритовъ; она долго господствовала въ сѣверовосточной Азіи и не уступала никакимъ обыкновеннымъ способамъ леченія. Личности, подвергавшіяся ей, преимущественно женщины; утрачивали сознаніе всего окружающаго ихъ, пріобрѣтали внезапную способность говорить на языкахъ доселѣ никогда неслыханныхъ ими, особенно на якутскомъ, и получали временный даръ ясновидѣнія, вслѣдствіе чего описывали съ точностью совершенно незнакомые имъ предметы. Въ такомъ положеніи онѣ часто требуютъ какія нибудь вещи, видъ и мѣстоположеніе которыхъ объясняютъ, и пока вы не принесете имъ такую вещь, онѣ впадываютъ въ конвульсіи, поютъ пѣсни на якутскомъ языкѣ, испускаютъ странные крики, и вообще приходятъ въ положительное безуміе. Ничто не въ силахъ успокоить ихъ, пока имъ не дадутъ желаемой вещи. Такимъ образомъ дочь Холмогорова настоятельно потребовала шерстяную пелеринку, и такъ какъ у бѣднаго казака ничего подобнаго въ домѣ не оказалось, то онъ долженъ былъ искать этой пелеринки по всему селенію. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ получить отъ Вьюшина. Ему самому никогда не случалось видѣть личностей, одер-

женныхъ такими припадками, онъ слышалъ объ этой болѣзни только отъ другихъ; но онъ сказалъ мнѣ, что Подеринъ, начальникъ Гижигинскихъ казаковъ, можетъ безъ сомнѣнія сообщить мнѣ всѣ нодробности объ этой болѣзни, такъ какъ страдаля также ело дочь. Я былъ удивленъ встрѣтить между необразованными крестьянами сѣверовосточной Азіи болѣзнь, симптомы которой такъ походили на проявленія новѣйшаго спиритизма и рѣшился разузнать какъ можно ближе этотъ предметъ; лишь только маіоръ возвратился, я уговорилъ его тотчасъ же послать за Падеринымъ. Начальникъ казаковъ простой, честный старикъ, — котораго едва ли можно было подозрѣвать въ умышленномъ обманѣ — подтвердилъ все, сказанпое Вьюшинымъ, и прибавилъ еще нѣкоторые подробности. Онъ утверждалъ, что часто слышалъ, какъ его дочь говорила на якутскомъ языкѣ во время своихъ припадковъ и разсказывала происшествія, случившіяся на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль. Маіоръ спросилъ, почему же онъ зналъ, что дочь его говорила именно по якутски. Онъ отвѣчалъ, что навѣрное не зналъ этого; но что языкъ этотъ не былъ ни русскій, ни корякскій, ни какой другой изъ извѣстныхъ ему туземныхъ нарѣчій, и что онъ очень свуками звоими походилъ на якутскій. Я освѣдомился, какъ же поступаютъ въ такихъ случаяхъ, если больная особа требуетъ чего нибудь, что не возможно достать. Подеринъ возразилъ, что никогда не слыхалъ о такихъ случайностяхъ; что если трѣбуемая вещь была не совсѣмъ обыкновенна, то дѣвушка всегда объясняла, гдѣ ее можно было найти, описывая часто съ величайшими подробностями предметы, которыя, на сколько ему извѣстно, она никотда не видала. Однажты дочь его попросила собаку въ особенныхъ пятнахъ, которую онъ обыкновенно запрягалъ въ свои сапи. Собаку привели въ комнату, и дѣвушка тотчасъ же успокоилась; но съ этого времени собака сама сдѣлалась такъ безпокойна и дика, что ею почти невозможно стало управлять, и онъ долженъ былъ наконецъ ее убить.

— И вы вѣрите этому вздору? прервалъ его маіоръ нетерпѣливо.

— Я вѣрю въ Бога и въ Спасителя нашего Іисуса Христа, отвѣтилъ Подеринъ, набожно перекрестясь.

— Все это хорошо и въ этомъ вы правы, возразилъ маіоръ; но оно не имѣетъ никакого отношенія съ анадырской болью. Неужели вы вѣрите, что эти женщины дѣйствительно говорятъ на якутскомъ языкѣ, котораго никогда не слыхали и описываютъ вещи, никогда ие виданныя ими?

Подеринъ пожалъ выразительно плечами и отвѣчалъ, что вѣритъ тому, что видитъ. Тогда онъ началъ намъ разсказывать еще болѣе невѣроятныя подробности этого недуга и таинственныя силы, которыя онъ развиваетъ въ зараженныхъ имъ особахъ, подтверждая свои разсказы примѣромъ собственной дочери. Онъ, повидимому, твердо вѣрилъ въ дѣйствительность болѣзни, но не объяснялъ, какому вліянію онъ приписывалъ ясновидѣніе и способность говорить на незнакомыхъ языкахъ, что принадлежало къ самымъ чудеснымъ ея симптомамъ.

Въ этотъ же день намъ случилось быть у исправника, въ разговорѣ между прочимъ упомяпуть объ «анадырской боли» и разсказать нѣкоторыя случаи, слышанныя отъ Подерина. Исправникъ—большой скептикъ во всемъ, а въ этомъ въ особенности—сказалъ, что часто слышалъ о болѣзни, и что его жена твердо въ нее вѣрила, но что по его мнѣнію все это былъ чистый вздоръ, не стоящій другого вниманія, какъ тѣлеснаго наказанія. Русское крестьянство продолжалъ онъ, очень суевѣрно и готого допустить все, а «анадырская боль» была частью собственное заблужденіе, частью умышленный обманъ, пущенный входъ женщинами, чтобъ влiять на своихъ родственниковъ для личныхъ выгодъ. Женщина, желающая новую шляпку и не расчитывающая получить ее обыкновеннымъ способомъ, находитъ какъ послѣднее средство, самымъ удобнымъ впасть въ конвульсивный припадокъ и требовать шляпку, какъ физіологическую потрѣбность. Если супругъ продолжаетъ оставаться неумолимымъ, то нѣсколько искусныхъ конвульсій и пѣсни двѣ, спѣтыя на такъ пазываемомъ якутскомъ языкѣ обыкновенно бываютъ достаточны, чтобъ смягчить его. При этомъ онъ разсказалъ о русскомъ купцѣ, жена котораго была

подвержена «анадырской боли» и который зимою ѣздилъ изъ Гижиги въ Янскъ за 300 верстъ, что бы достать шелковое платье, которое она требовала и которое нигдѣ больше нельзя было найти! Конечно женщины не всегда требуютъ такихъ вещей, въ которыхъ онѣ могутъ нуждаться въ здоровомъ состояніи. Иначе, онѣ вскорѣ возбудили бы подозрѣніе своихъ обманутыхъ супруговъ, отцовъ и братьевъ, и заставили бы ихъ поближе вглядѣться въ родъ таинственнаго недуга. Во избѣжаніе этого, и чтобъ ввести мужчинъ въ заблужденіе на счетъ настоящей причины болѣзни, женщины часто спрашиваютъ собакъ, сани, топоры и другія подобныя ненужныя имъ вещи, чтобъ убѣдить своихъ довѣрчивыхъ родственниковъ, что въ своихъ желаніяхъ онѣ руководимы только болѣзненнымъ капризомъ и не имѣютъ въ виду опредѣленной цѣли. Такое раціональное истолкованіе далъ намъ исправникъ о любопытномъ явленіи, извѣстнымъ подъ именемъ «анадырской боли;» и хотя это объясненіе выставляло женскую хитрость и мужскую легковѣрность въ большей степени, чѣмъ я полагалъ до сихъ поръ, но я долженъ былъ сознаться, что объясненіе было разумное и давало удовлетворительный отвѣтъ на это странное явленіе.

Въ виду такой замѣчательной черты женской хитрости, наши здраво мыслящія американскія женщины должны согласиться, что ихъ сибирскія сестры выказываютъ большую изобрѣтательность въ завоеваніи своихъ правъ и въ пусканіи пыли въ глаза своимъ господамъ и повелителямъ, чѣмъ всѣ ассоціаціи женскихъ правъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Выдумать несуществующую болѣзнь, съ такими необыкновенными проявленіями, дать ей размѣры эпидеміи по всей странѣ и употребить ее какъ рычагъ для открытія мужскихъ бумажниковъ и удовлетворенія женскимъ потребностямъ, — это величайшее торжество когда либо одержанное женскимъ коварствомъ надъ мужской глупостью!

Разсказъ исправника повліялъ на Додда самымъ необыкновеннымъ образомъ. Онъ объявилъ, что чувствуетъ начальные симптомы «анадырской боли» и что убѣжденъ, что подвергнется этой болѣзни. Поэтому онъ просилъ маіора не удивляться, если когда

нибудь, возвратясь домой, онъ найдетъ его въ страшныхъ конвульсіяхъ, поющаго «Jankee Doodle» на якутскомъ языкѣ и требующаго своего жалованья. Маіоръ увѣрилъ его, что въ случаѣ такой крайности, онъ принужденъ будетъ прибѣгнуть къ средству исправника, т. е. къ двадцати ударамъ по обнаженной спинѣ и посовѣтовалъ ему отложить свои конвульсіи до тѣхъ поръ, когда казначейство сибирскаго отдѣленія будетъ въ состояніи удовлетворить его требованіямъ.

Наша жизнь въ Гижигѣ въ началѣ Іюня была рѣшительнымъ вознагражденіемъ за испытанія предшествующихъ шести мѣсяцевъ. Погода вообще была теплая и ясная, холмы и долины зеленѣли роскошной растительностью, день почти не перемежался и намъ нечего было больше дѣлать, какъ ходить за дичью, спускаться иногда на лодкѣ къ устью рѣки посмотрѣть, не пришелъ ли корабль и придумывать всевозможныя развлеченія, чтобъ убить время.

Ночи были лучшей частью сутокъ, но постоянный дневный свѣтъ казался намъ еще болѣе страднымъ, чѣмъ непрерывающійся почти зимній мракъ. Мы никогда не могли точно рѣшить, когда кончался одинъ день и начинался другой, или когда пора была ложиться спать. Какъ-то смѣшно казалось готовить постель, пока солнце еще не сѣло; а если мы вздумали бы ждать его захода, то не успѣли бы уснуть, какъ оно снова бы уже взошло и тогда опять было бы странно лежать въ постели. Наконецъ мы положили предѣлъ нашему недоумѣнію, заказавъ плотныя деревянныя ставни для всѣхъ оконъ и зажигая въ комнатѣ свѣчи; такимъ образомъ намъ удалось убѣдить свои недовѣрчивыя чувства, что была ночь, хотя солнце на дворѣ сіяло съ полдневнымъ блескомъ. Когда мы просыпались впрочемъ, то являлось другое недоумѣніе. Легли ли мы спать сегодня? или это было вчера? И какое было теперь время? Вчера, сегодня и завтра сливались во едино, и намъ было почти невозможно отличить ихъ одно отъ другого. Я часто ошибался, ведя свой дневникъ и раздѣляя одни сутки на двое.

Когда гижигинская губа очистилась отъ льда, такъ что можно было ожидать прихода судовъ, маіоръ Абаза приказалъ нѣсколь-

кимъ казакамъ постоянно находиться у устья рѣки и день и ночь, чтобъ тотчасъ увѣдомить насъ о появленіи паруса,

18-го Іюля торговый бригъ «Hallie Jackson» принадлежащій В. Б. Бордмэну изъ Бостона, взошелъ въ заливъ и во время прилива вбѣжалъ въ устье рѣки. чтобъ выгрузить свой товаръ. Корабль этотъ привезъ намъ первую вѣсть о внѣшнемъ мірѣ въ эти одинадцать мѣсяцевъ и прибытіе его было привѣтствуемо съ большимъ восторгомъ и русскими и американцами. Половина населенія выбѣжала къ устью рѣки лишь только узнала о прибытіи корабля и мѣсто выгрузки было, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, мѣстомъ самой возбужденной дѣятельности. «Джаксонъ» не могъ дать намъ другихъ свѣдѣній о корабляхъ нашего общества кромѣ того, что во время его отплытія изъ Санъ-Франциско въ мартѣ ихъ дѣятельно нагружали и снаряжали къ отплытію. Онъ привезъ впрочемъ съ собою всѣ вещи, оставленныя нами въ Петропавловскѣ, также какъ и большой грузъ чая, сахара, табаку и другихъ предметовъ для торговли съ Сибирью.

Изъ нашего туземнаго опыта мы убѣдились, что платить деньгами туземцамъ удобно только въ Охотскѣ, Гижигѣ и Анадырскѣ; вообще же выгоднѣе гораздо расплачиваться чаемъ, сахаромъ и табакомъ, такъ какъ предметы эти всюду потребляюлся и цѣна на нихъ въ зимніе мѣсяцы стоитъ чрезвычайно высокая. Работникъ или извощикъ просящій деньгами 20 рублей за мѣсяцъ труда, оставался совершенно доволенъ если мы ему давали восемь фунтовъ чаю и десять фунтовъ сахару, что стоило не болѣе 10 рублей и такимъ образомъ половина суммы оставалась въ сбереженіи. Въ виду этого факта, маіоръ Абаза рѣшилъ раздавать какъ можно меньше деньгами, а уплачивать за труды товаромъ по существующимъ цѣнамъ. Поэтому онъ купилъ на «Джаксонѣ» 10,000 фунтовъ чая и 15 или 20,000 ф. сахара; все это онъ положилъ въ казенные магазины, чтобъ употреблять будущей зимою вмѣсто денегъ.

«Джаксонъ« выгрузилъ весь товаръ, который долженъ былъ оставить въ Гижигѣ и только что приливъ былъ довольно высокъ, чтобъ позволить ему перейти баръ у устья рѣки, онъ поднялъ паруса и отправился въ Петропавловскъ, оставивъ насъ снова одних.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Утомительное ожиданіе.—Москиты.—Прибытіе русскаго корвета.

Послѣ отплытія «Джаксона», мы начали нетерпѣливо ждать прибытія нашихъ собственныхъ кораблей и окончанія долгаго заключенія въ Гижигѣ. Восемь мѣсяцевъ кочующей, бивачной жизни сообщили намъ такую любовь къ приключеніямъ и потребность возбужденія, что только постоянныя странствованія могли удовлетворить ей, и лишь только праздность перестала быть новизной для насъ, какъ мы уже начали тяготиться нашимъ невольнымъ бездѣйствіемъ и жаждали новыхъ трудовъ и приключеній. Мы истощили запасъ всѣхъ гижигинскихъ удовольствій, прочли всѣ газеты, привезенныя «Джаксономъ», обсудили ихъ содержаніе до малѣйшей бездѣлицы, изслѣдовали каждый шагъ земли въ окрестностяхъ города и испробовали все, что наша изобрѣтательность могла придумать, чтобъ убить время,—но ничего не помогало. Дни казались безконечными, давно ожидаемые корабли не являлись, а москиты и комары дѣлали жизнь нашу тяжелымъ бременемъ.

Около десятаго іюня москитъ—этотъ бичъ сѣвернаго лѣта—поднимается изъ сыраго мха низменностей и пронзительно трубитъ въ свою трубу, чтобъ дать знать всему живущему о своемъ побѣдоносномъ воскрешеніи и готовности доставлять музыкальное наслажденіе человѣку и животному на самыхъ сходныхъ условіяхъ. Черезъ три или четыре дня, если погода стоитъ тихая и те

плая, вся атмосфера буквально наполняется тучами москитовъ, и
съ этой поры и до 10 августа они преслѣдуютъ все живущее съ
кровожадностью, не знающей ни усталости, ни состраданія. Изба-
вленіе невозможно, и защита безполезна: они всюду преслѣдуютъ
свои несчастныя жертвы и ихъ неутомимая настойчивость пре-
возмогаетъ всѣ препятствія, которыя человѣческая изобрѣтатель-
ность ставитъ на ихъ пути. Самый густой дымъ не пугаетъ ихъ;
всякую защиту, воздвигнутую противъ нихъ, они или избѣгаютъ,
или берутъ приступомъ, и только зарывъ себя живымъ въ землю,
человѣкъ можетъ надѣяться, что избавится отъ ихъ неутомимаго
преслѣдованія. Напрасно мы носили на головахъ газовые вуали и
укрывались подъ коленкоровыми пологами. Количество нашихъ
крошечныхъ враговъ было такъ велико, что рано или поздно нѣ-
которые изъ нихъ навѣрное находили незащищенное отверстіе и
въ ту минуту, когда мы воображали себя въ полной безопасно-
сти, они нападали на насъ съ свѣжими неожиданными силами.
Москиты вообще не упоминаются въ описаніяхъ Сибири; но ни
въ одной тропической странѣ я не видалъ ихъ въ такомъ изоби-
ліи, какъ въ Сибири въ іюнѣ. По ихъ милости большая тундра
мѣстами совершенно необитаема, и даже покрытый шерстью олень
принужденъ иногда искать защиты отъ нихъ въ болѣе холодномъ
горномъ климатѣ. Въ русскихъ поселеніяхъ они мучаютъ собакъ
и скотину до тѣхъ поръ, пока эта послѣдняя приходитъ въ со-
вершенную ярость и отчаянно борется за мѣсто въ дыму у ко-
стра. Даже въ Колымѣ, на берегу Ледовитаго океана, москиты
безжалостно преслѣдуютъ и туземцевъ, и ихъ домашнихъ живот-
ныхъ.

Въ началѣ іюня всѣ жители Гижиги, за исключеніемъ исправ-
ника и нѣсколькихъ русскихъ купцовъ, запираютъ свои зимнія
жилища и переселяются въ лѣтнія, рыболовныя стоянки на бе-
рега рѣкъ, въ ожиданіи появленія семги. Соскучившись жить въ
покинутомъ селеніи, Доддъ, Робинсонъ, Арнольдъ и я, мы пере-
селились къ устью рѣки и снова помѣстились въ томъ же пу-
стомъ казенномъ магазинѣ, который уже занимали во время пре-
быванія здѣсь «Hallie Jackson».

Не стану останавливаться на однообразной, скучной жизни, ко-
торую мы вели весь слѣдующій мѣсяцъ. Ее можно резюмировать въ
четырехъ словахъ—бездѣйствіе, разочарованіе, москиты и скука.
Ждать корабля было нашей единственной обязанностью, воевать
съ москитами единственнымъ разнообразіемъ; а такъ какъ первый
не появлялся, а послѣдніе не исчезали, то оба занятія оказыва-
лись равно невыгодными и неудовлетворительными. Двадцать разъ
въ день мы надѣвали газовые вуали, завязывали платья наши у
кисти рукъ и у щикотки и добросовѣстно взбирались на верхушку
высокой скалы, чтобъ сторожить корабль,—и двадцать же разъ
возвращались съ обманутой надеждой въ нашу пустую, невеселую
комнату и изливали безъ ропота свою досаду на страну, на ком-
панію, на корабли и на москитовъ. Намъ невольно казалось, что
мы были поглощены великимъ потокомъ человѣческой дѣятельно-
сти, что наши мѣста на свѣтѣ были замѣщены и самое наше су-
ществованіе забыто.

Главный инженеръ обѣщалъ положительно, что корабли съ
людьми, матеріалами и средствами для немедленнаго продолженія
работъ будутъ въ Гижигѣ и у устья Анадыри, лишь только бе-
рега очистятся отъ льда; теперь же былъ августъ, а они все не
являлись. Погибли ли они, или все предпріятіе рушилось—мы ни-
чего не знали; но когда недѣля проходила за недѣлей, не принося
намъ никакихъ извѣстій, мы стали терять всякую надежду и по-
говаривали уже послать въ сибирскую столицу, чтобъ по теле-
графу дать знать компаніи о нашемъ положеніи.

Надо отдать справедливость маіору Абазѣ, что во все продол-
женіе этихъ томительныхъ мѣсяцевъ ожиданія, онъ ни разу не
унывалъ совершенно и не сомнѣвался въ томъ, что компанія бу-
детъ настойчиво продолжать начатое дѣло. Корабли могли запоз-
дать или подвергнуться какому нибудь несчастію, но онъ не до-
пускалъ возможности, чтобъ предпріятіе было покинуто и про-
должалъ все лѣто дѣлать приготовленія къ будущей, зимней кам-
паніи.

Въ началѣ августа, уставъ сторожить появленіе кораблей, про-
должавшихъ не являться и въ прибытіе которыхъ мы потеряли

всякую вѣру, мы съ Доддомъ возвратились наконецъ въ поселеніе, оставивъ Арнольда и Робинсона однихъ на часахъ у устья рѣки.

14-го числа, послѣ полудня, когда я усердно занимался рисованіемъ картъ для нагляднаго изображенія нашихъ изслѣдованій въ прошлой зимѣ, служившій намъ казакъ, какъ сумасшедшій, вбѣжалъ въ комнату, задыхаясь отъ волненія, съ крикомъ: «Пушка! Судно»! Зная, что три пушечныхъ выстрѣла были сигналомъ, которымъ Арнольдъ и Робинсонъ должны были дать намъ знать о появленіи корабля въ заливѣ, мы выбѣжали изъ дома и стали нетерпѣливо прислушиваться ко второму выстрѣлу. Намъ недолго пришлось ждать. Другой, слабый, глухой гулъ послышался въ направленіи къ магазину, а за нимъ черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ и третій, не оставляя болѣе сомнѣнія въ прибытіи давно жданнаго корабля. Среди всеобщаго волненія, лодка была поспѣшно снаряжена и спущена на воду и, размѣстившись на днѣ ея на медвѣжьихъ шкурахъ, мы приказали гребцамъ отчалить. Во всякой рыболовной стоянкѣ, мимо которой мы ѣхали, спускаясь по теченію рѣки, насъ встрѣчали криками: «Судно! судно!»—и наконецъ въ Волынкинѣ, гдѣ мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобъ дать отдохнуть гребцамъ, намъ сказали, что корабль былъ теперь ясно видѣнъ съ холмовъ, и что онъ бросилъ якорь возлѣ острова, называемаго Матуга, въ двѣнадцати миляхъ отъ устья рѣки. Убѣжденные, что эта была не фальшивая тревога, мы поѣхали далѣе съ удвоенной скоростью и черезъ пятнадцать минутъ высадились на берегъ у сѣверной части залива. Арнольдъ и Робинсонъ съ русскимъ кормчимъ Кириловымъ уже отправились на корабль въ казенной китоловной лодкѣ, такъ что намъ оставалось только вскарабкаться на вершину скалы, гдѣ стоялъ маякъ, и нетерпѣливо ожидать ихъ возвращенія.

Сигналъ о появленіи корабля былъ уже данъ послѣ полудня, и пока мы достигнули устья рѣки, солнце уже почти сѣло. Корабль тихо стоялъ на якорѣ по срединѣ залива въ двѣнадцати миляхъ отъ берега, съ маленькимъ американскимъ флагомъ, развѣвающимся на его мачтѣ. Намъ видна была казенная китоловная лодка, буксированная у кормы, — слѣдовательно Арнольдъ и Робинсонъ были на кораблѣ; но шлюпки все еще висѣли на роуленсахъ, и незамѣтно было никакихъ приготовленій для высадки на берегъ. Исправникъ взялъ съ насъ слово, когда мы выѣзжали изъ поселенія, сдѣлать еще три выстрѣла, если прибытіе корабля окажется не вымысломъ, а дѣйствительностью. Частыя разочарованія доказали ему погрѣшность людскихъ свидѣтельствъ, относительно появленія кораблей въ этомъ портѣ, и онъ нисколько не желалъ проѣхаться даромъ до маяка въ лодкѣ съ течью, пока первоначальныя свѣдѣнія не подтвердятся рѣшительнѣе. Такъ какъ теперь фактъ не подлежалъ болѣе сомнѣнію, то мы зарядили еще разъ старую, ржавую пушку, набили ее сырой травой, чтобъ усилить гулъ выстрѣла и дали обѣщанный сигналъ, который повторился послѣдовательными раскатами надъ всякой выдающейся скалой вдоль берега и замеръ, наконецъ, далеко въ морѣ.

Черезъ часъ явился и исправникъ, и такъ какъ уже смерклось, то мы всѣ влѣзли еще на скалу взглянуть въ послѣдній разъ на корабль, прежде чѣмъ ночной мракъ скроетъ его совсѣмъ изъ вида. На палубѣ не видно было никакого движенія, было уже поздно и едва ли можно было надѣяться, чтобъ Арнольдъ и Робинсонъ вернулись ранѣе утра. Итакъ, мы отправились снова въ казенный магазинъ или «казарму», какъ его здѣсь называли, и провели половину ночи въ безплодныхъ догадкахъ о причинахъ поздняго прибытія корабля и о извѣстіяхъ, которыя онъ привезъ намъ.

При первыхъ лучахъ разсвѣта, мы съ Доддомъ снова взобрались на вершину скалы, чтобъ увѣриться что корабль не изчезъ подобно «Странствующему Голландцу», подъ покровомъ ночи, оставя насъ оплакивать новое разочарованіе. Но опасенія наши были напрасны. Судно не только стояло на своемъ мѣстѣ, но за ночь пришло еще другое. Большой трехъ-мачтовый пароходъ, въ 2,000 тоннъ приблизительно, стоялъ въ открытомъ морѣ, и три маленькія шлюбки быстро приближались на веслахъ къ устью рѣки. Это новое открытіе произвело большое волненіе. Доддъ, какъ сумасшедшій, сбѣжалъ по утесу къ казармѣ, объявляя маіору, что въ заливѣ находился еще пароходъ и что лодки были всего въ пяти миляхъ

отъ маяка. Черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ собрались толпой на высочайшей точкѣ утеса, разсуждая о таинственномъ пароходѣ, появившемся тамъ неожиданно, и карауля приближеніе лодокъ. Самая большая изъ ихъ была всего въ трехъ миляхъ отъ берега, и въ зрительную трубу мы могли различить въ продолжительныхъ, правильныхъ взмахахъ веселъ опытную руку матросовъ и на офицерскомъ мѣстѣ въ шлюпкѣ фигуры русскихъ офицеровъ. Пароходъ былъ очевидно большое военное судно, но что привело его въ этотъ отдаленный, малопосѣщаемый уголокъ міра—оставалось для насъ загадкою.

Черезъ полчаса двѣ лодки поравнялись съ скалою маяка и мы, въ невыразимомъ волненіи, сошли къ мѣсту, куда онѣ должны были пристать. Четырнадцать мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы не имѣли никакихъ извѣстій изъ дома, и надежда получить письма и новую работу достаточно изъясняла это волненіе. Самая маленькая лодка первая достигла берега, и лишь только она причалила, какъ офицеръ въ синемъ морскомъ мундирѣ выскочилъ изъ нее на песокъ и отрекомендовался намъ, какъ капитанъ Сеттонъ, съ судна «Клара Белль», принадлежащаго россійско-американскому телеграфному обществу, которое два мѣсяца тому назадъ оставило Санъ-Франциско съ рабочими и матеріалами для нашей линіи. «Гдѣ вы были все лѣто?» спросилъ маіоръ, пожимая руку капитану: «мы ждали васъ съ іюня и пришли наконецъ къ заключенію, что предпріятіе оставлено». Капитанъ Сеттонъ возразилъ, что всѣ корабли общества оставили Санъ-Франциско довольно поздно, и что сверхъ того онъ былъ задержанъ въ Петропавловскѣ обстоятельствами, объясненными въ письмахъ. Маіоръ спросилъ у него о пароходѣ, стоящемъ на якорѣ за «Кларой Белль».

— Это русскій корветъ «Варягъ» изъ Японіи, отвѣчалъ Сеттонъ.

— Что же онъ тутъ дѣлаетъ?

— Я слышалъ, сказалъ капитанъ, что онъ явился къ намъ за приказаніями; полагаю, что онъ командированъ русскимъ правительствомъ, чтобъ содѣйствовать сооруженію вашей линіи; по

крайней мѣрѣ, мнѣ такъ сказали, когда мы встрѣтились съ нимъ въ Петропавловскѣ. На бортѣ у него находятся русскій комиссаръ и корреспондентъ «Нью-Іоркскаго Вѣстника».

Это были совершенно неожиданныя новости. Мы слышали, что морскія вѣдомства Россіи и Америки получили приказанія послать въ Берингово море, для содѣйствія компаніи въ измѣреніи глубины и въ опусканіи каната между американскимъ и сибирскимъ берегами, но мы никакъ не ожидали увидать одинъ изъ этихъ кораблей въ Гижигѣ. Одновременное прибытіе нагруженнаго судна, пароваго корвета, русскаго комиссара и корреспондента «Нью-Іоркскаго Вѣстника»—обѣщало намъ впереди большую дѣятельность и мы поздравляли другъ друга съ будущими успѣхами сибирской партіи.

Въ это же время шлюпка съ корвета пристала къ берегу, и познакомившись съ г. Аносовымъ, полковникомъ Ноксомъ— корреспондентомъ *Вѣстника*—и съ нѣсколькими русскими офицерами, говорившими совершенно свободно по англійски, мы приступили къ распечатанію и чтенію давно жданной корреспонденціи.

Извѣстія, касающіяся дѣлъ Общества и плановъ предпріятія, были очень удовлетворительны. Полковникъ Белькли, главный инженеръ, заѣзжалъ въ Петропавловскъ, отправляясь на сѣверъ, и сообщалъ намъ съ «Варягомъ» и «Кларой Белль» всѣ подробности своихъ дальнѣйшихъ дѣйствій и распоряженій. Три корабля: «Клара Белль», «Пальметто» и «Онуардъ»—были посланы въ Гижигу изъ Санъ-Франциско съ шестьюдесятью человѣками и большимъ грузомъ всего необходимаго для работъ, на шестьдесятъ тысячь долларовъ. Одинъ изъ нихъ «Клара Белль», нагруженный подставками и изоляторами, уже прибылъ; остальные два съ продовольствіемъ, проволокой, снарядами и людьми были еще на пути. Четвертое судно съ тридцатью служащими и рабочими—маленькій рѣчной пароходъ, нагруженный инструментами и также продовольствіемъ, посланъ былъ къ устью Анадыри, гдѣ его долженъ былъ встрѣтить лейтенантъ Бешъ. Корветъ «Варягъ» былъ отправленъ русскимъ морскимъ вѣдомствомъ для содѣйствія къ проведенію каната черезъ Беринговъ проливъ; но такъ какъ канатъ, заказанный въ

Англіи не былъ еще полученъ, то «Варягу» не было особеннаго дѣла, и полковникъ Белькли послалъ его съ русскимъ комиссаромъ въ Гижигу. Вслѣдствіе того, что «Варягъ» сидѣлъ около двадцати-двухъ футовъ въ водѣ, онъ не могъ подойти ближе, чѣмъ на пятнадцать или двадцать миль къ берегу, и поэтому не былъ для насъ большой помощью; но одно только присутствіе его, съ особеннымъ русскимъ комиссаромъ, придавало нашему предпріятію оффиціальный характеръ, который позволялъ намъ дѣйствовать на мѣстныя власти и на народъ успѣшнѣе, чѣмъ до сей поры.

Первоначально маіоръ Абаза намѣревался немедленно, по прибытіи кораблей компаніи, отправиться въ Якутскую область по рѣкѣ Ленѣ и въ самый Якутскъ для нанятія пяти или шестисотъ туземныхъ рабочихъ, покупки лошадей и размѣщенія ихъ вдоль всей телеграфной линіи. Но положеніе дѣлъ во время прибытія «Варяга» и «Клары Белль» въ Гижигу дѣлали этотъ планъ почти невозможнымъ. Два судна—«Онуардъ» и «Пальметто»—должны были еще придти съ большимъ грузомъ, который онъ хотѣлъ распредѣлить по берегу Охотскаго моря подъ личнымъ надзоромъ. Поэтому онъ рѣшился отложить свою поѣздку до болѣе поздняго времени года, а пока воспользоваться двумя судами, бывшими въ его распоряженіи. На «Кларѣ Белль» вмѣстѣ съ подставками и изоляторами пріѣхали также одинъ главный мастеръ и четыре рабочихъ, и ихъ то маіоръ Абаза рѣшилъ послать въ Ямскъ подъ начальствомъ лейтенанта Арнольда съ приказаніемъ нанять какъ можно больше рабочихъ и тотчасъ же приступить къ тесанію столбовъ и постройкѣ станціонныхъ домовъ. «Варяга» онъ намѣревался послать съ продовольствіемъ и письмами къ Мэгуду, который уже почти пять мѣсяцевъ жилъ въ Охотскѣ, не получая ни денегъ, ни съѣстныхъ припасовъ, никакихъ извѣстій и который вѣроятно потерялъ уже всякую надежду на поддержку.

За день до отплытія «Варяга», офицеры этого корвета пригласили насъ всѣхъ на прощальный обѣдъ; и хотя наши скудныя средства не позволяли намъ отплатить имъ тѣмъ же, но мы не колеблясь приняли ихъ приглашеніе, чтобъ насладиться хоть разъ всею прелестью цивилизованной жизни. Всѣ почти офицеры «Ва-

ряга», человѣкъ около тридцати, говорили по англійски; судно было убрано со всей возможной роскошью; прекрасный военный оркестръ привѣтствовалъ насъ гимномъ «Hail Columbia», когда мы взошли на бортъ и, впродолженіе обѣда, услаждалъ нашъ слухъ отрывками изъ Марты, Травіаты и Фрейшютца: однимъ словомъ, день, проведенный нами на «Варягѣ», остался самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ изъ всей нашей жизни въ Сибири.

На слѣдующее утро въ десять часовъ мы возвратились на «Клару Белль» въ маленькой шлюпкѣ этой послѣдней, а корветъ, разведя пары, снялся съ якоря; офицеры съ квартеръ-дека махали фуражками въ знакъ безмолвнаго прощанья, а оркестръ игралъ хоръ изъ Пирата «Будь всегда счастливъ, какъ теперь»—какъ бы въ насмѣшку надъ нашимъ одинокимъ, безотраднымъ изгнаніемъ! Невесела была кучка людей, возвращавшаяся въ этотъ день къ ужину, состоящему изъ оленины и капусты въ пустыя комнаты гижигинской казармы! Теперь мы только оцѣнили вполнѣ разницу между *жизнью* въ «обѣтованной землѣ» и *существованіемъ* въ Сѣверовосточной Азіи.

Послѣ отплытія «Варяга», «Клара Белль» была введена въ устьѣ рѣки, кладь ея выгружена, лейтенантъ Арнольдъ съ партіей посланъ на бортъ, и 26 августа, во время прилива, она подняла паруса и отправилась въ Ямскъ и Санъ-Франциско, оставя въ Гижигѣ только прежнюю камчатскую партію, т. е. Додда, маіора и меня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Прибытіе кораблей съ подкрѣпленіемъ.—Послѣдняя поѣздка къ полярному кругу. — Корякскіе проводники. — Голодъ въ Анадырскѣ.

За краткимъ оживленіемъ, произведеннымъ прибытіемъ «Варяга» и «Клары Белль», послѣдовалъ снова долгій, томительный мѣсяцъ ожиданій, впродолженіе котораго мы жили съ прежними неудобствами у устья Гижиги. Недѣля проходила за недѣлей, не принося никакихъ извѣстій объ ожидаемыхъ корабляхъ; наступилъ и конецъ короткаго сѣвернаго лѣта, снѣгъ снова явился на горахъ и продолжительныя, сильныя бури предсказывали скорое приближеніе зимы. Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло послѣ предполагаемаго отплытія «Онуарда» и «Пальметто» изъ Санъ-Франциско, и мы могли объяснить ихъ долгое отсутствіе только поврежденіемъ ихъ или крушеніемъ. 18 сентября маіоръ Абаза рѣшился послать гонца въ столицу Сибири, чтобъ оттуда телеграфировать компаніи, спрашивая о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ. Оставленные на слѣдующую зиму безъ людей, инструментовъ и другихъ матеріаловъ, кромѣ 50.000 изоляторовъ и подставокъ, мы не могли никакимъ образомъ способствовать сооруженію линіи, и намъ оставался только одинъ исходъ—дать знать компаніи о нашемъ затруднительномъ положеніи. Однако 19, прежде чѣмъ мы успѣли привести въ исполненіе это рѣшеніе, прибыло давно ожидаемое судно «Пальметто», а вслѣдъ за нимъ явился и русскій пароходъ «Сахалинъ» съ пособіями изъ Николаевска. Этотъ послѣдній, не завися отъ вѣтра и сидя очень не глубоко въ водѣ, безъ затрудненія перешелъ баръ и взошелъ въ рѣку; но «Пальметто» долженъ былъ простоять на якорѣ въ заливѣ до прилива. Погода, уже нѣсколько дней холодная и пасмурная, внезапно разразилась бурей и 22 вѣтеръ такъ сильно дулъ въ марсели съ юго-востока и волны грозно бушевали, что мы стали серьозно бояться за цѣлость несчастнаго судна; но такъ какъ мелководье не позволяло ему перейти баръ у устья рѣки, то до прилива невозможно было подать ему никакой помощи. 23 стало очевидно, что «Пальметто», на который возложены были всѣ наши надежды, долженъ былъ неминуемо стать на мель. Самый большой якорь его оборвался и онъ медленно, но вѣрно дрейфовалъ на скалистый, обрывистый берегъ на востокъ отъ рѣки, гдѣ онъ, конечно, долженъ былъ разбиться въ щепки. Капитанъ Артюръ, не видя другаго исхода, выпустилъ канатъ и сталъ противъ самаго устья рѣки. Онъ не могъ болѣе избѣгнуть мели, и потому лучше было набѣжать на песчаный баръ, чѣмъ безпомощно дрейфовать на черную, отвѣсистую, скалистую стѣну, гдѣ гибель была неизбѣжна. Судно храбро приблизилось на полъ мили къ маяку и потомъ тяжело врѣзалось въ песокъ на семи футовой глубинѣ. Послѣ перваго толчка, послѣдовало сильное сотрясеніе въ подводной части судна, а волны между тѣмъ разбивались бѣлымъ облакомъ брызгъ надъ его квартердекомъ. Едва ли оно могло просуществовать ночь. Когда впрочемъ вода прилива стала подниматься, оно все болѣе и болѣе начало приближаться къ устью рѣки и, наконецъ, во время самой высокой воды оно очутилось не далѣе четверти мили отъ него. Будучи очень прочно построено, судно потерпѣло менѣе вреда, чѣмъ мы предполагали, и когда вода слила, оно осталось на барѣ, не потерпѣвъ другихъ пораженій, кромѣ потери своего фальшкиля и нѣкоторой порчи въ мѣдной обшивкѣ.

Такъ какъ оно лежало стойкомъ на бимсѣ и палуба его образовала уголъ въ сорокъ пять градусовъ, то рѣшительно невозможно было достать что нибудь изъ трюма, поэтому мы сдѣлали приготовленія выгрузить его кладь въ лодки, лишь только слѣдующій

приливъ подниметъ его и поставитъ въ прямое положеніе. Мы мало надѣялись спасти корабль, и потому вся наша забота была выгрузить его прежде, чѣмъ онъ превратится въ обломки. Капитанъ Тобезинъ съ русскаго парохода «Сахалинъ» предложилъ къ нашимъ услугамъ всѣ свои шлюпки и свою команду, и на слѣдующій день мы принялись за работу съ шестью или семью лодками, большимъ плашкотомъ и пятьюдесятью рабочими. Море продолжало волноваться; подводная часть судна снова стала содрогаться; плашкотъ завязъ и потонулъ съ полнымъ грузомъ въ ста аршинахъ отъ берега, и множество ящиковъ и боченковъ съ мукой понеслись съ приливомъ вверхъ по рѣкѣ. Не смотря на всѣ эти несчастія, мы настойчиво продолжали работать на лодкахъ, пока вода вокругъ судна была достаточно высока, чтобъ поднимать ихъ, и при началѣ отлива мы могли поздравить другъ друга съ пріятнымъ извѣстіемъ, что съѣстныхъ припасовъ спасено столько, чтобъ вполнѣ обезпечить наше существованіе даже въ томъ случаѣ, если судно въ слѣдующую же ночь разлетится въ щепки. 25-го вѣтеръ сталъ слабѣе, море начало утихать, и такъ какъ судно не потерпѣло по видимому особенно серьозныхъ поврежденій, то мы начинали надѣяться спасти и корабль и грузъ. Съ 25-го по 29-е сентября, всѣ шлюпки съ «Сахалина» и «Пальметто», вмѣстѣ съ командой обоихъ судовъ, были постоянно заняты перевозкой груза съ корабля на берегъ, и 30-го половина его по крайней мѣрѣ была благополучно выгружена. На сколько мы могли судить, ничто не могло помѣшать ему отправиться въ море въ октябрѣ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось, что потери его ограничивались фальшкилемъ, а это по мнѣнію офицеровъ «Сахалина» нисколько не дѣлало его неспособнымъ къ морскому плаванію и не могло помѣшать его отплытію. Представилось однако новое затрудненіе. Весь экипажъ «Пальметто» состоялъ изъ негровъ, и лишь только они узнали, что маіоръ Абаза намѣревался отправить судно въ Санъ-Франциско этой же осенью, они отказались идти, объявивъ, что корабль не способенъ къ морскому плаванію и что они предпочитаютъ провести зиму въ Сибири, чѣмъ подвергаться опасному путешествію въ Америку. Маіоръ Абаза немедленно созвалъ коммиссію офицеровъ

съ «Сахалина» и попросилъ ихъ снова осмотрѣть судно и представить письменное мнѣніе о его годности. Осмотръ былъ сдѣланъ и мнѣніе заключалось въ томъ, что оно вполнѣ годно для совершенія путешествія въ Петропавловскъ, Камчатку и можетъ быть въ Сан-Франциско. Рѣшеніе это было прочитано неграмъ, но они продолжали настаивать на своемъ отказѣ. Представивъ имъ послѣдствія возмущенія, маіоръ приказалъ заковать зачинщика въ цѣпи, отправилъ его на бортъ «Сахалина» и заключилъ въ «черпую яму»; но товарищи его не уступали. Необходимо было, чтобъ «Пальметто» вышелъ въ море при первой же возможности, такъ какъ время года было уже позднее, и онъ долженъ былъ быть неминуемо затертъ льдомъ, если останется въ рѣкѣ позже половины октября.

Кромѣ того, маіоръ Абаза долженъ былъ ѣхать въ Охотскъ на пароходѣ «Сахалинъ», и этотъ послѣдній былъ уже совершенно готовъ выступить въ море. Послѣ полудня, 1-го октября, когда «Сахалинъ» разводилъ уже пары для отплытія, негры обѣщали маіору окончить выгрузку «Пальметто» и возвратиться въ Сан-Франциско съ условіемъ, если онъ освободитъ закованнаго имъ человѣка. Заключенный былъ тотчасъ-же освобожденъ и черезъ два часа маіоръ отплылъ на «Сахалинѣ» въ Охотскъ, оставя насъ распоряжаться по нашему усмотрѣнію съ полу-разбитымъ кораблемъ и его мятежной командой.

Часть клади все еще находилась на суднѣ и потому мы продолжали слѣдующіе пять дней выгружать ее на лодкахъ, работа была трудная и утомительная, такъ какъ лодки могли подходить къ кораблю только впродолженіе шести часовъ изъ двадцати четырехъ, и эти шесть часовъ были отъ одиннадцати вечера, до пяти утра. Все остальное время корабль лежалъ стойкомъ на бимсѣ и вода вокругъ него была такъ мелка, что едва-ли могла бы даже поднять доску. Чтобъ увеличить еще наши опасенія и затрудненія, когда вдругъ сдѣлалось холоднѣе, термометръ опустился до нуля, массы плавающихъ льдовъ приносились каждымъ приливомъ и отрывали, проходя мимо, большіе листы мѣдной обшивки судна и рѣка вскорѣ такъ была завалена обломками льда, что мы должны

были тянуть лодки взадъ и впередъ на канатѣ. Не смотря впрочемъ на дурную погоду, мелководье и ледъ, грузъ корабля медленно, но постоянно убавлялся, и къ 10-му октябрю на немъ остались только нѣсколько боченковъ муки, немного соленой говядины и свинины, которые намъ были ненужны, и семьдесятъ или сто тонъ угля. Это мы рѣшили отправить назадъ въ Сан-Франциско вмѣсто балласта. Вода съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе повышалась и наконецъ 11-го «Пальметто» въ первый разъ, въ продолженіе, трехъ недѣль, былъ въ состояніи двинуться съ мѣста. Лишь только киль его освободился изъ песка, какъ его повернули въ заливѣ носомъ къ морю и укрѣпили большими верпами, приготовивъ къ отплытію на слѣдующій день. Испытавъ страшный холодъ предшествующей недѣли, экипажъ не выражалъ болѣе желанія зимовать въ Сибири; и кромѣ внезапной перемѣны вѣтра, ничто не могло препятствовать благополучному выходу судна изъ рѣки. Вѣтеръ былъ однако благопріятенъ, какъ и прежде, и 12-го октября, въ 2 часа по полуночи на «Пальметто» снова заколебались долго отдыхавшіе нижніе паруса и марсели, канаты большихъ верповъ были отрѣзаны и при легкомъ сѣверо восточномъ вѣтрѣ онъ медленно вышелъ въ заливъ Никакая музыка никогда не казалась мнѣ такою усладительною, какъ сердечное «Jo heave ho!» экипажа, когда они натянули шкотъ брамселя по ту сторону бара! Судно выбралось наконецъ въ открытое море! И время было! Менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ его отплытія, рѣка и прибрежная часть залива, были такъ завалены ледяными глыбами, что ему невозможно было бы избѣжать совершеннаго крушенія.

Надежды предпріятія при открытіи второй зимы были въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, чѣмъ когда либо до сихъ поръ. Корабли общества, правда, очень опоздали своимъ прибытіемъ, и одинъ изъ нихъ «Онуардъ» вовсе не пришелъ; но «Пальметто» снабдилъ насъ четырнадцатью работниками и большимъ запасомъ инструментовъ и продовольствія, маіоръ Абаза отправился въ Якутскъ для нанятія шести или восьми сотъ туземныхъ работниковъ и для покупки трехъ-сотъ лошадей, и мы надѣялись, что къ 1-му февралю работы будутъ успѣшно подвигаться по всей линіи.

Послѣ отплытія «Пальметто», я послалъ лейтенанта Сандфорта съ двадцатью человѣками въ лѣса Гижигинской рѣки выше поселенія, снабдилъ ихъ топорами, лыжами, санями и продовольствіемъ, и поручилъ имъ рубить столбы и заготовлять срубы для домовъ, которые должны были быть впослѣдствіи распредѣлены въ степяхъ между Гижигой и Пенжинскимъ заливомъ. Я послалъ также небольшую партію туземцевъ подъ начальствомъ г. Уилера въ Ямскъ съ пятью или шестью санями, съ топорами и съѣстными припасами къ лейтенанту Арнольду и депешами для отправленія маіору Абазѣ. Въ настоящее время мнѣ не предстояло никакого дѣла на берегу Охотскаго моря и я приготовился поѣхать еще разъ на сѣверъ. Мы ничего не слыхали о лейтенантѣ Бешѣ и его партіи съ 1-го мая, а намъ непремѣнно нужно было знать, успѣшно ли шла рубка и сплавка столбовъ по Анадыри, и какія были его намѣренія и планы на зиму. Позднее прибытіе «Пальметто» заставляло насъ опасаться, что корабль, посланный къ Анадыри также былъ задержанъ на пути, что должно было поставить лейтенанта Беша и его партію въ очень непріятное, если не опасное положеніе. Поэтому маіоръ Абаза приказалъ мнѣ, уѣзжая въ Охотскъ, отправиться первымъ же зимнимъ путемъ въ Анадырскъ, и увѣриться, приходили ли корабли общества къ устью рѣки и нуждался ли Бешъ въ пособіяхъ. Въ Гижигѣ ничто болѣе не задерживало меня, я уложилъ мои походныя принадлежности и запасное мѣховое платье, положилъ на пять саней чай, сахаръ, табакъ и продовольствіе, и 2-го ноября отправился съ шестью казаками въ послѣдній разъ къ полярному кругу.

Ни одно изъ моихъ путешествій по Сибири не было такъ одиноко и печально какъ это. Для избѣжанія лишнихъ издержекъ, я не взялъ съ собой никого изъ моихъ американскихъ товарищей; но сколько разъ, сидя одиноко у походнаго огня, раскаявался я въ моей самоотверженной бережливости и какъ я скучалъ о сердечномъ смѣхѣ и добродушныхъ шуткахъ моего вѣрнаго Ахата-Додда. Впродолженіе двадцати пяти дней я не встрѣтилъ ни одного цивилизованнаго существа, не сказалъ ни одного слова на моемъ родномъ языкѣ, и по истеченіи этого времени я былъ бы радъ,

кажется, поговорить съ умной американской собакой. «Уединеніе», говоритъ Бичеръ, «для общественной жизни все равно, что паузы для музыки»; я же нахожу, что путешествіе, совершенное въ одиночествѣ также занимательно, какъ и музыкальное произведеніе, состоящее исключительно изъ паузъ—только самое живое воображеніе можетъ найдти и въ томъ и въ другомъ что нибудь интересное.

Въ Куэлѣ, на берегѣ Пенжинскаго залива, я долженъ былъ проститься съ моими добродушными казаками и взять себѣ проводниками полъ-дюжины тупыхъ, угрюмыхъ коряковъ, съ бритыми головами, и съ этихъ поръ я еще живѣе почувствовалъ свое одиночество. Съ казаками я былъ еще въ состояніи говорить и часто проводилъ длинные, зимніе вечера у походнаго огня, разспрашивая о ихъ повѣріяхъ и предразсудкахъ и слушая характеристическіе рязсказы изъ сибирской жизни; теперь же, не зная вовсе корякскаго языка, я былъ лишенъ и этого послѣдняго развлеченія.

Спутники мои имѣли самую уродливую и непріятную наружность, какую можно было только встрѣтить въ поселеніяхъ Пенжинскаго залива, и ихъ упрямство и тупость поддерживали во мнѣ хроническое, дурное расположеніе духа во все время путешествія отъ Куэля до Пенжины. Только грозя имъ револьверомъ могъ я принудить ихъ къ повиновенію. Они не имѣли никакого понятія о томъ, какъ удобнѣе расположить лагерь въ дурную погоду и напрасно старался я научить ихъ этому. Не смотря на всѣ мои убѣжденія, они продолжали каждую ночь рыть глубокую яму въ снѣгу для костра и сидѣть скорчившись по ея краямъ, подобно лягушкамъ на краю колодца, между тѣмъ, какъ я самъ устроивалъ себѣ ночлегъ. Поваренное искусство было имъ также совершенно неизвѣстно и они никакъ не могли проникнуть въ его тайны. Почему положенное въ одинъ сосудъ варилось, а положенное въ другой, совершенно сходный, жарилось,—почему одно превращалось въ супъ, а другое въ пирогъ,—все это были вопросы, о которыхъ они разсуждали каждый вечеръ и которые все-таки никакъ не могли рѣшить. Изумительны были опыты, которые они производили надъ содержимымъ этихъ непонятныхъ жестяныхъ коробокъ съ консервами. Они мнѣ часто подавали пироги съ томатами, обжаренными

въ маслѣ; шепталу они смѣшивали съ жареной говядиной или варили въ супѣ; крупу они подслащивали, а сушеные консервы разбивали камнями въ куски. Никогда, даже случайно, не могли онѣ попасть на надлежащіе припасы, если я самъ постоянно не стоялъ надъ ними и не наблюдалъ лично за приготовляемымъ мнѣ ужиномъ. Не имѣя понятія о этихъ необыкновенныхъ американскихъ кушаньяхъ, они всегда съ большимъ любопытствомъ отвѣдывали ихъ, и эти опыты были иногда чрезвычайно смѣшны. Однажды вечеромъ, вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Шестакова, они увидали, что я ѣмъ маринованный огурецъ, и такъ какъ этотъ новый предметъ былъ для нихъ совершенно незнакомъ, то они попросили у меня кусочекъ отвѣдать. Предвидя, какія изъ этого выйдутъ послѣдствія, я отдалъ весь огурецъ самому грязному и дикому изъ нихъ и посовѣтовалъ ему откусить какъ можно больше. Всѣ его товарищи смотрѣли, притаивъ дыханіе, пока онъ подносилъ огурецъ ко рту, чтобъ увидать, какъ онъ ему понравится. Съ минуту лицо его выражало самую смѣшную смѣсь удивленія, недоумѣнія и отвращенія, и онъ былъ кажется готовъ выплюнуть откушенный кусокъ; но сдѣлавъ большое усиліе, онъ превозмогъ себя, придалъ лицу своему выраженіе удовольствія, чмокнулъ губами, объявилъ, что это было «акмель немелькинъ» — очень хорошо — и передалъ огурецъ ближайшему сосѣду. Этотъ послѣдній былъ равно пораженъ и недоволенъ его неожиданной кислотой, но не желая сознаться въ обманутомъ ожиданіи и услышать насмѣшки товарищей, онъ также увѣрилъ, что это великолѣпно и передалъ далѣе. Шесть человѣкъ послѣдовательно разыграли эту комедію съ величайшей серьозностью; но когда всѣ откусили по кусочку огурца, они разразились единодушнымъ, удивленнымъ «ті-е-ее» и дали свободу долго-сдерживаемому чувству отвращенія. Усиленное плеванье, кашель, умыванье рта снѣгомъ, послѣдовавшіе за первымъ взрывомъ неудовольствія, доказали, что вкусъ къ пикулямъ благопріобрѣтенъ, а не свойственен первобытному человѣку. Меня особенно забавляло то, что они обманывали другъ друга. Каждый изъ нихъ, сдѣлавшись жертвой обмана, тотчасъ чувствовалъ необходимость ввести въ заблужденіе и своего сосѣда, и ни одинъ изъ нихъ не

рѣшился сознаться, что огурецъ былъ не совсѣмъ вкусенъ, пока всѣ не отвѣдали его. Несчастье любитъ товарищей, а человѣческая природа вездѣ одинакова. Хотя и недовольные послѣдствіями опыта, они тѣмъ не менѣе просили у меня и послѣ этого кусочекъ изъ каждой жестянки, которую я открывалъ. Передъ самымъ пріѣздомъ въ Пенжину, впрочемъ, одинъ случай навсегда избавилъ меня отъ ихъ докучливости и внушилъ имъ такой суевѣрный страхъ къ жестянкамъ, что его впослѣдствіи ничѣмъ нельзя было превозмочь. Мы имѣли обыкновеніе, остановившись па ночлегъ, ставить наши жестянки въ горячую золу или уголья, чтобъ содержимое въ нихъ оттаяло, и я нѣсколько разъ уже говорилъ моимъ спутникамъ, чтобъ они ихъ всегда прежде открывали. Конечно, я не могъ объяснить имъ, что скопленіе пара заставитъ ихъ лопнуть; я сказалъ имъ только, что это будетъ «аткинъ»--дурно—если они не сдѣлаютъ отверстія въ крышкѣ прежде, чѣмъ поставятъ жестянку на огонь. Однажды вечеромъ, они забыли однако эту предосторожность и пока они сидѣли, скорчившись, вокругъ костра, погруженные въ размышленія, одна изъ жестянокъ лопнула съ страшнымъ взрывомъ, освободивъ густое облако пара, и куски кипящей баранины разлетѣлись по всѣмъ направленіямъ. Еслибъ вулканъ разверзся подъ костромъ, коряки не могли бы больше испугаться. Не успѣвъ убѣжать, они упали на спины и подняли ноги кверху съ криками «каммукъ!»—діаволъ—воображая себя совсѣмъ погибшими. Мой смѣхъ разувѣрилъ ихъ наконецъ и имъ стало немного стыдно за свой минутный страхъ; но съ этого времени они стали обращаться съ жестянками, какъ будто бы онѣ были наполнены разрывными пулями и никакъ не могли рѣшиться отвѣдать кусочекъ содержимаго въ нихъ.

Оставивъ берегъ Охотскаго моря, мы очень медленно подвигались къ Анадырску, такъ какъ дни были коротки, а только что выпавшій снѣгъ рыхлъ и глубокъ. Часто на протяженіи десяти или пятнадцати миль, мы должны были прокладывать дорогу лыжами нашимъ тяжело нагруженымъ санямъ и то усталыя собаки съ трудомъ только могли пробираться по этимъ рыхлымъ сугробамъ. Холодъ былъ такъ великъ, что ртутный термометръ,

показывающій до — 23° былъ почти безполезенъ. Впродолженіе нѣсколькихъ дней, ртути совсѣмъ не было видно, и я могъ судить о холодѣ только по быстротѣ, съ которою замерзалъ мой ужинъ, когда его снимали съ огня. Сколько разъ супъ превращался въ моихъ рукахъ изъ жидкаго тѣла въ твердое, и каша примерзала къ жестяной тарелкѣ, прежде чѣмъ я успѣвалъ ее доѣсть.

Въ четырнадцатый день послѣ отъѣзда изъ Гижиги мы достигли Пенжины, отстоящей въ двухъ стахъ верстахъ отъ Анадырска. Послѣ насъ, т. е. съ мая, никто изъ постороннихъ не заглядывалъ въ этотъ городокъ, и все поселеніе — мужчины, женщины, дѣти и собаки — толпой высыпали намъ на встрѣчу съ самыми радостными заявленіями. Шесть мѣсяцевъ они не видали ни одного посторонняго лица и не слыхали живого слова о внѣшнемъ мірѣ; чтобъ выразить свой восторгъ, они привѣтствовали насъ полъдюжиной выстрѣловъ изъ старыхъ, заржавленныхъ винтовокъ.

Оставляя Гижигу, я надѣялся встрѣтить гдѣ нибудь на дорогѣ посланнаго съ извѣстіями и письмами отъ Беша, и я очень удивился и встревожился, узнавъ, что никто не пріѣзжалъ изъ Анадырска въ Пенжину и что съ прошедшей весны не было никакихъ слуховъ о нашей партіи. Какое то непріятное предчувствіе овладѣло мной, такъ какъ Бешу было непремѣнно приказано послать нарочнаго въ Гижигу по первому зимнему пути, а теперь былъ уже конецъ ноября.

На слѣдующій день предчувствія мои оправдались. Поздно вечеромъ, когда я сидѣлъ въ домѣ одного русскаго крестьянина и пилъ чай, на улицѣ раздался крикъ: «анадырскіе ѣдутъ!» Выбѣжавъ поспѣшно изъ дома, я встрѣтилъ длинноволосаго анадырскаго священника въ ту самую минуту, когда онъ останавливалъ своихъ собакъ у воротъ. Первымъ моимъ вопросомъ было: «гдѣ Бешъ?» и сердце мое упало, когда священникъ отвѣтилъ: «Богъ его знаетъ!»

— Но гдѣ же видѣли вы его въ послѣдній разъ — гдѣ провелъ онъ лѣто? допытывался я.

— Я видѣлъ его въ послѣдній разъ у устья Анадыри, въ іюлѣ,

возразилъ священникъ, и съ этого времени о немъ нѣтъ никакихъ слуховъ.

Еще нѣсколько вопросовъ объяснили мнѣ всю печальную исторію. Бешъ, Макри, Гардеръ и Смитъ отправились въ іюнѣ внизъ по Анадыри на большомъ плоту съ матеріялами для станціонныхъ домовъ, которые должны были быть построены вдоль ея береговъ. Поставивъ эти дома въ назначенныхъ мѣстахъ, они отправились на лодкахъ къ анадырской губѣ ожидать прибытія кораблей общества изъ Санъ-Франциско. Туда къ нимъ пріѣхалъ священникъ и прожилъ съ ними нѣсколько недѣль; но въ концѣ іюля ихъ скудный запасъ продовольствій истощился, ожидаемые корабли не являлись и священникъ возвратился въ поселеніе, оставивъ несчастныхъ американцевъ въ самомъ жалкомъ положеніи у устья рѣки. Съ этихъ поръ ничего не было о нихъ слышно и, какъ священникъ мрачно замѣтилъ, «одинъ Богъ только зналъ» гдѣ они были и что съ ними сдѣлалось. Это были плохія вѣсти, но еще не самыя худшія. Вслѣдствіе неудачнаго лова семги въ Анадыри въ это лѣто, въ поселеніи начался страшный голодъ, часть жителей и всѣ почти собаки погибли отъ него и поселеніе совершенно опустѣло. Каждый, имѣющій довольно собакъ, чтобъ уѣхать, отправлялся отыскивать кочующихъ чукчей, съ которыми могъ бы прожить до слѣдующаго лѣта; а тѣ немногіе, которые остались въ селеніи, ѣли сапоги и обрѣзки оленьихъ шкуръ, чтобъ поддержать свое существованіе. Въ началѣ октября партія туземцевъ отправилась на собакахъ отыскивать Додда и его товарищей, но вотъ уже болѣе мѣсяца прошло съ ихъ отъѣзда, а они все еще не возвращались. Вѣроятно они погибли отъ голода въ пустынныхъ равнинахъ нижней Анадыри, такъ какъ они могли взять съ собою продовольствія только на десять дней и едва-ли имъ удалось встрѣтить на пути кочующихъ чукчей, которые снабдили бы ихъ съѣстными припасами.

Таковы были первыя вѣсти, дошедшія до меня изъ Сѣверной области; голодъ въ Анадырскѣ, исчезновеніе Беша съ партіей съ іюля и восьми туземцевъ съ санями и собаками съ половины октября — вотъ чѣмъ я былъ здѣсь встрѣченъ! Худшаго положенія дѣлъ нельзя было придумать, и я провелъ безсонную ночь, размышляя объ этихъ несчастіяхъ и стараясь придумать лучшій планъ дѣйствій. Какъ ни ужасна была вторичная поѣздка къ устью Анадыри зимою, но я не видѣлъ средствъ избѣжать ее. Фактъ, что ничего не было слышно о Бешѣ впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ, ясно свидѣтельствовалъ, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе, и моя прямая обязанность была отправиться къ анадырской губѣ найти его, если возможно. На слѣдующее же утро я началъ закупать продовольстіе для собакъ и до вечера пріобрѣлъ уже 2,000 штукъ сушеной рыбы и такое количество тюленьяго жира, которое навѣрное достало бы пяти стаямъ собакъ на сорокъ дней по крайней мѣрѣ. Потомъ я послалъ за начальникомъ шайки кочующихъ коряковъ, разбившихъ случайно свои палатки близъ Пенжины, и уговорилъ его пригнать стадо оленей къ Анадырску, чтобъ зарѣзать изъ него столько головъ, сколько нужно будетъ для снабженія пищей голодающихъ жителей, пока они не получатъ другой помощи. Я послалъ также двухъ туземцевъ обратно въ Гижигу съ письмами къ исправнику, извѣщая его о голодѣ, и къ Додду, чтобъ онъ снарядилъ какъ можно больше саней съ продовольствіемъ и отправилъ бы ихъ тотчасъ же въ Пенжину, гдѣ я распоряжусь о ихъ препровожденіи въ голодающее поселеніе.

Самъ я поѣхалъ въ Анадырскъ 20 ноября съ пятью надежнѣйшими пенжинскими проводниками и столькими же санями. Эти люди и собаки должны были сопровождать меня до устья Анадыри, если я ничего не узнаю о Бешѣ до прибытія въ Анадырскъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Бешъ отъискивается.—Важное затрудненіе.—Голодъ.—Наемъ восьмисотъ рабочихъ.—Предпріимчивый американецъ.—Пустыня.

Пользуясь слѣдомъ, проложеннымъ санями священника, мы доѣхали до Анадырска скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и уже 22 ноября расположили нашъ лагерь у подошвы невысокаго горнаго кряжа, извѣстнаго подъ именемъ «Русскаго хребта», въ тридцати верстахъ на югѣ отъ поселенія. Въ надеждѣ достигнуть мѣста нашего назначенія до утра, мы рѣшились ѣхать всю ночь; но передъ сумерками неожиданно поднялась вьюга, которая помѣшала намъ перебраться черезъ горный проходъ. Около полуночи вѣтеръ немного стихъ, мѣсяцъ по временамъ выглядывалъ изъ-за тучъ и опасаясь, что погода можетъ сдѣлаться еще хуже, мы разбудили усталыхъ собакъ и начали подниматься на горы. Мѣстность была дикая и пустынная. Снѣгъ опускался крупными хлопьями надъ проходомъ, почти скрывая изъ вида голыя, бѣлыя вершины, торчащія съ обѣихъ сторонъ и засыпая за нами дорогу по мѣрѣ того, какъ мы поднимались вверхъ. Отъ времени до времени блѣдные лучи мѣсяца, пробиваясь сквозь снѣжныя облака, освѣщали на мгновеніе обнаженные склоны горъ надъ нашими головами; потомъ они снова нагружались въ темныя испаренія, вѣтеръ завывалъ въ ущельяхъ и все исчезало въ туманѣ и мглѣ. Ослѣпленные и задыхаясь, мы достигли наконецъ вершины, и когда мы остановились на минуту, чтобъ дать вздохнуть усталымъ

собакамъ, насъ внезапно поразилъ видъ длиннаго ряда темныхъ предметовъ, быстро проносившихся по обнаженной поверхности горы, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ, и спускающихся въ ущелье, изъ котораго мы только что выѣхали. Я видѣлъ ихъ мелькомъ, но мнѣ показалось, что это были сани, запряженныя собаками; съ громкимъ крикомъ мы бросились имъ въ слѣдъ. Дѣйствительно, это были сани и, приблизившись, я узналъ между ними старую, обтянутую тюленьей кожей «повозку», которую я оставилъ прошлой зимой въ Анадырскѣ и которая, конечно должна была быть занята американцами. Съ сердцемъ, бьющимся отъ волненія, я спрыгнулъ съ саней, подбѣжалъ къ повозкѣ и спросилъ по англійски: «Кто тутъ?» Было слишкомъ темно, чтобъ различить лица, но давно знакомый мнѣ голосъ отвѣтилъ: «Бѣшъ!» и никогда этотъ голосъ не былъ мнѣ такъ пріятенъ. Цѣлыхъ три недѣли я не видалъ ни одного соотечественника и не слыхалъ ни одного англійскаго слова; одиночество и постоянно-новыя неудачи привели меня въ совершенное уныніе, когда вдругъ въ полночь, на пустынной горной вершинѣ, въ вьюгу, я встрѣтилъ стараго друга и товарища, котораго почти уже считалъ погибшимъ. Радостна была эта встрѣча! Туземцы, отправившіеся къ Анадырской губѣ отыскивать Беша и его партію, благополучно возвратились вмѣстѣ съ Бешомъ, и этотъ послѣдній ѣхалъ теперь въ Гижигу съ извѣстіями о голодѣ и за продовольствіемъ и помощью. Вьюга задержала его также какъ и насъ, и когда она немного утихла въ полночь, мы оба двинулись съ противуположныхъ сторонъ, чтобъ перебраться черезъ горный кряжъ, и такимъ образомъ встрѣтились на вершинѣ. Мы вмѣстѣ возвратились къ моему покинутому лагерю на южномъ склонѣ горъ, раздули еще тлѣвшіеся уголья, растелили медвѣжьи шкуры и проговорили до тѣхъ поръ, пока стали похожи на бѣлыхъ медвѣдей отъ падающаго на насъ снѣга, и день уже занимался на востокѣ.

Бешъ привезъ также плохія вѣсти. Онъ поѣхалъ съ партіей къ устью Анадыри, какъ уже сказалъ мнѣ священникъ, въ началѣ іюня, и почти четыре мѣсяца ждалъ прибытія кораблей общества. Наконецъ ихъ запасы истощились и они принуждены были пи-

таться только рыбой, которую имъ удавалось поймать впродолженіе дня и голодать, когда ловъ былъ неудаченъ. Чтобы добыть соли, они скребли доски стараго боченка, бывшаго съ соленой свининой и оставленнаго здѣсь Макри въ прошедшемъ году, а вмѣсто кофе жгли рисъ и варили его. Наконецъ не стало болѣе ни риса, ни соли, и они должны были питаться одной вареной рыбой безъ кофе, хлѣба и соли. Живя посреди обширнаго, мшистаго болота, не имѣя на пятьдесятъ миль кругомъ ни одного дерева, одѣваясь въ звѣриныя шкуры, за неимѣніемъ другаго платья, страдая часто отъ голода, мучимые москитами, отъ которыхъ имъ нечѣмъ было защититься и ожидая день за днемъ, недѣлю за недѣлей кораблей, которые все не являлись, положеніе ихъ было самое плачевное. Одно судно компаніи «*Гольденъ Гэтъ*» прибыло наконецъ въ октябрѣ съ двадцатью двумя человѣками и маленькимъ пароходомъ; но зима уже наступила и черезъ пять дней, прежде чѣмъ они успѣли окончить выгрузку товаровъ, корабль былъ затертъ льдомъ, экипажъ и весь почти грузъ были спасены, но черезъ это несчастіе численность партіи увеличилась съ двадцати пяти на сорокъ семь человѣкъ, а соотвѣтствующаго увеличенія продовольствія для ея содержанія не произошло. По счастью, впрочемъ, не подалеку находились шайки кочующихъ чукчей, и отъ нихъ Бешу удалось пріобрѣсти значительное число оленей, мясо которыхъ онъ велѣлъ заморозить и запасти для будущаго потребленія. Когда Анадырь замерзла Бешъ остался, какъ и Мокри прошлой зимой, безъ всякихъ средствъ добраться до поселенія; но онъ предвидѣлъ это затрудненіе и, уѣзжая изъ Анадырска, распорядился, чтобъ ему высланы были сани на выручку въ случаѣ, если онъ не успѣетъ возвратиться на лодкахъ до замерзанія рѣки. Не смотря на голодъ, сани были дѣйствительно отправлены, и Бешъ съ двумя человѣками возвратился на нихъ въ Анадырскъ. Найдя это поселеніе совершенно опустошеннымъ отъ голода, онъ не медля ни минуты продолжалъ свой путь въ Гижигу, между тѣмъ какъ его голодающія и утомленныя собаки одна за другой умирали на дорогѣ.

Положеніе дѣлъ, когда я встрѣтился съ Бешомъ на вершинѣ Русскаго хребта, было вкратцѣ слѣдующее:

Сорокъ четыре человѣка жили у устья Анадыри, въ 250 миляхъ отъ ближайшаго поселенія, не имѣя достаточно продовольствія на зиму и безъ всякихъ средствъ къ переѣзду. Анадырскъ былъ опустошенъ и, кромѣ нѣсколькихъ упряжекъ собакъ въ Пенжинѣ, нельзя было найти ни одной годной собаки во всей Сѣверной области Охотскаго моря до Берингова пролива. Что можно было сдѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ? Мы съ Бешомъ обсуждали этотъ вопросъ у нашего одинокаго костра у подножія Русскаго хребта, и не могли прійти ни къ какому рѣшенію, и послѣ трехъ или четырехъ-часоваго сна, поѣхали далѣе къ Анадырску. Вечеромъ мы пріѣхали въ городъ, если можно только назвать городомъ то, что̀ отъ него осталось. Въ двухъ верхнихъ селеніяхъ—«Оселкинѣ» и «Покоруковѣ»,—бывшихъ прошедшей зимою въ такомъ цвѣтущемъ видѣ, не было ни одного жителя, и даже въ Марковѣ жило только нѣсколько семействъ, истощенныхъ голодомъ, которыя, лишившись всѣхъ собакъ, не имѣли средствъ выѣхать изъ селенія. Громкій вой собакъ не извѣщалъ болѣе о нашемъ пріѣздѣ; никто не выходилъ къ намъ на встрѣчу; окна домовъ были заколочены деревянными ставнями и до половины занесены снѣгомъ, на которомъ не видно было ни чьихъ слѣдовъ, и все поселеніе было молчаливо и пустынно. Казалось, будто одна половина жителей вымерла, а другая отправилась хоронить ее! Мы остановились передъ маленькимъ домикомъ, гдѣ Бешъ расположилъ свою главную квартиру, и провели остатокъ дня въ сообщеніи другъ другу подробностей нашихъ странствованій.

Почти единственной причиной непріятнаго положенія, въ которомъ мы находились, былъ голодъ въ Анадырскѣ. Позднее прибытіе и затѣмъ погибель «Гольденъ Гэта»—было конечно большимъ несчастіемъ; но оно было бы поправимо, еслибъ голодъ не лишилъ насъ всѣхъ средствъ къ передвиженію. Существованіе жителей Анадырска, какъ и другихъ всѣхъ русскихъ поселеній въ Сибири, зависитъ отъ рыбы, заходящей каждое лѣто въ рѣки метать икру, и которая ловится тысячами въ то время, когда поднимается по

притокамъ рѣкъ внутрь страны. Пока эти странствованія рыбы совершаются правильно, туземцамъ нетрудно запасать себѣ обильную пищу на зиму; но одинъ разъ въ три или четыре года рыба, по какой-то необъяснимой причинѣ, не является, и на слѣдующую зиму всегда бываетъ такой голодъ, какъ я сейчасъ описывалъ въ Анадырскѣ, а часто и еще опустошительнѣе. Въ 1860 г. болѣе ста пятидесяти туземцевъ умерли отъ голода въ четырехъ поселеніяхъ на берегѣ Пенжинскаго залива, а полуостровъ Камчатка былъ столько разъ опустошаемъ голодомъ со времени покоренія его русскими, что народонаселеніе его уменьшилось болѣе чѣмъ на половину. Еслибъ кочующіе коряки не приходили на выручку къ голодающимъ, съ своими многочисленными стадами сѣверныхъ оленей, я увѣренъ, что осѣдлое поселеніе Сибири, т. е. русскіе, чуванцы, юкагиры и камчадалы уничтожились бы менѣе, чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ. Огромныя разстоянія, раздѣляющія селенія одно отъ другого, и отсутствіе всякихъ средствъ къ сообщенію лѣтомъ, предоставляютъ каждое селеніе самому себѣ и дѣлаютъ невозможными взаимную помощь и поддержку до тѣхъ поръ, пока всякое пособіе уже поздно. Первой жертвой голода бываютъ обыкновенно собаки; народъ, лишенный такимъ образомъ послѣдняго средства къ переѣзду, не можетъ покинуть опустошенное голодомъ поселеніе и, поѣвъ всѣ сапоги, тюленьи ремни и обрѣзки сырыхъ кожъ, умираетъ наконецъ отъ недостатка пищи. Въ этомъ, впрочемъ, много виноваты ихъ безпечность и непредусмотрительность. Въ одно лѣто они могли бы наловить и насушить столько рыбы, что ее хватило бы имъ на три года; но вмѣсто этого, они запасаютъ себѣ продовольствія только на одну зиму, рискуя на слѣдующую умереть съ голода. Ни тяжелый опытъ, ни громадныя страданія не дѣлаютъ ихъ предусмотрительнѣе. Человѣкъ, едва избѣгшій голодной смерти въ эту зиму, скорѣй подвергнется той же опасности въ слѣдующую, чѣмъ возьметъ на себя лишній трудъ и наловитъ больше рыбы. Даже если они видятъ, что голодъ неизбѣженъ, они не предпринимаютъ никакихъ мѣръ, чтобъ нѣсколько облегчить или предупредить его, пока наконецъ не уничтожается послѣдняя крошка пищи.

Одинъ туземецъ изъ Анадырска говорилъ мнѣ однажды, что у него оставалось только на пять дней корму для собакъ.

— Что же вы будете дѣлать черезъ пять дней? спросилъ я его.

— Богъ знаетъ, былъ характеристическій отвѣтъ, и туземецъ равнодушно отвернулся, какъ будто въ фактѣ этомъ не было ничего особенно непріятнаго. Онъ думалъ, кажется, что если одному Богу только дано знать, что надо дѣлать, то другимъ нечего и спрашивать. Отдавъ собакамъ послѣднюю рыбу изъ своего балагана онъ всегда успѣетъ подумать о томъ, что предпринять; а до тѣхъ поръ, что безполезно тревожить себя? Извѣстная безпечность и безпорядочность туземцевъ принудили наконецъ, русское правительство, учредить во многихъ мѣстностяхъ сѣверо-восточной Сибири, такъ сказать, сберегательные банки или запасные магазины. Чтобы основать ихъ, накупили понемногу у туземцевъ до ста тысячъ сушеныхъ рыбъ или «юколы», составившихъ основный капиталъ банка. Каждая душа мужского пола въ поселеніи обязана была по закону вносить въ магазинъ, ежегодно одну десятую всей пойманной рыбы и, никакія оправданія въ неисполненіи этого закона не считались уважительными. Ежегодный взносъ причислялся такимъ образомъ къ основному капиталу, такъ что пока онъ будетъ правильно производиться, средства магазина будутъ постоянно увеличиваться. Въ случаѣ же недостатка въ рыбѣ или угрожающаго голода, каждый вкладчикъ, или лучше сказать плательщикъ подати, имѣлъ право взять заимобразно столько рыбы, сколько нужно для удовлетворенія его насущной потребности, съ условіемъ возвратить ее на слѣдующее лѣто, вмѣстѣ съ обычнымъ десяти-процентнымъ взносомъ. Очевидно, что учрежденіе, возникшее на такихъ основаніяхъ и управляемое такими правилами, не можетъ никогда лопнуть и капиталъ его, состоящій изъ сушеной рыбы, будетъ постоянно увеличиваться, пока наконецъ поселеніе будетъ совсѣмъ обезпечено противъ возможности голода. Въ Колымѣ, русскомъ поселеніи на берегу Ледовитаго океана, былъ впервые сдѣланъ этотъ опытъ, онъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Магазинъ поддерживалъ жителей селенія въ продолженіи двухъ самыхъ голодныхъ зимъ и его капиталъ въ 1867 г. доходилъ до 300.000

штукъ сушеной рыбы и каждый годъ увеличивался на 20.000 шт. приблизительно. Анадырскъ, не будучи русскимъ военнымъ постомъ, не имѣлъ такого запаснаго магазина, но еслибъ наши работы продолжились и на слѣдующій годъ, мы имѣли намѣреніе просить правительство объ учрежденіи такихъ магазиновъ во всѣхъ поселеніяхъ, какъ русскихъ, такъ и туземныхъ по всей нашей линіи.

Въ настоящее же время, однако, голодъ былъ неизбѣженъ, и къ 1 декабрю 1867 г. бѣдный Бешъ находился въ пустынномъ селеніи, въ 600 верстахъ отъ Гижиги, безъ денегъ, безъ продовольствія, безъ всякихъ средствъ уѣхать оттуда, съ безпомощной партіей въ сорокъ пять человѣкъ, оставленныхъ у устья Анадыри и основывающихъ на немъ одномъ всѣ свои надежды. Нечего было и думать о сооруженіи телеграфной линіи при такихъ обстоятельствахъ. Все его желаніе ограничивалось только снабженіемъ партіи съѣстными припасами, пока прибытіе лошадей и людей изъ Якутска дадутъ ему возможность продолжать работы.

29 ноября, видя, что пребываніе мое въ Анадырскѣ совершенно безполезно и что я только способствую къ скорѣйшему уничтоженію скуднаго запаса пищи Беша, я отправился съ двумя пенжинскими санями въ Гижигу. Такъ какъ я уже болѣе не возвращался въ эти сѣверныя страны и не буду болѣе имѣть случая упомянуть о нихъ, я разскажу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ все то, чтó узналъ впослѣдствіи изъ писемъ о неудачахъ и несчастіяхъ изслѣдователей въ этой мѣстности. Сани, снаряженныя мною въ Гижигѣ, достигли Пенжины только въ концѣ декабря съ 3.000 фунтовъ бобовъ, риса, сухарей и другихъ предметовъ. Бешъ тотчасъ же отправилъ шесть изъ нихъ съ небольшимъ количествомъ продовольствія къ устью Анадыри, и въ февралѣ они возвратились, захвативъ съ собою шесть человѣкъ изъ партіи. Желая подвинуть хоть сколько-нибудь работы, Бешъ послалъ этихъ шестерыхъ человѣкъ на рѣку Міанъ, около семидесяти пяти верстъ отъ Анадырска, и поручилъ имъ разставлять столбы вдоль линіи, на лыжахъ. Позже была послана еще другая экспедиція къ устью Анадыри, которая 4 марта также возвратилась съ лейтенантомъ Макри и семью человѣками. Эта партія испытала ужасно дурную погоду на пути отъ устья рѣки къ Анадырску и одинъ изъ ея членовъ, по имени Робинсонъ, погибъ во время вьюги въ 150 верстахъ на востокѣ отъ поселенія. Его тѣло осталось не погребеннымъ въ одномъ изъ домовъ, построенныхъ Бешомъ въ предъидущее лѣто, а товарищи его поѣхали дальше. Тотчасъ по прибытіи ихъ въ Анадырскъ, они были отправлены на Міанъ, и къ половинѣ марта обѣ партіи вмѣстѣ срубили и размѣстили вдоль береговъ этой рѣки около 3.000 столбовъ. Въ апрѣлѣ впрочемъ ихъ съѣстные припасы начали истощаться и вскорѣ имъ также стала угрожать голодная смерть, такъ что Бешъ во второй разъ отправился въ Гижигу за продовольствіемъ, собравъ нѣсколько голодныхъ упряжекъ собакъ. Во время его отсутствія, несчастныя партіи на Міанѣ были предоставлены самимъ себѣ; уничтоживъ послѣднюю крошку пищи и съѣвши трехъ лошадей, посланныхъ имъ еще ранѣе изъ Анадырска, они потеряли всякую надежду на помощь и на лыжахъ отправились въ поселеніе. Это путешествіе было ужасно для истощенныхъ голодомъ людей, и хотя они благополучно достигли цѣли своего пути, но были такъ слабы, что, приближаясь къ поселенію, они едва могли сдѣлать сто шаговъ, чтобъ не упасть. Въ Анадырскѣ имъ удалось добыть немного оленьяго мяса, которымъ они и питались до возвращенія лейтенанта Беша изъ Гижиги съ продовольствіемъ, т. е. до мая.

Тѣмъ и кончились наши работы въ сѣверной области на вторую зиму. Что касается до практическихъ результатовъ, то они были почти ничтожны; но эти испытанія развили въ нашихъ служащихъ и рабочихъ мужество, терпѣніе и выносливость, которыя заслуживали бы, и при лучшихъ обстоятельствахъ, увѣнчались бы блестящимъ успѣхомъ. Въ февралѣ, пока г. Портонъ съ своими людьми работалъ на Міанѣ, термометръ изъ двадцати одного дня шестнадцать дней стоялъ болѣе чѣмъ на сорокъ градусовъ ниже нуля, пять разъ опускался до — 60° и однажды до — 68°, т. е. сто градусовъ ниже точки замерзанія воды. Тесать столбы на лыжахъ при температурѣ въ 40° или 60° ниже нуля, само по себѣ не легкое испытаніе для силъ человѣческихъ; но если къ нему присоединяются еще страданія голода и опасенія погибнуть среди невѣдомой

пустыни, то оно превосходитъ человѣческую выносливость и можно только удивляться, какъ Нортонъ и Макри могли исполнить то, чтó совершили.

Я возвратился изъ Анадырска въ Гижигу 15-го декабря послѣ шестнадцатидневнаго утомительнаго, тяжелаго пути. Въ это же время прибылъ туда изъ Якутска нарочный курьеръ съ письмами и приказаніями отъ маіора Абазы.

Ему удалось съ разрѣшенія и при содѣйствіи губернатора этой области нанять на три года восемьсотъ якутскихъ рабочихъ за шестьдесятъ рублей, т. е. около сорока долларовъ въ годъ каждому. Онъ купилъ также триста якутскихъ лошадей и вьючныхъ сѣделъ, огромное количество матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ разнаго рода для снаряженія и продовольствія лошадей и рабочихъ. Часть этихъ людей была уже на пути въ Охотскъ и всѣ они должны были отдѣльными партіями быть переправлены туда въ самомъ скоромъ времени и распредѣлены по всему протяженію линіи. Необходимо было, конечно, подчинить всю эту огромную рабочую силу надзору опытныхъ и свѣдующихъ американцевъ; а такъ какъ во всѣхъ нашихъ партіяхъ такихъ людей можно было найти человѣкъ пять, шесть, то маіоръ Абаза рѣшился послать курьера въ Петропавловскъ за офицерами, пріѣхавшими изъ Санъ-Франциско на суднѣ «Онуардъ», которые, по его предположенію, должны были высадиться въ Камчаткѣ. Поэтому, онъ поручалъ мнѣ распорядиться о доставленіи этихъ людей изъ Петропавловска въ Гижигу, сдѣлать приготовленіе къ немедленному принятію пятидесяти или шестидесяти якутскихъ рабочихъ, послать съѣстныхъ припасовъ въ Ямскъ для продовольствія тамошней нашей американской партіи и семьсотъ пятьдесятъ пудовъ ржаной муки для якутовъ, которые придутъ туда въ февралѣ. Чтобъ исполнить всѣ эти приказанія, въ моемъ распоряженіи было только пятнадцать саней съ собаками, и эти даже были посланы въ Пенжину съ продовольствіемъ на выручку лейтенанта Беша. Съ помощью исправника мнѣ удалось уговорить двухъ казаковъ ѣхать въ Петропавловскъ за американцами, которые должны были быть оставлены тамъ «Онуардомъ»—и полъ-дюжины коряковъ свезти муку въ Ямскъ и сказать лейтенанту Арнольду, чтобъ онъ самъ прислалъ сани за остальными припасами. Такимъ образомъ мои собственныя пятнадцать саней остались въ моемъ распоряженіи для пособія лейтенанту Сандфорду и его партіи, занятой въ настоящее время приготовленіемъ столбовъ на рѣкѣ Тильгаѣ, на сѣверѣ отъ Пенжинскаго залива. Однажды, въ концѣ декабря, когда мы съ Доддомъ объѣзжали стаю собакъ за селеніемъ, намъ пришли сказать, что какой-то американецъ пріѣхалъ изъ Камчатки съ извѣстіями о долго-пропадавшемъ суднѣ «Онуардѣ» и партіи людей, высаженныхъ имъ въ Петропавловскѣ. Поспѣшно возвратясь въ селеніе, мы нашли г. Льюиса, вышеупомянутаго американца, сидящаго спокойно въ нашей комнатѣ за чаемъ. Этотъ предпріимчивый молодой человѣкъ—агентъ Телеграфнаго Общества, совершенно непріученный къ суровой жизни—не понимая ни одного слова по русски, проѣхалъ одинъ, среди зимы, все необитаемое пространство Камчатки между Петропавловскомъ и Гижигой. Онъ былъ въ дорогѣ сорокъ два дня и сдѣлалъ на собакахъ около 1200 миль безъ другихъ товарищей, кромѣ нѣсколькихъ туземцевъ и казака изъ Тигиля. Онъ относился очень скромно къ такому подвигу, хотя это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ поѣздокъ, совершенныхъ служащими въ нашемъ обществѣ.

«Онуардъ», какъ мы и предполагали, не будучи въ состояніи достигнуть Гижиги по позднему времени года, выгрузилъ свой грузъ и высадилъ бóльшую часть своихъ пассажировъ въ Петропавловскѣ, и г. Льюисъ былъ посланъ начальникомъ этой партіи донести обо всемъ маіору Абазѣ и узнать, чтó имъ слѣдовало далѣе дѣлать.

Послѣ прибытія г. Льюиса, до марта не случилось ничего особенно-важнаго. Арнольдъ въ Ямскѣ, Сандфордъ на Тильгаѣ и Бешъ въ Анадырскѣ старались съ немногими имѣющимися у нихъ людьми подвинуть свои работы; но по причинѣ глубокаго снѣга, сильнаго холода и повсемѣстнаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, всѣ ихъ усилія были почти безплодны. Въ январѣ я поѣхалъ съ двѣнадцатью или пятнадцатью санями въ лагерь Сандфорда на Тильгаѣ и попытался перевезти его партію на другой

пунктъ, верстъ на сорокъ ближе къ Гижигѣ; но во время сильной вьюги на Куэльской степи, мы всѣ были разбиты и разсѣяны, и проблуждавъ дней пять въ облакахъ снѣга, изъ за котораго не видны были даже собаки наши, Сандфордъ съ частью своей партіи возвратился на Тильгай, а я съ остальными въ Гижигу.

Въ концѣ февраля, казакъ Холмогоровъ возвратился изъ Петропавловска и привезъ съ собою троихъ изъ людей, пріѣхавшихъ туда на «Онуардѣ».

Въ мартѣ я получилъ изъ Якутска второе письмо и новыя приказанія отъ маіора Абазы. Нанятые имъ восемьсотъ рабочихъ быстро переправлялись въ Охотскъ и болѣе полутораста изъ нихъ принялись уже за работу въ этомъ городѣ и въ Ямскѣ. Снаряженіе и отправка остальныхъ все еще требовали его личнаго надзора, и онъ писалъ, что ему невозможно будетъ возвратиться эту зиму въ Гижигу. Онъ могъ только доѣхать до Ямска, корякскаго поселенія въ трехстахъ верстахъ отъ Гижиги, и просилъ меня встрѣтить его тамъ черезъ двѣнадцать дней послѣ полученія его письма. Я тотчасъ же отправился въ путь съ товарищемъ—американцемъ, по имени Литъ, взявъ на двѣнадцать дней продовольствія для себя и для собакъ.

Мѣстность между Гижигой и Ямскомъ была совершенно другого характера, чѣмъ все то, что́ мнѣ случалось до сихъ поръ видѣть въ Сибири. Здѣсь не было такихъ огромныхъ, пустынныхъ равнинъ, какъ между Гижигой и Анадырскомъ и въ сѣверной части Камчатки. Напротивъ, весь берегъ Охотскаго моря на шестьсотъ верстъ западнѣе Гижиги состоялъ изъ суровыхъ, обрывистыхъ, почти непроходимыхъ горъ, прорѣзанныхъ глубокими долинами и ущельями и густопоросшихъ сосновыми и лиственничными лѣсами. Становой хребетъ, опоясывающій Охотское море отъ самой китайской границы, все время почти тянется возлѣ самаго берега; между его боковыми отрогами спускаются сотни маленькихъ рѣчекъ и потоковъ, которые текутъ по глубокимъ, лѣсистымъ долинамъ въ море. Дорога, ведущая отъ Гижиги въ Ямскъ, пересѣкаетъ всѣ эти рѣчки и боковые отроги подъ прямыми углами, проходя почти посрединѣ между главной цѣпью и моремъ. Большая часть кряжей между этими потоками ничто иное, какъ возвышенные, обнаженные водораздѣлы, черезъ которые очень легко переѣхать; въ одномъ только мѣстѣ, въ ста пятидесяти верстахъ восточнѣе Гижиги, центральный хребетъ посылаетъ къ морю значительный горный кряжъ отъ 2,500 до 3,000 футовъ вышины, который совершенно загораживаетъ дорогу. У подножія этихъ горъ проходитъ глубокая, мрачная Виллигинская долина, верхній конецъ которой проникаетъ въ центральную цѣпь Становыхъ горъ и служитъ проходомъ вѣтрамъ между моремъ и степями. Зимою, когда воды Охотскаго моря теплѣе, чѣмъ ледяныя равнины на сѣверѣ горъ, теплый воздухъ поднимается вверхъ, а болѣе холодный врывается черезъ Виллигинскую долину, чтобъ занять его мѣсто. Лѣтомъ же, напротивъ, когда вода моря охлаждается еще глыбами плавучаго льда, обширныя степи по ту сторону горъ уже покрыты растительностью и согрѣваются почти постояннымъ солнцемъ, вслѣдствіе чего и вѣтеръ принимаетъ обратное направленіе. На Виллигинскую долину можно поэтому смотрѣть, какъ на громадное, естественное дыхательное отверстіе, которымъ внутреннія степи дышатъ разъ въ годъ. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Становой хребетъ не представляетъ свободнаго прохода для воздуха между степями и моремъ, и поэтому неудивительно, что въ этомъ ущельѣ непрерывная буря. Не смотря на повсемѣстное затишье кругомъ, въ Виллигинскомъ проходѣ вѣтеръ дуетъ, какъ настоящій ураганъ, срывая огромныя массы снѣга съ горныхъ склоновъ и унося ихъ далеко въ море. Поэтому онъ внушаетъ страхъ всѣмъ туземцамъ, которымъ предстоитъ ѣхать по этому пути, и извѣстенъ во всей Сѣверовосточной Сибири подъ названіемъ «бурнаго ущелья».

На пятый день послѣ отъѣзда изъ Гижиги, наша маленькая партія, увеличенная русскимъ почталіономъ и тремя или четырмя санями, везущими ежегодную камчатскую почту, приблизилась къ подножію страшныхъ Виллигинскихъ горъ. Вслѣдствіе глубокаго снѣга, мы подвигались не такъ быстро, какъ ожидали, и только на пятую ночь намъ удалось достигнуть маленькой юрты, слу-

жащей убѣжищемъ для путешественниковъ, возлѣ устья рѣки Тополовки, въ тридцати верстахъ отъ Виллиги. Здѣсь мы расположились на ночь, напились чаю и растянулись на жесткомъ деревянномъ полу, чтобъ отдохнуть передъ тѣмъ труднымъ путемъ, который ожидалъ насъ на слѣдующій день.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Путешествіе въ Ямскъ.—Виллигинская долина.—Буря.—Опасный проходъ.

— Кеннанъ! Кеннанъ! Вставайте! Уже разсвѣло!

Сонное мычанье и еще болѣе сонное: «Неужели?» раздавшіяся изъ кучи мѣховъ, наваленныхъ на жесткомъ, деревянномъ полу, обличили тотъ интерессъ, съ которымъ лежащая фигура отнеслась къ провозглашенному факту, а тяжелое, медленное дыханіе, послѣдовавшее за этимъ мгновеннымъ перерывомъ, убѣдило въ необходимости болѣе энергичныхъ мѣръ для возвращенія этой фигуры изъ царства грезъ.

— Вы слышите, Кеннанъ? Проснитесь! Вотъ уже полчаса, какъ завтракъ готовъ.

Магическое слово «завтракъ» вызвало болѣе сильное ощущеніе, превозмогшее сонливость, и высунувъ голову изъ мѣха, я бросилъ сонный взглядъ на окружающіе меня предметы, стараясь припомнить, гдѣ я и какъ сюда попалъ. Смолистые сучья сосны, треща, горѣли яркимъ огнемъ на четыреугольномъ очагѣ посреди хижины, распространяя тепло до самыхъ отдаленныхъ угловъ ея, такъ что вода выступала крупными каплями на ея заплеснѣвѣвшихъ бревнахъ и грубо-выштукатуренномъ потолкѣ. Дымъ лѣниво поднимался черезъ квадратное отверстіе въ крышѣ къ бѣловатымъ, прекраснымъ звѣздамъ, мерцающимъ между темными, нависшими вѣтвями лиственницъ. Г. Литъ, взявшій на себя должность- метръ

д'отеля, стоялъ надо мной съ ломтемъ ветчины на складномъ ножѣ въ одной рукѣ и съ кочергой въ другой, и гнѣвно потрясалъ этими знаками своего достоинства надъ моей головой, намѣреваясь разбудить меня болѣе дѣйствительнымъ способомъ. Его бѣшенныя тѣлодвиженія увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Съ смутнымъ сознаніемъ, что я былъ выброшенъ бурею на острова актронофаговъ и назначался на умилостивительную жертву богамъ, я вскочилъ и сталъ тереть глаза, пока не привелъ наконецъ въ порядокъ свои ощущенія. Г. Литъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Нашъ товарищъ по путешествію, почтальонъ, выказывалъ уже нѣсколько дней наклонность избѣгать всякаго труда и предоставлять намъ прокладывать дорогу, между тѣмъ, какъ самъ очень покойно ѣхалъ по нашимъ слѣдамъ, и этой хитростью навлекъ на себя самую неумолимую ненависть г. Лита. Чтобъ отмстить ему, этотъ послѣдній разбудилъ несчастнаго, не давъ ему отдохнуть и пяти часовъ, и, указывая ему на сѣверное сіяніе, увѣрилъ его, что это были первые лучи разсвѣта. Вслѣдствіе этого онъ всталъ съ полночи и теперь усердно пролагалъ дорогу по крутому, горному склону, на рыхломъ снѣгѣ въ три фута глубины, расчитывая на обѣщаніе г. Лита догнать его до солнечнаго восхода. Въ пять часовъ, когда я всталъ, голоса почтальона и его людей и крики ихъ на усталыхъ собакъ были еще слышны съ вершины горы. Мы позавтракали не торопясь, чтобъ дать имъ время проложить намъ хорошенько дорогу, и только въ шесть часовъ двинулись наконецъ по ихъ слѣдамъ.

Утро было чудесное, ясное и тихое, когда мы переѣхали горы за юртой и приближались между незащищенныхъ долинъ и высокихъ холмовъ къ морскому берегу. Солнце взошло надъ восточными вершинами и снѣгъ блестѣлъ, какъ усыпанный алмазами, между тѣмъ, какъ отдаленныя Виллигинскія вершины окрашивались нѣжнымъ пурпуромъ, и казались такими спокойными и сіяющими въ своемъ снѣжномъ величіи, какъ будто и мысль о бурѣ была чужда ихъ гладкимъ, бѣлымъ склонамъ и острымъ вершинамъ. Воздухъ былъ морозный и прозрачный и собаки наши бѣжали галопомъ по жесткой, изрытой дорогѣ, подбрасывая сани во всѣ стороны.

Около полудня, мы достигли морского берега, оставя горы за собою, и догнали почтальона, остановившагося, чтобъ дать вздохнуть усталымъ собакамъ. Такъ какъ наши были еще свѣжи, то мы снова поѣхали впередъ и быстро приближались къ Виллигинской долинѣ.

Только что я въ душѣ благословлялъ судьбу за то, что намъ удастся миновать этотъ страшный проходъ въ ясную погоду, какъ вдругъ вниманіе мое было привлечено необыкновеннымъ бѣлымъ облакомъ тумана, простирающимся отъ выхода Виллигинскаго ущелья до темной поверхности Охотскаго моря. Не понимая, что̀ это значило, я обратилъ на него вниманіе нашего проводника, спрашивая, туманъ ли это? На лицѣ его внезапно выразилась тревога, когда онъ взглянулъ на него, и онъ лаконическо возразилъ: «Виллига дуритъ!» Этотъ пророческій отвѣтъ не очень подвинулъ меня и я попросилъ объясненія. Мнѣ сказали тогда, къ моему удивленію и отчаянію, что странная, бѣлая полоса, которую я принялъ за туманъ, было густое облако снѣга, несомое бурей изъ ущелья. Буря начиналась въ сѣверныхъ проходахъ Станового хребта. Проводникъ объявилъ, что теперь невозможно перейти долину и что всякая попытка была бы даже опасна, пока вѣтеръ не стихнетъ. Я не видалъ ни возможности, ни опасности, и такъ какъ по ту сторону ущелья была также юрта, то я рѣшился попытаться перейти черезъ него. На томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились, было совершенно тихо; пламя свѣчи не шелохнулось бы на открытомъ воздухѣ, и я не понималъ той ужасающей силы урагана, которая въ милѣ отъ насъ изрыгала снѣгъ изъ ущелья и уносила его далеко въ море. Видя, что мы съ Литомъ рѣшились перейти долину во что бы то ни стало, проводникъ нашъ пожалъ плечами, какъ бы говоря: «Вы скоро раскаетесь въ вашей неосторожности», и мы двинулись впередъ.

По мѣрѣ того, какъ мы подходили къ бѣлой, туманной стѣнѣ, мы начинали ощущать острые, перемежающіеся порывы вѣтра и небольшіе, снѣжные вихри дѣлались все сильнѣе и чаще, чѣмъ ближе было ущелье. Проводникъ еще разъ замѣтилъ намъ о безуміи подвергаться добровольно такой бурѣ, какъ предстоящая; но

Литъ разсмѣялся, объявивъ на ломанномъ русскомъ языкѣ, что въ Сіеррѣ Невадѣ онъ видалъ и не такія бури, какъ эта! Но черезъ пять минутъ, даже г. Литъ готовъ былъ допустить, что буря въ Виллигѣ ничѣмъ не уступала тѣмъ, которыя онъ видалъ въ Калифорніи.

Когда мы обогнули скалу, защищающую входъ въ ущелье, то вѣтеръ встрѣтилъ насъ со всею своею яростью; мы были ослѣплены и задыхались отъ густыхъ облаковъ снѣга, которыя мгновенно скрыли отъ глазъ нашихъ солнце и ясное голубое небо, такъ что вся земля казалась погруженною въ мракъ. Вѣтеръ ревѣлъ, какъ въ снастяхъ корабля на морѣ. Было что-то сверхъ-естественное въ этомъ внезапномъ переходѣ отъ яркаго, солнечнаго свѣта и тихой погоды къ этой воющей, ослѣпляющей бурѣ, и я началъ самъ сомнѣваться въ возможности перебраться черезъ долину. Нашъ проводникъ бросилъ мнѣ отчаянный взглядъ, какъ бы упрекая меня за упрямство мое идти впередъ, не смотря на его совѣты, и потомъ началъ криками и ударами поощрять своихъ оплошавшихъ собакъ. Глазныя впадины бѣдныхъ животныхъ были совершенно залѣплены снѣгомъ и у нѣкоторыхъ сочились изъ нихъ капли крови; но не смотря на это, онѣ продолжали бороться съ непогодой, издавая по временамъ отрывистый, зловѣщій вой, который пугалъ меня болѣе рева бури. Черезъ минуту мы были уже на днѣ ущелья, и прежде чѣмъ успѣли умѣрить стремительную силу, сообщенную санямъ быстрымъ спускомъ, какъ мы уже катились по гладкой, блестящей, ледяной поверхности рѣки «Пропадшей» и съ невѣроятной скоростью неслись къ Охотскому морю, находящемуся только въ ста аршинахъ ниже насъ. Всѣ наши усилія остановить сани были напрасны отъ сильнаго напора вѣтра, и я сталъ сознавать свойство той опасности, о которой намекалъ нашъ проводникъ. Если намъ не удастся остановить сани прежде, чѣмъ мы достигнемъ устья рѣки, мы неминуемо очутимся въ морѣ на трехъ или четырехъ саженной глубинѣ. Несчастные случаи этого рода и дали рѣкѣ такое зловѣщее имя. Литъ и казакъ Подеринъ, сидѣвшіе каждый въ отдѣльныхъ саняхъ и съ самаго начала попавшіе ближе къ берегу, чѣмъ мы, успѣли наконецъ повернуть съ

помощью своихъ остроконечныхъ палокъ; но старый проводникъ и я, сидѣвшіе вмѣстѣ на однихъ саняхъ и стѣсненные тяжелыми мѣховыми одеждами, не могли свободно управлять своими еретелями или остановиться, и собаки тоже не въ состояніи были умѣрить свой бѣгъ. Полагая, что сани будутъ неминуемо унесены въ море, если мы оба будемъ цѣпляться за нихъ, я выскочилъ наконецъ и старался удержаться, сѣвши сначала на ледъ, а потомъ растянувшись на немъ внизъ лицомъ; но все было тщетно; мое мѣховое платье скользило по гладкой, предательской поверхности, и я несся внизъ еще быстрѣе, чѣмъ прежде. Я уже разодралъ мои рукавицы, и когда наконецъ мнѣ встрѣтилось довольно шероховатое мѣсто на льду, я успѣлъ ухватиться ногтями за маленькую неровность на поверхности его и остановиться; я едва отваживался вздохнуть, чтобъ не потерять мою послѣднюю точку опоры. Видя мое положеніе, Литъ бросилъ мнѣ свой острый еретель съ желѣзнымъ наконечникомъ, которымъ обыкновенно останавливаютъ сани при спускахъ съ горъ, и упирая его въ ледъ, я выкарабкался наконецъ на берегъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ открытаго моря у устья рѣки. Проводникъ нашъ все еще продолжалъ катиться внизъ по истоку, но Подеринъ явился къ нему на помощь съ другимъ еретелемъ и общими усиліями имъ удалось наконецъ выбраться на твердую землю. Теперь я былъ бы готовъ возвратиться и укрыться отъ бури; но проводникъ въ свою очередь не хотѣлъ уже болѣе уступить и рѣшился переѣхать долину, еслибъ даже намъ пришлось потерять всѣ сани въ морѣ. Онъ предупреждалъ насъ объ опасности, но мы тогда не хотѣли его слушать; теперь же надобно было выпить чашу до дна.

Такъ какъ невозможно было переѣхать рѣку въ этомъ мѣстѣ, то намъ пришлось подниматься около полу-мили по лѣвому берегу въ самую сильную бурю, пока мы не достигли наконецъ до ея изгиба, гдѣ предвидѣлась возможность перебраться на ту сторону. Мы сдѣлали вторичную попытку, и на этотъ разъ удачно. Переѣхавъ невысокій кряжъ на западѣ рѣки «Пропадшей», мы достигли до другаго маленькаго потока, извѣстнаго подъ именемъ Виллиги, у подножія Виллигинскихъ горъ. Вдоль него тянулась узкая полоса

лѣса и въ этомъ-то лѣсѣ стояла гдѣ-то юрта, которую мы искали. За часъ передъ сумерками, усталые и промокшіе до костей, мы подъѣхали къ маленькой бревенчатой хижинѣ въ лѣсу, которая, по словамъ проводника, и была Виллигинская юрта. Послѣдніе путешественники, отдыхавшіе въ ней, не закрыли отверстіе трубы и она вся была полна снѣга; мы очистили его, на сколько могли, развели огонь на срединѣ и, не смотря на дымъ, усѣлись вокругъ очага пить чай. Съ полудня мы не видали почтальона и не надѣялись, что ему удастся добраться до юрты; но когда начало смеркаться, въ лѣсу послышался лай его собакъ и самъ онъ явился черезъ нѣсколько минутъ. Партія наша состояла теперь изъ девяти человѣкъ—двухъ американцевъ, трехъ русскихъ и четырехъ коряковъ, и какой дикій видъ имѣли мы всѣ, когда сидѣли, скорчившись вокругъ огня въ этой низкой, закоптѣлой хижинѣ, пили чай и прислушивались къ завыванію вѣтра. Такъ какъ всѣмъ было бы тѣсно спать въ юртѣ, то коряки расположились на дворѣ на снѣгу и къ утру очутились до половины зарытыми въ сугробѣ.

Всю ночь вѣтеръ вылъ глухо и дико въ лѣсу, защищавшемъ юрту, и на разсвѣтѣ на слѣдующее утро буря нисколько не ослабѣла. Мы знали, что она можетъ продолжаться въ этомъ ущельѣ двѣ недѣли подъ рядъ, а пищи для собакъ и для насъ оставалось всего на четверо сутокъ. Надо было что нибудь предпринять. Виллигинскія горы, запирающія путь въ Ямскъ, прорѣзываются тремя проходами, ведущими въ долину, и въ ясную, хорошую погоду, ихъ очень легко найти и проѣхать ими. Но въ такую бурю, какъ настоящая, и сто проходовъ не послужили бы ни къ чему, такъ какъ хлопья снѣга скрывали отъ глазъ все въ тридцати шагахъ разстоянія, и мы, вмѣсто прохода, легко могли прійти къ самой крутой вершинѣ. Подвигаясь впередъ очень медленно, мы внезапно встрѣтились съ совершено неожиданнымъ и, по видимому, непреодолимымъ препятствіемъ. Берегъ на западѣ, на сколько мы могли видѣть его, былъ совершенно загроможденъ до самаго моря на высоту семидесяти пяти или ста футовъ огромными снѣжными сугробами, накопившимися здѣсь съ самаго начала зимы, которые теперь заслоняли все ущелье, не оставляя прохода между нимъ и

моремъ. Эти снѣжные сугробы, вслѣдствіе частыхъ переходовъ отъ тепла къ холоду, сдѣлались почти такими же твердыми и скользкими, какъ ледъ, и такъ какъ они поднимались до вершинъ утесовъ подъ угломъ въ семьдесятъ пять или восемьдесятъ градусовъ, то не было никакой возможности удержаться на нихъ, не вырубивъ предварительно ступеней топоромъ. Вдоль поверхности этихъ скользкихъ, снѣжныхъ холмовъ, поднимающихся въ трехъ-четырехъ саженяхъ отъ моря, пролегалъ нашъ единственный путь въ Ямскъ. Надежда миновать ихъ безъ всякаго несчастія была очень слаба, такъ какъ при малѣйшемъ невѣрномъ шагѣ, мы рисковали скатиться прямо въ море; но другаго выхода не было и, привязавъ собакъ, мы взялись за топоры, сбросили верхнюю, тяжелую одежду, и принялись вырубать дорогу.

Мы проработали неутомимо цѣлый день и къ шести часамъ вечера вырубили глубокую ложбину, въ три фута ширины, вдоль поверхности холма, до мѣста, отстоящаго на милю съ четвертью отъ устья Виллиги. Здѣсь, однако, насъ опять остановило препятствіе, гораздо худшее, чѣмъ то, которое мы только что превозмогли. Ровный берегъ, тянувшійся до сихъ поръ одной непрерывной полосой у подножія утесовъ, здѣсь внезапно исчезалъ и снѣжная масса, по которой мы вырубали себѣ дорогу, круто обрывалась, неподдерживаемая снизу, въ море, образуя провалъ, наполненный водой, футовъ въ тридцать пять ширины, изъ котораго поднималась черная, отвѣсная скала, образующая противуположный берегъ. Не было никакой возможности перебраться черезъ это мѣсто безъ понтоннаго моста. Усталые и доведенные до отчаянія, мы принуждены были расположиться на почлегъ на склонѣ откоса, не имѣя на утро другаго исхода, какъ возвратиться, какъ можно скорѣе къ Виллигѣ, совершенно отказавшись отъ поѣздки въ Ямскъ.

Болѣе дикую и опасную мѣстность для лагеря, чѣмъ настоящая, трудно было бы найдти въ Сибири, и я съ безпокойствомъ слѣдилъ за состояніемъ погоды, когда начало темнѣть. Огромный, скользкій снѣжный сугробъ, на которомъ мы находились, поднимался прямо изъ воды, и на сколько намъ было извѣстно, не

имѣлъ другой опоры, кромѣ узкой полосы льда. При такихъ обстоятельствахъ, малѣйшій порывъ вѣтра, кромѣ сѣвернаго, могъ бы нагнать довольно высокія волны, чтобъ подмыть и разрушить возвышенность и увлечь насъ съ снѣжной лавиной въ открытое море, или оставить прищемившимися къ голой поверхности обрыва, въ семидесяти пяти футахъ надъ водою. И то и другое не было особенно пріятно, и я рѣшился, если возможно, поискать болѣе безопаснаго мѣста. Литъ, съ своей обычной беззаботностью, вырылъ себѣ, какъ онъ выражался, «спальню» въ снѣгѣ, и пророчилъ мнѣ великолѣпный сонъ, если я приму его предложеніе раздѣлить съ нимъ постель; но, при настоящихъ обстоятельствахъ, я счелъ за лучшее отказаться. Его спальня, кровать и постель могли до утра очутиться въ морѣ и его великолѣпный сонъ могъ продолжиться до безконечности. Возвратившись немного назадъ по направленію къ Виллигѣ, я отыскалъ наконецъ ложбинку, прорытую нѣкогда маленькимъ потокомъ на вершинѣ утеса; въ этомъ каменистомъ, неровномъ руслѣ я расположился съ туземцами на ночь, при чемъ тѣла наши образовали уголъ въ сорокъ пять градусовъ.

Если читатель можетъ себя представить лежащимъ на крутой, покатой крышѣ большаго собора, имѣя надъ головой обрывъ въ сто футовъ и подъ ногами море, онъ получитъ, можетъ быть, приблизительное понятіе о томъ, какъ мы провели эту ужасную ночь.

Съ первымъ лучомъ разсвѣта мы уже были на ногахъ. Пока мы мрачно приготовлялись къ возвращенію къ Виллигѣ, одинъ изъ коряковъ, отправившійся еще разъ взглянуть на море, прибѣжалъ поспѣшно обратно съ радостнымъ крикомъ: «Можно переѣхать, можно переѣхать!» Приливъ за ночь принесъ двѣ или три огромныя льдины и такъ сплотилъ ихъ въ заливцѣ, что изъ нихъ образовался естественный мостъ. Боясь, впрочемъ, что этотъ послѣдній не выдержитъ слишкомъ большой тяжести, мы сняли поклажу со всѣхъ саней и перетащили порознь сани, вещи и собакъ, потомъ снова все уложили по прежнему и поѣхали далѣе. Теперь миновались наконецъ главныя затрудненія. Правда, намъ все еще случалось иногда прорубать себѣ дорогу на снѣжныхъ сугробахъ, но

чѣмъ далѣе мы шли на западъ, тѣмъ берегъ, какъ коряки справедливо предсказывали, дѣлался все шире и выше, ледъ понемногу исчезалъ, и къ ночи мы сдѣлали тридцать верстъ. Море съ одной стороны и утесы съ другой все еще окаймляли нашъ путь, но на слѣдующій день, намъ удалось наконецъ выбраться съ этой узкой дороги черезъ долину рѣки Каканаги.

Двѣнадцатый день нашего путешествія засталъ насъ на обширной Малкаганской степи, всего въ тридцати миляхъ отъ Ямска; и хотя съѣстные припасы наши были совершенно истощены, но мы не очень унывали, такъ какъ надѣялись ночью пріѣхать въ поселеніе. Съ наступленіемъ сумерекъ поднялась опять однако вьюга, во время которой мы сбились съ дороги; боясь въ темнотѣ подъѣхать слишкомъ близко къ берегу и съ крутизны свалиться въ море, граничащее со степью на востокѣ, мы рѣшились наконецъ остановиться. Нигдѣ нельзя было найдти дровъ для костра, но еслибъ даже намъ удалось развести огонь, онъ тотчасъ былъ бы вѣроятно занесенъ облаками снѣга, которыя вѣтеръ яростно гналъ по равнинѣ. Разстеливъ полотно палатки на землѣ и поставивъ на одинъ край его тяжелыя сани, чтобъ его не унесло, мы заползли подъ него, желая укрыться отъ снѣга. Лежа такимъ образомъ внизъ лицомъ, между тѣмъ какъ полотно яростно колотилось о наши спины, мы вытряхнули изъ мѣшка съ хлѣбомъ послѣднія мерзлыя корки, которыя тамъ оставались, и поѣли обрѣзки сырой говядины, которую Литъ нашелъ въ однихъ саняхъ. Черезъ пятнадцать или двадцать минутъ мы замѣтили, что полотно палатки какъ будто все больше съуживалось и начинало давить насъ, и сдѣлавъ усиліе привстать, мы почувствовали, что были прижаты къ землѣ. Снѣгъ навалилъ такими огромными массами и такъ плотно на края палатки, что ее невозможно было сдвинуть, и, попытавшись раза два-три приподняться, мы рѣшились наконецъ лежать смирно и извлечь возможную выгоду изъ нашего положенія. Пока снѣгъ еще не совсѣмъ засыпалъ насъ, намъ удобнѣе было находиться подъ палаткой, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ мы были защищены отъ вѣтра. Черезъ полчаса сугробъ надъ нами достигъ однако такихъ размѣровъ, что мы не могли болѣе поворотиться, и свѣ-

жій воздухъ почти вовсе не имѣлъ къ намъ доступа. Надобно было или выползать наружу или задыхаться. Я вынулъ, нѣсколько минутъ тому назадъ, мой складной ножъ, въ ожиданіи подобной катастрофы, и такъ какъ уже становилось трудно дышать, то я прорѣзалъ большое отверстіе въ палаткѣ надъ моей головой, черезъ которое мы всѣ и выползли на свѣжій воздухъ. Черезъ мгновеніе ноздри, и глаза наши были совершенно залѣплены снѣгомъ и мы дышали такъ трудно, какъ будто струя пожарной трубы была внезапно направлена намъ въ тицо. Спрятавши головы и руки въ шубы, мы сѣли, скорчившись, на снѣгъ, въ ожиданіи разсвѣта. Спустя минуту, Литъ закричалъ мнѣ черезъ воротъ моей шубы:—Чтобы сказали наши матери, еслибъ увидали насъ теперь? — Мнѣ хотѣлось спросить у него, на сколько настоящая погода могла сравниться съ бурями въ его хваленой Сьеррѣ-Невадѣ, но онъ ушелъ прежде, чѣмъ я успѣлъ высунуть голову, и я ничего болѣе не слыхалъ о немъ въ эту ночь. Онъ исчезъ гдѣ-то въ темнотѣ и пріютился одиноко на снѣгу, вынося терпѣливо до утра холодъ, голодъ и другія неудобства. Болѣе десяти часовъ мы просидѣли такимъ образомъ на этой пустынной равнинѣ, среди страшной вьюги, безъ огня, безъ пищи, безъ сна, продрогшіе и истощенные; намъ казалось, что мы никогда не дождемся дневнаго свѣта.

Утро наконецъ забрезжилось сквозь сѣрыя, снѣжныя облака и, поднявшись съ окоченѣвшими членами, мы попытались откопать наши занесенныя сани. Но намъ это едва-ли бы удалось, безъ неутомимыхъ усилій г. Лита; руки мои такъ онѣмѣли отъ холода, что я съ трудомъ могъ держать въ нихъ лопату или топоръ, а проводники наши, напуганные и приведенные въ уныніе, казалось, неспособны были ни на какую работу. Личными усиліями г. Лита сани были наконецъ откопаны, и мы двинулись въ путь. Эта короткая вспышка энергіи была послѣднимъ стараніемъ сильной воли поддержать ослабѣвающее и утомленное тѣло и черезъ полчаса Лита, нужно было привязать къ санямъ. Мы обмотали его съ головы до ногъ тюленьими ремнями, закутали въ медвѣжьи шкуры и поѣхалъ далѣе. Черезъ нѣсколько времени его спутникъ, Падеринъ, прибѣжалъ ко мнѣ испуганный съ извѣстіемъ, что г. Литумеръ; что и

онъ трясъ его и звалъ нѣсколько разъ по имени, но не добился отвѣта. Встревоженный и пораженный, я выскочилъ изъ саней и побѣжалъ къ мѣсту, гдѣ онъ лежалъ, началъ звать его, трясти за плеча и старался раскрыть его голову, которую онъ спряталъ въ шубу. Черезъ минуту, къ величайшей моей радости, я услыхалъ его голосъ, объявившій мнѣ, что онъ чувствуетъ себя хорошо и выдержитъ до ночи; что онъ не отвѣчалъ Падерину, потому что не хотѣлъ безпокоиться, но что мнѣ нечего за него бояться; потомъ мнѣ показалось, что онъ прибавилъ что-то о «худшихъ буряхъ въ Сьеррѣ-Невадѣ», чѣмъ убѣдилъ меня, что онъ еще не совсѣмъ плохъ. Пока онъ былъ въ состояніи настаивать на превосходствѣ Калифорнскихъ бурь, нечего было еще терять надежды.

Послѣ полудня мы добрались до рѣки Ямы и, проѣхавъ часъ или два по лѣсу, наткнулись на одну изъ Якутскихъ партій рабочихъ лейтенанта Арнольда, которые привели насъ въ свой лагерь въ нѣсколькихъ миляхъ отъ поселенія. Здѣсь намъ дали ржанаго хлѣба и горячаго чая, мы отогрѣли наши окоченѣвшіе члены и стряхнули отчасти снѣгъ съ платья. Увидя г. Лита раздѣтаго, я удивился, какъ онъ остался въ живыхъ. Пока онъ, въ прошлую ночь, лежалъ на землѣ во время бури, на шею ему нанесло столько снѣга, что этотъ послѣдній частью растаялъ отъ теплоты его тѣла и потомъ снова замерзъ и образовалъ ледяную кору вдоль всего его спиннаго хребта, и въ такомъ положеніи онъ проѣхалъ двадцать верстъ. Только страшная сила воли и необыкновенно крѣпкое здоровье помогли ему выдержать эти послѣдніе шесть часовъ. Когда мы согрѣлись, отдохнули и обсохли у костра якутовъ, мы продолжали нашъ путь и къ вечеру въѣхали въ Ямскъ, послѣ тридцатидневнаго, утомительнаго пути, который выпадаетъ на долю только сибирскимъ путешественникамъ. Отдохнувъ и поправясь немного, г. Литъ черезъ три дня поѣхалъ въ Охотскъ, гдѣ маіоръ поручалъ ему надзоръ за партіей якутскихъ рабочихъ. Мнѣ до сихъ поръ еще помнятся слова, которыя онъ мнѣ закричалъ среди вьюги и мрака этой ужасной ночи на Малкачанской степи:

— Что сказали бы наши матери, еслибъ увидали насъ теперь?

Бѣдный молодой человѣкъ сошелъ впослѣдствіи съ ума отъ воз-

бужденія и тяжелыхъ испытаній, подобныхъ тѣмъ, которыя я сейчасъ описывалъ, отчасти вѣроятно и вслѣдствіе этого путешествія въ Ямскъ, и кончилъ тѣмъ, что застрѣлился въ одномъ изъ одинокихъ поселеній на берегу Охотскаго моря въ Сибири.

Я описалъ нѣсколько подробно эту поѣздку въ Ямскъ, потому что въ ней вполнѣ высказались самыя мрачныя стороны сибирской жизни и путешествій по ней. Не часто придется встрѣтить подобныя испытанія и перенести столько трудностей въ одну поѣздку; но въ такой дикой и мало-населенной странѣ, какъ Сибирь, путешествія зимою всегда неизбѣжно сопряжены съ большими или меньшими страданіями и лишеніями.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Возвращеніе въ Гижигу.—Прибытіе «Онуарда».—Приказаніе закончить работы.— Предпріятіе наше уничтожено.—Атлантическій канатъ.—Итогъ нашей дѣятельности.—Отъѣздъ въ С.-Петербургъ.—5,000 миль пути.

Поѣздка въ Ямскъ, описанная въ предыдущей главѣ, была послѣднею, которую я совершилъ въ Сѣверо-восточной Сибири. 18-го марта, маіоръ Абаза вернулся въ Якутскъ, чтобъ окончить снаряженіе и организацію нашихъ якутскихъ рабочихъ, а я въ Гижигу снова дожидаться прибытія кораблей изъ Америки. Съ этого времени и до открытія навигаціи мало было сдѣлано всѣми сибирскими партіями. Григорій Зиновьевъ, казакъ, посланный въ Петропавловскъ, возвратился въ мартѣ съ остальными офицерами, пріѣхавшими на «Онуардѣ», которыхъ я и послалъ, по распоряженію маіора, въ Ямскъ. Сандфордъ съ своей партіей окончилъ на Тильгаѣ рубку столбовъ, и я отправилъ ихъ въ Пенжину; но срокъ найма его рабочихъ окончился и они отказались возобновить контракты, оставя меня только съ пятью человѣками для продолженія работъ.

Въ концѣ мая, ледъ въ Гижигинской губѣ началъ исчезать, и 1-го іюня мы абордировали китоловное судно съ Матугскихъ острововъ. Это была лодка *Sea Breeze* изъ Нью-Бедфорда (Массачусетъ) съ извѣстіями изъ Америки отъ 1-го марта. Проведеніе Атлантическаго каната увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и изъ San Francisco Bulletin мы узнали, что вслѣдствіе этого успѣха, всѣ работы по

Россійско-Американской Телеграфной линіи были прекращены и все предпріятіе рушилось.

15-го іюля судно компаніи «Онуардъ» прибыло изъ Сан-Франциско съ приказаніемъ покончить дѣла, отпустить всѣхъ туземныхъ рабочихъ, собрать нашихъ людей и возвратиться въ Америку. Атлантическій канатъ удался совершенно и Телеграфное Общество Западнаго Союза, потративъ около 3.000,000 фран., рѣшилось отказаться отъ проведенія сухопутной линіи въ Россію. Тяжело было покинуть такъ внезапно дѣло, на которое мы посвятили три года нашей жизни и для достиженія котораго перенесли столько страданій, терпѣли и голодъ и холодъ и изгнаніе; но другаго выбора не было, и мы начали тотчасъ же готовиться къ окончательному отъѣзду.

Положеніе дѣлъ ко времени закрытія работъ было слѣдующее. Мы изслѣдовали весь путь линіи отъ Амура до Берингова пролива. Мы заготовили всѣ вмѣстѣ около 15,000 телеграфныхъ столбовъ, построили отъ сорока до пятидесяти станцій и магазиновъ, прорубили на пятьдесятъ миль дорогу по лѣсамъ, между Ямскомъ и Охотскомъ, и окончили всю заготовительную работу по всему протяженію линіи. Къ будущему году мы обладали обширными средствами. Кромѣ семидесяти пяти американцевъ, въ нашемъ распоряженіи находились полтораста туземцевъ, работающихъ уже между Ямскомъ и Охотскомъ, и еще шестьсотъ были высланы изъ Якутска; въ средствахъ для сообщенія мы также не чувствовали бы недостатка на будущій годъ: у насъ былъ маленькій пароходъ на Анадыри и мы заготовляли другой для Пенжины; мы владѣли сто пятьюдесятью собаками и нѣсколькими сотнями оленей въ Ямскѣ, Охотскѣ и Гижигѣ, и купили триста лошадей въ Якутскѣ съ огромнымъ количествомъ матеріала и продовольствія. Къ 1-му сентябрю мы могли бы приступить къ работамъ съ тысячью человѣками. Но успѣхъ Атлантическаго каната сдѣлалъ всѣ наши приготовленія ненужными. Ни одно общество въ мірѣ не согласилось бы предпринять и поддерживать постройку линіи, имѣющей соперника въ Атлантическомъ канатѣ.

Сама по себѣ мѣстность отъ Берингова пролива до Амура не представляла непреодолимыхъ препятствій для проведенія телеграфной линіи. Работа была бы трудна, но исполнима, и я думаю, что этотъ путь удобнѣе для проведенія линіи въ Китай, чѣмъ предложенный недавно г. Коллинсомъ черезъ Алеутскіе острова, Камчатку и Японію. Трудъ въ Сибири цѣнится очень дешево и въ Якутскѣ можно нанять сколько угодно работниковъ за сорокъ долларовъ въ годъ на хозяйскомъ продовольствіи. Въ Якутскѣ и Колымѣ можно также купить пятьсотъ или шестьсотъ лошадей отъ пятнадцати до двадцати пяти долларовъ за штуку. Изъ Америки нужно будетъ только привезти проволоки, изоляторовъ и инструментовъ и нѣкоторые съѣстные припасы для нѣсколькихъ американскихъ мастеровыхъ. Если бы явилась надобность, я увѣренъ, что отъ Берингова пролива до рѣки Амура можно было бы успѣшно провести телеграфную линію въ два года, потративъ на это не болѣе 250,000 ф. с.

Конецъ лѣта 1867 г. послѣ прибытія «Онуарда» былъ употребленъ на собраніе партій, разсѣянныхъ вдоль берега Охотскаго моря, на распродажу нашихъ запасовъ русскимъ купцамъ и на приготовленіе къ отъѣзду. Отдѣльный корабль былъ посланъ къ устью Анадыри за Бешомъ и его товарищами, такъ что мы не имѣли болѣе случая видѣться съ ними. 6-го августа маіоръ Абаза уѣхалъ въ С.-Петербургъ сухимъ путемъ, а въ началѣ октября «Онуардъ» отправился въ Санъ-Франциско, увезя съ собой всѣхъ, кромѣ четырехъ служащихъ въ несчастной экспедиціи Россійско-Американскаго Телеграфа. Литъ, Прайсъ, Мэгудъ и я—арьеръ-гардъ великой арміи—остались въ Охотскѣ съ намѣреніемъ возвратиться на родину зимою черезъ Азію и Европу, т. е. совершить кругосвѣтное путешествіе.

Невесела была наша жизнь въ одинокомъ поселеніи послѣ отъѣзда всѣхъ товарищей; но вскорѣ наступила зима, и 24-го октября я отправился съ Прайсомъ на собакахъ въ С.-Петербургъ, предпринимая такимъ образомъ путь въ 5,000 миль.

Существуетъ уже столько описаній сухопутныхъ путешествій отъ Тихаго океана въ Россію, что я нахожу излишнимъ прибавлять къ нимъ что нибудь.

Достаточно сказать, что отъ Якутска мы взяли почтовыхъ ло-

шадей и, путешествуя днемъ и ночью, пріѣхали 6-го декабря въ Иркутскъ, главный городъ Восточной Сибири. 30-го мы переѣхали русскую границу и 3-го января, послѣ десяти недѣль непрерывнаго пути, увидали наконецъ златоглавую Москву и закрыли навсегда книгу нашихъ сибирскихъ испытаній.

КОНЕЦЪ.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНІЯ И КНИГИ, ПРІОБРѢТЕННЫЯ ВЪ БОЛЬШОМЪ КОЛИЧЕСТВѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

С. В. ЗВОНАРЕВА.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, его жизнь и сочиненія, съ портр. Пушкина. ц. 50 к.

Альберсъ. Очеркъ патологіи и терапіи душевныхъ болѣзней. ц. 1 р.

Андре-Лео. Возмутительный бракъ, романъ. ц. 1 р. 20.

Байронъ. Соч. въ переводѣ русскихъ поэтовъ. 5 томовъ. ц. 6 р. 75.

Бутузовъ. В. Словарь особенныхъ словъ, фразъ и оборотовъ англійскаго народнаго языка и употребительнѣйшихъ американизмовъ, не введенныхъ въ обыкновенные словари. ц. 1 р. 50.

Бушю. Дѣтскія болѣзни. ц. 3 р.

Вагнеръ. Дарвинъ и его законъ переселенія, переводъ подъ редакціею Андреевскаго. ц. 50.

Генслеръ. И. С. Разсказы. (Гаваньскіе чиновники и проч.) Изданіе второе. ц. 1 р. 50 к.

Гринвудъ. Похожденія Робина Девиджера. Пер. Е. Сысоевой. ц. 2 р.

Гюго Викторъ. Человѣкъ, который смѣется, пер. подъ редакціей Марка Вовчка. ц. 2 р.

Дрэперъ. Физіологія статическая и динамическая, или условія теченія человѣческой жизни, въ 3 частяхъ, съ рисунками. ц. 5 р.

Данкевичъ. Недоразумѣніе, повѣсть въ 3 частяхъ. ц. 2 р.

Джесси-Баучеретъ. Самодѣятельность женщины. ц. 1 р.

Диксонъ. Новая Америка, пер. Бутузова. съ картой. ц. 2 р.

Зибель Генрихъ. Исторія французской революціи и ея времени (1789—1795). 2 большихъ тома (4 части). Переводъ подъ редак. В. Ососова и А. Путяты. ц. 6 р.

Кольбъ. Исторія человѣческой культуры, два большихъ тома. Переводъ Н. Бѣлозерской и Марка Вовчка. Цѣна 4 р.

Картины изъ землеописанія и жизни народовъ. ц. 1 р.

Кукольникъ. Двѣ сестры, эпизодъ изъ послѣд. польской смуты. ц. 1 р.

Кивишъ и Сканцони. Женскія болѣзни. ц. 4 р. 50 к.

Кенанъ Джоржъ. Кочевая жизнь въ Сибири. Пер. А. Кондратьевой. ц. 1 р. 25 к.

Лейкинъ. Сцены изъ купеческаго быта. ц. 1 р.

Максимовъ. На Востокѣ. Изданіе 2-е, цѣна 2 р. 50.

Максимовъ. Годъ на Сѣверѣ. Изданіе 3-е, ц. 2 р. 50.

Марко Вовчокъ. Сочиненія, 2 тома. ц. 3 р.

Марко Вовчокъ. Живая душа, романъ. ц. 1 р. 50.

Моредифъ. Эмилія въ Англіи, романъ. ц. 2 р.

Миль. Подчиненность женщины. Изданіе второе. Ц. 1 р.

Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа. Историческія монографіи, два тома. ц. 4 р.

Марлиттъ. Е. Имперская графиня Гизела. Романъ въ 2 частяхъ. Переводъ А. Зейдеръ. ц. 2 р.

Некрасовъ. Н. А. Стихотворенія. 4 тома ц. 5 р.

Нелатонъ. Хирургія. ц. 8 р. 50.

Островскій А. Н. Драматическіе переводы (Великій банкиръ, Заблудшія овцы, Кофейная, Рабство мужей и Семья преступниковъ). ц. 2 р.

Помяловскій. Н. Г. Сочиненія, съ портретомъ автора и біографіею, составлен. Н. А. Благовѣщенскимъ. 2 тома. 2-е изданіе. ц. 2 р. 50.

Покровскій. Очеркъ статистики народовъ и государствъ по Кольбу. ц. 1 р.

Поучительные разсказы и нравоописанія. 4 т. ц. 4 р.

Ротиро Главныя минеральныя воды Европы. ц. 2 р.

Рѣшетниковъ. Гдѣ лучше? Романъ въ 2 част. ц. 2 р.

— Подлиповцы (очерки изъ жизни бурлаковъ), въ 2 ч. ц. 1 р.

Салтыковъ. (Щедринъ). Признаки времени и письма о провинціи. Изд. 2-е. ц. 1 р. 50.

Салтыковъ. (Щедринъ). Исторія одного города. ц. 1 р. 50 к.

Смайльсъ Самуилъ. Біографіи промышленныхъ дѣятелей. Переводъ Н. Бѣлозерской. ц. 2 р.

Томка. Исторія Чешскаго королевства, пер. съ чешскаго В. Яковлева. ц. 2 р. 50.

Хмыровъ. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ея время (1870—1791). ц. 1 р. 50.

Шекспиръ. Сочиненія, 4 т, 14 р.

Шлоссеръ. Исторія восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій. 8 томовъ. 10 р.

Шубинскій. Разсказы о Русской старинѣ съ примѣчаніями. ц. 1 р. 25 к.

Ф. Шпильгагенъ. Нѣмецкіе піонеры, романъ. ц. 1 р.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНІЯ.

Біаръ Л. Приключенія молодаго натуралиста, съ 155-ю рисун. худ. Бенета. Переводъ подъ ред. Марка Вовчка. ц. 3 р. 50 к.

Вернъ Ж. Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана, съ 112 рисун. худ. Ріу, переводъ Марка Вовчка. Изд. третье, ц. 3 р. 50 к.

— Приключенія капитана Гатраса. Необыкновенное путешествіе, съ 259 рис. Ріу, пер. Марка Вовчка. Изд. 2-е. ц. 3 р. 50 к.

— Дѣти капитана Гранта. Кругосвѣтное путешествіе, съ 172 рис. худ. Ріу, пер. Марка Вовчка. Изд. второе, ц. 3 р. 50 к.

— Путешествіе къ центру земли съ 60 рис. худ. Ріу пер. Марка Вовчка. ц. 2 р. 50.

Вальи. Сцены изъ американской жизни. Съ 15-ю рисун. худ. Фрелиха. Переводъ А. Кутузовой. ц. въ папкѣ 1 р. 50.

Гекторъ Мало. Приключенія Ромена Кальбри, съ 42 рис. худ. Баяра, пер. Марка Вовчка. ц. въ папкѣ 3 р.

Марка Вовчка. Маруся, переводъ съ малороссійскаго, съ рисунками Бапилова и барона Клодта ц. 1 р. 50 к.

Масе и Сталь. Сказки. Перев. подъ ред. Марка Вовчка съ рисунками. ц. 1 р. 50 к.

Неро Ж. и Масе Ж. Ботаника моей дочери, 267 рисунк. худ. Ляльмана. ц. 2 р.

Черкасовъ. Записки охотника Восточной Сибири, большой томъ съ рисунками въ текстѣ. ц. 3 р.

Эркманъ-Шатріанъ. Сочиненія т. 1-й. Національные романы, повѣсти и сказки, съ 50 рисунками. ц. 2 р. 50 к.

— Исторія крестьянина (1789—1815) съ рисунками. Переводъ Марка Вовчка. Два большихъ тома (четыре части). Цѣна за оба тома 7 р.; отдѣльно каждый томъ 3 р. 50 к.

Шервиль. Исторія черезчуръ доброй собаки, съ 54 рисун. худ. Андрье, перев. Марка Вовчка. ц. въ папкѣ. 2 р.

Фанъ-Брюйсель. Питомцы Грушеваго Дерева (изъ жизни насѣкомыхъ) съ 55 рисунк. худ. Беккера. Переводъ З. Генъ. ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.